This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kraszewski, J. I.

ДВА СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Іосифа КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1899.

K.C.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 мая 1899 г.

PG 7158
K75 D817

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На почтовомъ трактѣ между Владиміромъ-Волынскимъ и Устилугомъ стоитъ большая каменная корчма, на видъ очень красивая и внутри довольно удобная, неизвѣстно съ какою цѣлью построенная въ самой живописной мѣстности, хотя во Владимірѣ нѣтъ недостатка въ постоялыхъ дворахъ стариннаго покроя, потому что послѣ каждаго пожара немедленно строятъ новые, и въ Устилугѣ, расположенномъ еще ближе, находится *Золотая Варенька* и множество другихъ ея соперницъ; впрочемъ, корчма въ лѣсу, какъ-бы насмѣхаясь надъ городскими харчевнями, стала здѣсь съ очевидною претензіею служить пристанищемъ не только для множества крестьянскихъ телѣгъ, возвращающихся изъ-за Буга, но и для путешественниковъ, требующихъ бо́льшаго комфорта. Огромный дворъ ея и обширная площадка передъ воротами могутъ помѣстить въ себѣ множество фуръ; но при этомъ въ корчмѣ находится нѣсколько комнатъ довольно порядочныхъ и содержимыхъ даже съ нѣкоторою пышностью: тамъ есть диваны, столики, даже нѣчто въ-родѣ бильярда. Присутствіе послѣдняго нѣкоторымъ образомъ обнаруживаетъ мысль основателя корчмы, хотѣвшаго, можетъ быть, устроить здѣсь мѣсто попоекъ для владимірскихъ юристовъ, но мы болѣе склонны думать, что хозяинъ влюбился въ здѣшнюю прекрасную мѣстность, чѣмъ предполагать, что онъ разсчитывалъ на тощіе карманы канцеляристовъ. Подобный разсчетъ былъ-бы до крайности наивенъ.

Впрочемъ, довольно разсуждать о цѣли пойстройки здѣсь корчмы съ огромными издержками на кирпичъ, а лучше начнемъ разсказъ о томъ, что происходило въ ней въ 18.. году.

Это было лѣтомъ, передъ вечеромъ. Уже другой день попеременно лилъ и накрапывалъ дождь, который не только затруднилъ ѣзду и обратилъ въ грязь плотины, но, вѣроятно, до крайности надоѣдалъ путешественникамъ. Черныя, сѣрыя и блѣдныя тучи неслись одна за другою съ запада и летѣли на востокъ, гонимыя какою-то могучею силою, позволявшею имъ останавливаться лишь на короткое время и обливать засохшую землю дождевыми каплями. Послѣ кратковременной, но страшной, бури, прервавшей длинную засуху, небо покрылось темными тучами — точно осенью, воздухъ охолодѣлъ, какъ-будто невдалекѣ выпалъ большой градъ, и ливень, перемежаясь мелкимъ дождемъ, въ такой же степени надоѣдалъ людямъ, въ какой недавняя продолжительная засуха.

Передъ описанною корчмою стояли крестьянскія телѣги; привязанныя къ нимъ лошади покрыты были старыми свитками и терпѣливо переносили ненужное для нихъ купанье. Нѣсколько мужиковъ, съ мѣшками на головахъ, лѣниво ходили около возовъ. Кромѣ того, тутъ же стояла обтянутая полотномъ жидовская фура, съ которой только-что слѣзъ возница для того, чтобы закурить трубку; одноколка нарочнаго посланца, выгнаннаго изъ дому за экстренною нуждою и вовсе не имѣвшаго охоты ѣхать подъ дождемъ, который усиливался къ вечеру; осѣдланный конь и другіе проѣзжіе. Несмотря на то, что солнце не скоро еще должно было закатиться, въ одной комнаткѣ корчмы сидѣлъ путешественникъ, приказавъ небогатую повозку свою съ парою жирныхъ, но мелкой породы, лошадокъ, поставить подъ гостепріимную кровлю.

Это былъ молодой человѣкъ. Онъ, очевидно, досадовалъ на вынужденную остановку, потому что онъ то-и-дѣло ходилъ отъ одного окна къ другому, выходилъ за ворота, глядѣлъ на небо, прислушивался къ вѣтру и, не видя ничего хорошаго въ метеорологическихъ признакахъ, упорно предвѣщавшихъ непогоду, только пожималъ плечами и потрясалъ головою. Въ наружности этого путешественника не было ничего замѣчательнаго. Это былъ мужчина лѣтъ около тридцати, довольно здоровый, но не толстый, и мускулистаго сложенія. Его одежда обнаруживала положеніе въ свѣтѣ, граничившее съ бѣдностью. Впрочемъ, хотя бурка у него была уже полинялая, а черный и застегнутый на всѣ [illegible]цы сюртукъ былъ старый и вообще весь костюмъ вовсе не

щегольской,—въ чертахъ молодого человѣка отражалось столько благородства и внутренняго достоинства, что среди толпы онъ непремѣнно обратилъ бы на себя вниманіе зрителя и заставилъ бы теряться въ догадкахъ о томъ, какой именно случай поставилъ его такъ низко. Очень загорѣлое и почти черное, но свѣжее, здоровое и живое, лицо его было замѣчательно не столько чертами, сколько выраженіемъ. На немъ отражались чувства спокойствія и самоувѣренности, составляющія принадлежность избранника судьбы, хотя и рожденнаго въ бѣдности. Возвышенное, гладкое, прекрасно-сформированное чело, темные, быстрые, полные огня и понятливости глаза, самая добродушная улыбка,—все это сообщало физіономіи молодого человѣка черты особеннаго рода. Выбритое лицо его отличалось только большими усами, оставленными на своемъ мѣстѣ какъ-бы въ память прежнихъ временъ; но они не были лелѣяны съ кокетствомъ людей, носящихъ усы только для сообщенія своему лицу красоты или важности. Усы путешественника росли—какъ Богъ далъ, т. е. были растрепанные, густые, и хозяинъ вовсе не думалъ и не заботился о нихъ. Ихъ цвѣтъ, немного свѣтлѣе волосъ на головѣ, не переходилъ въ рыжій, какъ часто случается у насъ, но походилъ болѣе на золотистый. Изъ-подъ усовъ улыбались немного выдающіяся губы, но на нихъ не отражалось ни насмѣшливости, ни ироніи. Съ небольшимъ горбомъ носъ и темные глаза, глубоко впавшіе подъ лобною выдающеюся костью, довершали цѣлое, которое гораздо легче изобразить немногими чертами кисти, нежели длиннымъ описаніемъ. Сбросивъ съ себя промокшую бурку и встрепенувшись послѣ несноснаго сидѣнья въ бричкѣ, молодой человѣкъ быстро ходилъ по комнатѣ, чтобы привести члены въ нормальное положеніе. Вошла хозяйка дома и спросила—не нужно ли ему чего-нибудь, предложила самоваръ и чай; но путешественникъ попросилъ только стаканъ парного молока и хлѣба. Это, къ сожалѣнію, дало хозяйкѣ самое невыгодное мнѣніе о гостѣ. Придя другой разъ съ молокомъ, она уже глядѣла на него фамильярнѣе и даже не соблаговолила поговорить съ нимъ. Молодой человѣкъ также не былъ расположенъ къ разговору, а потому, закусивъ и выпивъ молоко, закурилъ трубку и опять началъ ходить по комнатѣ.

— Ну, что станемъ дѣлать, Парфенъ?—наконецъ, спросилъ

онъ своего кучера, который взглянулъ изъ-за дверей на своего пана. — Какъ думаешь: перестанетъ ли этотъ проклятый дождь къ вечеру? Ѣхать намъ, или ночевать?

— Да что-же?—возразилъ кучеръ, проворно пряча трубку въ карманъ своей свитки, — пожалуй, поѣдемъ; дождя хватитъ на цѣлыя трое сутокъ, мы не переждемъ его, а тамъ пани будетъ ждать и безпокоиться...

— Но вѣдь еще двѣ добрыхъ мили остается проѣхать намъ, дорога прескверная... и вдобавокъ ночь на дворѣ!..

— Развѣ первый разъ мы ѣдемъ по этой дорогѣ? Ой, ой!— проговорилъ Парфенъ, качая головою.—Хоть и ночь, а все мы попадемъ домой; кони напоены, съѣли сѣно и отдохнули, значитъ, довезутъ насъ въ сумерки...

— Не дать ли по гарнцу овса?

— Ге, да развѣ онѣ голодны?—проговорилъ Парфенъ.

— Охъ ты — плутъ! — прибавилъ молодой человѣкъ съ улыбкою и угрозою.—Тебѣ очень хочется скорѣе попасть домой!..

Крестьянинъ покраснѣлъ, почесалъ въ затылкѣ, поправилъ волосы и, поставленный въ тупикъ, только пожалъ плечами.

— Какъ прикажете, пане, только то, что пани будетъ безпокоиться; онѣ, вѣрно, ждали васъ еще къ обѣду...

— Пожалуй поѣдемъ, потому что и у меня вовсе нѣтъ охоты ночевать здѣсь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Когда кони доѣдятъ, запрягай и дай мнѣ знать

Именно среди такого разговора между паномъ и слугою, разговора, показавшаго намъ взаимное ихъ отношеніе и довольно объяснившаго вполнѣ добрый, хотя не лишенный энергіи, характеръ путешественника, — вдругъ у воротъ дома поднялся шумъ. Панъ и слуга взглянули въ окно и увидѣли быстро въѣзжавшую подъ кровлю корчмы прекрасную коляску на рессорахъ, запряженную четверкою бурыхъ лошадей гусемъ, съ кучеромъ на козлахъ, въ шинели орѣховаго цвѣта, и съ лакеемъ въ ливреѣ. Хозяйка проворно выбѣжала изъ-за стойки взглянуть, кого посылаетъ ей Богъ, и, вѣроятно, узнала гостя или обрадовалась только ливреѣ орѣховаго цвѣта, потому что вмѣстѣ съ лакеемъ вновь пріѣхавшаго пана, очень крикливо и съ выраженіями горячей дѣятельности, сама начала раздвигать возы, стоявшіе подъ навѣсомъ. Исполнивъ эту обязанность, она вбѣжала въ

гостиныя комнаты съ передникомъ для стирки пыли, а между тѣмъ изъ прекрасной коляски вышелъ, съ помощью слуги, пріѣзжій гость и вошелъ за нею въ домъ. Первый путешественникъ занималъ послѣднюю комнатку и, услышавъ на дворѣ сильный шумъ, взглянулъ изъ любопытства черезъ двери на торжественный въѣздъ, привѣтствуемый криками хозяйки, гусей и всего, что жило на дворѣ; но едва онъ бросилъ взглядъ на экипажъ и на прибывшаго гостя, стрѣлою вернулся назадъ въ свою комнатку.

Парфенъ, пользуясь прибытіемъ новыхъ гостей и поднявшеюся суматохою, во время которой и на его долю досталось острое словцо, немедленно принялся надѣвать шлеи и запрягать своихъ лошадокъ. Новый гость, принятый съ такимъ торжествомъ, былъ молодой человѣкъ, и когда онъ сбросилъ съ себя резиновыя шинельки, капоры, пелеринки, шаль и другія принадлежности костюма, — изъ-подъ всего этого показалась прекрасная фигура молодого аристократа въ цвѣтѣ лѣтъ, т. е. двадцатилѣтняго юноши, — фигура статная, милая и поражающая своею почти дѣвическою нѣжностью. Стройный, высокаго роста и ловкій — новый гость обратилъ бы на себя глаза каждой женщины благородными чертами лица и кроткимъ выраженіемъ задумчивыхъ глазъ небеснаго цвѣта. Густые и тщательно причесанные темнорусые волосы окружали его правильное съ аристократическимъ выраженіемъ лицо, которое, впрочемъ, скорѣе могло возбудить въ васъ чувство какого-то состраданія. Такое нѣжное, слабое, безсильное и немужественное было это созданіе! Правда, на верхней губѣ уже пробивались усики, только-что выбритая борода обнаруживала охоту расти, несмотря на то, всѣ черты лица, даже красота его и особенно характеръ типа были совершенно женскія. Если бы этотъ кукольный паничъ имѣлъ силы, то, можетъ быть, онъ былъ бы добрымъ; но за недостаткомъ силъ онъ представлялся только боязливо-кроткимъ. Костюмъ его былъ до такой степени изысканъ, что казался даже неприличнымъ для путешественника. Начиная съ бархатной фуражки до лакированныхъ полусапожекъ, все, что было надѣто на немъ, носило печать самаго прихотливаго щегольства; а когда онъ снялъ лайковую перчатку, то ручка его оказалась такою маленькою, бѣлою, нѣжною и красивою, какъ

будто во всю жизнь она ни до чего не дотрогивалась, кромѣ локона волосъ и батистоваго платочка. Вся одежда его была сдѣлана съ большимъ вкусомъ, не бросалась въ глаза пестротою, сшита была очень удобно, и портной, очевидно, слѣдовалъ англійской модѣ, гдѣ comfort составляетъ почти все украшеніе. Сюртучокъ, жилетъ и прочія принадлежности костюма были одноцвѣтныя.

Войдя въ гостиную, путешественникъ долго не отваживался положить снятое съ себя верхнее платье на столъ, диванъ или стулъ; онъ поочередно оглядывалъ всю мебель, качая головою, ходилъ, искалъ и, наконецъ, подостлавъ шинель на самомъ чистомъ стулѣ, началъ по порядку складывать шали, платки и другія принадлежности своего наряда. Но вдругъ онъ почувствовалъ пронзительный холодъ, какой нерѣдко даже въ іюлѣ скрывается у насъ въ нежилыхъ углахъ, холодъ иногда болѣе вредный, нежели декабрскій, онъ вздрогнулъ и, доставъ сигарочницу, началъ проворно ходить по комнатѣ, чтобы ускоренными шагами согрѣть себя. Вторая комната, занятая теперь новоприбывшимъ паничемъ, находилась рядомъ съ маленькою комнатой, гдѣ помѣщался первый нашъ путешественникъ, даже двери между ними не были затворены, а потому красавецъ паничъ вдругъ очутился съ глазу на глазъ съ первымъ путешественникомъ, уже надѣвавшимъ бурку, чтобы ѣхать.

Взоры молодыхъ людей вотрѣтились—одного смѣлый и доброжелательный, другого — довольно робкій, но также дышавшій добротою. Паничъ вынулъ изъ зубовъ сигару и, въ величайшемъ изумленіи, одну минуту колебался, потомъ двинулся съ мѣста, сдѣлалъ шагъ впередъ, остановился и, наконецъ, вскрикнулъ:

— Алексѣй!

— Юліанъ! -- отозвался голосъ съ другой стороны порога.

Оба путешественника подошли другъ къ другу, и Алексѣй, прежній нашъ знакомый, порвый переступилъ порогъ, черезъ который, слѣдуя преданію, славянинъ никогда не здоровается; грубая и покрытая мозолями рука встрѣтилась съ бѣлою ручкою, дрожавшею отъ искренняго, дружескаго чувства.

У обоихъ въ глазахъ сверкнули радость и слезы, какія могутъ возбудить только воспоминанія минутъ молодости, проведенныхъ вмѣстѣ, въ товариществѣ на школьной скамьѣ, либо въ одномъ лагерѣ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, милый Алексѣй?—спросилъ Юліанъ съ чувствомъ,—по какому счастливому случаю ты здѣсь?

— Мой дорогой Юліанъ! — проговорилъ немного смѣшавшійся Алексѣй,—я живу въ здѣшнихъ краяхъ... недалеко — за двѣ мили...

— Давно?

— Со времени окончанія курса въ университетѣ.

— Гдѣ же именно?

— Въ Жербахъ...

— Въ Жербахъ? Да вѣдь это меньше мили отъ Карлина, видно изъ оконъ...

— Кажется, такъ, потому что я изъ оконъ своего домика смотрю на вашъ дворецъ и на огромныя деревья вашего парка.

— Какъ? И ты до сихъ поръ не навѣстилъ меня?—сказалъ Юліанъ тономъ упрека. — Ахъ, — прибавилъ онъ, опуская руку Алексѣя,—этого я никогда не ожидалъ! Не хорошо поступать такъ!

Алексѣй печально улыбнулся.

— Мой милый Юліанъ! — сказалъ онъ тихимъ голосомъ,— иное дѣло наша университетская скамья, уравнивающая всѣ состоянія, а иное—свѣтъ, среди котораго живемъ теперь.

— Алексѣй! Право, я не узнаю тебя, но объ этомъ послѣ,— произнесъ Юліанъ, опять схвативъ его руку.—Кажется, ты сбираешься ѣхать? Куда же?

— Домой.

— Дождь льетъ, какъ изъ ведра, наступаетъ ночь; я долженъ ночевать здѣсь; сердись не сердись, а я рѣшительно не пущу тебя... Ты долженъ остаться для меня!

Алексѣй задумался.

— Пожалуйста, прошу тебя, а въ крайности позволю себѣ насиліе, — прибавилъ Юліанъ. — Не отказывай мнѣ! Если ты уѣдешь, то въ здѣшней корчмѣ мнѣ будетъ вдвойнѣ скучно. Я долженъ разспросить тебя... наговориться... наглядѣться на тебя... ты останешься, непремѣнно останешься!

— Но...

— Никакихъ *но*, милый Алексѣй! Ты долженъ провести вечеръ со мною.

И изнѣженный паничъ увивался, просилъ и настаивалъ, точно ребенокъ, такъ что Алексѣй долженъ былъ согласиться,

сбросить съ себя бурку и хотя Парфенъ ворчалъ отъ неудовольствія, однако рѣшился остаться.

При взглядѣ на этихъ молодыхъ людей, столь непохожихъ другъ на друга, ни по виду ни по образу жизни, нельзя было предположить, чтобы какая-нибудь сила могла соединить ихъ и дала возможность хотя на одну минуту забыть то, какъ далеко стояли они другъ отъ друга въ общественной классификаціи. Но воспоминанія молодости произвели это чудо: они сѣли рядомъ, взялись за руки, устремили другъ въ друга глаза, казалось, искали въ себѣ перемѣнъ, происшедшихъ со времени разлуки, и долгое время молчали, можетъ быть, сравнивая въ своихъ мысляхъ картину, оставшуюся отъ школьной жизни, съ тою, какую представила имъ теперешняя встрѣча.

— Боже мой! Какой ты сталъ красавецъ, Юліанъ,—воскликнулъ Алексѣй, глядя на своего пріятеля,—какой вышелъ изъ тебя паничъ! Видно, что рука судьбы не тяготѣла надъ тобой: ты свободенъ и счастливъ!

Юліанъ вздохнулъ и на восклицаніе товарища отвѣтилъ наивно:

— А изъ тебя образовался загорѣлый хозяинъ, шляхтичъ-земледѣлецъ! Правда—ты немножко заржавѣлъ, братъ, осѣлъ въ домѣ, работаешь; но зато какъ ты возмужалъ, какъ поздоровѣлъ!

Въ свою очередь, у Алексѣя также вырвался изъ груди легкій, почти незамѣтный вздохъ.

— Мы оба измѣнились,—сказалъ онъ тише;—иначе не могло и быть: я—въ трудахъ, ты—въ спокойствіи...

— Такъ ты не пошелъ по ученой дорогѣ?

— А ты бросилъ дипломатическую карьеру, какую готовили для тебя?.. Я долженъ былъ помогать матери,—прибавилъ Алексѣй.

— А меня дѣла по имѣнью принудили остаться дома, я—глава семейства!

— И я также...

Молодые люди опять взглянули другъ на друга, опять пожали руки и улыбнулись...

— Боже мой! Сколько перемѣнъ!—воскликнули оба.

— Мы казались равными другъ другу, когда сидѣли на школьной скамьѣ, предъ лицомъ науки, склонявшей всѣ головы,—

сказалъ Алексѣй.—Теперь, если-бы не воспоминаніе тогдашняго братства, какъ далеко мы стояли бы другъ отъ друга: я—среди смиренныхъ тружениковъ, обязанныхъ работать изъ-за насущнаго хлѣба, а ты—среди людей, которые, вполнѣ обезпеченные въ ежедневныхъ потребностяхъ, могутъ покоиться, мечтать, мыслить и только головою трудиться для общества.

— Всѣ званія,—живо перебилъ молодой человѣкъ,—въ глазахъ общества, кажется, равны между собою, если человѣкъ исполняетъ свои обязанности съ самоотверженіемъ, съ сознаніемъ ихъ важности и пользы. Зачѣмъ же сѣять несогласіе между братьями? Зачѣмъ искать между ними различія?

Алексѣй улыбнулся.

— Правда, молодые и старики—всѣ мы братья; но возможно ли чѣмъ-нибудь уничтожить права первородства и происхожденія? Всѣ разсужденія о равенствѣ состояній прекрасны только на бумагѣ, а въ свѣтѣ не могутъ имѣть ни малѣйшаго приложенія. Мы не можемъ на самомъ дѣлѣ быть равными такъ, какъ равны передъ законами, предъ лицомъ Бога и смерти... Напрасная попытка!

— Откуда ты выкопалъ такую сентенцію?—воскликнулъ Юліанъ.

— Изъ опыта, милый другъ, изъ опыта!..

— По крайней мѣрѣ, ты долженъ согласиться, что образованіе вполнѣ уравниваетъ насъ, всѣ разности состояній и общественныхъ положеній должны исчезнуть.

— Къ несчастью, мы живемъ не однимъ умомъ! Правда, иногда встрѣчаются минуты равенства, даже для людей низкаго происхожденія бываютъ минуты превосходства; но ежедневная жизнь, наконецъ, раздѣляетъ людей, случайно подавшихъ другъ другу руки.

— Вотъ почему,—произнесъ Юліанъ,—живя за милю отъ Карлина и глядя изъ оконъ Жербенскаго дома на зеленѣющіяся деревья нашего сада, ты не хотѣлъ вспомнить, что тамъ живетъ другъ твой.

— Ты думаешь, что это когда-нибудь выходило изъ моей памяти?—воскликнулъ Алексѣй.—Ошибаешься, я помнилъ о тебѣ, можетъ быть, не разъ вздыхалъ о твоемъ обществѣ, но умѣлъ удержаться отъ искушенія.

— Признаюсь, не понимаю причины.

— Потому что не понимаешь, какую разницу производятъ между людьми ихъ общественное положеніе, обязанности, кругъ, въ которомъ они обращаются, сфера, въ которой живутъ. Въ сношеніяхъ съ людьми, которые имѣютъ больше и живутъ иначе, мы испытываемъ, правда, минуту высокаго удовольствія, но должны потомъ заплатить за нихъ униженіемъ, либо печалью...

— Это говоритъ въ тебѣ старинная шляхетская гордость.

— О, нѣтъ,—молодая опытность, другъ мой! Часто мы обязаны отказываться отъ удовольствія, потому что оно грозитъ упоеніемъ. Не спорю, что для тебя мое общество было бы минутнымъ развлеченіемъ; тебѣ не былъ бы непріятенъ видъ человѣка, который въ самой простой буркѣ и сѣромъ сюртукѣ вошелъ бы въ твои салоны, разсѣялъ бы, можетъ, тебя... А я? Я бы поневолѣ долженъ былъ разнѣжиться, облѣниться, размечтаться, позавидовать и предаться чувству, которое я не хочу, чтобы знало мое сердце. Для тебя ежедневное сношеніе двухъ людей, совершенно различныхъ по своему положенію, представляется ничтожнымъ дѣломъ; но я вижу въ немъ угрозу для самого себя, а потому изъ самолюбиваго опасенія не хотѣлъ ѣздить къ тебѣ въ Карлинъ.

— Признаюсь, это что-то слишкомъ ужъ разсудительно и въ такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ ты, показываетъ прозорливость. Но мнѣ думается, что ты ошибаешься. Отчего ты не допускаешь, что я возмужалъ бы при тебѣ, а только думаешь, что ты самъ изнѣжился бы со мною? Почему ты не разсчитываешь на собственное вліяніе, а боишься подчиняться чужому?

— Потому, что знаю людей, а еще болѣе знаю себя. Мое положеніе ненормальное; съ высшимъ образованіемъ, согласись, слишкомъ тяжело жить сохою и бороною. Я употребляю огромныя усилія, чтобы безъ вздоховъ и скорби исполнять мои обязанности. Что же было бы, если-бы предъ моими глазами находилась картина, ежеминутно возбуждающая во мнѣ чувства зависти, горести и сожалѣнія о самомъ себѣ?

— Слѣдовательно, ты несчастливъ?—съ участіемъ спросилъ Юліанъ.

— На это не жалуюсь,—отвѣчалъ Алексѣй.—Я убѣжденъ, что въ каждомъ состояніи дается человѣку одинаковая сумма

счастія и страданій; отъ насъ зависитъ получать ее. Но для этого необходимо сродниться, даже какъ бы сростись съ своимъ положеніемъ и отвратить взоры отъ того, чего достигнуть невозможно.

— Это правда,—подтвердилъ Юліанъ,—въ каждомъ состояніи, во всякомъ положеніи есть свои печали и заботы. — Паничъ вздохнулъ. — Поговоримъ лучше о чемъ - нибудь другомъ... Разскажи мнѣ свою исторію, потомъ я передамъ свою; сейчасъ подадутъ намъ чай, закуримъ сигары и посмѣемся, какъ въ прежніе счастливые годы — ces beaux jours où nous etions si malheureux.

II.

Въ молодости мы встрѣчаемся, точно крестьянскія дѣвушки у колодца. Придя за водой, онѣ посмѣются одна на другую, посмотрятъ другъ дружкѣ въ глаза, вмѣстѣ оглянутся на проходящаго молодого парня, поправятъ на головахъ сбившіеся волосы, пропоютъ пѣсенку и, не спросивъ другъ дружку, откуда онѣ пришли и куда уходятъ, разстаются съ дѣтскою безпечностью. Такъ и мы, когда съ разныхъ сторонъ свѣта сбѣгались на школьную скамью, не спрашивали товарищей, откуда они явились — изъ-подъ соломенной крыши, или изъ палатъ, крытыхъ желѣзомъ; тогда никто изъ насъ не имѣлъ любопытства заглянуть за предѣлы настоящаго, проникнуть въ прошедшее и будущее свое и собратій. Мы знали другъ друга, любили, дѣлились всѣмъ и не нуждались ни въ имени, ни въ происхожденіи. Но тѣ же самые люди, состарѣвшись въ другомъ свѣтѣ, когда приходится намъ пожать жесткую руку и вмѣстѣ вздохнуть о прошедшемъ, уже хотимъ знать: кто мы, насъ уже безпокоитъ и свое, и чужое, заботитъ то, что мы пережили, чувствуемъ тяжести прежнія и настоящія, уже хотимъ проникнуть въ душу, взглянуть въ глубину сердца любимыхъ друзей... Уже не столь веселые, какъ прежде, мы спрашиваемъ другъ друга: изъ какого мы свѣта?

Ахъ, среди одного человѣческаго рода сколько отдѣльныхъ свѣтовъ, недоступныхъ одинъ для другого, окруженныхъ собственными *границами, раздѣленныхъ* высокими преградами... А между

ними особенно рѣзко замѣтны два главные свѣта, которые съ недовѣрчивостью смотрятъ одинъ на другой—съ одной стороны презрительно, съ другой — завистливо. Это свѣтъ богачей и свѣтъ бѣдняковъ, свѣтъ людей, живущихъ въ постоянномъ удовольствіи, и свѣтъ тружениковъ; это два лагеря, два легіона, которые должны бы общими силами двигать бремя будущности, а между тѣмъ не хотятъ ни подѣлиться сердцемъ, ни подать руки для пожатія.

Съ обѣихъ сторонъ вина огромная,—одни завидуютъ счастью, которое создали воображеніемъ; другіе считаютъ себя избранниками, потому что не понимаютъ своихъ обязанностей и придаютъ чрезмѣрную цѣнность формѣ, смѣются надъ грубостью тамъ, гдѣ слѣдовало бы цѣнить сердце, презираютъ наружность, тогда какъ подъ грубой оболочкой ея скрывается истинное золото... Да, съ обѣихъ сторонъ вина одинаковая и ошибка непростительная.

Представители именно такихъ двухъ свѣтовъ, Юліанъ и Алексѣй, старые товарищи по университету, а теперь почти чужіе, случайно встрѣтились въ корчмѣ на большой дорогѣ. На первыхъ порахъ оба они, живо вспомнивъ былое время, подали другъ другу руки, но затѣмъ начали мѣрять другъ друга менѣе довѣрчивыми взглядами и первый разъ въ жизни замѣтили — какое пространство раздѣляетъ ихъ.

Изысканный костюмъ и нѣжное личико Юліана, промокшая бурка и загорѣлое лицо Алексѣя — поразили обоихъ друзей, — и бѣднякъ первый отступилъ отъ стараго товарища. Это не осталось незамѣченнымъ со стороны наблюдательнаго Юліана, уже изъ разговора составившаго заключеніе, что прежній товарищъ не считалъ его, какъ прежде, равнымъ себѣ, и глубоко почувствовалъ это. До сихъ поръ Юліанъ и Алексѣй ничего не знали другъ о другѣ, кромѣ развѣ того, что были изъ однихъ мѣстъ, изъ одного любимаго уголка родины, что первый былъ богатъ, а другой бѣденъ. Имъ не приходило на мысль глубже заглянуть другъ въ друга. Теперь же, сойдясь опять на новой дорогѣ, оба они почувствовали необходимость познакомиться короче.

Между тѣмъ, слуга Юліана, въ гербовой ливреѣ, нанесъ въ комнату множество ящиковъ, шкатулокъ и узловъ, безъ кото-

рыхъ паничъ не могъ двинуться изъ дому; разставилъ чайный приборъ, принесъ кипѣвшій самоваръ—и нашлось все, что могло составить ужинъ, поданный даже съ комфортомъ. Друзья сѣли за круглый столъ, и Юліанъ, снявъ съ себя платье, показался въ дорогомъ атласномъ шлафрокѣ, въ персидской шапочкѣ, бархатныхъ шароварахъ и вышитыхъ золотомъ туфляхъ; подъ ноги постлали ему маленькій коверъ, стѣну завѣсили персидскимъ ковромъ.

— Пусть и твою постель принесутъ сюда,—сказалъ Юліанъ;—мы ляжемъ рядомъ и станемъ болтать до разсвѣта.

Алексѣй разсмѣялся.

— Я не ѣзжу съ постелью, мой милый, — сказалъ онъ,—и попрошу только охапку сѣна, брошу на него домотканный коверъ съ брички, когда немного просушатъ его, одѣнусь буркой — и конецъ!..

Юліанъ съ удивленіемъ взглянулъ на друга, но не сказалъ ни слова.

Когда путешественники согрѣлись, наговорились и перебрали всѣ воспоминанія прошедшаго, Алексѣй первый перемѣнилъ предметъ разговора и сказалъ Юліану:

— Милый другъ! Мы съ тобою жили когда-то очень дружно, но я столько же знаю о твоемъ положеніи, сколько и ты — о моемъ. Только въ Жербахъ я узналъ, что ты, вмѣстѣ съ сестрою и братомъ, владѣешь большими деревнями, имѣешь великолѣпный домъ, однимъ словомъ—ты панъ... Хочешь знать что-нибудь и обо мнѣ? Но напередъ познакомь меня съ собою.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я самъ желалъ этого,—отвѣчалъ Юліанъ, опираясь на руку и принимая печальное выраженіе.—Сейчасъ разскажу все, что касается меня; только не надѣйся услышать что-нибудь любопытное... Это будетъ самая обыкновенная панская исторія; но я панъ только по наружности.

— По наружности?..

— Да,—произнесъ Юліанъ, со вздохомъ.—Меня воспитали для роли пана, потому что я ношу одно изъ именъ, часто встрѣчающихся на страницахъ исторіи, а своими связями принадлежу къ самой высшей аристократіи. Но панство наше слишкомъ гнило и хрупко...

— Однако, вы еще не банкроты? — спросилъ Алексѣй.

— До сихъ поръ—нѣтъ. Но для громкаго имени, для образа жизни, какой надо вести, мы имѣемъ очень мало!

— Я не воображалъ, что ты такой корыстолюбивый.

— Я? Помилуй, дружище! Я никогда не страдалъ жаждою богатства, но...—Юліанъ вздохнулъ.

— Такъ жаль,—перебилъ Алексѣй,—очень жаль, что тебя воспитали нѣженкой, паничемъ, такимъ слабымъ твореніемъ, которому нуженъ золотой пухъ, чтобы сохранить въ немъ жизнь свою.

Юліанъ потупилъ глаза.

— Правда твоя,—сказалъ отъ тихимъ голосомъ. — Можетъ быть, вслѣдствіе излишней заботливости обо мнѣ сдѣлали изъ меня самое несчастнѣйшее существо; я каждую минуту дрожу отъ воображаемыхъ страданій, не надѣясь перенести ихъ. Все страшитъ меня: и холодъ, и жаръ, и недостатокъ того, къ чему я привыкъ... Моя жизнь ограничена тысячами такихъ условій, которыя для подобныхъ тебѣ людей ничего не значатъ, надъ которыми ты сталъ бы только смѣяться.

— Матушка моя, — прибавилъ Юліанъ, спустя минуту, — выйдя другой разъ замужъ, должна была разстаться съ дѣтьми и сдала насъ въ опеку добрѣйшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ самому слабому человѣку... Онъ только изнѣжилъ насъ... Ты знаешь, что я не былъ въ низшихъ школахъ, слѣдовательно не испыталъ въ полномъ смыслѣ жизни съ ровесниками... Дядя отдалъ меня прямо въ университетъ, отправивъ туда вмѣстѣ съ поваромъ, двумя гувернерами, дворецкимъ, экипажемъ и цѣлою толпою нянекъ, обязанныхъ неусыпно заботиться объ удобствахъ жизни одного дѣтища!.. Когда ты первый разъ познакомился со мною, я былъ уже такимъ, какъ теперь; ваши насмѣшки на короткое время какъ будто исправили меня, но я въ этомъ случаѣ больше маскировался передъ вами, потому что уже не могъ перемѣнить себя... Потомъ я воротился домой, почерпнувъ немного жизни и болѣе освѣжившись отъ людей съ которыми встрѣтился, нежели наукою, отчасти уже мнѣ знакомою, которую притомъ я легко понималъ и постигалъ скорѣе прочихъ товарищей. Когда вы готовились къ неизвѣстной борьбѣ съ судьбою, я *шелъ подъ тихій домашній* кровъ, прямо видя, что лежитъ передо

мною въ будущемъ. У меня не было и нѣтъ силъ къ борьбѣ: калѣка, разслабленный, я принужденъ всю жизнь сидѣть за печкой, чтобы не умереть отъ холоду... О, какъ я завидую твоей буркѣ и твоему веселому лицу, Алексѣй!.. Глядя на меня издали, ты скажешь себѣ: «счастливецъ!» Но, если-бы ты заглянулъ глубже... По наружной обстановкѣ я—панъ, потому что имѣю достатокъ и ношу знатное имя; но не могу быть счастливымъ и чувствую себя ни къ чему не способнымъ.

— Въ этомъ, конечно, виновато воспитаніе, — проговорилъ Алексѣй, — но, мнѣ думается, при посредствѣ труда, ты еще можешь выйти изъ своего положенія.

— Правда, я сумѣю возвыситься духомъ, но кто дастъ мнѣ новую оболочку, другое тѣло, силы, орудія для подвиговъ, непоколебимость, энергію, мужество и самоувѣренность, которыхъ рѣшительно нѣтъ во мнѣ?

— И это все пріобрѣтешь неослабными трудами, — произнесъ Алексѣй съ чувствомъ. — Повѣрь, ты найдешь удовольствія въ жизни, только не сиди сложа руки, жалѣя себя, вздыхая и не смѣя приняться за какое-нибудь дѣло...

— Такъ, все это возможно,—возразилъ Юліанъ,—но я не могу имѣть собственной воли! Тысячи обстоятельствъ связываютъ и сковываютъ меня... Во-первыхъ, я глава бѣднаго моего семейства; далѣе—на мнѣ лежатъ обязанности въ отношеніи къ свѣту, съ которымъ связываютъ меня вѣковыя сношенія; наконецъ, я обязанъ принимать формы и надѣвать костюмъ моего ордена... Тутъ я не могу избѣжать извѣстныхъ обязанностей. Послушай... Дядя, воспитатель нашъ, лишь только увидѣлъ меня взрослымъ, всю тяжесть домашняго хозяйства и управленія сбросилъ на мои плечи; у меня есть братъ и сестра... Юліанъ печально вздохнулъ.—Если бы я былъ одинъ,—не посмотрѣлъ бы ни на что. Но измѣняя образъ жизни, я невольно повлекъ бы за собою и родное семейство, тогда какъ мнѣ не дано права распоряжаться ихъ будущностью, я обязанъ вести ихъ путемъ фамильныхъ преданій... Я панъ—и умру паномъ!.. Притомъ, видимый тобою нашъ достатокъ—болѣе наружный, нежели дѣйствительный. Я еще имѣю средства жить въ довольствѣ, но будущность страшна! Я принужденъ выкупать ее бережливостью и употребленіемъ почти всего времени на занятія по управленію

имѣньемъ и на безчисленное множество разныхъ мелочей. Затѣмъ, я страшно скучаю, мучусь, и, прикованный къ работѣ, влачу за собой несносную тяжесть, изъ которой строятъ мнѣ тюрьму. Въ будущемъ—для спасенія имени и расплаты съ долгами—меня ждутъ разсчетливая женитьба на владѣтельницѣ спасительнаго милліона и жизнь въ новой неволѣ... до гроба. Вотъ картина золоченой нищеты человѣка, которому ты, можетъ быть, позавидовалъ въ душѣ своей!

Алексѣй задумался и, крѣпко сжавъ руку друга, произнесъ:

— Слѣдовательно, мы оба въ одинаковой степени невольники и несчастливцы и кто знаетъ—чья судьба лучше?.. Я вижу борьбу, но, вооруженный и готовый къ бою, ничего не страшусь, такъ какъ душа и тѣло мое закалены. Я даже испытываю какое то удовольствіе въ борьбѣ съ судьбою и въ усиліяхъ сбросить съ себя гнетущее бремя бѣдности... Впрочемъ, и я также невольникъ, и для меня будущее не обѣщаетъ ничего, кромѣ безпрерывныхъ трудовъ. Ты, при своемъ образѣ жизни, по крайней мѣрѣ, имѣешь свободныя минуты для возвышенія духомъ, а я—выпряженный изъ сохи—точно волъ, бросаюсь на землю, нуждаясь въ отдыхѣ... Совсѣмъ другую жизнь я воображалъ себѣ, пока былъ живъ отецъ, управлявшій хозяйствомъ и пустившій меня въ свѣтъ искать того, что люди всегда называли судьбой и счастіемъ. Я учился, старался пріобрѣсти что-нибудь наукою, создать себѣ будущность, но все это исчезло и разсѣялось какъ дымъ... Въ послѣдній годъ, по возвращеніи домой, я засталъ тамъ трауръ: благородный мой отецъ умеръ, томясь желаніемъ отдыха, котораго вполнѣ заслужилъ безпрестанными и неблагодарными трудами впродолженіи пятидесяти лѣтъ. Послѣ него остались маменька и трое младшихъ бритьевъ. Какъ старшій сынъ, я долженъ отвѣтствовать за ихъ судьбу. На пять человѣкъ у насъ было только три бѣдныхъ крестьянина въ Жербахъ и участокъ земли съ податями. Крайность заставила меня отказаться отъ предположенной дороги и посвятить себя семейству, чтобы оно не умерло съ голоду или, по крайней мѣрѣ, не было выгнано съ отцовской земли на большую дорогу съ котомками, Сначала я рвалъ свои оковы, горячился отъ нетерпѣнія, ропталъ; теперь, объѣзженный, тащу соху, какъ хорошій волъ, которому ярмо уже натерло шею. А будущее...

Ахъ, вижу ясно его... Я заржавѣю; упаду въ умственномъ отношеніи, въ этой безпрерывной борьбѣ съ дѣйствительностью и—больше ничего.

— Нѣтъ, такой человѣкъ, какъ ты, въ какихъ-бы обстоятельствахъ ни былъ, не можетъ ни упасть, ни отступить назадъ, ни заржавѣть! — возразилъ Юліанъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Алексѣй.—Тебѣ—дѣла по имѣнію, а мнѣ—почти ручная работа не даютъ времени подумать о себѣ... Лошадь захромала, бѣги въ конюшню; занемогла корова, крестьянинъ напился и подрался, свиньи попали въ хлѣбъ—бросай книгу и лети въ поле... Въ иное время стоишь на солнцѣ либо на дождѣ, а, возвратясь домой уже ночью, надо записать, что сдѣлано, распорядиться на завтра, дать тѣлу отдохнуть... Во все это время мысли должны быть выгнаны изъ головы.

— И мое положеніе не лучше, отвѣчалъ Юліанъ.—Цѣлыдни занимать болтающихъ по-французски гостей, которые толь, ко и дѣлаютъ, что мучатъ меня разсказами о денежныхъ курсахъ, любовныхъ интрижкахъ и экипажахъ, спорить съ повѣренэ ными, которые разсчитываютъ на мою лѣность, повѣрять счета, вздыхать и страшно скучать—вотъ моя доля! Прибавь къ этому недостатокъ силъ, отсутствіе мужества, вѣчное опасеніе банкротства, упадка и ужасающей бѣдности – и тогда ты поймешь, что мы не имѣемъ причинъ завидовать другъ другу. О, не о такой жизни мечтали мы!

— Помнишь, Юліанъ,—весело перебилъ Алексѣй,—ты хотѣлъ трудиться по дипломатической части и воображалъ, что создашь что-то новое и введешь его въ застарѣлыя преданія, основанныя лишь на изворотливости и соображеніяхъ разума... Кромѣ того, ты хотѣлъ быть въ Италіи, мечталъ о вояжахъ и черноокихъ испанкахъ...

— А ты, Алексѣй, а ты?.. Помнишь вечеръ на бульварѣ, когда цѣлую ночь мы строили планы о будущности? Какъ ты хотѣлъ быть обязаннымъ за все только собственному трудолюбію и возвыситься честностью, какъ вѣрилъ, что всего достигнешь своею всемогущею волею? Какъ теперь помню, ты хотѣлъ въ скоромъ времени сдѣлаться богатымъ, знатнымъ и, вдобавокъ, жениться на своемъ идеалѣ, который, если не обманываетъ меня память, былъ слишкомъ аристократическій.

— А твой, Юліанъ, твой идеалъ всегда былъ страшно демократическій!—возразилъ Алексѣй.—Когда, блуждая глазами по окнамъ, я искалъ въ нихъ черныхъ глазъ своей богини, чтобы только молиться ей, какъ звѣздѣ моего предназначенія, въ то время ты искалъ на землѣ существъ маленькихъ, улыбающихся, живыхъ, веселыхъ, съ поднятыми носиками и розовыми губками... Онѣ такъ восхищали тебя.

— И до сихъ поръ восхищаютъ!—разсмѣялся Юліанъ.—Мой идеалъ долженъ смѣяться мнѣ и пѣть, какъ вольная птичка.

— А мой... что-то въ родѣ Беатриче Данта... О, Боже!—прибавилъ Алексѣй,—мнѣ ли, возвращающемуся съ ярмарки, произносить безсмертное имя поэта,—произносить устами, сегодня же говорившими съ крестьянами о кожахъ и хлѣбѣ? Мнѣ говоритъ объ идеалахъ! Мнѣ?! Исчезни, мечта!.. Мой идеалъ уплатить подати и предохранить свое имѣньишко отъ конфискаціи... О, прочь искушенья, прочь!

III.

Разговоръ, какъ бываетъ между старыми друзьями, не видавшимися долгое время, переходилъ такимъ образомъ на разные предметы. Юліанъ и Алексѣй въ одинаковой степени нуждались въ сердечномъ изліяніи. Впрочемъ, первый былъ гораздо искреннѣе, другой—скрывалъ свою бѣдность, точно порочную болѣзнь, и не столько высказалъ, сколько заставлялъ товарища предполагать насчетъ своего положенія въ свѣтѣ.

— Я не могу простить тебя,—произнесъ Юліанъ, ложась въ кровать и зажигая дорожную лампу,—не могу простить за то, что, поселившись въ Жербахъ, ты ни разу не навѣстилъ меня... Хотя ты много сказалъ въ свое оправданіе, но, признаюсь, я не понимаю хорошенько главной причины. Ужель и ты принадлежишь къ числу смѣшныхъ демократовъ, которые всѣхъ людей, богаче и знатнѣе себя, считаютъ личными врагами?

— Я не отношу себя къ категоріи подобныхъ людей,—отвѣчалъ Алексѣй.—Вѣдь ты знаешь меня и не имѣешь основанія обвинять меня въ гордости; наконецъ, въ твоемъ присутствіи я, конечно, никогда не испыталъ бы униженія. Но я держусь того правила, что всѣ тѣсныя связи мы должны заклю-

чать съ самою строгой осмотрительностью. Кто необдуманно бросается въ объятія всѣхъ, тотъ обрекаетъ себя на страданія и обманы. Иногда мнѣ пріятно было бы прокатиться въ Карлинъ, провести съ тобою вечеръ; къ чему поведетъ это?.. Къ мечтательности, наклонности къ удовольствіямъ и приволью, между тѣмъ какъ и безъ того я напрягаю всю силу характера, чтобы устоять на точкѣ моихъ обязанностей. Не прерывай меня, позволь объясниться подробнѣе...

— Ужъ ты говорилъ объ этомъ!—воскликнулъ Юліанъ,—но я не понимаю тебя.

— Поймешь, когда выслушаешь меня. Наше общественное положеніе удаляетъ насъ другъ отъ друга,—я обязанъ не стремиться вверхъ, а держаться внизу, чтобы моя голова не вскружилась. Каждый шагъ мой въ свѣтъ болѣе веселый, болѣе свободный и болѣе близкій къ тому, къ которому вело меня желаніе умственнаго возвышенія, обливаетъ кровью мое сердце и ослабляетъ силы. У тебя я нашелъ бы книги, не имѣя времени читать ихъ; закаленный — полюбилъ бы роскошь, тогда какъ не долженъ привыкать къ ней; наконецъ, говоря откровенно, если ужъ все нужно знать тебѣ, можетъ быть, еще я встрѣтилъ бы людей, которые поняли бы меня не такъ, какъ понимаешь ты... И вообще наши сношенія повели бы къ расходамъ, хотя мелкимъ, но для меня обременительнымъ... Не спрашивай больше... тяжело признаваться...

— Въ твоихъ словахъ есть, можетъ быть, немного и правды,— сказалъ Юліанъ послѣ минутнаго размышленія,—но ты слишкомъ преувеличиваешь ее... Во первыхъ, наши сношенія не стоили бы тебѣ никакихъ расходовъ.

— А время?

— Развѣ ты не имѣешь минутъ отдыха?

— Почти не имѣю. Ты не знаешь, что такое маленькое хозяйство, гдѣ самъ панъ замѣняетъ собою всѣхъ чиновъ домашняго управленія.

— Во-вторыхъ,—говорилъ Юліанъ,—у меня ты навѣрно не не встрѣтилъ бы ни одного человѣка, который бы осмѣлился не уважать моего друга...

— А взгляды? А полуслова?.. А ваша холодная и убійственная вѣжливость?

— Ты предубѣжденъ, милый Алексѣй! Повѣрь,—трудно найти людей болѣе насъ невзыскательныхъ и болѣе мягкихъ въ обращеніи. Кто уважаетъ себя, того всѣ уважаютъ.

— Наконецъ,—прибавилъ Алексѣй, желая прервать разговоръ,—начиная жизнь, я сказалъ самому себѣ, что непремѣнно пойду дорогою, какую укажутъ мнѣ обязанности, и не позволю себѣ ни малѣйшей слабости. Я глубоко убѣжденъ, что отношенія людей, далеко поставленныхъ судьбою другъ отъ друга, должны быть для нихъ тяжки и опасны для ихъ будущности. Даже пріязнь и чувства сердца не въ состояніи завалить пропасть, какою раздѣляютъ людей происхожденіе, воспитаніе, понятія, обычаи.

— За кого же ты считаешь меня? — вскрикнулъ Юліанъ полушутливо и полусерьезно.

— За самаго прекраснѣйшаго человѣка,—отвѣчалъ Алексѣй;—но вмѣстѣ съ тѣмъ и за самаго слабаго, за благороднѣйшее дитя аристократіи, къ которой ты принадлежишь тѣломъ, душою, жизнью и своею слабостью.

— О, зачѣмъ же такъ изнѣжили меня!—прервалъ Юліанъ,—зачѣмъ сдѣлали изъ меня только боязливаго ребенка! Этотъ недостатокъ даже въ твоихъ глазахъ дѣлаетъ меня недостойнымъ дружбы, которой жажду, потому что, омытый ею, я, можетъ быть, возмужалъ бы!

— Благодарю тебя, Юліанъ!.. Но мы съ каждымъ днемъ будемъ менѣе понимать другъ друга. Теперь еще есть свѣжая нить, соединяющая насъ; но каждая минута будетъ постепенно разрывать, ее и, наконецъ наступитъ время, когда я тебя, а ты меня встрѣтишь только пожатіемъ плечъ. Ужели въ кругу равныхъ тебѣ не найдется такого товарища, съ которымъ ты могъ-бы жить, какъ съ братомъ?

— Подобныхъ людей много, и всѣ они очень благородны,—отвѣчалъ Юліанъ съ печальною миною.—Но я не могу вполнѣ положиться на нихъ, потому собственно, что они люди одного свѣта со мною и, подобно мнѣ, слабы. Ты думаешь, что я не чувствую и не понимаю болѣзни всего поколѣнія, къ которому принадлежу? Ошибаешься, милый Алексѣй! Теперь мы не что иное, какъ остатки разбитаго въ сраженіи полка, нѣкогда предшествовавшаго въ походѣ для пріобрѣтенія цивилизаціи и проли-

вавшаго за нее кровь свою. Но мы забыли даже и преданія, свѣтившія намъ, точно путеводныя звѣзды, и переродились въ существа, для которыхъ главную цѣль жизни составляютъ наслажденіе, спокойствіе, праздность... Заслуженное кровью богатство, знатность, блескъ—все обратилось намъ во зло; одно или два поколѣнія измѣнили надлежащее направленіе цѣлаго класса, который, впрочемъ, не можетъ оставаться безполезнымъ наростомъ общества, а долженъ и обязанъ быть живымъ его органомъ. Между тѣмъ мы стали выродками, существами безполезными, людьми безъ всякаго значенія и живущими на свѣтѣ для одного только наслажденія жизнію... Все это я такъ же хорошо понимаю, какъ и ты, и скорблю надъ такимъ положеніемъ вещей. Крики противъ аристократіи, надъ которыми смѣемся мы всѣ, если они летятъ изъ устъ сумасбродныхъ болтуновъ, имѣютъ, впрочемъ, причину и значеніе; эти проповѣдники не сами выдумали ихъ, а только повторяютъ; однако, въ нихъ заключается упрекъ справедливый: изъ рыцарей, учредителей орденовъ, посланниковъ, героевъ мы стали мертвою частью лѣниво догорающаго общества. Избытокъ и нѣга добиваютъ насъ испареніями, которыя, подобно запаху цвѣтовъ, усыпляютъ, производятъ головокруженіе, отуманиваютъ чадомъ и морятъ...

— Все это совершеннѣйшая правда,—прервалъ Алексѣй,—но, если ты такъ хорошо знаешь болѣзнь, ужели не найдешь отъ нея лѣкарства?

— То, что сдѣлали столѣтія, невозможно передѣлать одному человѣку и въ одну минуту. Житейскія условія измѣнились, со временемъ изгладятся слѣды вѣковъ прошедшихъ – и аристократія возродится, но нелегко и нескоро. Теперь убиваютъ насъ безсиліе, изнѣженность, роскошь и отсутствіе цѣли въ жизни.

— И это правда,—сказалъ Алексѣй;—но вы легко нашли бы цѣль, если бы хотѣли трудиться.

— Мы не привыкли трудиться... Мы только наслаждаемся и, подобно пьяницѣ въ запоѣ, постепенно умираемъ отъ напитка, не умѣя воздержаться отъ него.

— Цѣль вашихъ предковъ, водившихъ войска къ бою и проливавшихъ кровь свою, была совершенно другая. Съ того времени измѣнились и условія, и свѣтъ, и все. Вамъ предстоятъ теперь другія завоеванія, и вы обязаны быть полководцами. Это—пріоб-

рѣтенія разума, это—область познаній, а болѣе всего—возбужденіе дѣятельной христіанской нравственности, потому что мы довольствуемся только ея мертвою буквою и ограждаемся ею отъ упрековъ язычества, нисколько не оставляя заблужденій послѣдняго. Каждый классъ людей имѣетъ свое предназначеніе и поприще для дѣятельности въ общественной машинѣ. Теперь вы составляете лишь безполезную частицу въ этой машинѣ, сдѣланную изъ прекраснаго металла, но не дѣйствующую, поврежденную.

— Да, я все это понимаю по твоему, — сказалъ Юліанъ, — но могу ли быть апостоломъ? Посмотри на меня: гдѣ силы для новой жизни?

Оба друга вздохнули.

— Знаешь ли что, Алексѣй?—разсмѣялся Юліанъ, закуривая новую сигару,—теперешній разговоръ нашъ какъ нельзя живѣе наполнилъ мнѣ университетскіе года, когда за стаканомъ чаю мы переобразовывали свѣтъ, въ одно мгновенье перелетали съ земли на небо, пускались въ самыя серьезныя разсужденія насчетъ человѣческихъ обществъ и насчетъ религіи... О, золотое было это время!

— Истинно золотое, но оно ужъ никогда не воротится.

— Помнишь ты Петра?

— А ты не забылъ Игнатія?

— Что-то сталось съ хорошенькой Маней?

— О, дружище, состарѣлась!

— А профессорша З... умерла!

— Какъ-то поживаетъ благородный нашъ Капелли?

— Что дѣлаютъ безцѣнные Я... и К?..

При этихъ словахъ вдругъ вбѣжалъ полуодѣтый слуга Юліана и очень испугалъ друзей блѣднымъ лицомъ своимъ и поспѣшностью, съ какою влетѣлъ въ комнату.

IV.

Увидя вбѣжавшаго слугу, Юліанъ проворно вскочилъ съ кровати, поблѣднѣлъ и схватился за грудь, потому что встревоженное сердце болѣзненно забилось въ ней; потомъ устремилъ глаза на Савву и, предчувствуя что-то необыкновенное, ожидалъ только, какая вѣсть поразитъ его.

— Что это значитъ? Что случилось?—воскликнулъ Юліанъ.

— То есть, пане... изъ Карлина!

— Изъ Карлина?—перебилъ Юліанъ.—Кто? Зачѣмъ? Что случилось тамъ?

— Еще ничего не случилось, пане!—сказалъ Савва,—но говорятъ, что тамъ занемогъ кто-то.

— Да кто же пріѣхалъ изъ Карлина? Говори проворнѣе!

— Изволите видѣть, пане... Мы съ Грыцькомъ стояли себѣ въ воротахъ и курили трубки... вдругъ...

— Да говори живѣе,—вскричалъ Юліанъ въ нетерпѣніи и съ сверкающими глазами.

— Вдругъ... глядимъ... что-то бѣлѣется и въ одноколкѣ мурлычитъ какъ-будто Самойло на крестьянскихъ лошадяхъ, да и летитъ прямо по большой дорогѣ. Я сталъ кричать, онъ остановился и говоритъ, что ѣдетъ въ мѣстечко за докторомъ...

— Кто же занемогъ?—перебилъ Юліанъ;—говори—кто?

— То есть, изволите видѣть, пане... Вчера, когда уже насъ не было, пріѣхала старая пани... и, говорятъ, больно захворала...

— Моя маменька! моя маменька! Запрягать лошадей!—кричалъ Юліанъ.—Укладывать вещи, а Самойло пусть летитъ въ мѣстечко...

Волнуемый чувствами, Юліанъ въ первую минуту вскочилъ съ кровати, но тотчасъ же началъ дрожать, холодный воздухъ непріятно пахнулъ на панича, и онъ взглянулъ на окно, за которымъ виднѣлась черная ночь съ дождевою тучею, съ вѣтромъ и бурею. Алексѣй былъ ужъ на ногахъ.

— И ты встаешь?—спросилъ Юліанъ.

— Не знаю,—можешь ли ты положиться на своего Самойла; притомъ докторъ Греберъ можетъ быть занятъ, либо придется искать его; прикажу запрячь лошадей и полечу за нимъ самъ...

— О, какой ты благородный! Какой безцѣнный! Я не смѣлъ просить тебя, но ты угадалъ мое желанье!—воскликнулъ Юліанъ.

Пока Савва сбиралъ вещи своего пана и приготовлялъ ему платье, Алексѣй, умывшись холодной водой и встрепенувшись, въ одно мгновенье одѣлся, побѣжалъ на дворъ, разбудилъ Парфена, помогъ ему запречь лошадей и потомъ пришелъ только проститься съ Юліаномъ.

— Какъ я долженъ поступить съ Греберомъ?—спросилъ онъ, подавая руку лѣниво одѣвающемуся и печальному товарищу.

— Возьми почтовыхъ лошадей и привези его въ Карлинъ,— отвѣчалъ Юліанъ,—и, главное дѣло, скорѣе. Наконецъ, распорядись, какъ знаешь, но непремѣнно привези доктора. Моя маменька только и вѣруетъ въ одного Гребера, хотя я, говоря искренно, не очень люблю его... Самъ я полечу прямо домой. Какое же счастье, что мы встрѣтились!.. До свиданія!.. До свиданія!..

— Но смотри, чтобы и тебѣ самому не понадобился докторъ!— прервалъ Алексѣй съ участіемъ, видя, какъ Юліанъ дрожалъ и почти совсѣмъ потерялъ силы.

— Это ничего, рѣшительно ничего,—сказалъ Юліанъ съ улыбкою,—нервы женскіе... самая малѣйшая бездѣлица валитъ меня съ ногъ, но одна минута отдыха поправитъ. Поэтому обо мнѣ не безпокойся... Правда, ѣзда ночью, по здѣшнимъ дорогамъ и въ такую погоду, будетъ тяжела для меня, но я больше всего безпокоюсь о маменькѣ.

Не теряя времени на продолжительное прощанье и увидя въ окно уже готовую повозку, Алексѣй закутался въ бурку, закурилъ коротенькую венгерскую трубку, отъ запаха которой Юліанъ закашлялся, и приказалъ живо ѣхать въ мѣстечко... По большой дорогѣ до этого мѣстечка было около десяти верстъ, а до почтовой дороги нужно было проѣхать только одну худую плотину да небольшое пространство размокшихъ песковъ и глины... Парфенъ стегнулъ лошадокъ; непривыкшія кнуту, онѣ понеслись во весь опоръ и потащили за собой легкую бричку точно шарикъ, Алексѣй ѣхалъ задумчивый и печальный: въ головѣ его мѣшались мысли, пробужденныя воспоминаніями.

— Еще вчера я былъ спокоенъ, равнодушенъ и такъ глупо счастливъ! А сегодня? О, надо же было мнѣ случайно встрѣтиться съ Юліаномъ, надо было начать съ нимъ разговоръ, чтобы воскресить въ себѣ умершія мысли и чувства!—Обстоятельство, повидимому, самое маловажное, но я долгое время буду самъ не свой.

Столько погребенныхъ надеждъ воскресло въ сердцѣ! Бѣдные мы люди! Нѣтъ, ни за что не поѣду въ Карлинъ: тамъ я поневолѣ разсѣюсь, облѣнюсь, а на это у меня нѣтъ времени. Отправлю доктора Гребера и поспѣшу домой; вѣдь я не нуженъ въ Карлинѣ... Ахъ! Что вышло изъ Юліана? Бѣдный Юліанъ! Такое слабое и ни къ чему не способное созданіе!...

Въ такихъ размышленіяхъ Алексѣй не замѣтилъ, какъ пріѣхалъ въ мѣстечко, какъ пролетѣлъ среди мрака по грязнымъ улицамъ и остановился у воротъ небольшого дома, гдѣ квартировалъ давно знакомый ему докторъ Греберъ; ѣхавшій сзади за нимъ на одноколкѣ Самойло принялся стучать въ запертыя ворота; за ними въ одно мгновенье сердито залаяла цѣлая стая собакъ, разбуженныхъ стукомъ. На востокѣ едва начинало свѣтать; тучи покрывали все небо, и шелъ проливной дождь. Алексѣй терпѣливо ждалъ, пока отворятъ ворота либо калитку, но въ домикѣ всѣ спали точно убитые...

Наконецъ, на лѣстницѣ послышалось движеніе; какая-то фигура впотьмахъ подошла къ калиткѣ. Алексѣй разглядѣлъ слугу въ полушубкѣ, который, ворча, впустилъ молодого человѣка.

— Докторъ дома?

— Дома, но онъ недавно пріѣхалъ!

Не пускаясь въ дальнѣйшіе разспросы, Алексѣй вбѣжалъ въ сѣни и приказалъ вести себя къ Греберу. Слуга нѣсколько минутъ и колебался, потому что, судя по маленькой бричкѣ и парѣ лошаденокъ, ожидалъ не слишкомъ богатаго паціента, но услышавъ о Карлинѣ, немедленно отворилъ двери въ комнату, гдѣ спалъ докторъ.

Греберъ не скрывалъ, что происходилъ изъ рода израильскаго, такъ какъ совершенно отрекся отъ его вѣры, заблужденій и костюма. Крещеный и бритый, онъ ходилъ во фракѣ и ѣлъ ветчину, о шабашѣ забылъ; впрочемъ, натура явственно пробивалась въ немъ сквозь наружную оболочку христіанства, принятаго имъ только ради выгодъ. На самомъ дѣлѣ, Греберъ не имѣлъ никакой вѣры, хотя уважалъ всѣ; смѣтливый, чрезвычайно практическій и обходительный съ людьми, онъ умно пользовался своимъ искусствомъ и видѣлъ въ немъ только кусокъ хлѣба. Греберъ игралъ такую роль, какую слѣдовало играть, льстилъ и поблажалъ своимъ паціентамъ, но, выйдя за двери, смѣялся надъ ними. Умѣлъ трактовать о высокой важности своего призванія, о достоинствѣ и значеніи врача; но въ сущности руководствовался только разсчетомъ и всѣми средствами наживалъ деньги. Хотя всѣ видѣли въ немъ склонность къ матеріализму и разсчету, но Греберъ всетаки умѣлъ вездѣ найти себѣ приверженцевъ и всѣ *уважали его. Во*-первыхъ, ему везло счастье; во-

вторыхъ, при счастьи, хотя иногда не успѣвалъ понравиться, однако, никогда и никому не противорѣчилъ, всѣмъ позволялъ быть больными тѣмъ, чѣмъ хотѣли, употребляя впрочемъ лѣкарства по крайнему своему разумѣнію, былъ послушенъ и сговорчивъ и всегда такъ мило держалъ себя въ обществѣ, что нельзя было не любить его. Нравились ли кому пилюли—докторъ Греберъ хвалилъ ихъ болѣе всѣхъ прочихъ лѣкарствъ и приводилъ въ пользу ихъ сильныя доказательства; любителямъ порошковъ прописывалъ порошки; кто хотѣлъ микстуры, хвалилъ и назначалъ микстуру; если кто просилъ лѣчить гомеопатіей—у него была подъ руками гомеопатическая аптечка и множество доказательствъ въ пользу новой методы. Онъ не отвергалъ Приснитца, принималъ Лероа, хвалилъ Миняева, защищалъ Мориссона, позволялъ методу Распайла. Однимъ словомъ, лѣчилъ такъ, какъ угодно паціенту, даже лѣчилъ магнетизмомъ и простонародными средствами, оправдывая ихъ, въ случаѣ крайности, самымъ древнѣйшимъ преданіемъ. А какъ онъ былъ вѣжливъ, какъ скроменъ, какъ ласковъ! Человѣку безъ сердца, кажется, легче всего представляться чувствительнымъ; ничто не взволнуетъ его, ничто не перемѣнитъ спокойнаго расположенія, столь необходимаго для игры предположенной роли. Равнымъ образомъ слезы никогда не измѣняли голоса доктора Гребера у ложа умирающихъ: онъ всегда смѣялся и шутилъ, за четверть часа передъ кончиною утѣшалъ больного надеждами—и прямо отъ покойника шелъ завтракать, дабы подкрѣпить себя къ новой дѣятельности; ни одинъ паціентъ не могъ пожаловаться на суровое обхожденіе доктора; особенно онъ умѣлъ обходиться съ богачами, оказывая имъ столько заботливости и неусыпнаго вниманія, что ему прощали даже его акцентъ и слишкомъ израильскую физіономію, повсемѣстно называя его добрымъ Греберомъ.

Добрый Греберъ былъ необыкновенно благоразуменъ. Онъ не былъ слишкомъ ученъ, но обладалъ такою ловкостью и умѣньемъ играть всевозможныя роли, что его принимали за того, кѣмъ онъ хотѣлъ казаться.

Одною изъ главныхъ методъ — выставить себя на показъ было у Гребера толковать о предметахъ чуждыхъ собесѣдникамъ; съ лѣкарями онъ никогда не говорилъ о медицинѣ, съ литераторами не рѣшался разсуждать о литературѣ и т. п. Онъ

каждую минуту произносилъ фразы, таинственно улыбался, сыпалъ тирады о недоступныхъ слушателямъ предметахъ и, натурально, возбуждалъ тѣмъ удивленіе и уваженіе къ себѣ. Съ товарищами жилъ въ неизмѣнномъ согласіи, во время консиліумовъ былъ крайне сговорчивъ, но, когда доктора расходились, то хвалилъ ихъ сквозь зубы и подъ большимъ секретомъ совѣтовалъ что-нибудь другое. Греберъ былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, и какъ это достоинство обыкновенно замѣняетъ многія другія и бываетъ выгоднѣе прочихъ, то ему хорошо было жить на свѣтѣ. Если-бы не происхожденіе, онъ уже давно бы составилъ себѣ блистательную партію; но такъ какъ онъ не думалъ жениться на бѣдной, то и жилъ до сихъ поръ надеждами и въ юношеской свободѣ, хотя ему было почти сорокъ лѣтъ.

Алексѣй нашелъ Гребера въ скромной кроваткѣ — скорчившагося и спавшаго очень сладко. Разбуженный, прежде чѣмъ узналъ, кого имѣетъ честь видѣть, докторъ нѣсколько разъ назвалъ себя «покорнѣйшимъ» и безъ счета насказалъ гостю «почтеннѣйшихъ». Узнавъ, наконецъ, пана Добрицкаго по голосу, онъ вдругъ сдѣлался небрежнѣе и началъ зѣвать, жалуясь на усталость и ослабленіе. Но, когда Алексѣй сказалъ, что его очень просятъ въ Карлинъ, то, вскочивъ съ кровати и снимая ночной колпакъ, Греберъ воскликнулъ:

— А, въ Карлинъ, въ Карлинъ! Ѣду, сейчасъ ѣду. Но кто тамъ боленъ? Развѣ вы знакомы съ ними?

— Я знаю только Юліана, моего товарища по университету. Кажется, старушка-мать его захворала.

— Мать?.. Но вѣдь она не живетъ тамъ.

— Ничего не знаю, кромѣ того только, что она теперь въ Карлинѣ и больна.

— Посылайте же за почтовыми лошадьми; сейчасъ ѣдемъ!

— Сію минуту. Но вы поѣдете одни... Я спѣшу домой.

Докторъ искоса взглянулъ на Алексѣя.

— Гмъ, вы не хотите ѣхать въ Карлинъ. Но... какъ хотите... Только я обязанъ сказать, что, если старуха больна, то болѣзнь можетъ быть опасною; я давно замѣчалъ въ ней болѣзненное предрасположеніе. Можетъ быть, тамъ нуженъ будетъ человѣкъ расторопный; панъ Юліанъ неспособенъ на подобныя вещи... Какъ другъ его...

— Вы хотите, чтобы я ѣхалъ?

— Нѣтъ, не хочу, но желалъ бы. Трудно предвидѣть, что случится тамъ. Можетъ быть, будутъ нуждаться въ посторонней помощи... Вѣдь вы другъ его?

Алексѣй растерялся и, охваченный ложнымъ стыдомъ, не смѣлъ признаться, что до сихъ поръ ни разу не бывалъ въ Карлинѣ; притомъ думалъ еще, что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть нуженъ и полезенъ другу, и не сказалъ ни слова.

Пока докторъ одѣвался и пока готовили чай, безъ котораго онъ не хотѣлъ пуститься въ сырую погоду, Алексѣй сѣлъ на стулъ и, не обращая вниманія на Гребера, также не слишкомъ занимавшагося гостемъ, глубоко задумался. Уже давно не овладѣвали имъ столь грустныя мысли; онъ чувствовалъ себя какъ будто наканунѣ какого-нибудь важнаго происшествія; ужасно волновался, упрекалъ себя за то, что для чужой матери забылъ свою и мучился мыслью, что уклонился отъ намѣченнаго плана жизни. Греберъ, одѣваясь, искоса посматривалъ на Алексѣя, но, несмотря на свою проницательность, ничего не могъ понять и приписалъ состояніе молодого человѣка утомленію.

— Пейте скорѣе чай и поѣдемъ! — проговорилъ онъ, наконецъ, зачесывая передъ зеркаломъ волосы и обливаясь какою-то благовонною жидкостью.—Уже разсвѣтало, надо спѣшить...

Алексѣй проворно допилъ стаканъ, и почтовыя лошади понесли ихъ стрѣлою...

V.

Карлинъ, древняя резиденція фамиліи Карлинскихъ, къ которой нѣкогда принадлежали огромныя удѣльныя имѣнья, составлявшія княжество, былъ наполненъ обросшими мохомъ и забытыми памятниками прошлаго. Въ этихъ краяхъ уже немного можно найти теперь подобнаго рода священныхъ развалинъ, живо напоминающихъ объ историческомъ быломъ. Изрѣдка встрѣтишь деревню, городокъ, либо могилу, названья которыхъ неизмѣнно повторялись въ исторіи. Большая часть древнихъ развалинъ и селеній относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ; памятники XVI вѣка *рѣдки, а XV еще рѣже.* Памятники болѣе древнихъ временъ

уже исчезли, и лишь иногда находятъ въ пущахъ заросшіе лѣсомъ замки и могилы.

Но Карлинъ составлялъ въ этомъ отношеніи рѣдкое исключеніе по всему здѣшнему краю. Почему-то онъ былъ счастливѣе другихъ помѣстій; но такого счастья нельзя было приписать мѣстному положенію. Въ окрестностяхъ Карлина находилось множество городковъ и городищъ; но на ихъ мѣстѣ паслись теперь стада и росла только дикая трава, даже ни одного кирпича не осталось отъ нихъ; между тѣмъ, въ самомъ Карлинѣ былое отражалось еще очень явственно и во всемъ своемъ величіи.

Огромный замокъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописи и акты XV вѣка, какъ почти о древнемъ городѣ, лежалъ надъ рѣчкою, текущею по обширнымъ долинамъ, на холму, образовавшемся частію природою и частію человѣческими руками; его окружали прямоугольные валы съ слѣдами башенъ по угламъ. Въ серединѣ прямоугольника нѣкогда стоялъ одинъ замокъ; но отъ него остался только главный корпусъ съ двумя выдающимися на углахъ башнями, съ маленькими окнами, широкими воротами и двухъэтажною крышею. Несмотря на то, что его поправляли въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ показываютъ въ нѣкоторыхъ окнахъ столярныя рамы и балясы на балконахъ, замокъ сохранилъ на себѣ печать древнѣйшаго своего существованія. Даже XVIII вѣкъ, любившій передѣлывать все на свой вкусъ, не тронулъ дряхлаго старца. Къ замку пристроили только два крыла въ современномъ вкусѣ, да еще совершенно перестроили старыя въѣздныя ворота, отличавшіяся стилемъ царствованія Станислава, и выбросили изъ нихъ оружіе; кромѣ того, сломали подъемный мостъ и построили гранитный, а на мѣстѣ бойницъ, едва замѣтныхъ теперь по бокамъ, устроили галлереи для музыки. Въ позднѣйшее время къ этимъ воротамъ прибавили другія мелкія украшенія, какъ-бы съ цѣлью обратить ихъ въ живописную развалину, и обсадили виргиніей, вьющимися растеніями, плющами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовали и передній дворъ, разобравъ старую мостовую, засѣяли его травою, посрединѣ устроили цвѣточную клумбу, а въ лѣтнее время обставляли ее апельсинными и лимонными деревами, дабы оживить эту сторону подворья, не имѣвшую ни деревъ, ни другой зелени.

Фасадъ этого аристократическаго, не слишкомъ хорошо отдѣ-

ланнаго, впрочемъ, содержимаго въ чистотѣ, замка, имѣлъ видъ хотя унылый, но великолѣпный; особенно красиво рисовался онъ на фонѣ густыхъ деревъ, возвышавшихся надъ стѣнами и закрывавшихъ собою обрывистые берега рѣчки. Въ древнія времена тамъ росло только небольшое число липъ и пихтовыхъ деревъ; потомъ въ XVII вѣкѣ устроены аллеи въ нѣсколько рядовъ уступами и большой итальянскій садъ; еще позднѣе сгустили его тополями разныхъ породъ и кустарниками, такъ что изъ него образовался, наконецъ, красивый англійскій садъ—очень обширный и замыкаемый съ одной стороны рѣчкою, опоясывавшею его неправильною линіей своего теченія, съ другой—дворовыми постройками, ручейками и дорогою. И здѣсь видно было нѣсколько поколѣній, садившихъ деревья для внуковъ, а возводившихъ зданія для себя; здѣсь находились: древней архитектуры башня, передѣланная въ бесѣдку, старинная кладовая, китайскій домикъ—памятникъ временъ владычества татаръ, и готическая часовня. Всѣ эти постройки, разбросанныя въ причудливомъ безпорядкѣ, значительно украшали и разнообразили густую зелень дремучаго парка, за которымъ находились теплицы.

Невдалекѣ отъ замка, до сихъ поръ такъ называемаго между простымъ народомъ, находилось бѣдное жидовское мѣстечко, проживавшее немногими ярмарками и проходившею чрезъ него большою дорогою. Главное украшеніе мѣстечка составляли: маленькій деревянный костелъ, каменная церковь и пара постоялыхъ дворовъ, стоявшихъ близъ барскаго дома, въ которые, по волынскому обыкновенію, отсылались лошади гостей.

Карлинъ принадлежалъ къ числу мѣстностей, гдѣ во всей цѣлости сохранились преданія, сросшіяся съ матеріальными памятниками былыхъ временъ. Такъ, одну изъ замковыхъ башенъ звали *Турецкою*, потому что ее строили плѣнники, другую—*Кастелянскою*; садовая башня называлась *Вылазкою*; на валахъ одинъ пригородокъ искони назывался *Вечевымъ*, другой *Княжескимъ*; въ саду одна липа извѣстна была подъ именемъ *Хозяйки*. Клочки земли и урочища напоминали такіе историческіе случаи, о которыхъ можно было заключить только изъ ихъ названій; надъ рѣкою въ болотѣ лежало городище; на холмѣ одинъ клочокъ поля звали *Туржицей*, старое кладбище на планахъ и у простонародья называлось *Пепельнымъ*.

Къ этому fundum, какъ видно изъ описей, принадлежало нѣкогда шестьдесятъ пять деревень, мѣстечко и обширнѣйшіе лѣса; теперь едва осталось при немъ шесть деревень и упадающій Карлинъ. Судьба фамиліи владѣльцевъ была похожа на судьбы мѣстечка.

Въ древнія времена Карлинскіе отличались великими заслугами, произвели отважныхъ рыцарей, знаменитыхъ духовныхъ, мудрыхъ и краснорѣчивыхъ сановниковъ. Но значеніе этой фамиліи возросло посредствомъ связей и богатствомъ, когда слава ихъ разнеслась во всѣ концы и благородное преданіе умерло въ сердцахъ, искорененное чужеземщиною, тогда Карлинскіе начали умирать морально и матеріально и, наконецъ, обратились въ слабыхъ и безсильныхъ потомковъ. Въ царствованіе королей изъ Саксонскаго дома эта фамилія держала сторону Лещинскаго, потому что была съ нимъ въ родствѣ и, по окончаніи распрей по этому случаю, начала французѣть при Люневильскомъ дворѣ, воспитывая своихъ молодыхъ потомковъ въ Парижѣ и постепенно дѣлаясь въ полномъ смыслѣ чужеземною.

Всѣхъ молодыхъ Карлинскихъ посылали ко двору *благотворительнаго философа*, не замѣчая того, что долговременное пребываніе въ чужихъ краяхъ дѣлало ихъ, по возвращеніи на родину, совершенно неспособными къ обязанностямъ своего званія—и Карлинъ обратился, наконецъ, во французскую колонію, гдѣ жители тосковали о Франціи подъ роднымъ сѣвернымъ небомъ. Предавшись нѣгѣ и совершенно забывъ, что человѣкъ не можетъ и не долженъ жить для одного себя, Карлинскіе, подобно многимъ другимъ, стали проводить все время въ однихъ удовольствіяхъ, либо въ минуты бездѣйствія тосковали о томъ, что служило для нихъ забавою. Они совершенно забыли о своемъ предназначеніи и, сбившись одинъ разъ съ надлежащей дороги, уже не могли возвратиться на нее. Богъ давалъ имъ людей способныхъ, милыхъ, прекрасныхъ сердцемъ, но мало давалъ имъ *воли*—этого могучаго двигателя къ дѣятельности, безъ котораго даже геній не можетъ вполнѣ развиться, и такимъ образомъ безплодно пропали у нихъ таланты, разумъ и сердце, растраченные на пустыя удовольствія. Въ домашней жизни они сохранили чистоту нравовъ. не унизились морально, подобно другимъ аристократамъ, и, вообще, отличались безукоризненною чест-

ностью, но ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ призванія къ общественной жизни, къ защитѣ отечества, къ великимъ жертвамъ, и, оправдываясь въ этомъ нерадѣніи то временами, то обстоятельствами, они упали съ той высоты, на какой стояли прежде. Супружества постепенно отняли у нихъ значительную часть имѣнія, другую часть потребилъ неразсчетливый избытокъ, остальное расхитили злые люди; такимъ образомъ, изъ огромныхъ помѣстій теперь существовали только бѣдные остатки, и надо было всѣми силами трудиться, чтобы добыть изъ нихъ средства къ содержанію.

Отецъ Юліана имѣлъ двухъ братьевъ; затѣмъ послѣ дѣда имѣнія опять раздѣлились на три части и окончательно измѣльчали. Онъ носилъ только титулъ короннаго хорунжича, потому что самъ не занималъ никакой должности и ни къ чему не былъ способенъ. Если-бы мы рѣшились положительно вѣрить въ характеристику родовъ, изображаемую геральдиками, то сказали бы, что главными чертами Карлинскихъ были: доброта сердца, снисходительность, нѣжность и какое-то равнодушіе къ судьбамъ своимъ. Карлинскіе любили забавы, пиры, свободную жизнь, особенно городскую, хорошій столъ, роскошь, женщинъ и щегольство, а раемъ для нихъ была чужая страна, куда они всегда летѣли съ радостною улыбкою и спѣшили въ изгнаніе, какъ-будто на балъ. Такимъ образомъ, и хорунжичъ бóльшую часть жизни провелъ въ Парижѣ, Флоренціи, Дрезденѣ и Вѣнѣ. Всѣ любили и уважали его, потому что онъ былъ чрезвычайно милый человѣкъ; но, съ другой стороны, онъ былъ чуждъ всякой предпріимчивости и, что хуже, даже не воображалъ себя способнымъ къ какому-либо предпріятію. Вслѣдствіе изнѣженности нѣсколькихъ предшествовавшихъ поколѣній, могучій родословный типъ въ немъ уже совершенно изгладился и преобразился въ существо слабое, нервическое, безсильное, не понимающее ни борьбы, ни трудовъ, ни самоотверженія для какой-нибудь высшей цѣли. Хорунжичъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности ни къ верховой ѣздѣ, ни къ охотѣ, избѣгалъ необузданныхъ удовольствій, лѣчился часто, а хворалъ еще чаще. Но зато онъ былъ человѣкъ идеальнаго воспитанія и съ самымъ утонченнымъ вкусомъ, homme comme il faut, почитатель формы, вѣжливый, разборчивый, магнатъ по наружности и, хоть аристократъ,

умѣлъ такъ хорошо обходиться со всѣми, что никогда не наживалъ себѣ враговъ. Ему все прощали за нѣжность характера и милое обращеніе и, гдѣ ни являлся онъ, вездѣ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ. Не надѣленный особенными способностями, съ умомъ довольно поверхностнымъ, хорунжичъ умѣлъ, впрочемъ, извлечь пользу изъ своихъ вояжей по свѣту и изъ собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ зеренъ образовалъ въ себѣ непоражающую посторонняго глаза мудрость, взглядъ на вещи, ученость, религію, вообще все, что ему нужно было. Во всю жизнь свою онъ не произнесъ такого мнѣнія, которое могло бы разсердить, обидѣть, удивить или озадачить посторонняго; онъ одѣвался по модѣ и разсуждалъ также по модѣ; никакихъ новостей не выдумывалъ. Онъ не спѣшилъ жениться, потому что не чувствовалъ склонности къ женитьбѣ и никогда сильно не влюблялся, хотя очень любилъ женщинъ. И только въ тридцать лѣтъ ему пришло на мысль, что пора подумать о перемѣнѣ жизни, а можетъ быть еще братья напомнили ему объ этомъ и онъ рѣшился жениться. Ему стали сватать панну — единственную дочь родителей, прекрасную, какъ ангелъ, чрезвычайно богатую и отлично воспитанную. Это была дочь человѣка, который, занимаясь юриспрудиціей, изъ бѣднаго шляхтича сдѣлался въ полномъ смыслѣ паномъ, и хотя былъ происхожденія вовсе не аристократическаго, но панна чрезвычайно понравилась хорунжичу, и въ скоромъ времени молодые были обвѣнчаны, несмотря даже на то, что панна, кажется, не слишкомъ охотно шла замужъ.

Взявъ свою прекрасную, но угрюмую Теклюню въ деревню, хорунжичъ совершенно утонулъ въ удовольствіяхъ новой жизни. Онъ употреблялъ всѣ усилія возбудить въ сердцѣ жены привязанность къ себѣ, потому что по мѣрѣ того, какъ убѣждался въ ея равнодушіи, самъ чувствовалъ себя болѣе и болѣе влюбленнымъ въ нее; но Теклюня, рукою которой распорядились безъ ея воли, ради имени Карлинскихъ, всегда оставалась мертвою статуей. Жизнь молодыхъ супруговъ была на видъ самая счастливѣйшая, но, въ сущности, рѣшительно не заключала въ себѣ удовольствій сердечнаго союза, проистекающихъ отъ постояннаго сближенія двухъ существъ. Текля была набожна и добродѣтельна, знала свойства мужа и умѣла цѣнить ихъ; но въ ея жилахъ текла кровь самая живая, неиспорченная, благородная, и текла

мощною струею; она питала отвращеніе къ ничтожному супругу, такъ какъ, пользуясь жизнью, онъ не умѣлъ жить, порицала его бездѣйствіе и сибаритство. Хорунжичъ былъ самымъ влюбленнымъ и чувствительнымъ супругомъ, но не умѣлъ расположить къ себѣ сердце молодой супруги. Трое дѣтей были благословеніемъ этого страннаго и тайными слезами облитаго союза: сынъ Эмилій, дочь Анна и младшій сынъ Юліанъ.

Снѣдаемый внутренними страданіями и, какъ человѣкъ, любившій приличія, усиливаясь скрыть эти страданія отъ посторонняго глаза, хорунжичъ умеръ въ скоромъ времени, послѣ рожденія на свѣтъ Юліана. Вдова цѣлый годъ носила глубокій трауръ. Опекунами дѣтей ея назначены были два брата покойника: Аѳанасій и Павелъ Карлинскіе. Послѣдній, живя съ покойнымъ Яномъ въ большой дружбѣ, питалъ къ женѣ его особенную ненависть за то, что она будто отравила жизнь мужа. Равно и Аѳанасій также сурово обходился съ женою брата. Затѣмъ, оба они стали обнаруживать свои права на дѣтей брата, взяли въ свои руки его имѣніе, и постепенно дѣло дошло до ссоры между вдовою и опекунами.

Пани была еще молода и въ полномъ смыслѣ прекрасна. Большое имѣніе ея не только не упало, но, благодаря хорошему управленію, было даже улучшено. Братья покойнаго постоянно опасались, чтобы она не вышла опять замужъ, и безпрестанными намеками на это ускорили ея рѣшимость въ самомъ дѣлѣ выйти другой разъ замужъ.

Въ сосѣдствѣ явился нѣкто Дельріо, служившій прежде во французской арміи, а теперь отставной полковникъ русской службы. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ видывалъ панну Теклю въ Варшавѣ. Теперь они случайно вспомнили другъ друга и красивый, хотя уже немолодой, полковникъ, началъ часто гостить въ Карлинѣ. Замѣтивъ опасность, Карлинскіе стали дѣлать вдовѣ брата упреки, а она давала на нихъ довольно колкіе отвѣты.

Между тѣмъ, Дельріо серьезно влюбился во вдовушку; равнымъ образомъ и у бѣдной Текли, испытавшей въ прошедшемъ самую тяжелую жизнь, при воспоминаніи о молодости, также сильно забилось сердце. Надо полагать, что недовѣрчивые братья, своими отсовѣтываніями до такой степени взбѣсили ее, что, когда

полковникъ сдѣлалъ формальное предложеніе, она, нимало не думая, подала ему свою руку, дабы только сдѣлать наперекоръ братьямъ покойнаго мужа. Она не думала даже объ участи дѣтей, такъ какъ не питала къ нимъ большой привязанности и видѣла въ нихъ, главнымъ образомъ, только потомковъ ненавистнаго ей человѣка, насильно взявшаго ее замужъ, отравившаго ея молодость и отнявшаго у ней прекраснѣйшіе годы жизни.

Лишь только пробѣжала молва, что вдова выходитъ замужъ, опекуны малолѣтнихъ дѣтей прискакали къ ней съ упреками и угрозами, но нашли ее холодною, самостоятельною и неизмѣнною въ своей рѣшимости. Она равнодушно сказала опекунамъ, что въ самомъ дѣлѣ идетъ замужъ, а на угрозы, что отнимутъ у нея дѣтей, она прямо и охотно сама отказалась отъ нихъ.

— Я не имѣю ни достоинствъ, ни призванія воспитывать потомковъ столь знаменитаго рода, произнесла она съ улыбкою,—поэтому охотно ввѣряю ихъ судьбу въ ваши руки. Хотя вы и не любите меня, однако, я увѣрена, что вы будете неусыпно заботиться о дѣтяхъ брата. Вы не замѣните имъ матери, но заступите мѣсто отца...

Съ такимъ же хладнокровіемъ вдова немедленно уступила въ пользу дѣтей половину своего имѣнія, оставляя другую для себя. Но напрасны были убѣжденія, просьбы, упреки и заклинанія обоихъ братьевъ, особенно Павла, многими чертами и свойствами похожаго на покойнаго Яна и потому-то, можетъ быть, тѣмъ менѣе пользовавшагося разположеніемъ вдовы. Она не возразила имъ ни одного слова, не спорила, а только пожала плечами, вышла въ другую комнату и, спустя восемь мѣсяцевъ по снятіи траура, обвѣнчалась съ полковникомъ Дельріо, въ присутствіи многихъ свидѣтелей.

Послѣ этого она немедленно отправилась съ мужемъ въ свое имѣніе, оставивъ дѣтей подъ опекой Павла, отказавшись даже и отъ дочери, которую панъ-президентъ не хотѣлъ отдать матери. Этотъ случай опять уменьшилъ имѣніе Карлинскихъ, но еще болѣе печально отразился на дѣтяхъ, оставленныхъ круглыми сиротами. Правда, дяди заботились о ихъ воспитаніи, выражали къ нимъ величайшую чувствительность и съ самою строгою осмотрительностью избирали людей, которые должны были окружать ихъ; но несмотря на все это, дѣти всегда оставались си-

ротами и всю жизнь должны были носить на себѣ печать прожитой среди чужихъ людей юности. Напрасно мы хвалимся братствомъ во Христѣ: на самомъ-то дѣлѣ мы едва двоюродные братья. Никто изъ насъ не умѣетъ любить такъ, какъ долженъ. Узы крови — чисто животныя узы; гораздо болѣе связываютъ насъ обязанности и союзы моральные, и только послѣдніе еще поддерживаютъ свѣтъ отъ паденія и междоусобій. Панъ Павелъ въ самомъ дѣлѣ очень заботился о дѣтяхъ, для которыхъ сталъ вторымъ отцомъ; но, поставленный въ необходимость поручать ихъ по большей части чужимъ людямъ, онъ не нашелъ въ нихъ сердца, привязаннаго къ сиротамъ. Старыя няньки и сѣдые слуги любили дѣтей, но учителя, наставницы и всѣ обязанные влить въ нихъ умственное образованіе, служили только за деньги, а потому больше думали о себѣ и своей участи. Гувернеры влюблялись въ гувернантокъ, дядьки, скучая отъ своихъ обязанностей, забавлялись, ѣздили на прогулки, а дѣти росли безъ надлежащаго присмотра.

Богъ не попустилъ имъ испортиться, далъ другое направленіе, отвратилъ ихъ глаза отъ дурныхъ картинъ, которыя могли въ самой первой молодости привить къ нимъ страсти и возбудить безпокойство въ сердцахъ; притомъ дядя Павелъ неусыпно наблюдалъ за ними, а по-временамъ и панъ Аѳанасій, и, такимъ образомъ, сироты вышли изъ окружающей ихъ холодной атмосферы чистыми и неиспорченными, хотя мечтательными и грустными. Юліанъ, по окончаніи домашняго воспитанія, выдержалъ экзаменъ прямо въ университетъ, кончилъ тамъ курсъ и возвратился къ сестрѣ и брату, какъ глава семейства, потому что Эмилій былъ существомъ, не только нуждавшимся въ безпрестанной опекѣ, но еще имѣвшимъ право только на состраданіе и слезы своего семейства.

VI.

Вдова искала въ новомъ супружествѣ удовольствій взаимной любви, отказалась отъ дома, отъ родныхъ и дѣтей въ той надеждѣ, что найдетъ сердце, что любимая идеальною любовью— она вознаградитъ себя за потерянную молодость. Первый разъ отозвавшееся чувство отуманило молодую женщину и даже изгла-

дило въ ней на время материнскій инстинктъ; съ дѣтскимъ легковѣріемъ она бросилась въ объятія человѣка, повидимому, выражавшаго ей истинную и глубокую привязанность, выѣхала изъ Карлина помолодѣвшею, свободною и, со слезами радости на глазахъ, представляла себѣ счастливую будущность, въ которой почти отчаявалась. Но на свѣтѣ нѣтъ ни одной надежды, которая бы не кончилась обманомъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ надо было имѣть слѣпую, горячую, неутолимую жажду привязанности, чтобы прямо не замѣтить, что сердце ошиблось. Полковникъ Дельріо, гораздо старше вдовы, хотя еще красивый мужчина, уже не былъ юношей въ цвѣтѣ лѣтъ, съ сердцемъ свѣжимъ и способнымъ къ страстной любви; зато онъ съумѣлъ сыграть роль любовника съ искусствомъ стараго актера, прекрасно знающаго, гдѣ и какія употребить сценическія средства. Бывъ нѣкогда первѣйшимъ красавцемъ своего времени, полковникъ твердо помнилъ объ этомъ и всѣми мѣрами поддерживалъ остатки своей красоты. Путешествуя по свѣту, онъ испыталъ много любовныхъ интрижекъ, несомнѣнно вѣрилъ въ свое умѣнье покорять сердца и, подобно Ришелье, считалъ себя въ этомъ отношеніи непобѣдимымъ. Натура, давъ Дельріо чрезвычайно красивое и съ меланхолическимъ выраженіемъ лицо, сдѣлала изъ него себѣ только игрушку, потому что обольстительная наружность его скрывала подъ собою недостатокъ образованія, холодъ сердца и самыя прозаическія наклонности. Полковникъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, но величайшій эгоистъ, добрый, но неспособный на жертвы, довольно кроткій, но лѣнивецъ, основывающій счастіе лишь на спокойствіи, наслажденіи и достаткѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ основныхъ правилъ и убѣжденій, служилъ силѣ, кланялся богатству, благоговѣлъ предъ красотою, дабы лестью привлечь ее къ себѣ; однимъ словомъ, онъ думалъ и заботился исключительно объ одномъ себѣ.

Никто съ достовѣрностью не зналъ о происхожденіи Дельріо, самъ онъ никогда не говорилъ о немъ, только всегда слишкомъ высоко цѣнилъ дворянство и родъ; а это, повидимому, доказывало, что и онъ обладаетъ подобными достоинствами. Сынъ счастія—Дельріо, съ саблею въ рукѣ, добился извѣстнаго положенія, титула, хорошей пенсіи и значенія, но, не имѣя самолюбія больше того, какое могло помѣститься въ немъ при дру-

гихъ требованіяхъ эгоизма, онъ не хотѣлъ идти выше. Первый сѣдой волосъ на вискахъ заставилъ его подумать объ упроченіи своей судьбы и осѣдлости на одномъ мѣстѣ. До знакомства съ женою покойнаго хорунжича, Дельріо проживалъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ, въ нанятомъ домѣ; жилъ безбѣдно, давалъ вечера, бывалъ у сосѣдей, иногда ѣздилъ въ столицы и жилъ какъ человѣкъ свободный отъ всякихъ занятій и обязанностей и во всемъ угождающій самому себѣ. Посѣщавшіе его гости не обращали вниманія на прекрасную варшавянку, являвшуюся иногда за чаемъ, считая ее кузиною полковника или бѣдною воспитанницей. Но лишь только Дельріо сдѣлалъ предложеніе вдовѣ, варшавянка исчезла; говорили, что она вышла замужъ за мелкаго чиновника. Бѣдная вдова такъ печально провела жизнь съ первымъ мужемъ, старавшимся возбудить въ ней любовь, а между тѣмъ только сердившимъ ее и возбуждавшимъ одно лишь нерасположеніе къ себѣ, такъ жалѣла потерянныхъ лѣтъ молодости, что первый пламенный взглядъ полковника, первое ласковое съ его стороны слово и вздохъ—сразу плѣнили ее. Дельріо былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не воспользоваться подобнымъ положеніемъ вещей; онъ понялъ чувства молодой вдовы, оцѣнилъ ея достоинства, а самое главное, сообразилъ ея состояніе и рѣшился покончить торгъ. Но, ясно замѣтивъ во вдовѣ склонность къ сантиментальности, онъ началъ съ искусствомъ играть роль влюбленнаго, и хотя уже успѣлъ забыть подобныя роли, однако при условіяхъ еще могъ постепенно припомнить главнѣйшіе ихъ секреты. Притомъ и вдовушка—еще красавица, влюбленная и слѣпо готовая на всѣ жертвы, могла разогрѣть даже самое ледяное сердце.

Она всецѣло отдалась чувству любви, съ жадностію спѣша насладиться ею. Очарованіе продолжалось короткое время. Любовь полковника оказалась очень похожею на любовь перваго мужа, его характеръ былъ совсѣмъ не такой, какого она ожидала, и въ скоромъ времени первая тайная слеза упала на печальное лицо полковницы. Вблизи Дельріо показался ей вполнѣ прозаическимъ и, при всей добротѣ своей, чрезвычайно холоднымъ. Многолѣтнія мечты представляли ей будущее счастье *чѣмъ-то* неземнымъ, очаровательнымъ, но любовь полковника, *хотя онъ и не маскировался*, была далеко не та, какой желала

вдовушка. При ближайшихъ сношеніяхъ, въ немъ рѣзко обнаружился эгоизмъ уже состарѣвшагося и не привыкшаго къ жертвамъ человѣка. Сначала полковница полагала, что она ошибается, а потому была снисходительна, ждала, надѣялась и выраженіями привязанности усиливалась пробудить въ немъ болѣе горячую взаимность. Увы! Человѣка не передѣлать; каждый даетъ только то, что имѣетъ; изъ порожняго сердца ничего почерпнуть нельзя. Дельріо былъ вѣжливъ, даже по-своему чувствителенъ и ласковъ; но онъ такъ скоро сдѣлался мужемъ и пересталъ быть любовникомъ! Вдова хорунжича больше всего желала имѣть въ немъ любовника и съ отчаяніемъ увидѣла свою ошибку, потому что на другой же день свадьбы онъ сталъ чувствительнѣйшимъ мужемъ, но, увы, только мужемъ... Вдобавокъ, искусственная его молодость и поддѣльная красота не выдержали сближенія и короткихъ сношеній; любовь не могла хорошо ужиться съ фланелями, пилюлями, разными профилактическими и гигіеническими средствами и лѣкарствами.

Открылись, но поздно, глаза обманутой женщины, и сердце матери обнаружило права свои. Казалось, она не любила дѣтей, когда жила вмѣстѣ съ ними; теперь же, удаленная отъ нихъ, она умирала съ тоски. Каждый день ей грезились Эмилій, Ануся, Юліанъ... Не видя ихъ передъ собою, она чувствовала пустоту, безпокоилась и, охладѣвъ отъ восторга, стыдилась равнодушія, холодности сердца и особенно безумія, съ какимъ покинула обязанности матери для воображаемыхъ наслажденій, вовсе неприличныхъ лѣтамъ ея.

Полковникъ всегда былъ самымъ чувствительнымъ и примѣрнымъ супругомъ; ни одна подозрительная кузина не показывалась въ его домѣ, самъ онъ безвыходно жилъ подъ своею кровлею, но страшно постарѣлъ и въ самое короткое время отцвѣлъ до такой степени, что какъ-то вдругъ сдѣлался дряхлымъ старцемъ. Затѣмъ, онъ уже не видѣлъ надобности болѣе разыгрывать свою трудную комедію. Бѣдная полковница не дала понять, какъ была она несчастлива и какъ упрекала себя за легкомысліе; напротивъ, она показывала видъ счастливой жены, хотя втайнѣ горько плакала, и сожалѣніе о дѣтяхъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и болѣзненнѣе поражало ея сердце.

Можетъ быть, во всемъ мірѣ не было другой четы болѣе

противоположной своими характерами. Вдовушка имѣла настроеніе сантиментальное и голову, вскруженную чтеніемъ французскихъ романовъ; полковникъ, вслѣдствіе образа предшествовавшей жизни, былъ матеріалистъ и воспитаніемъ прикрывалъ только эгоизмъ, развившійся до огромнѣйшихъ размѣровъ. Пани Дельріо не нужно было много времени на то, чтобы понять подобныя свойства мужа и перестать надѣяться на счастіе; прикованная къ новому дому обязанностями, она мыслями и сердцемъ ежеминутно улетала къ своимъ дѣтямъ.

Между тѣмъ, опекуны, поверхностно судя объ этой женщинѣ и считая ее вполнѣ отступницею отъ родныхъ дѣтей, опасались ея вліянія на молодыхъ Карлинскихъ, и потому постепенно удаляли ее отъ всякаго участія въ ихъ воспитаніи. Бѣдная полковница чѣмъ меньше могла теперь быть матерью, тѣмъ пламеннѣе желала быть ею; съ этихъ поръ вся жизнь ея была непрерывною цѣпью материнскихъ желаній, безпокойствъ и недовольства своею судьбою. Съ мужемъ они жили, повидимому, прекрасно; однако съ каждымъ днемъ удалялись другъ отъ друга и становились холоднѣе. Полковникъ, замѣтивъ съ своей стороны, что жена какъ будто избѣгаетъ его, всецѣло предался заботливости о собственномъ здоровьѣ и объ удовольствіяхъ, которыя чрезвычайно любилъ. Живя на счетъ жены, онъ всегда выражалъ ей высокое уваженіе, но пересталъ представляться влюбленнымъ въ нее и началъ вести жизнь прозаическую, регулярную, разсчетливую.

Всѣ эти удары и обманы, разстроивъ здоровье полковницы, явственно отразились на печальномъ лицѣ ея. Впрочемъ, пани Дельріо принадлежала къ разряду женщинъ, у которыхъ даже несчастіе и горе не отнимаютъ красоты, данной природою. Несмотря на лѣта, она все еще оставалась прекрасною, только потеряла энергію, желаніе жизни и всѣхъ удовольствій. Ея уста, казалось, забыли улыбку; всегда задумчивая, она рвалась къ дѣтямъ и безпокоилась о нихъ; по крайней мѣрѣ, дочь хотѣлось бы ей имѣть при себѣ, но опекуны не хотѣли согласиться на это. Она изрѣдка навѣщала Карлинъ, нѣсколько времени сидѣла и плакала съ дѣтьми и немедленно возвращалась въ Лютковъ, лишь только являлся панъ Павелъ, а онъ аккуратно пріѣзжалъ черезъ день или два послѣ ея прибытія.

въ Карлинъ, потому что ему немедленно давали знать о пріѣздѣ полковницы.

VII.

Когда докторъ Греберъ и Алексѣй Дробицкій подъѣхали къ крыльцу Карлинскаго замка, хотя было уже не слишкомъ рано, тамъ, повидимому, всѣ спали, потому что еще нигдѣ не видно было признаковъ жизни; только одинъ слуга, поставленный Юліаномъ въ передней, немедленно ввелъ къ нему пріѣхавшихъ гостей. Первый разъ въ жизни, сверхъ чаянія, Алексѣй очутился въ неизвѣстной ему сферѣ и почувствовалъ неизвѣстный страхъ, происходившій отъ самолюбія и опасности униженія. Важный старинный замокъ, множество слугъ, признаки барства и аристократизма, замѣтные почти на каждомъ шагу,—произвели непріятное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ равнымъ себѣ или даже къ низшимъ, съ которыми онъ былъ совершенно свободенъ. Еще на порогѣ Алексѣй пожалѣлъ, что рѣшился войти въ домъ, въ который, по собственному убѣжденію, онъ никогда не долженъ былъ входить. Но воротиться уже нельзя было: по лѣстницѣ, покрытой коврами, его ввели вмѣстѣ съ докторомъ въ бельэтажъ бокового крыла на половину „пана графа“, какъ называли ее слуги.

Бѣдному шляхтичу, родившемуся и жившему подъ соломенною кровлею, все показалось здѣсь изумительнымъ и совершенно излишнимъ: и самое зданіе обширнѣйшихъ размѣровъ, и мраморныя лѣстницы, и разостланные по нимъ ковры, и украшенныя бронзою двери, и переднія, заставленныя цвѣтами, а больше всего — половина Юліана, устроенная со вкусомъ сибарита и прихотливостью щеголя. Окна этой части дома выходили въ садъ и пропускали немного свѣта. Старинные, но прекрасно сохранившіеся, обои, еще болѣе бросали тѣни на комнату, заставленную множествомъ дорогой мебели въ старинномъ и новѣйшемъ вкусѣ. Стѣны обвѣшены были картинами въ золоченыхъ рамахъ, фамильными портретами превосходной кисти, фламандскими и голландскими произведеніями искусства, старинными пейзажами, подобранными съ большимъ вкусомъ, огромными зеркалами, канделябрами и превосходными этажерками съ множествомъ дорогихъ и замѣчательныхъ рѣдкостей.

Изъ первой комнаты, составлявшей переднюю, гости вошли въ салонъ, котораго не постыдилась бы ни одна щеголиха: такъ онъ былъ свѣжъ и полонъ бездѣлушекъ, такъ превосходно драпированъ, ароматенъ и украшенъ самыми лучшими цвѣтами? Здѣсь Алексѣй еще болѣе почувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, даже смѣшался при видѣ множества такихъ предметовъ, которыхъ не могъ опредѣлить ни цѣли, ни стоимости.

Въ ожиданіи хозяина, докторъ и Дробицкій сѣли въ кресла и Алексѣй, посидѣвъ одну минуту, почувствовалъ, что очень легко привыкнуть къ нимъ. Докторъ развалился безъ всякой церемоніи и, сознавая себя необходимымъ въ здѣшнемъ домѣ, казался болѣе смѣлымъ; притомъ, пышность для него не была новостью. Онъ уже сбирался попросить сигару и чаю, какъ разбуженный Юліанъ, завязывая галстукъ, вбѣжалъ къ нимъ въ утреннемъ бархатномъ сюртукѣ, одѣтый чисто, но блѣдный и съ красными глазами. Онъ взглянулъ на Алексѣя и ему первому пожалъ руку, тихонько поблагодаривъ за пріѣздъ; потомъ немножко свысока и покровительственно поздоровался съ докторомъ, умѣвшимъ соблюсти свой тонъ и согласить его съ услужливою вѣжливостью.

— Очень благодаренъ вамъ, что потрудились пріѣхать,— сказалъ Юліанъ.—Вы по крайней мѣрѣ успокоите мамашу.

— А какъ чувствуетъ себя пани полковница?

— Вчера, какъ говорили мнѣ, у ней былъ сильный ударъ въ голову, потомъ небольшая лихорадка и жаръ, около полуночи она заснула, но безпокойно; моя сестра осталась въ ея комнатѣ. Лишь только мамаша проснется, я приказалъ дать знать о насъ. До сихъ поръ еще не могу опомниться отъ страха, какимъ поразила меня внезапная болѣзнь мамаши.

Юліанъ позвонилъ, немедленно вошелъ слуга въ прекрасной ливреѣ и получилъ приказаніе подавать чай. Алексѣй подумалъ, что уѣдетъ сейчасъ же послѣ чаю, такъ какъ онъ былъ здѣсь вовсе не нуженъ.

— Ты очень добръ, милый Алексѣй, что пріѣхалъ ко мнѣ!—произнесъ Юліанъ, обратясь къ нему.—Я боялся, чтобъ ты не проскакалъ прямо въ Жербы.

— Если-бы не я, вѣрно такъ бы и случилось,—отозвался докторъ,—*но полагая*, что полковница очень больна, я угово-

рилъ пана Дробицкаго въ подобныя минуты не отказывать намъ въ своей помощи. Вѣдь вы—одни.

— Благодаря Бога, мамашѣ не такъ дурно, сколько я могу понять,—перебилъ Юліанъ;—но товарищъ и хорошій другъ всегда пріятнѣйшій гость въ домѣ, особенно для меня, потому что я давно не видалъ его.

Докторъ, не пропускавшій безъ вниманія ни одного слова и желавшій притомъ узнать о связяхъ молодыхъ людей, спросилъ:

— Какъ такъ?..

— Да такъ, что любимый товарищъ, уже давно живя почти рядомъ со мною,—о чемъ я, впрочемъ, не зналъ,—ни одного разу не былъ въ Карлинѣ. Я непремѣнно предупредилъ бы его, но мнѣ даже не приходило въ голову, чтобы для деревни онъ отрекся отъ юношескихъ надеждъ своихъ.

Греберъ взглянулъ на обоихъ друзей, хотѣлъ понять причину, почему они такъ долго не видались, но ничего не понялъ.

При видѣ всего окружающаго, Алексѣй окончательно потерялъ смѣлость и молчалъ. Юліанъ, отдыхавшій въ корчмѣ, и Юліанъ—хозяинъ этого феодальнаго замка, представлялись ему далеко не похожими одинъ на другаго. Первый не отталкивалъ его, послѣдній уже возбуждалъ въ немъ какое-то инстинктивное опасеніе. Бѣдному шляхтичу нужно было время освоиться съ тѣмъ, что окружало его; онъ еще не понималъ здѣшней, новой для него жизни.

Наконецъ, подили чай, принесенный толпою лакеевъ на огромныхъ серебряныхъ подносахъ; всѣ приборы поданы были съ великолѣпіемъ и пунктуальностью дома, гдѣ нѣсколько вѣковъ на все существовали извѣстныя правила и преданія, даже на способъ рѣзанія хлѣба, поданнаго завернутымъ въ бѣлую салфетку. Здѣсь опять непонятный избытокъ поразилъ Алексѣя: столько находилось тутъ приборовъ неизвѣстныхъ ему по своей цѣли и употребленію, а между тѣмъ необходимыхъ для здѣшняго дома,—столько загадокъ для человѣка, понимавшаго только самый простой образъ жизни. Смѣшно сказать, но Алексѣй съ изумленіемъ смотрѣлъ на безчисленный подборъ бѣлаго хлѣба, булокъ, пирожныхъ, кренделей, ножей и ножичковъ, ложекъ и ложечекъ, блюдъ и блюдечекъ, маленькихъ и большихъ чашекъ и стакановъ, чайниковъ, молочниковъ. По его

мнѣнію, всѣхъ этихъ приборовъ было бы достаточно не для трехъ, а по крайней мѣрѣ для двадцати человѣкъ. Наконецъ когда Юліанъ съ заботливостью спросилъ его: въ чемъ онъ хочетъ пить чай—въ стаканѣ, въ большой или маленькой чашкѣ? онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Милый мой! ты забылъ, что говоришь со мною; я пью въ томъ, въ чемъ могу, и не привыкъ къ разборчивости... Дай мнѣ, какъ хочешь, для меня все равно.

Докторъ, желая показаться болѣе цивилизованнымъ въ сравненіи съ Дробицкимъ, попросилъ подать себѣ... стаканъ.

— А что будете пить?—съ улыбкою прибавилъ хозяинъ.

— Что хочешь, милый Юліанъ,—отвѣчалъ Алексѣй,—мнѣ ничто не вредитъ и все вкусно, а потому: что находится на полѣ сраженія, то и непріятель мой.

— Счастливецъ!—прошепталъ Юліанъ со вздохомъ.

— Мнѣ пожалуйте... чаю,—прибавилъ докторъ, не позволяя забыть о себѣ.

Сѣли за чай—и Алексѣй съ изумленіемъ смотрѣлъ на то, какъ старому товарищу его разогрѣвали кипяткомъ чашки, какъ принесли яйца въ смятку, какъ наблюдали, чтобы его чай ни минутой дольше не стоялъ на самоварѣ. Все это представлялось ему непостижимою роскошью испорченнаго нѣгою человѣка. Если-бы не было Гребера, можетъ быть даже Алексѣй попросилъ бы друга объяснить нѣкоторыя тайны гастрономіи, но присутствіе посторонняго человѣка удерживало его. Алексѣй сталъ разсматривать комнату и въ душѣ дивился, пышности, казавшейся на половинѣ мужчины совершенно излишнею, даже смѣшною. Онъ не завидовалъ Юліану, напротивъ, почти жалѣлъ его, потому что видимый избытокъ и изнѣженность считалъ въ нѣкоторомъ родѣ цѣпями и неволею.

Было почти десять часовъ. Разговоръ между гостями и хозяиномъ какъ-то не клеился; въ комнатѣ было тихо, Алексѣй сидѣлъ потупя голову. Но вдругъ шумъ и шелестъ женскаго платья пробудили его изъ задумчивости и почти испугали. Онъ поднялъ глаза и увидѣвъ передъ собою самое неожиданное явленіе—женщину чудной красоты, мгновенно вскочилъ съ кресла и сталъ почти окаменѣлый отъ изумленія и восторга. Легко догадаться, что это была Анна, сестра Юліана, пришедшая съ

извѣстіемъ о матери. Если-бы сходство по чертамъ лица не обнаруживало родства, то, по благородству и поэтичности этой фигуры, каждый назвалъ бы ее царицею здѣшняго замка.

Анна была однимъ годомъ старше брата, но по наружности казалась моложе его;—такъ нѣжно было выраженье ея личика.

Черты лица Анны были фамильныя, свойственныя Карлинскимъ: глаза чорные, носъ очень красивый, прямой, маленькій, а подъ нимъ печально улыбающіяся уста съ самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ выраженіемъ. Нѣсколько продолговатый овалъ лица, приводилъ на память древнія мадонны итальянской школы предъ Рафаэлевой эпохой; въ немъ недоставало красокъ, и только мраморная блѣдность покрывала его, но какъ чудно шла она къ лицу! Темные волосы не были, впрочемъ, чорные, а каштановые, брови и рѣсницы—болѣе темнаго цвѣта, густые локоны какъ-будто склоняли отягченную головку къ плечу. Подобно Юліану, и она была существомъ, которое, казалось, отъ дуновенія вѣтра могло разсѣяться въ воздухѣ; но то, что въ братѣ представлялось слабостью, въ сестрѣ составляло прелесть. У этой дѣвушки недоставало только крыльевъ, чтобы съ улыбкою улетѣть на небо, куда устремлены были ея тоскливые взоры.

Можетъ быть, сиротство, какое испытала Анна въ лѣтахъ составляющихъ границу между дѣтствомъ и молодостью,—сиротство странное, потому что, имѣя мать, она никогда не могла на долгое время прижаться къ родительскому сердцу,—сообщило ей выраженіе печали и покорности. Трудно было представить ее веселою, да она и никогда не была такою; но съ другой стороны, ея грусть не выражала земного огорченія съ воплями и презрѣніемъ къ жизни; это было нѣчто похожее на тоску о вѣчномъ отечествѣ, о свѣтломъ небѣ и бѣлыхъ ангелахъ,—это былъ типъ изгнанницы, осужденной на вѣчное жительство среди чужихъ и равнодушныхъ людей. Въ Аннѣ заключалось что-то до такой степени ангельски-чистое и возвышенное, что самый безнравственный человѣкъ не смѣлъ взглянуть на нее съ грѣшною мыслію: ея присутствіе проливало свѣтъ и теплоту на все окружающее; при ней каждый чувствовалъ себя лучше, возвышеннѣе, спокойнее, какъ-будто ангелъ на свѣтлыхъ крыльяхъ поднялъ его выше земли.

Анна не только была любима родными и слугами въ Карлинѣ, но располагала къ себѣ сердца всѣхъ и возбуждала уваженіе къ себѣ въ каждомъ случайно приблизившемся къ ней человѣкѣ. Созрѣвшая раньше времени и серьезная, она противъ своей воли управляла Юліаномъ, дядями, всѣмъ домомъ и отреклась отъ молодости собственно для обязанностей, исполняемыхъ охотно и самоотверженіемъ. Не знаю—думала-ли она когда-нибудь о себѣ и о будущемъ: ея счастье заключалось въ счастьи другихъ, и если она и улыбалась иногда весело, то непремѣнно для нихъ или съ ними.

Остановясь на порогѣ и, повидимому, не надѣясь найти у брата никого посторонняго, кромѣ доктора, Анна изумилась и сдѣлала шагъ назадъ, при видѣ совершенно незнакомаго человѣка, какимъ былъ Алексѣй, фамиліарно разговаривавшій съ ея братомъ. Прежде всего пришло ей на мысль, что это другой лѣкарь, приглашенный Юліаномъ, потому что она не могла иначе объяснить себѣ столь ранняго визита незнакомца и еще въ такомъ костюмѣ, въ какомъ ни одинъ мужчина не представлялся ей. Алексѣй одѣтъ былъ совершенно по дорожному, костюмъ очень шелъ ему къ лицу, и онъ еще лучше казался въ простой одеждѣ; впрочемъ, Анна въ первую минуту не замѣтила этого. Ее озадачила странность фигуры, хотя сильной и энергической, но на первый взглядъ поражавшей грубостью. Удивленная, она остановилась на порогѣ именно въ тотъ моментъ, когда Дробицкій, смѣшавшись отъ мысли, что представляется въ столь неприличномъ видѣ, вскочилъ съ мѣста и сталъ точно вкопанный, не зная что сталось съ нимъ, а только чувствуя, что какое-то неземное виденіе стоитъ предъ его изумленными взорами.

Юліанъ, замѣтивъ сестру, и докторъ, который издали увидѣлъ ее, проворно встали съ своихъ мѣстъ и побѣжали къ ней на встрѣчу, оставивъ Алексѣя одного и въ довольно непріятномъ положеніи. Впрочемъ, Карлинскій немедленно вспомнилъ о товарищѣ, шепнулъ что-то сестрѣ на ухо и представилъ его.

— Одинъ и, можетъ быть, даже единственный изъ друзей моихъ, товарищъ по университету... Алексѣй Дробицкій, милая Ануся!.. Мы обязаны ему искренней благодарностью, потому что онъ не только самъ ѣздилъ за паномъ Греберомъ, но, полагая,

что можетъ быть намъ полезенъ, даже рѣшился вмѣстѣ съ нимъ пріѣхать къ намъ въ Карлинъ. Впрочемъ, мы обязаны сдѣлать ему маленькій упрекъ за то, что, живя отъ насъ въ одной милѣ, онъ не давалъ знать о себѣ.

Анна поклонилась и немного покраснѣла, Алексѣй проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ; и немедленно заговорили о полковницѣ.

— Проснулась мамаша?—спросилъ Юліанъ.

— Какъ чувствуетъ себя пани полковница?

— Кажется, сегодня ей лучше вчерашняго, но у нея очень болитъ голова,—отвѣчала Анна.—Она спрашивала пана Гребера... Можетъ быть, мы сейчасъ пойдемъ къ ней?..

— Пойдемте,—подтвердилъ Юліанъ.—А ты, милый Алексѣй, пока отдохни, возьми какую-нибудь книгу, я скоро вернусь сюда.

— Благодарю,—сказалъ Алексѣй.—Я болѣе не нуженъ здѣсь, а потому поспѣшу домой.

— Всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы не пустить тебя.

— Останьтесь,—прошептала Анна изъ вѣжливости.

Алексѣй поклонился.

— Необходимо ѣхать.

Сказавъ это и давъ доктору время выйти съ Анной изъ комнаты, Алексѣй простился съ Юліаномъ, проворно сбѣжалъ по лѣстницѣ и сѣлъ на стоявшую у крыльца бричку. Выѣхавъ за ворота, онъ вздохнулъ легче и почувствовалъ себя свободнѣе. Въ Карлинѣ первый разъ онъ испыталъ какое-то непріятное чувство, необъяснимую тяжесть и увидѣлъ себя въ прежнемъ свободномъ положеніи тогда только, когда проѣхалъ замковыя ворота. Онъ смѣялся надъ собою, размышлялъ объ испытанномъ впечатлѣніи, обвинялъ себя въ глупости, но не могъ перемѣнить своего взгляда на вещи. Почему эти стѣны, пышность, богатство, знатность, которыхъ онъ не имѣлъ причины ни бояться, ни уважать, эти люди, безъ которыхъ могъ обойтись,—произвели на него такое странное впечатлѣніе опасности, неволи, стѣсненія? Всегда отважный и прямой,—отчего здѣсь онъ чувствовалъ себя скованнымъ, слова замирали на устахъ, а въ сердцѣ пробуждалось невольное чувство боязливости. Почему здѣсь онъ не умѣлъ быть такъ-же развязнымъ

и откровеннымъ, какъ въ обращеніи со своими домашними и сосѣдями? Почему, будучи здѣсь сильнѣе всѣхъ характеромъ и волею, вслѣдствіе какого-то непонятнаго чувства, онъ сознавалъ себя какъ-будто слабѣе всѣхъ?

Предоставимъ самому Алексѣю разрѣшить всѣ эти вопросы, глубоко заниманшіе его во всю дорогу, а сами возвратимся въ Карлинъ.

Лицо Дробицкаго и вообще вся его фигура, исполненная энергіи, прямодушія, силы, при первомъ взгзядѣ сильно поразили Анну. По привычкѣ видѣть всѣхъ послушными одной неизмѣнной формѣ, въ какую вылиты люди ея свѣта, она не поняла сразу молодого человѣка; напротивъ, испытала непріятное впечатлѣніе, найдя его совершенно непохожимъ на людей, считавшихся въ ея домѣ нормою приличія. Несмотря на высокій умъ свой, Анна въ первую минуту не могла побѣдить въ себѣ родившагося чувства и призналась въ этомъ брату.

— Гдѣ ты, милый Юліанъ, выкопалъ такого оригинальнаго друга?—спросила она съ улыбкою.

— Онъ не понравился тебѣ, милая Ануся?

— Я такъ мала видѣла его, что еще не имѣю права судить о немъ; но, признаюсь, первое впечатлѣніе было не совсѣмъ выгодное; въ немъ есть что-то страшное... физіономія такая рѣзкая... почти варварская.

Юліанъ разсмѣялся.

— Правда, моя милая, онъ рѣзко отличается отъ людей, посѣщающихъ домъ нашъ. Человѣкъ бѣдный, обязанный трудиться, былъ моимъ товарищемъ въ университетѣ, съ благороднѣйшею душою, золотымъ сердцемъ, съ огромными силами и энергіей. Онъ уже давно хозяйничаетъ въ Жербахъ и ни разу не былъ у насъ, потому что цѣнитъ свою независимость. Едва необходимостью въ его услугѣ я могъ убѣдить его пріѣхать сюда; онъ привезъ намъ доктора... самъ ѣздилъ за нимъ.

Анна обратила вниманіе на слова Юліана и сказала:

— О, какъ я благодарна ему!.. Должно быть, онъ человѣкъ добрый, хоть и представляется страннымъ въ своемъ деревенскомъ костюмѣ. Я не поняла—какой это гость у тебя... такъ извини, если я не такъ хорошо обошлась съ твоимъ другомъ; *но я исправлю свою ошибку...*

— Не думаю, милая Ануся, чтобы тебѣ удалось это; онъ не рѣшится больше пріѣхать къ намъ.

— Почему же? Вѣдь мы ничѣмъ не обидѣли его?

— Правда, но онъ немножко дикъ... боится, чтобы мы, праздволюбцы, какъ говоритъ, онъ, не испортили его. Бѣдняжка! Все семейство сидитъ у него на плечахъ; но при высшемъ умственномъ образованіи такая доля, конечно, слишкомъ тяжела для него.

— Такъ онъ—человѣкъ образованный?

— Съ такою головою, лучше которой я не знаю, милая Ануся. А какой характеръ, какое сердце, сколько твердости!

— Ахъ, очень жаль, что я такъ дурно поняла его.

— Это нисколько не удивляетъ меня,—возразилъ Юліанъ. Вы женщины, рѣдко отваживаетесь судить о человѣкѣ не по наружности, потому-то, можетъ быть, очень часто обманываетесь въ своихъ надеждахъ. Только одни не стоющіе уваженія люди заботятся о томъ, чтобы одѣваться благопристойно для посторонняго глаза.

Съ этими словами Юліанъ и Анна подошли къ комнатѣ матери; разговоръ и походка сдѣлались тише, они осторожно отворили двери спальни и вошли вмѣстѣ съ докторомъ.

Полковница сидѣла въ креслѣ и была довольно изысканно одѣта, потому что ждала Гребера: несмотря на свои лѣта, она не имѣла еще отважности показаться постороннему, не разодѣвшись. Она хорошо помнила, что была нѣкогда красавицей; даже и теперь еще слѣды прежней красоты оставались на ея лицѣ—немного блѣдномъ, изнуренномъ, можетъ быть, часто орошаемомъ слезами, но, несмотря на все это, усиливавшемся улыбаться.

Трудно было угадать, сколько ей лѣтъ, потому что она скрывала ихъ и была одарена одною изъ тѣхъ счастливыхъ физіономій, которыя сохраняютъ свѣжесть и молодость, пока какое-нибудь ужасное потрясеніе въ нѣсколько часовъ не сдѣлаетъ ихъ старыми. Ея красивое лицо было въ полномъ смыслѣ прекрасно и носило на себѣ печать горячаго темперамента и пламенной мечтательности; большіе, черные глаза, немного увеличившіеся отъ болѣзни, чудно блистали среди пожелтѣвшаго и одноцвѣтнаго лица, озареннаго лихорадочнымъ, необыкновен-

нымъ, болѣзненнымъ румянцемъ. Лобъ у ней былъ бѣлый и высокій, носъ маленькій—орлиный, губы стиснутыя и съ выраженіемъ гордости. Густой и темный локонъ едва серебрился кое-гдѣ сѣдинами, явившимися раньше времени, можетъ быть, въ минуты страданій и скорби. Ручка и ножка ея поражали полными и самыми правильными формами, еще нетронутыми „сѣкирою времени", какъ выражались въ то время. Правда, она и много теряла при идеальной, дѣвической красотѣ Анны, но прелесть послѣдней была совершенно другого рода, чисто духовная, которую никакъ нельзя было сравнивать съ красотою полковницы.

Въ чертахъ матери, хотя не слишкомъ рѣзко, но отражалась вся жизнь ея, пробивались всѣ разочарованья и безпокойство — этотъ спутникъ еще неугасшихъ, но пораженныхъ отчаяніемъ, страстей чисто земнаго происхожденія.

Полковница сидѣла въ креслѣ, погруженная въ задумчивость и склонивъ голову на руки. При входѣ дѣтей, она подняла глаза и улыбнулась.

— Ахъ, Юліанъ, ты пріѣхалъ? Когда же это?

— Ночью, мамаша; я встрѣтился съ Самойломъ, ѣхавшимъ къ доктору и съ ночлега прямо поскакалъ сюда.

— Благодарю тебя, благодарю!—съ чувствомъ произнесла пани Дельріо.—Мнѣ такъ хотѣлось видѣть тебя... Надо ѣхать домой...

— Ужъ вы здоровы?

— Но Викторъ станетъ безпокоиться обо мнѣ. А вѣдь моя болѣзнь, не правда ли, пане докторъ, вовсе не опасна? Маленькая простуда...

— Сейчасъ увидимъ, — важно произнесъ докторъ, садясь близъ полковницы,—сейчасъ увидимъ.—И онъ осторожно взялъ ее бѣленькую ручку.

Во время изслѣдованія лицо доктора ничего не выражало. Онъ раздумывалъ о томъ—хочетъ ли въ теперешнюю минуту полковница быть больною или здоровою, потому что въ самомъ дѣлѣ большой слабости не замѣчалось въ ней, и Греберъ, по принятому правилу, хотѣлъ угадать мнѣніе объ этомъ самой паціентки. Не замѣтивъ ничего опаснаго, онъ заключилъ наконецъ, *что слабость* должна быть болѣе моральною, нежели

дѣйствительною болѣзнью, а потому произнесъ, потрясая головою:

— Ѣхать не позволю; въ васъ есть небольшая горячка, надо отдохнуть... повременить... увидимъ... посмотрю хорошенько...

Лицо полковницы немного прояснилось. Греберъ, поймавъ это выраженіе, прибавилъ:

— Нельзя и думать объ отъѣздѣ; по крайней мѣрѣ недѣлю вамъ надо пробыть здѣсь.

— Мы пошлемъ за полковникомъ,—сказалъ Юліанъ.

— Только не пишите ему, что я больна, а будто меня задержали здѣсь дѣла... ваши нужды... Ануся... либо дяди... какъ придумаете лучше...

— Успокойтесь, мамаша.

Полковница вздохнула, Греберъ сморщился и приступилъ къ подробнѣйшему экзамену больной. Юліанъ и Анна пошептались о чемъ-то и вышли вмѣстѣ изъ комнаты матери.

VIII.

— Подойдемъ къ Эмилію,—сказала Анна брату въ корридорѣ.—Вся болѣзнь мамаши происходитъ отъ вчерашняго свиданія съ нимъ. Ты знаешь, какое впечатлѣніе производитъ на мамашу этотъ несчастный. Кажется, и онъ нездоровъ; со вчерашняго дня я не видала его.

— Ступай одна,—отвѣчалъ Юліанъ.—Только ты имѣешь на него вліяніе, а я пойду отправить нарочнаго къ полковнику и потомъ приду къ вамъ.

Съ этими словами Юліанъ поцѣловалъ руку Анны и проворно пошелъ въ противоположную сторону, а сестра тихими шагами направилась въ самую отдаленную и расположенную въ самомъ углу часть замка.

Анна осторожно отворила обитыя сукномъ двери и тихо вошла въ прихожую, гдѣ на стулѣ дремалъ сѣдой старикъ въ очкахъ и со священною книгою въ рукѣ. По наружности въ немъ сейчасъ можно было узнать домашняго слугу, привязаннаго къ своимъ панамъ—точно къ родному семейству, съ безусловною готовностью посвящающаго имъ остатки жизни. Сѣдой,

сгорбленный, худощавый—Антоній Мязга, еще въ молодыхъ лѣтахъ взятый изъ деревни на службу въ барскомъ домѣ, сдѣлался какъ бы камнемъ и частицею замка, разстался съ роднымъ семействомъ и отказался отъ него для тѣхъ, кого полюбилъ вслѣдствіе многолѣтней привычки. Спокойное, мужественное, задумчивое лицо его было очень доброе. Увидя свою панну, старикъ проворно сложилъ книгу, улыбнулся, снялъ очки и поспѣшно отворилъ двери въ другую комнату. Анна вошла на цыпочкахъ, но никого тамъ не было. Это жилище было такъ странно, что трудно было угадать, кто занималъ его; нѣсколько ширмъ, бутылочки съ лѣкарствами, печальныя принадлежности болѣзни и немощи,—вотъ все его украшеніе! Уже въ третьей комнатѣ Анна встрѣтила брата, сидѣвшаго въ креслѣ и обложеннаго подушками. За кресломъ стоялъ мальчикъ, съ участіемъ и внимательно слѣдившій за глазами больного.

При видѣ брата глаза Анны покрылись слезами, но она тотчасъ отерла ихъ и обратила къ больному принужденную улыбку.

По наружности нельзя было опредѣлить его возраста. Лицо Эмилія—похожее на черты Юліана и Анны—казалось почти дѣтскимъ, и ни одного волоска не росло на немъ, хоть онъ былъ старшимъ братомъ; только большіе голубые глаза, безъ опредѣленнаго выраженія, какъ-будто блуждающіе, но слезливые и полные чувствительности, сообщали жизнь этому существу. Густые свѣтлые волосы, упадая съ головы на плечи, закрывали собою низкій лобъ, около висковъ широкій и выпуклый. Губы, никогда не оживляемыя ни улыбкою радости, ни словомъ отъ сердца, потому что это былъ глухонѣмой отъ рожденія,—всегда полуоткрытыя—обнаруживали рядъ мелкихъ, острыхъ и блестящихъ зубовъ. При первомъ взглядѣ на этого человѣка, каждый видѣлъ въ немъ существо несчастное, обреченное на мучительную жизнь,—существо, къ которому люди питаютъ либо состраданіе, либо отвращеніе. Лишенный дара слова и слуха, Эмилій былъ, впрочемъ, сложенія нѣжнаго, чувствительный къ страданіямъ, раздражительный, а иногда безпокойный до такой степени, что домашніе опасались дурныхъ послѣдствій. Хотя ему было слишкомъ двадцать лѣтъ,—онъ былъ точно ребенокъ и, несмотря на заботливость сестры, матери и брата, даже при всѣхъ медицинскихъ пособіяхъ, не

обнаруживалъ ни физическихъ силъ, ни проблеска разсудка. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ болѣе зналъ и слушался одну сестру. При видѣ ея, Эмилій становился смирнѣе, глядѣлъ на нее съ удовольствіемъ, когда она уходила, удерживалъ ее и рвался къ ней изъ кресла, къ которому навѣки приковала его немощь.

Одна Анна могла утѣшить несчастнаго, одну ее понималъ онъ—и при взглядѣ на нее, казалось, какая-то мысль на минуту отражалась въ глазахъ его. Если-бы Эмилій имѣлъ силы и былъ только лишенъ слуха и дара слова, то, можетъ быть, этотъ ангелъ-сестра нашла бы возможность пробудить въ немъ спящую душу. Но несчастное существо рѣдко поднималось съ кровати и становилось на ноги; онъ постоянно боролся съ ужасною болѣзнію и послѣ припадковъ ея долгое время оставался неподвижнымъ и только дикимъ, звѣринымъ рычаньемъ поражалъ людей, надзиравшихъ за нимъ.

Когда Анна вошла въ комнату, Эмилій, увидя любимую сестру, улыбнулся ей глазами, протянулъ руки, задрожалъ и началъ манить ее къ себѣ. Изъ устъ его вырвался ужасный звукъ, который могли слушать безъ содроганія только люди, уже привыкшіе къ нему. Анна подошла и тихо поцѣловала брата въ голову. Эмилій закрылъ глаза, потомъ чрезъ минуту открылъ ихъ и улыбнулся, какъ-бы выражая тѣмъ благодарность Аннѣ.

Въ такомъ именно состояніи находился старшій членъ семейства Карлинскихъ! Неудивительно поэтому, что сердце матери каждый разъ обливалось кровью при видѣ сына, котораго хотѣла бы видѣть лучше въ могилѣ, нежели въ настоящемъ, почти животномъ состояніи. Старанія сестры, брата, добрыхъ слугъ, особенно Антонія Мязги, всецѣло посвятившаго себя Эмилію, никогда не покидали больного, но не приносили ему почти никакой пользы. Онъ жилъ, какимъ-то чудомъ переносилъ болѣзненные припадки, по временамъ приходилъ даже въ силы, развивался, и смерть не приближалась къ больному; напротивъ, всѣ доктора увѣряли, что онъ долго можетъ прожить въ такомъ состояніи. Братъ и сестра принуждены были неусыпно наблюдать за нимъ, и жизнь ихъ, прикованная къ этому безсмысленному существу, отравлялась ежедневною *горечью*.

Одна Анна никогда не жаловалась на свою тяжкую обязанность, исполняла ее даже съ восторгомъ и, по мѣрѣ возможности, освобождала Юліана отъ свиданія съ несчастнымъ, всегда огорчавшимъ его. Иногда по цѣлымъ часамъ Анна сидѣла у кровати Эмилія, усиливаясь внушить ему понятія, которыя бы усладили жизнь его, и объясняя ему житейскій бытъ, окружающихъ людей и родное семейство. Но ея усилія были напрасны: Эмилій не оживалъ. Иногда какая-то искра загоралась въ глазахъ несчастнаго, онъ усиливался схватить и понять знаки, сообщаемые сестрою, но послѣ этихъ попытокъ въ немъ возникало только сильнѣйшее безпокойство и раздражительность. Эмилій зналъ и слушался немногихъ, а именно: старика Антонія, который такъ хорошо изучилъ своего панича, что не только понималъ каждый жестъ его, но заранѣе предвидѣлъ, что ему нужно; Анну, успокаивавшую его въ сильнѣйшихъ припадкахъ бѣшенства; Юліана—видимый предметъ его опасеній, и, наконецъ мать, производившую на него непріятное впечатлѣніе. Присутствіе послѣдней всегда усиливало страданія Эмилія, потому что онъ не только не принималъ ласкъ матери, даже не дозволялъ ей подойти къ себѣ, а это невыразимо огорчало несчастную женщину и почти всегда дѣлало ее больною.

Способности, отнятыя у этого больного существа, всею силою своею сосредоточивались въ чувствѣ зрѣнія и еще въ неизвѣстномъ намъ свойствѣ, называемомъ предчувствіемъ. Самымъ величайшимъ наслажденіемъ для Эмилія было смотрѣть на природу, на небо, солнце и звѣзды. Вообще яркіе цвѣта и всѣ блестящія игрушки очень занимали его, а картины онъ любилъ до такой степени, что по цѣлымъ днямъ неподвижно всматривался въ нихъ. Предчувствіе, къ которому уже всѣ привыкли, развито было въ глухонѣмомъ до самой высочайшей степени. За нѣсколько минутъ передъ приходомъ Анны, голова его была обращена къ дверямъ, глаза сверкали и онъ улыбался. Если она хворала, Эмилій также страдалъ. Передъ визитомъ матери метался въ безпокойствѣ и, если могъ встать, то бѣжалъ и прятался по угламъ. Такимъ же образомъ больной предчувствовалъ все, что могло случиться съ нимъ, и никто не удивлялся этому странному свойству, замѣнявшему въ немъ всѣ другія способности.

Эмилій былъ слишкомъ чувствителенъ къ явленіямъ природы: тревожился передъ бурею, во время хорошей погоды былъ веселѣе, метался, когда на дворѣ вылъ страшный вѣтеръ и бушевала вьюга. Зима составляла для Эмилія самый трудный періодъ времени; лѣтомъ онъ любилъ жить болѣе на открытомъ воздухѣ, смѣялся и прыгалъ, какъ звѣрь, когда его выводили изъ комнатъ. Старикъ Антоній и младшій его помощникъ обыкновенно выходили вмѣстѣ съ глухонѣмымъ въ паркъ и тамъ въ уединенномъ мѣстѣ, подъ тѣнью и среди цвѣтовъ, просиживали съ нимъ цѣлые дни. Заглядѣвшись на небо, слѣдя глазами за облаками и улыбаясь имъ, Эмилій забывалъ все, и въ такое время трудно было опять заманить его домой, особенно, если онъ дожидался восхода луны, такъ какъ съ особенною страстью слѣдилъ за нею по небу, сердился на тучи, заслонявшія ее, рвался къ ней и протягивалъ руки.

Вотъ въ какомъ состояніи находился старшій членъ семейства Карлинскихъ! Теперь легко понять—какимъ трауромъ покрывалъ онъ весь домъ, гдѣ болѣзнь несчастнаго служили для всѣхъ всегдашнею картиною и заботою.

IX.

Пока въ Карлинѣ со всею заботливостью ухаживали за больною, пораженною вчерашнимъ впечатлѣніемъ, Алексѣй спѣшилъ въ Жербы и сидѣлъ на своей бричкѣ въ глубокой задумчивости, досадуя на себя за то, что рѣшился прервать однообразный ходъ своихъ занятій, съ которыми желалъ сродниться навсегда, и недовольный сегодняшнимъ визитомъ, подобно необыкновенному сну, бродившему въ его головѣ. Достатокъ Карлинскихъ далъ ему понять собственную бѣдность; ихъ общественное положеніе еще рѣзче показало, какъ онъ ничтоженъ. Гордость запрещала бѣдному шляхтичу брататься съ Юліаномъ, а между тѣмъ сердце такъ сильно влекло къ нему. Алексѣю стало грустно... такъ грустно, какъ не бывало никогда въ жизни. Всѣ желанія молодости, подавленныя трудами и силою воли, вдругъ поднялись въ душѣ. Но вотъ Жербы, соломенная крыша, вотъ тяжкая дѣйствительность!... Алексѣй встрепенулся, вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ и успокоился.

Пустое, повидимому, обстоятельство также содѣйствовало пробужденію Алексѣя отъ описанной мечтательности. Ѣхавшій съ нимъ Парфенъ, по мѣрѣ приближенія къ дому, веселѣлъ, улыбался и поминутно говорилъ съ самимъ собою, не имѣя силъ скрыть своихъ чувствъ, такъ что успѣлъ развлечь и своего пана. Онъ жилъ съ Алексѣемъ на степени приличной короткости; панъ никогда не запрещалъ ему быть человѣкомъ и громко выражать свои мысли. Поэтому, увидя Жербы и погнавъ скорѣе лошадокъ, Парфенъ, противъ воли, далъ Дробицкому наставленіе, высказывая свое мнѣніе о Карлинѣ.

— Вотъ и наши Жербы! — воскликнулъ онъ. — Ну, слава Богу! Вѣдь нигдѣ такъ не хорошо, пане, какъ дома. Гмъ, мнѣ тамъ не понравилось.

— Почему же не понравилось?

— А почемъ я знаю? — возразилъ Парфенъ, пожавъ плечами. — Однимъ словомъ — у насъ лучше! Тамъ страхъ — какіе знатные паны и, сказываютъ, они добрые паны, да не видятъ и не знаютъ людей своихъ; къ нимъ нѣтъ доступу... Я самъ говорилъ съ однимъ деревенскимъ старостой; бѣдняга уже трое сутокъ стоитъ у воротъ, чтобы увидѣть пана и поговорить съ нимъ. Ну, какого же добьется онъ толку? Панъ, навѣрное, отошлетъ его къ коммиссару, коммиссаръ отправитъ къ эконому, на котораго онъ пришелъ жаловаться. А ужъ лакей-то, лакей! Въ тысячу разъ хуже пановъ — недавно снялъ съ себя сѣрый армякъ, а ужъ корчитъ изъ себя особу и задираетъ носъ выше пана. У насъ панскій домъ и деревня—одно; а здѣсь, въ замкѣ, другой народъ, ни поговорить съ ними, ни пожаловаться... Нѣтъ! По мнѣ, Жербы наши лучше.

Алексѣй не сказалъ ни слова, но онъ глубже самого Парфена понялъ слова человѣка, не умѣвшаго хорошенько объяснить свое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, между великолѣпнымъ замкомъ и деревнею съ людьми, между паномъ и даже шляхтою не было ни малѣйшей связи, никакой симпатіи, ни одного патріархальнаго узла, соединяющаго ихъ. Семейство Карлинскихъ предстало теперь глазамъ Алексѣя въ истинномъ видѣ, въ одиночествѣ, на которое обрекли его обычаи, чужеземщина, болѣзненная и мертвенная цивилизація, основывающая *свою возвышенность на* разрывѣ съ окружающимъ ее свѣтомъ.

Эти люди были добровольно уединенными отшельниками среди народа, составляли касту, сосредоточенную въ своемъ собственномъ кругу, чуждую всему, что дѣлалось вокругъ ней, и ведущую иной образъ жизни. А между тѣмъ эти аристократы возстали и выросли изъ нѣдръ того-же самаго народа, хотя теперь далеко разошлись съ нимъ на перекрестныхъ путяхъ жизни. Они были предводителями, наставниками, представителями потребностей, мыслью, умомъ и правою рукою собратій, отъ которыхъ постепенно отвернулись. Вотъ причина страннаго и фальшиваго положенія, безпрестанныхъ ссоръ и непріязненныхъ чувствъ, выражаемыхъ аристократами! Подобно больному человѣку, общество инстинктивно колеблется, если хотя одинъ изъ его органовъ отказывается отъ исполненія обязанностей, требуемыхъ натуральнымъ его положеніемъ, если человѣкъ отвергаетъ собрата, считая его чужимъ.

Чувство зависти, невольно овладѣвшее сердцемъ Алексѣя, теперь обратилось въ состраданіе. Сравнивъ положеніе Карлинскихъ со своимъ, Дробицкій понялъ, что онъ составлялъ живую часть общества, тогда какъ тѣ были мертвымъ его органомъ. Ему пришли на память печальное лицо Юліана, его болѣзненная боязливость, все, сказанное имъ о своемъ положеніи,—и бѣдный шляхтичъ съ улыбкою встрѣтилъ свой домикъ, показавшійся сквозь зеленыя вѣтви.

Жербы граничили съ землями Карлинскихъ; даже эта деревня, кажется, принадлежала нѣкогда фамиліи Карлинскихъ, но купленная небогатымъ шляхтичемъ впослѣдствіи раздѣлилась на нѣсколько частей. На двадцать крестьянскихъ избъ здѣсь было шесть владѣльцевъ, и самымъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ былъ Алексѣй со своимъ семействомъ.

Дробицкіе имѣли только три семьи крестьянъ, или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, пятнадцать душъ; къ этому—часть поля, по тридцати морговъ на каждый засѣвъ, клочекъ хорошаго сѣнокоса, немножко лѣса, небольшая частица въ общей арендѣ и мельницѣ, и самый старый домъ во всей деревнѣ, отѣненный свойственною своимъ лѣтамъ важностью. Въ такомъ маленькомъ имѣньи Алексѣй долженъ былъ жить съ матерью и тремя младшими братьями. Впрочемъ, распорядительный и трудолюбивый молодой человѣкъ такъ хорошо велъ

свое хозяйство, а мать со своей стороны была такъ бережлива и экономна, что у нихъ никогда не было недостатка въ хлѣбѣ и, что удивительнѣе, они вовсе не знали ни долговъ, ни недоимокъ казнѣ. Сосѣди — гораздо богаче крестьянами и землею—съ завистью смотрѣли на достатокъ Дробицкихъ и, не желая назвать себя плохими распорядителями, всегда приписывали это какимъ-нибудь счастливымъ обстоятельствамъ. Наконецъ, всѣ единогласно рѣшили, кто Алексѣй имѣлъ лучшій участокъ земли, что его часть, примыкавшая къ старому дому, лежала на лучшей мѣстности, и даже хотѣли скупить ее; но Дробицкіе не думали продавать земли своей. Впрочемъ, одинъ изъ сосѣдей вывелъ всѣхъ изъ заблужденія: его участокъ земли считался самымъ неурожайнымъ, почти никакихъ не приносилъ доходовъ; такъ какъ у него находилось большое количество земли за нѣсколько миль, то онъ отдалъ свой участокъ въ аренду Алексѣю. Послѣдній, нѣсколько лѣтъ пользуясь этою землею, показалъ изумленнымъ сосѣдямъ, что гораздо болѣе значитъ умѣнье воздѣлывать землю, нежели самая земля. Лежавшія на отлогостяхъ поля стали приносить хорошій урожай, шляхтичъ разлакомился на это и взялъ землю назадъ, но на другой же годъ, ничего не получивъ съ нея, опять возвратилъ ее Алексѣю. Не желая отдать ему должной справедливости, всѣ сказали ему въ одинъ голосъ: „Панъ Алексѣй счастливъ!“—Такъ Дробицкій и остался со своимъ счастьмъ, тогда какъ достигалъ его исключительно трудолюбіемъ и умѣньемъ вести хозяйство. Что онъ ни предпринималъ, онъ никогда не дѣлалъ на авось или на удачу, а съ оглядкою и знаніемъ дѣла, не жалѣлъ себя, не полагался на другихъ, не боялся трудностей, не отставалъ отъ своей рѣшимости, и хотя многіе завидовали ему, однако, никто не былъ врагомъ, потому что за непріязнь Алексѣй умѣлъ платить добромъ и такимъ образомъ обезоруживалъ своихъ недоброжелателей.

Старый домъ, занимаемый Дробицкими, стоялъ въ концѣ деревни; принадлежавшія къ нему три крестьянскія избушки стояли близъ него черезъ улицу. Его окружали садъ и удобныя, хотя немного состарѣвшіяся пристройки. Алексѣй не имѣлъ средствъ построить новыхъ, но умѣлъ поддерживать старыя. Самый домъ былъ, вѣроятно, столѣтнимъ зданіемъ, но съ са-

маго начала построенный изъ хорошаго лѣсу, крѣпко еще держался, постепенно осѣдая въ землю. Высокая кровля, крыльцо съ четырьмя столбами, высокія, но узкія окна, придавали ему важную старосвѣтскую физіономію, а окружающія деревья со всѣхъ сторонъ заслоняли его отъ любопытныхъ взоровъ. Передъ нимъ лежали довольно обширный дворъ съ самымъ лучшимъ въ деревнѣ колодцемъ, маленькій флигель, конюшни, погребъ и другія хозяйственныя пристройки. Принадлежавшія къ этому дому изгороди вездѣ были крѣпкія, нигдѣ не замѣчалось слѣдовъ разрушенія, пустоты, развалинъ и безпорядка. Вездѣ видна была хорошая рука хозяина. Зато, въ свою очередь, здѣсь ни въ чемъ не выражалось желанья блеснуть красотою, услаждать глаза, потому что въ Жербахъ не было времени на подобныя прихоти. На серединѣ двора, у колодца, стояли жолоба для поенья скота, отъ старой липы до колодезнаго очепа висѣла веревка для сушенія бѣлья, на изгородяхъ навѣшены были кринки и горшки, на крыльцѣ стояли забытыя корыта и ведра. Старосвѣтскія ворота покрыты были соломою, самый домъ обшитъ снопами, хоть имѣлъ прежде гонтовую кровлю, а въ сѣнныхъ окнахъ довольно выбитыхъ и некрасиво заштукованныхъ стеколъ. Фламандскому пейзажисту, можетъ быть, очень понравился бы этотъ домикъ, съ множествомъ живописныхъ и счастливо сгрупированныхъ частностей, оживленный домашними птицами, мелкимъ и крупнымъ скотомъ и лошадьми, заслоненный со всѣхъ сторонъ деревьями и полевыми цвѣтами; но человѣкъ, привыкшій къ пышности другого свѣта, свѣта забавъ и праздности, съ омерзеніемъ отвратилъ бы глаза свои отъ этой шумной усадьбы, куда съ большимъ трудомъ могла въѣхать большая повозка, запряженная четвернею или тройкою.

Подъѣзжая къ дому, Алексѣй выскочилъ изъ брички и забѣжалъ въ хату Тивона узнать, что дѣлается въ полѣ. Между тѣмъ, Парфенъ побѣжалъ въ конюшню, потому что ему нужно было скорѣе попасть домой. Увидя лошадей на переднемъ дворѣ, Дробицкая проворно вышла на крыльцо узнать о сынѣ, потому что уже безпокоилась о немъ. Вслѣдъ за нею высыпали младшіе сыновья, слуги, и немедленно раздались нетерпѣливые голоса:

— А гдѣ паничъ? Гдѣ Алексѣй?

Почти въ ту-же минуту хозяинъ, не заставъ Тивона дома, вбѣжалъ въ ворота и показался на дворѣ. Братья, мать и старый Курта—толпою вышли на встрѣчу, съ выраженіями безпокойства и радости.

— Гдѣ ты былъ такъ долго?—спросила Дробицкая.

— Сейчасъ, сейчасъ разскажу, гдѣ былъ и что задержало меня,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, цѣлуя руку матери, обнимая братьевъ и здороваясь съ собакой, которая распихивала всѣхъ, требуя своей доли.

Дробицкая, мать Алексѣя, была женщина уже немолодая, довольно обыкновенная и некрасивая по наружности; труды и горести совершенно изгладили красоту, какую могла она имѣть въ молодости. На загорѣломъ и морщинистомъ лицѣ ея рисовались только энергія и душевная сила. Это былъ одинъ изъ множества типовъ, которые сразу не говорятъ ничего, въ которые нужно внимательно всмотрѣться, чтобы прочитать въ нихъ характеръ, которыхъ черты забываются легко, но цѣлое навсегда остается въ памяти. Испещренные сѣдинами волосы окружали желтыя и морщинистыя щеки, въ большихъ и темныхъ глазахъ выражались быстрота и разумъ; вообще вся наружность казалась болѣе суровою, нежели милою, но губы и полное доброты ихъ выраженіе нѣсколько смягчали черты, отѣненныя печалью и вмѣстѣ какою-то важностью. При первомъ взглядѣ она не привлекала къ себѣ, даже не старалась быть милою; но, узнавъ ее короче, каждый видѣлъ, что можетъ разсчитывать на ея сердце. Она не была чувствительна, но умѣла чувствовать глубоко. Подобно всѣмъ бѣднякамъ, живущимъ въ постоянной борьбѣ съ судьбой и людьми, она не вдругъ вѣрила: первымъ ея чувствомъ были недовѣрчивость и опасеніе; но, если подобное впечатлѣніе было подавлено одинъ разъ, тогда ея сердце растворялось дѣятельною и великою христіанскою любовью.

Чтобы оцѣнить эту женщину, необходимо было ближе знать и каждый день видѣть ее; незнакомые люди большею частью ошибались въ ней.

Въ ежедневной жизни Дробицкая была, главнымъ образомъ, *мать семейства и хозяйка*, иногда слишкомъ суровая и стро-

гая, но умѣвшая идти прямо къ цѣли, потому что ясно и вѣрно видѣла ее. Крикливая, говорунья, не умѣвшая льстить никому, она своею искренностью нерѣдко наживала себѣ враговъ, хотя слова ея шли прямо изъ сердца. Испытавъ обиду сама, она смѣялась и, не помня зла, всегда готова была подать врагу руку помощи, но въ то же время безъ церемоніи говорила ему въ глаза горькую правду. Дѣти боялись и вмѣстѣ любили ее. Въ числѣ ихъ сердце Дробицкой отличало одного Алексѣя, потому что она основывала на немъ будущность прочихъ дѣтей своихъ. Впрочемъ, если и старшій сынъ, по ея мнѣнію, допускалъ ошибку, она не колебалась высказывать ему свои мысли, вовсе не думая надъ выраженіями, въ которыя облекала свое наставленіе.

Три брата Алексѣя, изъ которыхъ старшій окончилъ курсъ въ училищѣ, а младшій только начиналъ учиться, мальчикъ рослые и воспитанные въ строгости, были очень похожи ни него и другъ на друга. Не отличаясь ни наружною красотою, ни стройностью фигуръ своихъ, они были крѣпкаго сложенія, здоровые, веселые, а въ глазахъ ихъ отражались быстрая понятливость.

— Ну, говори же, Алексѣй, гдѣ ты гостилъ такъ долго?— воскликнула Дробицкая.—Еще вчера я ждала тебя. Хоть дождь лилъ точно изъ ведра, но вѣдь ты не лежебокъ какой-нибудь и не испугаешься, если немножко воды попадетъ тебѣ за воротъ. А тутъ безъ тебя принялись разставлять копны; не знаю, что теперь тамъ и дѣлаютъ; да и пшеница-то, пожалуй, пропадетъ, если очень перезрѣетъ.

— Сейчасъ, сію минуту, матушка,—сказалъ Алексѣй. — Ужъ я заходилъ къ Тивону, велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣду въ поле. Слишкомъ опасаться нечего—кажется, будетъ хорошая погода.

— Вѣрь ты этой погодѣ! По моему, гораздо лучше, когда пшеница лежитъ въ амбарѣ... это вѣрнѣе... Такъ что же задержало тебя?

— Во-первыхъ, ярмарка, — отвѣчалъ Алексѣй, входя въ домъ,—потомъ...

— Ну, что потомъ—подхватила мать.

— Странный случай!

— Случай! — повторили братья и мать, обступая Алексѣя,—случай?

— Не знаю, какъ вѣрнѣе сказать... пожалуй — хоть встрѣча... Къ вечеру я заѣхалъ въ корчму на большой дорогѣ, чтобы покормить лошадей и, несмотря на проливной дождь, мы съ Парфеномъ хотѣли ѣхать дальше, какъ вдругъ пріѣхалъ туда же мой старый знакомый и товарищъ по университету—панъ Юліанъ Карлинскій.

— Карлинскій!—вскрикнула мать,—изъ Карлина? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, чтожъ дальше?

— Натуральное дѣло, когда мы узнали другъ друга, онъ не хотѣлъ пустить меня и я долженъ былъ ночевать съ нимъ. Между тѣмъ, пріѣхалъ посланецъ съ извѣстіемъ, что его мать...

— Полковница?

— Да, пани Дельріо, занемогла; я поѣхалъ за докторомъ Греберомъ, свезъ его въ Карлинъ и теперь возвращаюсь прямо оттуда.

Мать пристально посмотрѣла въ глаза сыну, невольно вспыхнувшему, и покачала головою.

— Вотъ тебѣ и разъ—воскликнула она, пожимая плечами.— Теперь попали мы въ ловушку, хоть долго бѣгали отъ нея. Напрасно я совѣтовала тебѣ не знакомиться съ тѣмъ паничемъ и не вспоминать старой дружбы,—судьба хотѣла иначе... Чтожъ дѣлать! Но это огорчаетъ меня. Вѣрно онъ былъ вѣжливъ, увлекъ твое сердце; вотъ и пойдетъ теперь дружба съ замкомъ, а для насъ—бѣдной шляхты это очень вредно.

— Милая маменька! — произнесъ Алексѣй, немного тронутый упреками матери,—могъ ли я поступить иначе, имѣлъ ли право бѣжать прочь или отвѣчать равнодушіемъ, если онъ оказываетъ мнѣ искреннее расположеніе?

— А на что тебѣ это панское расположеніе? — сердито сказала Дробицкая,—на что? Для чего? Оно только разстроитъ тебя, поведетъ къ лишнимъ издержкамъ, ты привыкнешь къ бездѣлью, будешь то-и-дѣло кататься въ Карлинъ, либо онъ безпрестанно будетъ забѣгать сюда и отнимать у насъ дорогое намъ время... Ужъ прямо скажу тебѣ: я не люблю этого... Что правда, то правда!..

— Безцѣнная маменька!—проговорилъ Алексѣй, цѣлуя ей

руку—во-первыхъ, я вовсе не хотѣлъ заключать съ нимъ короткой дружбы; во-вторыхъ—это былъ нечаянный случай, потому нѣтъ резона заключать, будто мы начнемъ теперь жить въ короткихъ сношеніяхъ, хотя бѣдный Юліанъ, кажется, очень желаетъ этого... Онъ такой добрый человѣкъ!

— Добрый... Они всѣ добры — хоть куда, — отозвалась мать,—но намъ не ужиться съ ними, они не умѣютъ цѣнить ни времени, ни денегъ; мы съ ними испортимся, а они не исправятся. Лучше жить со своею братіею...

— Правда ваша, — лучше жить со своими, но что мнѣ дѣлать теперь? Посовѣтуйте, я охотно послушаюсь, потому что вовсе не ищу другого общества.

— Да ужъ не оправдывайся, голубчикъ! — воскликнула мать.—Развѣ я не понимаю, что ты умнѣе насъ и тебя поневолѣ должно тянуть къ этимъ господамъ, которые лучше поймутъ тебя, какъ равнаго себѣ по уму. Но не думай, будто я изъ самолюбія хотѣла приковать тебя къ нашей хатѣ съ соломенной крышей. Если я удерживаю, такъ дѣлаю это для тебя самого. Тамъ, у пановъ, ничего не встрѣтишь, кромѣ огорченій. Хоть бы ты былъ первый мудрецъ на свѣтѣ, хоть бы сталъ равенъ имъ головой и сердцемъ, никогда не найдешь тамъ ни искренней дружбы, ни братства, ни равенства; ты обязанъ будешь занимать ихъ, служить имъ, жертвовать собою, и за все это, если будутъ имѣть досугъ и не найдутъ никого лучше, они издали улыбнутся тебѣ, только бы никто не замѣтилъ этого. Повѣрь мнѣ, повѣрь... Потомъ они предпочтутъ тебѣ перваго мальчишку съ раздушенной головой и поддѣльнымъ титуломъ.

— Ахъ, маменька! Вы все представляете въ черныхъ красскахъ, но я рѣшительно не думаю навязываться никому, даже Юліану.

— Да что и толковать долго? Ужъ дѣло сдѣлано — объясняться нечего; но откровенно говорю тебѣ, что я не радуюсь этому. Вотъ увидишь—Юліанъ, соскучившись о тебѣ, вѣрно пріѣдетъ сюда, возьметъ тебя къ себѣ; тамъ познакомишься съ другими, долженъ будешь разъѣзжать, мы должны будемъ принимать; тогда ты уже не справишься съ хозяйствомъ, родной домъ опротивѣетъ тебѣ, потому что привыкнешь къ

панской роскоши—вѣдь это такъ легко!.. Но хоть разскажи, по крайней мѣрѣ, какъ это случилось?

Алексѣя обступили со всѣхъ сторонъ, и онъ долженъ былъ со всѣми подробностями пересказать о своей встрѣчѣ въ корчмѣ, о разговорѣ съ Юліаномъ и пріемѣ въ замкѣ. Онъ не умолчалъ о свиданіи съ Анною, не скрылъ впечатлѣнія, какое произвело на него пребываніе въ Карлинѣ, однимъ словомъ, обо всемъ сказалъ откровенно. Мать съ печальною миною слушала сына, качала головою, но не говорила ни слова. Въ это же время подвели къ крыльцу осѣдланную буланую лошадь, второй братъ напросился ѣхать вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ поле на маленькой лошадкѣ, которую Парфенъ немедленно и привелъ ему. Отправивъ обоихъ сыновей на работу, Дробицкая съ поникшею головою возвратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

X.

Уже нѣсколько дней пани Дельріо прожила въ Карлинѣ, но ея здоровье не поправлялось. Полковникъ, успокоенный присланнымъ извѣстіемъ, не спѣшилъ къ женѣ; докторъ Греберъ еще находился тамъ и умѣрялъ раздраженье бѣдной женщины разными средствами, но они мало приносили пользы. Юліанъ и Анна неотлучно сидѣли при матери, а если по необходимости удалялись на короткое время, то печаль полковницы усиливалась до такой степени, что, по возвращеніи, они находили ее въ слезахъ. По принятому и строго соблюдаемому въ Карлинѣ обыкновенію, хотя Юліанъ строго приказалъ не извѣщать президента Карлинскаго о прибытіи полковницы, однако черезъ три дня кто-то секретно далъ ему знать объ этомъ—и президентъ, по обыкновенію, немедленно пріѣхалъ въ Карлинъ, разсчитывая на то, что его присутствіе будетъ для пани Дельріо достаточнымъ побужденіемъ скорѣе отправиться домой.

Можетъ быть, въ первый разъ теперешній визитъ Павла былъ непріятенъ Юліану и Аннѣ, хоть они любили дядю и умѣли цѣнить его заботливость о себѣ. Они хорошо поняли цѣль пріѣзда его, а между тѣмъ положеніе матери не безъ причины тревожило ихъ. Павелъ былъ очень вѣжливъ къ бывшей женѣ по-

койнаго брата и хоть они никогда не доходили до острыхъ разговоровъ и объясненій между собою, однако въ душѣ ненавидѣли другъ друга. Павелъ сердился на полковницу за брата и не могъ простить ей вторичнаго замужства; полковница видѣла вънемъ тѣнь ненавистнаго мужа и преслѣдователя, отнявшаго у нея дѣтей и не хотѣвшаго ввѣрить ихъ материнскому сердцу. Они ни одного разу не высказали другъ друга того, что чувствовали; но въ то-же время ясно видѣли, что ихъ взаимное нерасположеніе и ненависть никогда и ничѣмъ не искоренятся.

Президенту довольно было только пріѣхать въ Карлинъ, чтобы своимъ прибытіемъ выгнать оттуда полковницу. Онъ никогда не позволялъ ей пробыть у дѣтей дольше трехъ сутокъ; а если дѣти рѣшались навѣстить мать, то чрезъ два дня обыкновенно самъ пріѣзжалъ за ними. Такое удаленіе дѣтей отъ матери, было до такой степени обидно для полковницы, что за это она смертельно возненавидѣла президента; но должна была терпѣть и равнодушно переносить подобное преслѣдованіе, потому что въ этомъ случаѣ президентъ поступалъ отчасти справедливо.

Какъ лицомъ, такъ и характеромъ похожій на покойнаго хорунжича, президентъ былъ моложе его только однимъ годомъ. Воспитаніе вело его къ одной участи съ братомъ, но склонности ихъ были различны. Подобно Хорунжичу—чужеземецъ и больше всего французъ, страстный обожатель цивилизаціи Запада, Павелъ, старался стереть съ себя самомалѣйшій слѣдъ и печать происхожденія—точно клеймо первороднаго грѣха; сдѣлался гражданиномъ всего міра, европейцемъ, почти стыдился родныхъ обычаевъи не любилъ своего прошлаго. Онъ часто вояжировалъ, помнилъ много, обладалъ познаніями; но при всемъ этомъ строго слѣдовалъ мнѣніямъ современности, безусловно признавая истины, принятыя въ высшемъ кругу общества, и съ уваженіемъ повторяя все, что въ извѣстномъ мѣстѣ считалось за аксіому.

Любя свѣтъ и жизнь забавъ, удовольствій и праздности, Павелъ въ сравненіи съ братомъ имѣлъ одною страстью больше; онъ былъ тщеславенъ и гордъ, хотѣлъ пользоваться значеніемъ и искалъ его въ должностяхъ, знакахъ отличія, въ степеняхъ служебной іерархіи. Это, по крайней мѣрѣ, имѣло хорошую сторону въ томъ отношеніи, что Павелъ принималъ участіе въ дѣйствительной жизни и усиливался занять въ ней самое

видное положеніе. Чрезвычайно вѣжливый, увлекательный, снисходительный въ обращеніи, Павелъ имѣлъ сердце благородное и доброе; но рѣзко пробивавшаяся сквозь эти свойства гордость отталкивала отъ него всѣхъ и дѣлала его почти смѣшнымъ.

Постепенно возвышаясь въ должностяхъ, начиная съ уѣзднаго предводителя дворянства, Павелъ старался потомъ получить, и въ самомъ дѣлѣ получилъ, титулъ президента, а въ настоящее время добивался званія губернскаго предводителя— цѣль тайныхъ его надеждъ и желаній. Всѣ домогательства, впрочемъ, весьма благородныя, предпринимаемыя имъ въ этомъ отношеніи, ограничивались пока снискиваніемъ себѣ друзей между лицами, имѣвшими какое-нибудь вліяніе. Онъ не забывалъ ни однихъ имянинъ значительныхъ въ губерніи особъ, не пропускалъ ни одного бала въ городѣ, участвовалъ во всѣхъ пріемахъ высшихъ лицъ, нѣсколько разъ въ году скакалъ на почтовыхъ для поздравленія съ чинами и орденами, однимъ словомъ всѣми силами старался стать на виду, даже искалъ популярности у шляхты, дабы склонить ее къ выбору себя. Всегда открытый домъ его свидѣтельствовалъ, что будущій высокій сановникъ не пожалѣетъ никакихъ расходовъ на дворянское представительство; усердное посредничество въ дѣлахъ сосѣдей и знакомыхъ служило порукою, что онъ со всѣмъ радушіемъ будетъ исполнять обязанности посредника и покровителя. Однако ему долго приходилось ждать вожделѣннаго мундира и титула. И никто столько не вредилъ ему на этомъ поприщѣ, какъ полковникъ Дельріо, который, вмѣстѣ съ женою, питалъ къ нему непримиримую ненависть.

Павлу было лѣтъ около пятидесяти; иные увѣряли, что больше, но, судя по наружности, онъ казался моложе; онъ еще былъ свѣжъ, здоровъ, красивъ, хотя немного лысъ. Высокаго роста, сухощавый, статный, одѣваясь хорошо, президентъ имѣлъ такую стройную талію, что издали казался почти юношей.

Еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ президентъ довольно легкомысленно женился на красавицѣ-нѣмкѣ, разведшейся съ мужемъ, или вдовѣ какого-то генерала. Подобно ему, женщина европейскихъ салоновъ, не умѣвшая ни понять, ни полюбить родины, пани фонъ-Драгенъ ничего не принесла съ собою въ приданое, кромѣ прекраснаго, набѣленнаго и нару-

мяненнаго личика, въ скоромъ времени испорченнаго бѣлилами и румянами, да еще — нервовъ, неумѣренной склонности къ удовольствіямъ и прекраснаго таланта на арфѣ, играя на которой, она имѣла возможность похвастаться превосходными ручками. Однихъ лѣтъ съ президентомъ, она состарѣлась скорѣе мужа, а это обстоятельство натурально произвело въ ней самое дурное расположеніе; она капризничала, если сидѣла дома, и Павелъ такъ привыкъ къ подобнымъ причудамъ, что уже не обращалъ на нихъ вниманія. Почти каждый годъ она ѣздила на минеральныя воды, къ морямъ, въ теплый климатъ, ища развлеченія на всемъ земномъ шарѣ и нигдѣ не находя ничего, кромѣ одной зѣвоты. Дѣтей у нихъ не было, и это увеличивало ихъ несчастіе. Впрочемъ, по отъѣздѣ жены изъ дому, президентъ становился веселѣе и велъ холостую жизнь. Нерастраченныя чувства сердца онъ всецѣло перенесъ на дѣтей брата Яна, особенно на Анну; вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ, другимъ братомъ покойнаго хорунжича, онъ былъ опекуномъ племянниковъ и всего себя посвятилъ ихъ воспитанію и устройству. Живя недалеко въ Загорьѣ, Павелъ не спускалъ съ нихъ глазъ, управлялъ имѣніемъ, помогалъ во всѣхъ дѣлахъ и любилъ ихъ — точно родныхъ дѣтей, кромѣ того еще любилъ ихъ всею ненавистью, какую питалъ къ полковницѣ, стараясь замѣнить имъ мать и всѣми мѣрами удаляя ее отъ Юліана и Анны.

Какъ Анна была въ полномъ смыслѣ душою всего Карлина, такъ президентъ былъ въ немъ главнымъ хозяиномъ. Юліанъ дѣлалъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ, никто не противорѣчилъ ему, никто не руководилъ имъ; неболѣе практическій и неутомимый президентъ, неусыпно наблюдалъ за нимъ и, не давая понять, что помогаетъ или совѣтуетъ ему, не затрогивая самолюбія Юліана, даже оставляя на его сторонѣ всѣ заслуги, умѣлъ такъ дѣйствовать на него, что, несмотря на равнодушіе къ трудамъ и занятіямъ, Юліанъ очень хорошо управлялъ имѣніемъ. Такой успѣхъ удивлялъ и даже иногда поощрялъ молодого человѣка; но какъ въ немъ не было большой надменности, то онъ съ радостью согласился бы прослыть неспособнымъ къ хозяйству, лишь-бы ничего не дѣлать, но президентъ не допускалъ до этого.

Полковницѣ не говорили о пріѣздѣ президента. Но такъ какъ она жила въ Карлинѣ уже третій или четвертый день, то съ безпокойствомъ предчувствовала его. Увидя карету дяди, Юліанъ и Анна переглянулись другъ съ другомъ и первый незамѣтно удалился изъ комнаты. Онъ нашелъ президента уже расхаживавшимъ по салону и искавшимъ зеркала, чтобы поправить волосы, платье и другія принадлежности своего костюма, потому что президентъ слишкомъ заботился объ этомъ.

— Ахъ, милый дядюшка!..

— Ахъ, милый племянникъ!—отвѣчалъ Павелъ съ улыбкой.

— Какъ ваше здоровье?

— А ваше?

— Мы, слава Богу; но мамаша, пріѣхавъ къ намъ, занемогла опасно...

— Зачѣмъ же она ѣздитъ? Зачѣмъ ѣздитъ?—съ притворнымъ добродушіемъ произнесъ Павелъ, подходя къ зеркалу.— Вы бы сами могли на какой-нибудь день побывать къ ней, а то съ ея здоровьемъ...

— Ей хотѣлось видѣть Эмилія.

— Развѣ она поможетъ ему?—мрачно проговорилъ президентъ.—Но гдѣ Ануся?

— У мамаши...

— Полковница не выходитъ?

— Уже три дня. Греберъ запретилъ...

— А, и Греберъ здѣсь?

— Но мамашѣ было очень дурно...

— А полковникъ не пріѣзжалъ?

— Она не велѣла писать ему, что больна.

Президентъ слегка пожалъ плечами.

— Не думаю даже, чтобъ здѣсь ей было удобно... Кромѣ того, она должна безпокоиться о мужѣ...

— Но и выѣхать ей невозможно, милый дядюшка, невозможно,—сказалъ Юліанъ съ удареніемъ.—Еще нѣсколько дней она должна прожить здѣсь, пока совсѣмъ не поправится...

— Противъ этого не спорю,—сухо отвѣчалъ президентъ.— Но могу-ли я видѣться съ нею?

Юліанъ немного смѣшался.

— *Дорогой дядюшка!* — произнесъ онъ, приближаясь къ

президенту,—вы понимаете меня... пожалуйста, не принуждайте мамашу къ свиданію съ собою; она цѣнитъ васъ, но вы знаете, какъ это разстроитъ ее...

— Я вовсе не зналъ, чтобы это могло разстроить полковницу... Если хочешь, пожалуй, я не буду видѣться съ нею... Я никогда не былъ нахаломъ и невѣжей.

Юліанъ подошелъ, чтобы обнять дядю, президентъ съ слезами на глазахъ прижалъ его къ сердцу. Въ эту же минуту вошелъ Греберъ.

— Ахъ, панъ докторъ!—воскликнулъ Павелъ, кланяясь ему издали и небрежно.—Юліанъ, вели подать мнѣ чаю.

Юліанъ вышелъ. Президентъ обратился къ Греберу и спросилъ:

— Скажите, что случилось тутъ съ полковницею? Въ самомъ ли дѣлѣ она больна, или ей только надо быть больною?

Политикъ Греберъ пожалъ плечами, еще не зная, что сказать въ отвѣтъ.

— Такъ что же? Ужъ три дня вы лѣчите ее, слѣдовательно, должны знать, какого рода болѣзнь вашей паціентки.

— Небольшое раздраженіе нервовъ, частію простуда и маленькій безпорядокъ въ желудочныхъ отправленіяхъ...

— Ну, такъ слава Богу, тутъ нѣтъ ничего страшнаго,— сказалъ президентъ.—Дать ей лимонада или магнезіи, и будетъ здорова; а противъ простуды, докторъ, я самъ испыталъ, нѣтъ лучшаго лѣкарства, какъ ѣзда и свѣжій воздухъ.

Греберъ улыбнулся, вошелъ Юліанъ, и разговоръ прервался. Въ эту-же минуту доложили, что пріѣхалъ полковникъ. Президентъ немного сморщился, потому что не могъ сразу подавить въ себѣ непріятнаго чувства; но чрезъ минуту, силою воли, онъ опять сдѣлался веселъ. Павелъ съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ владѣть собою.

Для посторонняго человѣка президентъ и полковникъ казались одинаковыми типами; но въ существѣ они рѣзко отличались другъ отъ друга, хотя повидимому, принадлежали къ одному классу общества. Оба когда-то были красавцами и помни ли бъ этомъ дольше, чѣмъ бы слѣдовало это пожилымъ людямъ; оба любили свѣтъ и, воспитанные за границею, оба отличались самымъ утонченнымъ обращеніемъ. Но, несмотря

на такое сходство, легко было видѣть, что ихъ раздѣляло огромное пространство. Полковникъ игралъ роль магната, не сознавая себя имъ; президентъ, хоть не былъ магнатомъ по богатству, но зная свое происхожденіе и поддерживаемый родословными воспоминаніями, былъ имъ по внутреннем уубѣжденію. Полковникъ, не умѣя скрыть подъ благовидной оболочкой свои страсти, то-и-дѣло компрометировалъ себя неумѣренною игрою, пиршествами и особенно красивыми личиками, до которыхъ слабость его была до послѣдней степени очевидна и не слишкомъ тщательно скрываема; президентъ, слабый въ такой же степени, ни одного разу не былъ изобличенъ въ своихъ слабостяхъ; на-счетъ его предполагали и даже говорили разныя разности, но никто не могъ прямо въ глаза назвать его виноватымъ, такъ что Павелъ имѣлъ даже право громко и смѣло разсуждать о нравственности.

Эти люди, питая взаимное нерасположеніе, обращались другъ съ другомъ холодно и вѣжливо. Полковникъ выражалъ немного язвительности, президентъ со своей стороны платилъ за это презрѣніемъ. Впрочемъ, встрѣтившись въ обществѣ, особенно многолюдномъ, они не обнаруживали антипатіи другъ къ другу. Президентъ, въ кругу постороннихъ, отзывался о полковникѣ безо всякой тѣни нерасположенія; полковникъ даже передъ короткими друзьями скрывалъ свои чувства къ Павлу и почти хвастался дружбою съ нимъ. Несмотря на все это, они очень рѣдко встрѣчались другъ съ другомъ и нигдѣ не могли быть долгое время вмѣстѣ.

Еще въ передней, узнавъ о президентѣ, полковникъ немного смѣшался, но сейчасъ же замаскировалъ это восклицаніемъ:—Ахъ, такъ давно я не имѣлъ удовольствія видѣть его!—и вошелъ въ салонъ съ улыбкою.

Президентъ на этотъ разъ рѣшился быть тѣмъ вѣжливѣе, чѣмъ сильнѣе хотѣлъ дать почувствовать полковнику, что считаетъ себя здѣсь хозяиномъ, а его чужимъ и гостемъ. Горячо поздоровавшись съ полковникомъ, Павелъ съ величайшею заботливостью спросилъ его о лошадяхъ, помѣщеніи и пріемѣ.

Высокій, плечистый и прекрасно сложенный Дельріо, вслѣдствіе заботъ супружеской жизни, значительно посѣдѣлъ, чувствовалъ слабость въ ногахъ, испытывалъ припадки подагры,

хотя не признавался въ ней. Такъ какъ напоминанье о подагрѣ могло быть для него крайне непріятнымъ, то президентъ, усаживая его, выразилъ заботливость, чтобы ногамъ его было тепло.

— А что, панъ полковникъ, вѣдь мы старѣемся—сказалъ онъ съ веселою улыбкою.—Даже и я начинаю уже чувствовать, что молодость вся израсходовалась.

— Я не сознаю этого—возразилъ Дельріо.

— И дурно поступаете,—перебилъ президентъ,—люди начнутъ видѣть больше того, что есть на самомъ дѣлѣ. Надо предупредить ихъ.—Видѣлись вы съ супругою?—спросилъ онъ, спустя минуту.

— Нѣтъ! Но я полагаю, что она войдетъ въ залу...

— Едва-ли,—равнодушно сказалъ президентъ,—кажется, она не очень здорова.

— Нездорова?—повторилъ полковникъ, устремивъ глаза на Гребера.—Въ самомъ дѣлѣ?

— Не безпокойтесь, это ничего, ничего, такъ... маленькое разстройство нервовъ.

— А, нервовъ.

— Мы хорошо знаемъ подобныя вещи, полковникъ!—отозвался президентъ.—Вѣдь и моя тоже нервная... Счастье, что ея нѣтъ теперь дома. О, если бы она потеряла свои нервы гдѣ-нибудь въ дорогѣ!

Видно, не по вкусу пришлась эта острота полковнику, потому что онъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ, а только улыбнулся и, схвативъ шляпу, отправился къ женѣ. Греберъ взялся проводить его. Президентъ остался одинъ съ Юліаномъ.

При входѣ полковника въ комнату, гдѣ сидѣла полковница съ Анною, изъ груди жены вырвался крикъ удивленія, потому что если она и была къ нему привязана, то только по привычкѣ и не могла не взволноваться въ первую минуту свиданія съ нимъ; потомъ на лицѣ ея рѣзко отразилось чувство неудовольствія. Полковникъ подошелъ къ женѣ съ выраженіемъ безпокойства, но въ скоромъ времени перемѣнилъ тонъ разговора и перешелъ къ любимымъ шуткамъ. Анна немедленно вышла вмѣстѣ съ Греберомъ; супруги остались одни.

Это не *слишкомъ* нравилось пану Дельріо,—онъ не любилъ

долгое время оставаться иаединѣ съ женою, такъ какъ болѣзненная чувствительность жены очень надоѣдала ему. Впрочемъ Дельріо подсѣлъ къ ней и началъ разговоръ цѣлованіемъ ея ручекъ.

— Ты не повѣришь,—отозвалась жена,—какъ мнѣ было дурно; если-бы не докторъ Греберъ...

— Ужъ онъ говорилъ мнѣ,—нервы, душа моя!

— Вотъ какъ вы легко судите о нашихъ болѣзняхъ!

— Не хотѣлось бы понимать ихъ иначе; это было бы слишкомъ больно для меня; но, благодаря Бога, все прошло и мы опять здоровы, cher ange, и молоды, и прекрасны! Какіе сегодня у тебя глазки!

— Отъ лихорадки.

— О, нѣтъ въ нихъ! Въ нихъ просвѣчиваетъ жизнь... Еще, можетъ быть, немножко любви... и частичка тоски...

Найдя слова мужа неприличными, полковница потупила глаза и покраснѣла, точно пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Онъ обнялъ ее съ улыбкою развратника и, поцѣловавъ въ голову, сказалъ:

— Только, пожалуста, не хворай. Сколько разъ ты ни пріѣзжала въ этотъ Карлинъ, полный привидѣній и черныхъ воспоминаній, всегда платилась за это здоровьемъ.

— Здѣсь мои дѣти!—прошептала пани Дельріо.

— Кто же виноватъ, что ты не имѣешь ихъ больше?—сказалъ полковникъ съ шутливою улыбкою.—Надо было постараться, чтобы хоть пара ихъ кричала и въ Лютковѣ.

— Богъ не далъ... милый Викторъ!

— Милая Теклюня!

Дельріо еще два раза поцѣловалъ и обнялъ жену. Исполнивъ эту обязанность, онъ сѣлъ на стулъ и сказалъ:

— Когда же мы поѣдемъ?

— Не знаю. Докторъ не позволяетъ.

— Ну его къ чорту! Но вотъ въ чемъ дѣло,—президентъ уже явился!

Полковница въ большомъ замѣшательствѣ вскочила со стула и поблѣднѣла.

— Президентъ—здѣсь? Кто сказалъ тебѣ?

— *Да я самъ* видѣлъ его... Сладенькій, ни дать ни взять—

Полковница опять сѣла на стулъ и сказала:

— Пріѣхалъ... Ты говоришь правду,—пора намъ ѣхать; мы не можемъ жить съ нимъ подъ одной кровлей.

— И я со своей стороны не могу сказать, что обожаю его,—подтвердилъ Дельріо.—Но одинъ день какъ-нибудь проживемъ здѣсь... Между прочимъ не мѣшаетъ показать, что мы не боимся его и не бѣжимъ отсюда.

Полковница молчала и, потупивъ голову, погрузилась въ печальную задумчивость.

— Ну же, душечка, разсѣй печальныя мысли, которыя привезъ съ собою президентъ,—произнесъ мужъ.—Перестань думать о немъ, а лучше взгляни-ка на меня своими пятнадцатилѣтними глазками: они жгутъ меня до костей. Теклюня! Cher ange!

Но полковникъ напрасно усиливался разсѣять дурное расположеніе жены своими шутками. Пани Дельріо оставалась печальною и сердитою.

— Жизнь моя!—опять сказалъ полковникъ, спустя минуту.—Подобное нерасположеніе къ президенту могло бы внушить мнѣ самыя странныя догадки: только одна любовь способна съ такою быстротою обращать сладкія чувства въ кислыя.

На столь неумѣстную остроту полковница пожала плечами и воскликнула:

— О, рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь, подъ предлогомъ развлеченія, такъ жестоко мучить меня?.. Президентъ... Да это для меня самое ненавистное существо на свѣтѣ!

— Не стану защищать его, — отозвался полковникъ.— Можешь ненавидѣть его, сколько угодно... Но почему меня ты принимаешь такъ печально и холодно? Повѣрь, я не заключалъ ни малѣйшей дружбы съ президентомъ.

При этихъ словахъ вбѣжала Анна и пригласила полковника завтракать. Кажется, мужъ и жена очень обрадовались этому случаю, потому что у перваго запасъ остротъ истощился, а послѣдняя хотѣла быть одна. Супруги простились только взглядами, и Анна, взамѣнъ мужа, осталась съ полковницей.

XI.

Вышеописанная сцена ясно показываетъ, какова была жизнь въ Карлинѣ. Прекрасный замокъ, на который, вѣрно, не одинъ бѣднякъ глядѣлъ со вздохомъ, воображая, что тамъ живетъ веселье, достатокъ, удовольствія, что тамъ проводятъ золотые дни, — этотъ замокъ, на самомъ дѣлѣ заключалъ въ себѣ нѣсколько существъ, несущихъ на плечахъ своихъ столь тяжелое бремя, какого не могли бы выдержать люди, одаренные большими силами и самымъ твердымъ характеромъ. Тамъ жилъ, во-первыхъ, несчастный, обреченный на жизнь дикаго животнаго, а окружающіе родные, глядя на него со страданіемъ, не могли облегчить жестокой его участи. Тамъ находилась мать, разлученная съ дѣтьми, и сироты, которыхъ не Богъ, а люди вырвали изъ родительскихъ объятій. Наконецъ, тамъ встрѣчались и другія существа, только мучившія другъ друга.

Въ тотъ день, когда мы заглянули въ Карлинъ, президентъ, противъ своего обыкновенія, по просьбѣ Анны и Юліана, рѣшился своимъ пребываніемъ не принуждать полковницу къ выѣзду, а потому, вскорѣ послѣ обѣда, уѣхалъ изъ Карлина, извинившись передъ полковникомъ, что хотя онъ и считаетъ себя хозяиномъ здѣшняго дома, но по дѣламъ долженъ оставить гостя. Узнавъ объ отъѣздѣ президента, пани Дельріо вздохнула свободнѣе и догадалась, что этимъ счастьемъ она обязана Аннѣ. Полковникъ также сталъ веселѣе, но своею веселостью никого не могъ занять, кромѣ доктора Гребера, считавшаго для себя обязанностью смѣяться на всѣ остроты не только своихъ паціентокъ, но и всей родни ихъ. Полковница хотѣла опять видѣться съ Эмиліемъ, но ей отсовѣтовали это подъ предлогомъ раздражительности больного, а въ самомъ-то дѣлѣ болѣе опасаясь вредныхъ послѣдствій для нея самой.

Кромѣ Анны, не имѣвшей времени скучать и весело занимавшейся своими обязанностями, всѣ прочіе члены семейства печально проводили время въ старомъ замкѣ. Юліанъ, особенно въ минуты отдыха, чувствовалъ тяжесть жизни и недостатокъ *существенной* цѣли, безъ которой смертельная тоска овладѣ*вае*тъ *человѣкомъ*. Тяжелый и однообразный трудъ убивалъ въ

немъ остатки юношеской живости, но трудъ былъ условіемъ семейнаго быта, первою его потребностью. Дядя, хотя и могъ выручить его изъ такого состоянія, но нарочно не хотѣлъ дѣлать этого, дабы въ послѣдующей жизни Юліанъ умѣлъ самъ управлять имѣніемъ и домомъ.

Молодой Карлинскій хотя и имѣлъ очень много знакомыхъ, но не имѣлъ ни одного друга. Можетъ быть, первый разъ послѣ университетской жизни онъ могъ открыть свою душу Алексѣю и почувствовалъ къ нему такое влеченіе, что, черезъ три или четыре дня, взглянувъ на Жербы, виднѣвшіеся вдали, рѣшился съѣздить къ товарищу. Онъ хотѣлъ ѣхать въ томъ костюмѣ, какой былъ на немъ, и приказалъ запрягать лошадей; но, вспомнивъ, что у Алексѣя есть мать и что бѣдные люди очень щекотливы на приличія, одѣлся во фракъ, надушился, взялъ шляпу и перчатки и, улыбаясь на самого себя, собрался ѣхать.

Въ такомъ положеніи застала его Анна и удивилась, увидя брата во фракѣ и вообще въ костюмѣ, очень рѣдко употребляемомъ въ деревнѣ. Желая узнать — куда идетъ Юліанъ, она спросила.

— Куда же ты собрался?

— Вотъ ужъ ни за что не отгадаешь; лучше прямо открою весь секретъ: ѣду въ Жербы къ Алексѣю, который не имѣлъ счастья понравиться тебѣ. Такъ какъ у него есть мать, а я дѣлаю первый визитъ, то иначе и не могу явиться къ нимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты очень интересуешь меня своимъ другомъ,—отвѣчала Анна.—Уже стосковался по немъ?

— Но, милая моя Ануся, ты не знаешь этого человѣка, не постигаешь, какое сердце бьется подъ его простою одеждою, какія мысли бродятъ въ его головѣ!.. О, для оправданія словъ моихъ прошу тебя ближе познакомиться съ нимъ. Можетъ быть, тебѣ еще не приходилось находить брильянтъ самой чистѣйшей воды въ невзрачной оболочкѣ человѣка не нашего круга; съ самаго начала этотъ энергическій сынъ природы будетъ поражать тебя, но невозможно, чтобы ты не оцѣнила его?

— Безъ сомнѣнія,— отвѣчала Анна съ улыбкою,—я сочла бы его за эконома или домашняго бухгалтера, если-бы не застала его въ твоей комнатѣ.

— Ты часто даешь мнѣ разныя наставленія, ангелъ мой; прости, если теперь я скажу тебѣ нѣчто въ подобномъ родѣ. Мы—паны, а вы—женщины салоновъ, слишкомъ много придаемъ значенія формѣ и наружности; часто незнаніе языка, незнакомство со смѣшными пустяками, такъ занимающими насъ, равнодушіе къ модѣ, новостямъ, политикѣ, наконецъ жестокость въ обращеніи и странность выраженій,—въ нашихъ глазахъ дѣлаютъ человѣка недостойнымъ нашего общества; мы отталкиваемъ его, даже не заглянувъ, что кроется внутри его. А между тѣмъ, тѣ мелочи, наружныя украшенія, подъ которыми гораздо чаще скрывается ничтожество, нежели высота душевная,—все это общая принадлежность почти всѣхъ, такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ не составляетъ большого труда: при небольшомъ знаніи свѣта и книгъ очень скоро и легко можно усвоить себѣ всѣ эти мелочи; но зато даровъ Божіихъ, часто скрываемыхъ грубою оболочкою, мы не узнаемъ изъ-за одного предубѣжденія.

Анна съ любопытствомъ слушала эти слова и, наконецъ, произнесла:

— Правда твоя, милый Юліанъ! Но почему ты не представляешь себѣ еще того обстоятельства, что какъ намъ съ ними—этимъ грубымъ народомъ, такъ и ему съ нами—людьми высшаго круга будетъ нелегко и непріятно. Каждый гораздо лучше понимаетъ своихъ. Не упрекай меня за женскую слабость: привези сюда Алексѣя, я постараюсь короче узнать и полюбить его, только бы онъ развлекъ, оживилъ и развеселилъ тебя!

Юліанъ съ чувствомъ обнялъ сестру и лишь только дали знать, что экипажъ готовъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и поѣхалъ въ Жербы.

Алексѣй вовсе не надѣялся на этотъ визитъ, по крайней мѣрѣ, не ждалъ его такъ скоро. Но мать была увѣрена въ немъ, даже сбиралась холодно принять панича, потому что не очень желала короткаго знакомства съ Карлиномъ.

— Пусть только пріѣдетъ сюда—думала она про себя.— Ужъ не буду церемониться съ нимъ; гость гостемъ, надо *принять его какъ* слѣдуетъ, но рѣшительно не буду хлопотать *изъ-за того,* что онъ паничъ: встрѣчать даже не выйду.

Алексѣй случайно былъ дома, когда карета Юліана, поворотивъ въ ворота и въѣхавъ во дворъ, подвезена была перепуганными лошадями къ крыльцу, потому что онѣ испугались жолоба у колодца. Дробицкая не догадалась сразу,—что это за гость, и полагала, что это, вѣроятно, какой-нибудь чиновникъ, потому что никто не ѣздитъ параднѣе этихъ пановъ; но живое движеніе Алексѣя сейчасъ показало, кого она должна встрѣтить.

— Маменька! Мой другъ Карлинскій! Ради Бога, примите его со всѣмъ радушіемъ!—воскликнулъ Алексѣй, выбѣгая изъ комнаты.

— Съ радушіемъ, только безъ парада и церемоній!—проворчала мать, поправляя на себѣ холстинковую блузу и шейный платокъ.—Вздумалъ паничъ жить со шляхтой, такъ изволь слушаться нашего устава.

При этихъ словахъ показался Юліанъ, вѣжливо подошелъ къ матери друга, поклонился ей съ искреннимъ уваженіемъ, потому что и въ женщинѣ, одѣтой по деревенски, съ мозолистыми руками и говорившей просто, умѣлъ оцѣнить достоинства; привѣтствовалъ ее немногими словами, но безъ принужденности, съ самою милою и увлекательною улыбкою.

Трудно объяснить, что сталось съ Дробицкою при видѣ красиваго, нѣжнаго, деликатнаго юноши и при взглядѣ на прекрасное лицо его: она почувствовала себя совершенно обезоруженною. Великую силу заключаетъ въ себѣ человѣческое лицо, если оно выражаетъ не притворную, а искреннюю и сердечную, доброту; оно согрѣваетъ самую твердую холодность, побѣждаетъ антипатію и смягчаетъ недоброжелательство, потому что за любовь и сочувствіе человѣкъ обязанъ платить сочувствіемъ и любовью. Такъ точно случилось и съ Дробицкою. Она рѣшилась принять Юліана какъ можно холоднѣе и равнодушнѣе, даже намѣревалась чѣмъ-нибудь кольнуть его и оттолкнуть отъ своего дома; но всѣ эти прекрасные планы разрушились въ одно мгновенье—и расцвѣтшая на устахъ благородной женщины улыбка чрезвычайно обрадовала Алексѣя, и онъ совершенно успокоился, увидя ее на лицѣ матери.

Еще болѣе Юліанъ увлекъ Дробицкую разговоромъ. Съ перваго разу онъ былъ свободенъ, смѣлъ, на все смотрѣлъ безъ

удивленія и все понималъ, такъ что, спустя нѣсколько минутъ, мать Алексѣя забыла даже объ его аристократическомъ происхожденіи. Впрочемъ, она не могла совершенно преодолѣть себя и не обнаружить предъ Юліаномъ заранѣе придуманныхъ фразъ. Во время разговора она нѣсколько разъ упомянула о своей бѣдности, о необходимости трудиться, о различіи жизни ихъ отъ той, какую могъ вести Юліанъ. И тутъ Карлинскій съумѣлъ говорить ловко и резонно, соглашаясь съ хозяйкою и вмѣстѣ цѣня жизнь трудолюбивую, нѣсколько унижая себя и представляя картину тяжести своего предназначенія.

Слушая все это, Дробицкая съ недовѣрчивостью и удивленіемъ смотрѣла въ глаза гостю, вовсе не представлявшемуся паномъ. Спустя немного времени, Алексѣй и Юліанъ ушли въ другую комнату покурить сигаръ, а хозяйка осталась въ гостиной одна и глубоко задумалась.

Домъ Алексѣя, послѣ салоновъ Юліана, былъ слишкомъ бѣденъ и некрасивъ; но Карлинскій нашелъ его милымъ и совершенно удобнымъ.

Половина Алексѣя, несмотря на свою простоту и бѣдность, даже испорченнымъ глазамъ Юліана могла казаться красивою. Это была комната довольно обширная, бѣлая и чистенькая, какъ-будто въ ней жила молодая дѣвушка. Окно обращено было въ садъ — и Алексѣй, иногда любившій задумываться, устремляя взоры въ безпредѣльное пространство, съ большими усиліями выпросилъ у матери позволеніе сдѣлать въ саду просѣку для перспективы на блестящій прудъ и темные лѣса, лежавшіе въ отдаленіи. Отсюда-то именно тоскливый труженикъ не разъ уносился глазами и мыслями въ безконечную страну надеждъ и мечтаній. По обѣимъ сторонамъ окна росли стройныя мальвы, всѣ въ цвѣтахъ и, склоня свои головки, съ любопытствомъ заглядывали въ кабинетъ молодого человѣка. Въ углу стояла кровать, покрытая ковромъ домашней работы, напоминавшимъ восточныя издѣлія; въ головахъ висѣлъ на овальной серебряной дощечкѣ образокъ Пресвятой Дѣвы и Святого Антонія, съ боку ружье и палашъ отцовскій. На столѣ находились хозяйственныя бумаги, реестры, счеты, а среди нихъ Гёте, раскрытый на второмъ томѣ Фауста. Въ углу на полкѣ тщательно уставлены были книги, оставшіяся

послѣ университета; количество ихъ было небольшое, но давало хозяину возможность обходиться безъ новостей. Тамъ находились: Библія, Гомеръ, Плутархъ, Тацитъ и Ливій, Геродотъ, Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Кохановскій и Красицкій, Монтань и Рей, Подражаніе Христу, Исповѣдь св. Августина... вотъ и все! Но въ такомъ маленькомъ на видъ сборникѣ какъ много заключалось содержанія!..

— Ахъ, какъ здѣсь мило и прекрасно! — воскликнулъ Юліанъ.

— Однако, не такъ, какъ у тебя: очень скромно и бѣдно.

— Да, но зато я чувствую, что здѣсь обитаютъ спокойствіе и счастье, тогда какъ у меня, хоть вездѣ богатство, но скучно. Здѣсь хотѣлось бы пѣть, а у меня задуматься...

— Благодарю, но не расточаю тебѣ похвалы, товарищъ! — отвѣчалъ Алексѣй съ улыбкою. — Будь со мною откровененъ, говори, что думаешь. Садись, но сперва изволь посмотрѣть, какое униженіе для меня! Ты не можешь курить моего табаку, потому что до смерти закашлялся бы отъ него; приходится тебѣ курить свои сигары.

— И ты будешь курить со мною? — спросилъ Юліанъ, достакая сигарочницу.

— Нѣтъ, благодарю, боюсь привыкать къ тому, чего употреблять не въ состояніи. Зачѣмъ позволять себѣ прихоть и потомъ испытывать непріятность? Я закурю свою трубку.

— Какъ хочешь, — сказалъ Юліанъ, подавая Алексѣю свою руку, — какъ хочешь, только не выгоняй меня отсюда. Можетъ быть, я мѣшаю тебѣ, отнимаю время, извини; но ты окажешь благодѣяніе, если не оттолкнешь меня. Я крайне нуждаюсь въ другѣ.

— А я уже свыкся съ моимъ одиночествомъ и умѣю жить только съ самимъ собою. Въ первыя минуты послѣ городского шума и дружбы съ школьными товарищами мнѣ было здѣсь тяжело и грустно, какъ въ могилѣ; теперь уже не чувствую потребности въ изліяніи, привыкъ жить съ однимъ собою, осматривать собственныя раны и...

— И, можетъ быть, тебѣ представляется смѣшнымъ, что я до сихъ поръ остаюсь слабымъ юношей, — спросилъ Юліанъ.

— О, нѣтъ! Во-первыхъ, не всѣ мы созданы одинаково; во-вторыхъ, потребность въ обществѣ людей составляетъ для насъ необходимость и обойтись безъ нея невозможно. Только святые и мученики могли жить уединенно, потому что они жили въ Богѣ и съ Богомъ, а слабый человѣкъ поневолѣ нуждается въ людяхъ.

— Кто же ты, Алексѣй: святой или мученикъ? — шутя спросилъ Юліанъ.

— Увы! Я не святой и не мученикъ, а привыкъ къ одиночеству, потому что иначе не могло быть. Но какъ въ пустынѣ являются чудовища, такъ и въ моемъ уединеніи родятся страшныя видѣнія. Не одинъ разъ я былъ принужденъ бороться съ ними, но противъ этого лучшее лѣкарство—трудъ.

— Конечно, если это трудъ, къ которому мы чувствуемъ расположеніе, а не какое-нибудь машинальное, несносное и глупое занятіе.

— Трудъ привлекательный и пріятный для насъ не можетъ назваться въ полномъ смыслѣ трудомъ; это скорѣе будетъ забава, занятіе или обязанность, исполняемая нами съ наслажденіемъ. Но трудъ ненавистный—какъ печать доли человѣка... вотъ мое горькое лѣкарство! Мы часто слышимъ, какъ тысячи людей жалуются на свои труды, вынужденные извѣстными обстоятельствами.—Сибариты! хотятъ трудиться, но безъ малѣйшаго самоотверженія, желаютъ пріятныхъ для себя занятій, дабы назвать ихъ трудами. Такіе люди—праздполюбцы!

— Это совершенно новая теорія. А домашняя-то бухгалтерія и хозяйство? Надѣюсь,—и для тебя они несносны.

— Не назову ихъ пріятными занятіями, но что дѣлать? Дѣды не оставили мнѣ средствъ жить въ бездѣйствіи; я обязанъ трудиться, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы облегчить судьбу братьевъ и приготовить для нихъ лучшую будущность.

— Слѣдовательно, ты думаешь, что я совершенно свободный человѣкъ, какимъ всѣ считаютъ меня? Вотъ и ошибся!.. Каждый изъ насъ непремѣнно несетъ какое-нибудь бремя: меня въ такой же степени мучатъ распоряженія по имѣнью и свѣтскія обязанности, въ какой тебя—хозяйство; мнѣ болѣе хотѣлось бы читать, вояжировать, мечтать, любить и размышлять, *сидя въ широкихъ креслахъ*...

Молодые люди взглянули другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Но, — живо прибавилъ Юліанъ, — не отклоняясь отъ отъ всеобщей доли, я по крайней мѣрѣ имѣю право требовать у судьбы того, что древніе драматурги давали своимъ любовникамъ—хоть одного наперстника и друга. И, кажется, судьба сжалилась надо мною, если мы опять встрѣтились. Ты долженъ посѣщать Карлинъ; вѣдь мы живемъ въ полномъ смыслѣ уединенно! А ты съ своей стороны дай мнѣ позволеніе хоть изрѣдка заглядывать въ твою тихую комнатку.

Алексѣй потупилъ глаза, подалъ товарищу руку и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Обсудимъ подробнѣе наши положенія. Не думай, чтобы я мало цѣнилъ тебя и твою дружбу, не воображай, будто смѣшная шляхетская гордость отталкиваетъ меня отъ тебя потому только, что ты панъ, а я бѣдный шляхтичъ-земледѣлецъ съ тремя семьями крестьянъ. Есть болѣе важныя причины, побуждающія меня держать себя вдалекѣ отъ тебя, хотя почти каждый день я вспоминаю о нашей школьной дружбѣ. Во-первыхъ, я долженъ былъ освоиться съ своимъ положеніемъ и свыкнуться съ этою усадьбою, такъ какъ мнѣ предназначено воздѣлывать ее; во-вторыхъ, я боялся быть вовлеченнымъ въ несвойственную мнѣ сферу. Рѣшась быть обязаннымъ своею будущностью собственнымъ трудамъ, а не посторонней помощи и знакомству, не милости судьбы и людей, — я иду къ цѣли самою прямою дорогою — безъ всякихъ увертокъ и хитрыхъ разсчетовъ.

— Въ такомъ случаѣ я, кажется, не буду тебѣ помѣхою, милый Алексѣй! Я сумѣю уважать твой трудъ, твое время и независимость. Не думай, будто какая-нибудь болѣзненная чувствительность или потребность излить жалобы влекли меня къ тебѣ. Глядя издали на Карлинъ, на этотъ старинный замокъ и его стѣны, слушая разсказы постороннихъ людей, ты никогда не догадаешься, сколько страданій и скорбей послалъ Богъ на насъ, по мнѣнію всѣхъ, избранныхъ и свободныхъ людей!.. О, и мы несчастны! И, скажу тебѣ откровенно, въ своемъ кругу я ни передъ кѣмъ не могу разинуть ротъ и излить сердце... Мы, паны, какъ вы называете насъ, привыкли

все принимать наружно и обо всемъ судить поверхностно; мы питаемъ сочувствіе ко всѣмъ, но никому не подаемъ помощи, отталкиваемъ отъ себя все, что пахнетъ обязанностью, что требуетъ серьезнаго размышленія, чего нельзя обратить въ шутку. Потому, если кто изъ насъ сдѣлается боленъ, долженъ искать врача не въ кругу своихъ знакомыхъ, а среди людей— такихъ же страдальцевъ, какъ онъ самъ. Кромѣ сестры, которой не во всемъ могу открываться, у меня нѣтъ друга!— заключилъ Юліанъ.— Я часто страдаю выше силъ моихъ, тогда какъ одно слово могло бы вылѣчить меня отъ этой душевной болѣзни...

Разговоръ друзей, вѣроятно, продолжался бы еще долгое время, если бы его не прервало прибытіе нежданнаго гостя. Алексѣй оглянулся къ дверямъ и немного смѣшался, но чрезъ минуту проворно подошелъ къ гостю и съ уваженіемъ подалъ ему руку. Юліанъ никакъ не могъ понять отношеній хозяина къ гостю, потому что костюмъ послѣдняго отнюдь не объяснялъ столь дружественнаго пріема; впрочемъ, онъ также всталъ и раскланялся съ гостемъ.

Это была столь рѣдкая и странная фигура, какую трудно встрѣтить. Пристальнѣе всмотрѣвшись въ нее, можно было сразу отгадать, что необъяснимое стеченіе обстоятельствъ бросило этого человѣка за предѣлы обыкновенныхъ путей жизни и поставило въ совершенно отдѣльной сферѣ. По костюму онъ былъ почти крестьянинъ, по лицу панъ, по обращенію и разговору чѣмъ-то среднимъ между ними; угадать его положеніе было невозможно.

Гость былъ старикъ уже сѣдой, огромнаго роста, сложенія самаго крѣпкаго, съ жилистыми, но красивыми руками, съ важною и почти гордою осанкою; длинная бѣлая борода покрывала всю грудь его, голова была почти вся голая, брови чрезвычайно густыя и очень навислыя. Благородныя черты гостя отличались необыкновеннымъ выраженіемъ спокойствія и какой-то возвышенности, какъ будто совершенно разсорившись со свѣтомъ, онъ почти презиралъ его. Подобное выраженіе иногда сообщается человѣку послѣ употребленія горячихъ напитковъ. Рѣзкія морщины на лбу, загорѣлыя отъ солнца щеки, кожа, затвердѣвшая отъ воздуха, вѣтровъ и непогоды, — все

это не дѣлало его лица простымъ и обыкновеннымъ. Въ самой многолюдной толпѣ оно обратило бы на себя вниманіе и поразило бы своею красотою. Костюмъ ничѣмъ не отличалъ его отъ простого крестьянина или бѣднаго земледѣльца: на ногахъ у него надѣты были липовые лапти, на плечахъ — чистый сѣрый армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, а жилистая шея окружена была немного запыленною оторочкою полотняной рубашки. За поясомъ въ мѣшечкѣ брянчали ножъ, огниво и конецъ тонкой проволоки, а наверху торчала глиняная трубка съ короткимъ деревяннымъ чубукомъ. Войдя въ комнату, старикъ смѣрилъ глазами обоихъ молодыхъ людей, потомъ какъ-бы усиливался припомнить что-то, наконецъ оглянулся, чтобы найти стулъ. Хозяинъ проворно нашелъ его, гость сѣлъ и, не говоря ни слова, вынулъ свою трубку и началъ тихо накладывать ее, бросая взгляды по комнатѣ.

Въ движеніяхъ гостя не замѣчалось ни малѣйшей неловкости, въ лицѣ—никакого слѣда безпокойства. Раскланявшись и сѣвъ на мѣсто, онъ наложилъ и закурилъ трубку, немного развалился и началъ пускать клубы дыму.

Юліанъ не спускалъ съ пришельца глазъ и сгоралъ отъ любопытства скорѣе узнать, что эта за человѣкъ, потому что изъ-подъ армяка видѣнъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, но спросить о немъ Алексѣя онъ не рѣшался.

Дробицкій, какъ бы угадавъ желаніе друга, обратился къ гостю.

— А что, графъ, сегодня жарко?

— Чертовски жарко,—отвѣчалъ старикъ.—Ужъ я порядкомъ намахался, идя въ ваши Жербы, но это мнѣ здорово.

— Пришли пѣшкомъ?

— Разумѣется; вѣдь ты знаешь, что своихъ лошадей я не держу, а садиться на чужой возъ терпѣть не могу.

Карлинскій слушалъ. Его поразилъ графскій титулъ, и онъ ломалъ голову, желая угадать, кто это такой — и ничего не могъ припомнить. Не имѣя силъ удержаться отъ любопытства, онъ шепнулъ товарищу:

— Отрекомендуй меня.

— Мой сосѣдъ и товарищъ по университету — Юліанъ Карлинскій, — *произнесъ* Алексѣй, подводя его къ старику.

Послѣдній привсталъ, протянулъ свою широкую руку и склонился немного на бокъ.

— Графъ Мартинъ Юноша!—прибавилъ Алексѣй.

Юліанъ ничего не понялъ.

— Я люблю молодыхъ людей и радъ познакомиться съ вами,—произнесъ графъ.—Можетъ быть, ты никогда не слыхалъ обо мнѣ? Но я хорошо зналъ твоего отца... Хорунжича—не правда ли?.. Онъ былъ женатъ на Теклѣ Гелминской. Гмъ, гмъ, старыя вещи! Мы вмѣстѣ были въ Парижѣ, во Флоренціи, на берегахъ Рейна...

Юліанъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ старика, одѣтаго въ армякъ, но трактующаго о Парижѣ и Флоренціи. Графъ замѣтилъ это.

— Видно, никогда не слыхалъ о старикѣ Юношѣ, если такъ пристально смотришь на меня?

— Признаюсь, графъ, первый разъ встрѣчаю васъ и слышу такую фамилію.

— И это представляется тебѣ очень страннымъ? Но погоди, поживя подольше, увидишь не одно подобное чудо: пана въ сѣромъ армякѣ и крестьянина въ бархатахъ. Ludit in orbe Deus. Вотъ человѣкъ жилъ да жилъ, цѣлые шесть десятковъ лѣтъ оставилъ за собою и дожилъ до армяка... не отъ крайности, потому что я, можетъ быть, нашелъ бы средства наряжаться не хуже другихъ и своимъ панствомъ пускать всѣмъ пыль въ глаза, а по доброй волѣ.

Старикъ пустилъ клубъ дыму, склонилъ голову и вздохнулъ:

— Приходится объяснить тебѣ, панъ Карлинскій, этотъ армякъ и лапти. Надо разсказать хоть часть своей исторіи, чтобъ ты не глядѣлъ на меня, выпуча глаза. Знаешь Переверты? Это помѣстье изъ тысячи душъ, въ десяти миляхъ отсюда; я отдалъ его въ приданое моей дочери!

— Супругѣ пана Изидори?—воскликнулъ Карлинскій.

— Моей Марысѣ!—отвѣчалъ старикъ съ улыбкою.—Марыся въ кружевахъ и брильянтахъ, а Юноша—въ армякѣ... Благородное дѣтище! Она не дала бы мнѣ ходить такъ, если бы не моя воля и собственная охота... потому что, почтеннѣйшій, въ такомъ положеніи мнѣ гораздо лучше. Я много жилъ, много *прожилъ и, наконецъ,* убѣдился, что самая лучшая жизнь—

простая, меньше потребностей, а больше свободы, немного прислуги, а прихотей, если можно, ни одной. Въ молодыхъ лѣтахъ и у меня такъ же кружилась голова, какъ у прочихъ людей; послѣ родителей я получилъ нѣсколько милліоновъ, прекрасное имя и бѣшеный темпераментъ; я бросился въ свѣтъ точно въ воду. Успѣлъ быть вездѣ: и за грацицей, и дома, и съ прекрасными паннами нашихъ временъ, а теперь дряхлыми бабами, и за игорными столиками, и въ самыхъ лучшихъ обществахъ, гдѣ только можно было вкусить жизни изъ новой бочки. Пресыщенный однимъ напиткомъ, я жаловался не на себя, а на то, чѣмъ утолялъ свои желанія, шелъ въ другую сторону, блуждалъ, боролся, мучился, безумствовалъ, но, покрывшись сѣдинами, наконецъ опомнился... Опытъ научилъ меня, что всѣ люди повреждены. Мы воображаемъ, что въ другомъ мѣстѣ намъ лучше, что тамъ живутъ иначе, что цвѣтъ платья, либо вкусъ кушанья составляютъ счастье и спокойствіе, но все это чистѣйшій вздоръ!.. Люди, прости Господи, съ ногъ до головы всѣ созданы изъ одной глины; жизнь вездѣ одинакова, гораздо безопаснѣе тамъ, гдѣ меньше потребностей и гдѣ упадокъ не такъ страшенъ. Поэтому я добровольно рѣшился испытать самую простѣйшую жизнь послѣ самой роскошнѣйшей и теперь мнѣ такъ хорошо, что не хочу перемѣнять своей жизни на другую. Я поселился въ хатѣ—въ собственномъ лѣсу, простая женщина варитъ мнѣ кушанье, охочусь, курю трубку; отвыкъ отъ всего, безъ чего человѣкъ обойтись не можетъ, даже отвыкъ отъ салона, гдѣ прожилъ больше половины жизни,—и повѣрь, почтеннѣйшій, въ теперешнемъ положеніи мнѣ очень хорошо.

Юліанъ слушалъ съ чувствомъ удивленія и недовѣрчивости.

— И вамъ, графъ, ничего не стоило вдругъ перемѣнить такимъ образомъ жизнь свою?

— Какъ не стоило?—воскликнулъ старикъ, — А для чего намъ данъ разумъ? Въ великолѣпныхъ чертогахъ мнѣ пришлось бы умереть съ тоски; я началъ терять силы, глупыя мысли стали кружиться въ головѣ моей и я едва не женился другой разъ. Потомъ я сталъ хворать, старѣться. Наконецъ, однажды сказалъ себѣ: прочь шлафрокъ и перины! Начнемъ трудиться, бороться съ нуждой и недостатками!.. Я возродился и жизнь не тяготитъ уже меня. Сначала... было тяжело: изнѣженное тѣло

просилось на подушки, желало разныхъ разностей: то итальянскаго шеколаду, то англійскихъ соусовъ, то французской горчицы; я посадилъ его на хлѣбъ да на воду, на молоко да галушки; не скоро производилась перемѣна натуры, но я передѣлалъ-таки ее и теперь очень доволенъ.

— Это прекрасно. Теперь позвольте спросить: вы не грустите о прежнемъ обществѣ?

— Долго пришлось бы трактовать объ этомъ предметѣ, но почему и не говорить? Отъ книгъ я не отрекся, почти каждый день вижусь съ дочерью; равно я не отрекся и отъ того, что зналъ и до чего дошелъ, подобно всѣмъ людямъ, сбирая по свѣту пустыя свѣдѣнія, маленькія истины и большія заблужденія... Но, повѣрь, въ столкновеніи съ простыми людьми, равно какъ въ сближен!и съ природою, я пріобрѣлъ несравненно болѣе—и это именно освѣжило меня. Конечно, мы знаемъ, понимаемъ и составляемъ разныхъ предположеній гораздо больше, чѣмъ простой народъ, и собственно потому, что въ насъ сильнѣе работаетъ мысль въ одномъ лишь умственномъ направленіи, но... какъ огромно это *но!*.. мы живемъ въ совершенномъ разладѣ съ природою и человѣческимъ обществомъ и заперлись въ тѣсныхъ предѣлахъ, среди которыхъ сотни тысячъ людей изъ множества данныхъ составляютъ постоянно отмѣнныя другъ отъ друга casse-tête. Мы не заглядываемъ въ вѣчную книгу міра, въ живое общество, въ дѣла Божіи; ничего не почерпаемъ изъ преданій, а всему учимся изъ книгъ, пишемъ книги также изъ книгъ, дѣлаемся умными и благородными тоже при посредствѣ книгъ и, наконецъ, высосавъ изъ нихъ всю эссенцію, пьемъ десятую воду на киселѣ. Христосъ и Апостолы были люди не книжные, а между тѣмъ возродили міръ, и будьте увѣрены, что если настанетъ новая эра, мы возродимся не суесловною библіей Мормономъ, не печатными теоріями, не философскими, а живымъ словомъ. Простой народъ не знаетъ наукъ, но видитъ, чувствуетъ, обогащается опытностью и прямо выражаетъ истинное свое человѣчество, тогда какъ мы большею частью бываемъ только фальшивыми учеными. Для насъ, людей цивилизованныхъ, часто грубость народныхъ обычаевъ, наивность языка и простота мыслей представляются достойными презрѣнія, а между *тѣмъ во всемъ этомъ* жизни и правды несравненно больше,

чѣмъ у насъ... Придетъ время, когда девяносто девять частей книгъ надо будетъ сжечь и довольствоваться только остальными.

Старикъ замолчалъ.

— По всей вѣроятности, вы, графъ, сочли меня большимъ любителемъ той жизни, на какую указываетъ моя одежда и наружность,—произнесъ Юліанъ,—но вы ошиблись: у меня только недостаетъ силъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, но я хорошо и ясно вижу свое положеніе...

— Ну, такъ, подобно мнѣ, доживешь до армяка!—сказалъ графъ съ улыбкою.—Вѣрьте мнѣ,—пустыя игрушки, которыми забавляетесь, ничего не придаютъ вамъ; напротивъ, каждая изъ нихъ отнимаетъ у васъ часть жизни... и свободы...

Юліанъ слушалъ старика съ такимъ вниманіемъ, что уже не садился на свое мѣсто и стоялъ передъ нимъ въ изумленіи, схватывая фразы, вылетавшія изъ устъ его.

Юноша также говорилъ съ возраставшею охотою и жаромъ.

— Теперь скажи мнѣ,—спросилъ онъ, спустя минуту,—вы всѣ живете въ Карлинѣ? Отецъ вашъ умеръ... а мать?

— Мамаша вышла... вышла замужъ...

— За кого?

— За полковника Дельріо.

Старикъ поморщился.

— А президентъ?

— Живъ и здоровъ...

— А этотъ старый чудакъ—Аѳанасій, котораго душевно люблю, хоть слишкомъ десять лѣтъ ужъ не видалъ его?

— Все въ своей Шурѣ и никуда не выѣзжаетъ.

— Когда-нибудь пойду къ нему пѣшкомъ... И онъ не измѣнился?

— Нисколько, какъ запомнимъ его. Но какимъ образомъ вы, графъ, такъ хорошо знаете моихъ родныхъ, а я даже не слыхалъ о вашей фамиліи?

Старикъ громко разсмѣялся и сказалъ:

— Я прервалъ всѣ сношенія съ вашимъ свѣтомъ, а у васъ, милыя дѣти, что съ возу упало, то и пропало,—сегодня самые сердечные друзья, завтра совершенно чужіе. Вы знаете и любите только своихъ... Я удалился и меня забыли... И на чтожъ бы я *пригодился вамъ*? Показаться въ салонѣ не могу,

потому что играть роль льва я не хочу; притомъ едва ли кто пойметъ меня, а набиваться со своими совѣтами, кому бы то ни было, не думаю. Изъ числа старыхъ знакомыхъ, можетъ быть многіе уже считаютъ меня умершимъ и давнымъ давно пропѣли мнѣ: *Со святыми упокой.* Коротка и слаба человѣческая память! Да и я самъ уже забылъ старыхъ знакомыхъ!

Въ это время дали знать, что чай готовъ. Босая и румяная дѣвочка вбѣжала въ комнату, проговорила нѣсколько невнятныхъ словъ и проворно убѣжала вонъ. Но прежде, чѣмъ гости собрались идти, сама Дробицкая показалась на порогѣ.

— Какъ поживаешь, маменька?—спросилъ графъ.

— Ахъ, и графъ здѣсь?

— Да что же, маменька, можетъ быть, ты полагала, что мой армякъ не достоинъ войти въ здѣшній домъ, или что-нибудь еще хуже? Развѣ я такой старикъ, что мнѣ ужъ неприлично согрѣваться около молодыхъ?.. Вѣдь и въ Св. Писаніи упоминается объ Авигасѣ, согрѣвавшей престарѣлаго Давида!

— Старый грибъ, а еще болтаетъ разный вздоръ!—отвѣчала Дробицкая, пожимая плечами.

Старикъ пошелъ впередъ хозяйки и, несмотря на ея гнѣвъ, продолжалъ говорить разныя прибаутки.

— Знаешь ли что, маменька? А что, если бы мы сочетались законнымъ бракомъ?

— Мы? Съ какой стати?

— Тогда ужъ никто не переговорилъ бы насъ... Всякій разъ, какъ сойдемся, мы непремѣнно ссоримся...

— Да какъ не ссориться,—сердито сказала Дробицкая,— если вы портите моего сына?

—Я—порчу? Напротивъ, исправляю!

— Прекрасно! Лишь только сойдетесь, сейчасъ начнете философствовать, а о чемъ? И въ толкъ не возьму. Его надо пріучать къ хозяйству, а не внушать вздоръ, который и такъ бродитъ въ головѣ его.

— Но развѣ Алексѣй худой хозяинъ? Тебѣ все еще мало. Вѣдь хлѣбъ у васъ есть? Долговъ ни гроша... Зачѣмъ же мучить его? Подростутъ другіе мальцы—также будутъ работники; а теперь, если бы въ сундукѣ лежала у тебя лишняя тысяча, какая вамъ отъ того польза?

— Вотъ и посмотрите—онъ не портитъ!—вскрикнула старушка. — Будьте свидѣтелемъ! — прибавила она, обратясь къ Карлинскому:—склоняетъ его къ лѣности.

— Вовсе не къ лѣности, маменька! Нѣтъ, но если ты зарѣжешь его работой—какая тебѣ будетъ прибыль? Дай ему и поговорить, и повеселиться, и почитать.

— Да онъ цѣлыя ночи сидитъ надъ книгами.

— Милая маменька!—прервалъ Алексѣй,—чуть свѣтъ, я уже въ полѣ...

— Если-бъ не этотъ старый балагуръ, надѣвшій лапти для того только, чтобы болтать все, что вздумается, я бы сдѣлала изъ Алексѣя другого человѣка...

— Такъ и дѣлай себѣ другаго человѣка, если угодно,—сказалъ графъ,—только не изъ Алексѣя... Ужъ его не изрѣжешь на куски, чтобы переварить въ котлѣ... Поздно!..

Сама старушка обратила эти слова въ шутку и разговоръ прекратился. Налили чай. Но графъ попросилъ себѣ кислаго молока и рюмку старой водки, потому что отъ чаю уже отвыкъ, и вечеръ начался очень весело.

XII.

Жербы, кромѣ части, принадлежавшей Дробицкимъ, дѣлились еще на шесть владѣльцевъ. Въ нихъ было шесть помѣщичьихъ домиковъ, въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга, обращенныхъ входными дверями къ большой дорогѣ и не пропускавшихъ ничего, что только ѣхало, проходило и даже летѣло въ старый дворъ.

Рѣдко кто пріѣзжалъ въ Жербы, особенно въ старый дворъ. Дробицкіе никогда не зазывали гостей, родныхъ почти не имѣли поблизости, знакомствъ не искали и жили очень скромно. Поэтому карета Карлинскаго, подъѣхавшая къ нимъ среди бѣлаго дня, произвела на сосѣдей огромное впечатлѣніе.

Панъ Мамертъ Буткевичъ, самый богатый изъ жербенскихъ помѣщиковъ, имѣлъ пятнадцать семей крестьянъ, домъ, выкрашенный желтою краскою и даже замышлялъ скупить всѣ Жербы, для чего копилъ деньги, строго ограничивая свои расходы и думая немедленно жениться, лишь только подпишетъ

условіе на послѣднюю часть деревни,—въ то время, какъ проѣзжала карета, стоялъ у окна. Онъ выпучилъ глаза, разинулъ ротъ, понюхалъ табаку и сказалъ самому себѣ: — къ Дробицкимъ, ей Богу, къ Дробицкимъ!

Панъ Юзефатъ Буткевичъ, родной братъ Мамерта, но гораздо бѣднѣе его, женатый на Пержховской и обремененный семействомъ изъ девяти дѣтей, о которыхъ говорилъ постоянно и почти съ ропотомъ на такое благословеніе Божіе,—стоялъ въ воротахъ съ трубкою, также видѣлъ карету, вышелъ даже на середину улицы, хотя былъ въ одномъ жилетѣ, дождался, пока экипажъ подъѣхалъ къ старому двору и, что было духу, побѣжалъ къ женѣ.

— Душечка, Анеля! — воскликнулъ онъ чрезвычайно полной супругѣ, убаюкивавшей на рукахъ ребенка: — ну, вотъ тебѣ Христосъ... кто-то поѣхалъ въ каретѣ...

— Тише... ребенокъ засыпаетъ, а ты кричишь... Ну, что тамъ такое?

— Да въ каретѣ...

— Да кто въ каретѣ-то?

— Вотъ въ этомъ-то и дѣло. Не знаю, самому ли пойти или послать Иванка, чтобы узналъ? Только Иванекъ улизнетъ въ корчму, а я такъ давно не былъ у Дробицкихъ.

Не знаю, чѣмъ кончился разговоръ, только панъ Юзефатъ выбѣжалъ изъ комнаты, вѣроятно выгнанный женою, и въ раздумьи остановился на крыльцѣ. Но вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ увидѣлъ своего шурина — пана Пристіана Прусъ-Пержховскаго, который, взобравшись на тынъ, наблюдалъ оттуда за каретой.

— Кто это пріѣхалъ?—спросилъ панъ Буткевичъ.

— Молодой Карлинскій.

— Къ Дробицкимъ?

— Да, къ Дробицкимъ.

— Что же это значитъ?

Панъ Пристіанъ не благоволилъ дать отвѣта, соскочилъ съ изгороди и пошелъ въ свой домикъ, а панъ Юзефатъ остался въ глубокомъ размышленіи. Онъ только плюнулъ, глядя въ слѣдъ шурину, и пожалъ плечами.

Жившій рядомъ панъ Ѳедоръ Прусъ-Пержховскій, родной

братъ пани Буткевичъ и пана Пристіана, находился въ конюшнѣ, какъ вдругъ промелькнула передъ нимъ карета и нельзя сказать, чтобы подобный феноменъ не произвелъ на него впечатлѣнія.

— Зачѣмъ къ Дробицкимъ? — ничалъ онъ разсуждать съ самимъ собою.—Зачѣмъ? Не постигаю, истинно сказать — не постигаю! Но хорошо знаю только то, что если пріѣзжаетъ рѣдкій и милый гость, достаютъ изъ подвала бутылку и пьютъ за его здоровье... Не пойти-ль къ Дробицкимъ?.. Надо бы побриться... да впрочемъ вечеркомъ... въ деревнѣ, можно и небритому... А вѣдь бутылка-то будетъ, непремѣнно будетъ!

Между тѣмъ онъ носомъ къ носу вдругъ встрѣтился съ Пристіаномъ. Хоть родные братья, они не были ни въ какомъ отношеніи похожи другъ на друга. Ѳедоръ, шляхтичъ-земледѣлецъ, любилъ выпить и копилъ деньги. Пристіанъ, напротивъ— щеголь, не жалѣвшій денегъ ни на лошадей, ни на брички, болѣе проживалъ въ мѣстечкѣ, нежели въ своей деревушкѣ, любилъ попѣть съ аккомпаниментомъ гитары и франтилъ... даже курилъ сигары. Пристіанъ уже былъ одѣтъ во всей формѣ и шелъ по улицѣ по направленію къ старому двору.

— Куда?—спросилъ Ѳедоръ, остановивъ его.

— Да такъ себѣ, прогуливаюсь, — равнодушно отвѣчалъ Пристіанъ.

— Дудочки! Надуваешь, дружище! Идешь къ Дробицкимъ! Къ нимъ кто-то пріѣхалъ.

— Да говорятъ тебѣ,—иду вовсе не къ Дробицкимъ.

— Толкуй, любезный! Вѣрно тамъ будетъ пуншикъ?..

— Ну, у тебя всегда только пуншикъ въ головѣ! — разсмѣялся Пристіанъ.

— Признайся.

— Да говорю тебѣ, что иду прогуляться.

— Такъ ступай же себѣ съ Богомъ!

Отойдя нѣсколько шаговъ и не желая показать брату, что въ самомъ дѣлѣ шелъ въ старый дворъ, Пристіанъ повернулъ въ боковую улицу, гдѣ находились дома вдовы Буткевичъ и Яцка Ултайскаго, двухъ еще неизвѣстныхъ намъ жербенскихъ помѣщиковъ. Вдовушка послѣ покойнаго пана Целестина, брата—Юзефата Буткевича, бездѣтная, когда-то хоро-

шенькая, но, увы, кажется, ужъ десять лѣтъ назадъ считавшая себѣ тридцать первый годъ, хотя давно переступила порогъ зрѣлости, но не простилась еще съ надеждою опять выйти замужъ. Цѣлыя двѣнадцать лѣтъ она безуспѣшно старалась о мужѣ, привлекая къ себѣ поочередно всѣхъ сосѣдей и, не поймавъ никого, наконецъ, безумно, страшно, отчаянно влюбилась въ Пристіана Пержховскаго, шедшаго теперь мимо ея дома. Судьба хотѣла, чтобы и она съ своею воспитанницею Магдусей — дѣвочкою лѣтъ девяти, стояла у воротъ въ то самое время, какъ показался у нихъ Пристіанъ—и вдовушка остановила его.

— Позвольте, позвольте, на одну минутку! Только на два слова...

— Что прикажете?—вѣжливо спросилъ Пристіанъ, снявъ фуражку.

— Видѣли?

- Что такое?

— Карету, которая подъѣхала къ старому двору?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— Кто-же это можетъ быть?

— Не знаю.

— Не угодно ли зайти ко мнѣ? — кокетливо спросила перезрѣлая вдовушка.

Пристіанъ сталъ втупикъ; у ней не было никакихъ причинъ отказаться. И кромѣ того, желая скрыть свой слѣдъ отъ брата, онъ рѣшился зайти ко вдовушкѣ, и до такой степени осчастливилъ ее своимъ визитомъ, что она даже забыла о каретѣ. Пройдя дворъ, они уже хотѣли войти въ сѣни и вдова даже вздохнула, чтобы начать сентиментальный разговоръ, какъ изъ-за забора раздалось оглушительно-басистое:

— Позвольте!..

Это былъ голосъ пана Яцка Ултайскаго, сосѣда вдовы Буткевичъ, у котораго, какъ мы сказали, Алексѣй арендовалъ землю. Панъ Яцекъ нѣкогда былъ экономомъ и управляющимъ, и на этихъ должностяхъ нажилъ небольшой капиталъ, купилъ участокъ въ Жербахъ и сначала самъ хозяйничалъ на немъ съ женою, но при плохихъ урожаяхъ, не умѣя ладить съ крестьянами, отдавалъ свою землю въ аренду. Это была разма-

шистая фигура съ огромными усами, являвшаяся по буднямъ въ халатѣ, а по воскресеньямъ въ венгеркѣ. Впрочемъ, Яцекъ былъ недурной человѣкъ, если только не задѣвали его, страстный охотникъ звать къ себѣ всѣхъ въ гости и заводитъ знакомства. Вдова Буткевичъ подняла голову и очень боялась, чтобы не отняли у ней пойманнаго Пристіана; панъ Пержховскій также немного смѣшался отъ мысли, что сосѣдъ замѣтилъ его вѣжливость къ немолодой вдовѣ. Оба они остановились.

— Знаете новость?—проговорилъ Ултайскій.

— Какую?

— Какіе-то знатные гости поѣхали въ старый дворъ... Коляска и четверка лошадей.

— Ну такъ что-же?—отвѣчалъ Пристіанъ.—Пусть ихъ ѣздятъ на здоровье.

— Не пойдемъ-ли посмотрѣть, кто пріѣхалъ?

— Я не пойду,—сказалъ Пристіанъ, не желая сознаться въ своемъ любопытствѣ.

— А у меня есть дѣльцо къ своему арендатору, такъ, можетъ, и пойду,—отвѣчалъ Ултайскій, отступая отъ изгороди.—До свиданія!

И онъ насмѣшливо взглянулъ на щеголя, тихими шагами пробиравшагося въ домъ пани Буткевичъ.

— Какова!—ворчалъ Яцекъ.—Вѣдь поймала-таки его! Вотъ ужъ этого я никогда не ожидалъ: баба старше моей, правда—бездѣтная, но люди разныя разности толкуютъ объ ея воспитаніи. Неизвѣстно, гдѣ она получила его... Участокъ крошечный, долговъ по горло... Нужно предостеречь Пристіана,—онъ могъ бы найти себѣ лучшую партію.

Алексѣй, Юліанъ и графъ спокойно сидѣли за чаемъ, какъ вдругъ лежавшій на крыльцѣ Курта началъ лаять. Дробицкая хорошо знала лай собаки, потому что Курта на каждаго лаялъ иначе: на жидовъ нападалъ почти съ бѣшенствомъ, нищихъ отгонялъ кусаньемъ, о прибытіи знакомыхъ возвѣщалъ отрывистымъ, оффиціальнымъ лаемъ. Теперь Курта даже не сбѣжалъ съ крыльца, а гамкнувъ только два раза, замолчалъ. Дробицкая взглянула въ окно и увидѣла Мамерта Буткевича въ старой курткѣ, передѣланной изъ темносиняго фрака, направляющагося прямо къ ихъ дому. Алексѣй также увидѣлъ его

и, надо признаться, не очень былъ радъ гостю; но что было дѣлать съ нимъ?

Смѣшная фигура пана Буткевича въ сѣрыхъ шароварахъ, темносиней курткѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ, съ рыжимъ парикомъ на головѣ и маленькими пронзительными глазами, немедленно показалась въ комнатѣ, важно и гордо привѣтствуя хозяйку и въ то же время лукаво оглядывая гостей. Всѣ привстали, чтобы раскланяться съ нимъ, только одинъ графъ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и ѣлъ кислое молоко. Юліанъ всѣми силами удерживался отъ смѣха, потому что никого не хотѣлъ обижать, хоть явившаяся каррикатура и представлялась ему необыкновенно смѣшною. Онъ и Алексѣй бросили значительные взгляды другъ на друга.

— Много у тебя сосѣдей такого сорта? — тихо спросилъ Юліанъ.

— Только шестеро,—отвѣчалъ Алексѣй,—и я увѣренъ, что всѣ представятся тебѣ, потому что твоя карета непремѣнно приведетъ ихъ сюда; вѣдь они сгораютъ отъ любопытства узнать, кто могъ пріѣхать къ намъ, потому что здѣсь никто не бываетъ... Увидишь.

— Незавидное же сосѣдство!—подумалъ Юліанъ.

Между тѣмъ панъ Буткевичъ, столь-же гордый, какъ и скупой, поздоровавшись съ хозяйкою и обозрѣвъ исподлобья гостей, развалился на стулѣ и самыми странными минами старался придать себѣ видъ важности, не имѣвшейся у него ни въ характерѣ, ни въ наружности. Дробицкая, уважая пятнадцать семей сосѣда, принимала его довольно вѣжливо— и разговоръ опять пошелъ было своею чередою, какъ вдругъ Курта второй разъ залаялъ на крыльцѣ.

— Да это наказаніе Божіе!—проворчала Дробицкая.—Еще гость.

Это былъ панъ Яцекъ Ултайскій, въ темносиней венгеркѣ, пришедшій будто по надобности, а на самомъ дѣлѣ изъ любопытства и съ тайнымъ намѣреніемъ, если можно, пригласить къ себѣ гостя на вечеръ. И этого посѣтителя, какъ хозяина арендуемой земли, слѣдовало принять также съ улыбкою. Юліанъ взглянулъ на Алексѣя—и оба пожали плечами. Между тѣмъ панъ Яцекъ, лишь только разинулъ ротъ, прямо обнаружилъ

свое происхожденіе; даже Карлинскому показалось, что онъ гдѣ-то видалъ этого человѣка—и Карлинскій не ошибся, потому что послѣднюю должность Ултайскій занималъ въ Карлинскомъ имѣньи. Если бы Яцекъ зналъ, что встрѣтится съ Юліаномъ, то, вѣрно, не спѣшилъ бы со своимъ дѣломъ; но войдя уже въ домъ, онъ долженъ былъ сѣсть, отказавшись только отъ намѣренія просить къ себѣ панича на вечеръ.

Не успѣли гости и хозяева размѣститься, уступая стулъ пану Яцку, передававшему хозяйкѣ комплиментъ отъ жены своей, какъ старый Курта опять гамкнулъ. Дробицкая уже не могла удержаться и вполголоса пожаловалась на Божіе наказаніе.

На порогѣ улыбалась маленькая, жалкая, глуповатая фигура отца девятерыхъ дѣтей и мужа Анели Буткевичъ, урожденной Пержховской, пана Юзефата, въ полотняномъ сюртукѣ, безъ вѣдома жены вырвавшагося въ старый дворъ посмотрѣть—что тамъ дѣлается. Увидя брата Мамерта, онъ смѣшался, но гораздо болѣе озадачило его присутствіе Ултайскаго, съ которымъ, вслѣдствіе ссоръ между женами, онъ жилъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Юзефатъ и Яцекъ безпрестанно грозили одинъ другому, никогда не встрѣчались и поклялись при первой возможности отвалять другъ друга палками. Обойдя Ултайскаго, панъ Буткевичъ помѣстился въ углу. Вслѣдъ за ними проворнѣе, а можетъ быть и смѣшнѣе всѣхъ вбѣжалъ панъ Пристіанъ Прусъ-Пержховскій, вырвавшійся изъ объятій своей вдовушки, давъ слово зайти къ ней вечеркомъ и отрапортовать о своемъ визитѣ. Пристіанъ до такой степени былъ занимателенъ старомоднымъ щегольствомъ своимъ и карикатурною миною Доміера, и вошелъ съ такою самоувѣренностью въ превосходствѣ надъ сосѣдями, что Юліанъ, уже начинавшій досадовать на приходящихъ гостей, при видѣ Пержховскаго сдѣлался веселѣе.

Рыжіе, длинные и спадавшіе на плечи волосы Пристіана раздѣлены были на лбу съ симметріей, обнаруживавшей помощь какой-то заботливой ручки. Прибавимъ къ этому тщательно завитые усики, цвѣтные шаровары съ полосами, какія можно видѣть только на одѣялахъ, такой же жилетъ à l'anglaise, сюртучекъ—едва ли длиннѣе куртки пана Мамерта, фуражку съ кисточкой, висѣвшія на брюхѣ перчатки—и мы

будемъ имѣть вѣрный портретъ человѣка, умѣвшаго возбудить къ себѣ пламенную любовь со стороны супруги покойнаго пана Целестина.

Дробицкая уже не скрывала своего неудовольствія, возбужденнаго наплывомъ сосѣдей; она то и дѣло ворчала вполголоса: «сколько ихъ нанесла нелегкая»!, и на предлагаемые вопросы отвѣчала имъ не совсѣмъ вѣжливымъ тономъ. Между тѣмъ графъ, окончивъ свою порцію молока, насмѣшливо глядѣлъ на гостей; Пристіанъ смѣло подошелъ къ Юліану и Алексѣю, сознавая себя вполнѣ достойнымъ общества Карлинскаго, и самыми смѣшными гримасами старался внушить высокое понятіе о себѣ; панъ Мамертъ сидѣлъ надувшись и наблюдалъ за гостями; панъ Юзефатъ, забравшись въ уголъ, желалъ какъ можно скорѣе вырваться вонъ, а Яцекъ Ултайскій, для разнообразія, покручивалъ только усы, и думалъ, къ кому бы лучше пристать.

Разговоръ не клеился.

Юліанъ съ тайнымъ любопытствомъ всматривался въ общество, въ которомъ очутился первый разъ въ жизни; но замѣтивъ, что и самъ онъ служитъ предметомъ наблюденія, незамѣтно простился съ Дробицкою и вышелъ вонъ.

Алексѣй проводилъ его на крыльцо и спросилъ съ печальною улыбкою:

— Теперь скажи, милый Юліанъ: развѣ мои сосѣди и соучастники доли не стоятъ зашнурованныхъ куколъ, на которыхъ ты жалуешься?

— Ambo meliores!—отвѣчалъ Карлинскій. — Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, видѣнъ характеръ и у каждаго на лбу написано— откуда онъ вышелъ и куда стремится.

— О, если бы ты пожилъ съ нами, — тебѣ надоѣлъ бы ихъ характеръ, а можетъ быть и здѣсь ты увидѣлъ бы комедіи, разыгрываемыя съ притворною искренностью... и, вдобавокъ, сколько здѣсь грубости! Какая гордость!

— Вездѣ люди какъ люди!—воскликнулъ Юліанъ.—Впрочемъ, по сегодняшнимъ гостямъ твоимъ трудно составить заключеніе, къ какому именно классу общества принадлежатъ они. Мнѣ думается, что Жербы составляютъ исключительную *колонію оригиналовъ*.

— Скажи лучше: каррикатуръ!

— До свиданія въ Карлинѣ!

Алексѣй молчалъ.

— Повторяю: до свиданія въ Карлинѣ!—сказалъ Юліанъ:—не правда ли?—Ты пріѣдешь ко мнѣ... безъ церемоніи—какъ къ брату; мы будемъ одни... Дай слово, милый Алексѣй!

— Изволь, только какъ бы и мнѣ не представиться у тебя тѣмъ же, чѣмъ представились тебѣ здѣсь мои сосѣди... До свиданія!

Юліанъ вскочилъ въ экипажъ, и карета исчезла изъ глазъ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на нее изо всѣхъ оконъ гостиной комнаты.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Хотя президентъ, по просьбѣ Юліана и Анны, своимъ отъѣздомъ, повидимому, и уполномочивалъ полковницу пробыть нѣсколько времени въ Карлинѣ, но въ то же время, опасаясь, чтобы панъ Дельріо мало-по-малу не поселился тамъ, черезъ два же дня опять пріѣхалъ къ племянникамъ. Полковница находилась еще въ Карлинѣ и значительно поправилась здоровьемъ; Греберъ возвратился къ своимъ городскимъ паціентамъ, а между тѣмъ панъ Дельріо съ супругою какъ-будто располагали долгое время гостить здѣсь. Президентъ еще на порогѣ замѣтилъ это, даже сморщился, увидя, что полковникъ почти принимаетъ на себя роль хозяина и безъ всякой церемоніи выразилъ удивленіе, что засталъ ихъ въ Карлинѣ.

— Ахъ, вы еще здѣсь! — воскликнулъ онъ на порогѣ. — Это обстоятельство очень огорчаетъ меня, такъ какъ заключаю изъ него, что здоровье пани полковницы не поправилось.

— Напротивъ,—возразилъ панъ Дельріо, стараясь принять веселую мину,—она здорова, но ее удержали дѣти.

Полковникъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: *дѣти*, основывая на нихъ право сколько угодно жить въ Карлинѣ. Президентъ не сказалъ ни слова, кивнулъ головою и приказалъ только переносить свои вещи.

— Прекрасно, — произнесъ онъ, спустя минуту, — очень радъ, что засталъ васъ здѣсь; дома мнѣ одному ужасно скучно, а вмѣстѣ намъ будетъ и лучше, и веселѣе.

— Вы погостите у насъ, дядюшка? — весело спросилъ Юліанъ, цѣлуя его.

— Да, погощу... Я соскучился о васъ. Ну, какъ поживаетъ Ануся?

При этихъ словахъ вошла Анна.

— Здравствуйте, дядюшка... здравствуйте... Какъ я благодарна, что вы не забываете насъ!

— Да ужъ приходится мнѣ помнить о васъ, если вы забываете меня. Заманить васъ въ Загорье трудно: ты каждую минуту безпокоилась бы тамъ объ Эмиліѣ; такъ лучше я самъ поживу здѣсь и порадуюсь на васъ.

Полковникъ сразу понялъ, что эти слова относились прямо къ нему и женѣ, а потому проворно и очень неловко выбѣжалъ изъ комнаты для сообщенія объ этомъ полковницѣ. Пани Дельріо уже была нѣсколько приготовлена и не удивилась ни пріѣзду президента, ни его намѣренію поселиться въ Карлинѣ.

— Значитъ, мы завтра ѣдемъ?—сказала она мужу.

— Отчего—завтра, cher ange? А если мы останемся наперекоръ этому старому волокитѣ? Вотъ удружимъ ему! Вѣдь онъ не осмѣлится выгнать насъ, — дѣти не позволятъ этого.

— Конечно, я осталась бы, если бы хотѣла; но ты знаешь, Викторъ, что мнѣ пришлось бы опять поплатиться за это здоровьемъ. Я не имѣю силъ безпрестанно вести подобную борьбу.

Дельріо, не говоря ни слова, пожалъ плечами, подалъ женѣ руку и вмѣстѣ съ нею вышелъ въ салонъ.

Президентъ встрѣтилъ полковницу съ самою предупредительною вѣжливостью, съ улыбкою любезника старой школы. Полковница, при всей вѣжливости, не умѣла слишкомъ хорошо владѣть собою и была довольно холодна, а полковникъ до такой степени былъ разстроенъ, что уже не чувствовалъ охоты ни къ остротамъ, ни къ шуткамъ. Дѣти съ своей стороны всѣми силами старались сблизить между собою этихъ людей, раздѣленныхъ непримиримою враждою. Анна ловила на лету каждое острое слово, чтобы смягчить его какимъ-нибудь собственнымъ прибавленіемъ. Несмотря на все это, карлинское общество, сколько разъ ни собиралось въ салонѣ вмѣстѣ, всегда выражало принужденность, холодность и безпокойство и, казалось, только ждало минуты свободы и разлуки другъ съ другомъ; всѣмъ, не исключая и президента, трудно было долгое время находиться вмѣстѣ. Послѣ короткаго разговора, всѣ рас-

ходились въ разныя комнаты съ чувствомъ внутренней тяжести и гнѣва, съ проклятіями другъ другу или съ подавлемыми слезами, дабы вражій глазъ не замѣтилъ ихъ.

Такія отношенія членовъ родного семейства чрезвычайно огорчали Юліана и Анну. Правда, они ни разу не высказывали другъ другу—какъ страдаютъ отъ этого; но часто одинъ взглядъ объяснялъ все, происходившее въ ихъ сердцѣ. Анна менѣе чувствовала каждую острую фразу въ разговорѣ между окружающими родными, потому что, обрекши себя на безграничное самоотверженіе, она съ восторгомъ мученицы исполняла свое назначеніе ангела милосердія, мира и утѣшенія; но болѣе слабый и болѣе цѣнившій спокойствіе Юліанъ чрезмѣрно огорчался отношеніями родныхъ и долженъ былъ все это въ то же время таить въ глубинѣ сердца.

Описывая жителей Карлина, мы не упомянули еще объ одномъ существѣ, повидимому, занимавшемъ тамъ небольшое мѣсто, но въ ежедневной жизни Юліана и Анны игравшемъ весьма важную роль. Въ томъ году, когда родилась Анна, экономъ одного изъ карлинскихъ фольварковъ женился на горничной жены Хорунжича. Супруги жили очень короткое время: бѣдная мать, родивъ дочь, тотчасъ умерла, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ и отецъ, страстно любившій жену свою. Карлинскіе, изъ состраданія, взяли ребенка въ свой домъ и занялись его воспитаніемъ. Они вовсе не думали много заботиться о сиротѣ и воспитывали ее такъ, какъ поступаютъ съ воспитанницами подобнаго рода, предоставляя ихъ съ самаго дѣтства прихотямъ всѣхъ слугъ, пока, наконецъ, онѣ сами не добьются болѣе независимой службы. И, можетъ быть, маленькая Аполлонія осталась бы въ совершенномъ пренебреженіи, если бы чрезвычайная живость, быстрота ума, хорошенькое личико и кротость характера не сдѣлали ее, въ молодыхъ еще лѣтахъ, любимицею пана и пани. Господа любовались хорошенькою Полею; позволяли ей играть съ Анною, которая также всею душею привязалась къ ней, и сиротка въ скоромъ времени перешла изъ дѣвичьей въ барскія комнаты; а когда наступило время воспитанія хозяйской дочери, Поля получила прекрасное образованіе и узнала столько же, а можетъ быть и больше, чѣмъ первая.

Правда, не одинъ разъ говорили, что для такой бѣдной и низкаго происхожденія дѣвочки высшія науки были излишни и въ будущемъ не только не обѣщали никакой пользы, но могли даже повредить ея карьерѣ. Но такъ какъ, съ одной стороны, одаренная чрезвычайными способностями, Поля охотно перенимала все, а съ другой—Аннѣ уже трудно было разстаться съ нею, то и рѣшили, что сдѣлавшись впослѣдствіи гувернанткой, сирота можетъ обезпечить свое положеніе. Такимъ образомъ, Поля осталась съ Анною и сдѣлалась въ полномъ смыслѣ восхитительной дѣвушкой и по ея лицу, обхожденію и разговору уже никто не узналъ бы ея происхожденія.

Маленькая ростомъ, стройная—точно куколка, проворная, веселая, съ свѣтло-русыми волосами золотистаго отлива, съ прекрасными голубыми глазками, съ овальнымъ, свѣжимъ и оживленнымъ личикомъ, она восхищала всѣхъ, кто только видѣлъ ее. Остроумная нерѣдко до ѣдкости, но при этомъ одаренная добрѣйшимъ и страстнымъ сердцемъ, Поля, своими взглядами, жестами, разговоромъ и улыбкою обнаруживала пылкія чувства и какъ будто искала только предмета, чтобы воспламениться всею силою неугасимой страсти. Въ ея личикѣ не заключалось ничего аристократическаго, но это былъ чисто славянскій типъ въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ проявленій: глаза, говорившіе прямо душѣ во время улыбки, уста прелестно выгнутыя, розовыя, точно два листка цвѣтка и немного оттѣненныя страстью, носикъ правильный и чуть-чуть вздернутый, овалъ довольно круглый и съ самыми изящными чертами, напоминающими лица ангеловъ и дѣтей, вдобавокъ ножка, ручка, талія, локоны—все это было гармонически-прекрасно и въ совокупности составляло такое цѣлое, что при немъ угасали даже болѣе красивыя, но не такъ счастливо сложенныя женщины. При столь привлекательной наружности, сколько заключалось въ Полѣ хорошихъ свойствъ, возвышающихъ ея прелесть! Какая была въ ней доброта сердца, ничѣмъ не прикрашиваемая и наивно обнаруживаемая! Сколько теплоты въ душѣ! Сколько восторга и остроумія; какъ чудно отражались въ ней въ одно время и меланхолія, и веселость!

Впечатлительная, какъ листокъ мимозы, Поля ничего не умѣла скрыть въ себѣ, любила страстно, ненавидѣла смер-

тельно, каждую мысль и чувство обнаруживала противъ воли и съ благородною искренностью, считая послѣднюю какъ-бы священнѣйшимъ для себя долгомъ.

Поля была неразлучною подругою Анны. Уже давно ей слѣдовало снискивать собственное пропитаніе и трудиться для будущности, даже представлялись очень выгодныя мѣста, но подруги не могли разстаться, и Поля охотно посвятила себя паннѣ Аннѣ, способствовавшей ея высокому образованію. Одна изъ нихъ, можно сказать, восполняла другую, одна другую поддерживала. Что-бы стала дѣлать Анна одна? Гдѣ Полѣ могло быть лучше, чѣмъ тутъ? Гдѣ бы она жила, какъ въ родительскомъ домѣ? Живость сироты, ея веселость, истинная или притворная, натуральная или восторженная, отгоняли отъ Анны печаль и меланхолію, въ которую такъ легко она могла впасть.

Изъ разговора Юліана съ Алексѣемъ мы уже видѣли, что молодой Карлинскій всю жизнь мечталъ именно о такомъ идеалѣ женщины, какой судьба поставила рядомъ съ нимъ. Природа, вездѣ изобилующая контрастами, возбудила въ немъ стремленіе къ юному существу далеко не аристократическому, но полному силъ и кипучей жизни. Для него Поля была олицетвореніемъ юношескихъ мечтаній.

Отправляясь въ городъ для окончанія наукъ, Юліанъ оставилъ Полю почти ребенкомъ, а по возвращеніи нашелъ ее красавицей, въ полной зрѣлости, увлекательною, и на первыхъ же порахъ страстно влюбился въ нее. Но онъ былъ человѣкъ благородный, а потому первое движеніе сердца успѣлъ остановить. Ему даже не приходило на мысль подлымъ образомъ обмануть бѣдную дѣвушку, хотя она сама съ дѣтскою наивностью привязалась къ нему, преслѣдовала его. Онъ зналъ, что не можетъ жениться на ней, потому что родные употребили бы всѣ средства воспрепятствовать этому и соединеніе ихъ сдѣлать положительно невозможнымъ. Поэтому онъ рѣшился преодолѣть себя и подавить родившееся чувство.

Но любовь, это загадочное чувство, не подлежитъ какимъ-либо опредѣленнымъ законамъ, противъ нея еще не изобрѣтено вѣрныхъ лѣкарствъ; однихъ она убиваетъ, а другихъ оживляетъ; нерѣдко самая борьба съ нею сообщаетъ ей новыя силы.

Юліанъ, поставленный въ необходимость видѣть Полю каждый день, жить въ одномъ домѣ съ нею и подвергаться нападеніямъ дѣвушки, любившей его, хотя еще не понимавшей, что дѣлается съ нею, и сожигавшей его словами, взглядомъ, вздохами, наконецъ, дошелъ до степени страсти, граничившей съ безумнымъ отчаяніемъ. Поля также не знала, какого рода чувство питаетъ къ Юліану, не заглядывала въ глубину своего сердца—и если ей иногда приходило на мысль, что это, можетъ быть, любовь, то она почти радовалась этому желанному гостю, приносившему съ собою вожделѣнныя слезы, мученья и новый міръ, хотя бы это былъ міръ однихъ страданій. Не одинъ разъ, смѣясь надъ собою, она спрашивала себя съ бьющимся сердцемъ: что-бы это значило?—и, среди улыбки, по румяному личику ея текли слезы.

— Немножко полюбить и умереть—развѣ мало этого? Изъ чего состоитъ наша жизнь, если не изъ слезъ и любви? Развѣ это не составляетъ счастья — быть несчастливою въ любви, выпить полную чашу жизни въ одной каплѣ яда и потомъ лечь въ бѣлый гробъ съ вѣнкомъ на головѣ для вѣчнаго покоя? Чего больше могу я ждать въ здѣшней жизни?

Такъ именно мечтала дѣвушка въ минуты тоскливаго уединенія и, не бывъ увѣрена ни въ своемъ чувствѣ, ни въ любви Юліана, обходившагося съ нею чрезвычайно холодно, заботилась не столько о спокойствіи своей ничтожной жизни, сколько о горестяхъ и счастіи, какія могла принести ей минута страстной любви. О, безумна, невыразимо безумна была Поля!

Анна, болѣе холодная въ сравненіи съ подругою, въ душевной простотѣ не замѣчая и даже не воображая чувствъ Поли, только смѣялась надъ вѣтренностью сироты и не рѣдко старалась умѣрять взрывы ея остротъ, веселости или печали, не видя во всемъ этомъ ни малѣйшей опасности. Ея сердце, созрѣвшее раньше времени, крѣпко запертое отъ сердечныхъ впечатлѣній, свободное отъ всѣхъ земныхъ желаній и страстей, спало тихимъ сномъ ребенка въ колыбели. Она также была женщина, но сокровища любви, какими одарилъ ее Богъ, принесла въ жертву исключительно своему семейству и, какъ сестра милосердія, *служила* только другимъ, забывая о себѣ. Любовь ей

представлялась ребячествомъ, игрушкою, чѣмъ-то слишкомъ земнымъ, низкимъ и не стоящимъ того, чтобы расточать на нее сокровища души и сердца.

II.

Однажды, когда все карлинское общество, то-есть, полковникъ съ женою, президентъ, Анна, Юліанъ и Поля—вели въ салонѣ разговоръ и нетерпѣливо ожидали минуты, чтобы разойтись, не нарушая приличія, вдругъ отворились двери—и представьте общее изумленіе, когда они увидѣли почти вбѣжавшаго незнакомца, человѣка изъ другого свѣта,—извѣстнаго намъ Алексѣя.

Несмѣлый, хотя энергическій, скромный, — Дробацкій не имѣлъ ни малѣйшей свѣтской полировки, и когда ему пришлось отдать Юліану визитъ въ Карлинѣ, не зналъ ни приличнаго для визитовъ времени, ни того, какъ слѣдуетъ одѣться и какъ представиться въ первый разъ. Съ однимъ Юліаномъ ему легко было вести дѣло; но то, что окружало его, этотъ другой, незнакомый ему свѣтъ, люди, говорившіе иностраннымъ языкомъ и воспитанные совершенно въ другихъ правилахъ,—необыкновенно стѣсняли его. Алексѣй не желалъ испытывать внутреннюю борьбу, боялся показаться смѣшнымъ и предчувствовалъ униженіе. Поэтому, войдя въ салонъ и очутившись въ довольно значительномъ обществѣ незнакомыхъ лицъ, онъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ и смѣшался, бросая умоляющіе взоры на своего друга. Къ счастью, молодой Кралинскій находился въ салонѣ.

Алексѣй, скажемъ откровенно, прекрасный—когда въ простой сермягѣ скакалъ на дикомъ конѣ среди полей и лѣсовъ или, погруженный въ мечты, сидѣлъ на древней могилѣ и повторялъ стихи престарѣлаго слѣпца Греціи,—теперь во фракѣ, сшитомъ дурно и вообще въ костюмѣ безъ вкуса и изящества, представлялся почти смѣшнымъ среди общества, строго соблюдавшаго моду, исполнявшаго всѣ ея требованія и не терпѣвшаго даже малѣйшаго безобразія. Прибавимъ къ этому еще неловкость положенія человѣка, сознававшаго себя не въ своемъ мѣстѣ и служившаго цѣлью любопытныхъ взглядовъ множе-

ства незнакомыхъ лицъ — и тогда поймемъ, почему именно Алексѣй опять показался Аннѣ, и особенно президенту, самою мелкою и нескладною фигурою.

Юліанъ тотчасъ представилъ своего друга полковницѣ, президенту и отчиму; Анна выразила ему радушіе, желая тѣмъ приблизить къ себѣ дикаго пришельца—и Алексѣй сѣлъ или, вѣрнѣе, упалъ на стулъ, еще не имѣя возможности разглядѣть никого изъ окружающихъ его лицъ.

Чтобы избавить друга отъ непріятнаго положенія и очевиднаго разстройства, Юліанъ хотѣлъ взять его на свою половину; но этого не позволили ему во-первыхъ, Анна, любопытствовавшая познакомиться съ столь хваленнымъ другомъ брата, потомъ Поля, уже смотрѣвшая на гостя съ сочувствіемъ, и частію президентъ, обрадовавшійся прибытію посторонняго человѣка, потому что онъ могъ теперь прервать разговоръ свой съ полковникомъ. Одна полковница, подъ предлогомъ головной боли, немедленно удалилась въ свою комнату, а прочіе члены остались въ салонѣ.

Въ скоромъ времени Алексѣй успокоился, сердце перестало биться и разговоръ, переходя на разные предметы, началъ постепенно завязываться, хотя гость почти не принималъ въ немъ участія.

Первое, что бросилось въ глаза изумленнаго Алексѣя, были двѣ панны, сидѣвшія рядомъ и такъ чудно гармонировавшія своею общею красотою, что прелесть одной изъ нихъ сообщала другой блескъ и привлекательность. Идеальная Анна, со своею важностью и Поля со своимъ веселымъ остроуміемъ, совершенно въ одинаковой степени заинтересовали его. Алексѣй, мечтая объ идеалѣ, столь возвышенномъ какъ Беатриче Данте, объ идеалѣ, который, подобно этой героинѣ, долженъ былъ бы своею рукою и словомъ возвесть его изъ ада на небо, до сихъ поръ не встрѣчалъ на землѣ ни одного существа, похожаго на образъ, обитавшій въ душѣ его. Анна вполнѣ подходила подъ этотъ идеалъ,—ея красота, наружное спокойствіе, душевная чистота, смѣлый взглядъ ангельскихъ глазъ, дышавшій невозмутимою тишиною и кротостью—все это представляло ее Алексѣю существомъ, одареннымъ всѣми прекрасными свойствами души и тѣла, съ какими фантазія рисовала

ему будущую подругу жизни. Пораженный Дробицкій не смѣлъ болѣе глядѣть на нее и, залитый румянцемъ, взволнованный, съ отчаяніемъ потупилъ глаза въ землю. Анна, возбужденная похвалами Юліана, съ дѣтскимъ любопытствомъ и внимательностью всматривалась въ гостя, то предлагая ему вопросы, то стараясь проникнуть въ его взгляды. Поля также хотѣла отгадать, что именно скрывается подъ этою простою наружностью земледѣльца, и въ то время, когда Анна увлекала его добротою и вѣжливостью, она, съ своей стороны, понемногу раздражала его насмѣшками, такъ какъ любила дѣйствовать ими даже въ обращеніи съ людьми, къ которымъ питала сильнѣйшую симпатію.

Президентъ ходилъ взадъ и впередъ, смотрѣлъ, думалъ, усиливаясь съ своей точки зрѣнія понять, и, на первый разъ, нашелъ его только грубымъ невѣжею, признавая лишь за нимъ нѣкоторую долю благородства, если только окажется впослѣдствіи.

Полковникъ, цѣнившій людей только по наружности и по той пользѣ, которую онъ могъ пріобрѣсти отъ нихъ для самого себя, нисколько не думая, назвалъ Дробицкаго ничтожествомъ.

Не станемъ повторять тяжелаго, отрывистаго, страннаго разговора, казавшагося Алексѣю безконечнымъ. Призидентъ, бывшій безмолвнымъ его свидѣтелемъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и тихонько вышелъ вонъ. Но почти вмѣстѣ съ удаленіемъ этой фигуры, тяготившей бѣднаго шляхтича своею гордостью и притворною важностью, уста гостя оживились подъ согрѣвающими лучами молодыхъ очей Анны и Поли.

Предметомъ разговора была деревня съ ея удовольствіями и образомъ жизни; потомъ коснулись болѣе важныхъ, болѣе общихъ вопросовъ—и Алексѣй, наконецъ, осмѣлился показать себя въ настоящемъ видѣ. Не столько кротость и радушная вѣжливость Анны, сколько остроумная и щекотливая насмѣшливость ея подруги вдохнули ему отважность.

Юліанъ, заботясь о другѣ, также вмѣшался въ общій разговоръ. Анна хвалила деревню.

— Я,—говорила она,—до такой степени люблю деревню, *что, кажется, умерла* бы съ тоски, если-бы заперли меня въ *городѣ. Вмѣсто деревьевъ*—тамъ грязныя стѣны, вмѣсто луговъ—

каменная мостовая, вмѣсто крестьянскихъ свитокъ—рубища, которыя роскошь бросила на плечи бѣдности, вмѣсто благоуханія цвѣтовъ—удушливый дымъ. Потомъ—суета, шумъ, все и всѣ чужіе.

— А я,—перебила Поля, показавъ бѣлые зубки и склонивъ на бокъ свою маленькую головку,—хотя не знаю города, хотѣла бы жить тамъ не столько ради каменныхъ домовъ, сколько для людей. Можемъ-ли мы здѣсь сказать, что знаемъ людей, если насъ здѣсь такъ мало, а тамъ ихъ такое множество!

— Что касается меня,—отозвался Алексѣй,—то я жилъ въ городѣ и деревнѣ, и полагаю, что людей, подобно растеніямъ, можно раздѣлить на классы, и написать такую же классификацію человѣка, какъ и растеній. Одни изъ нихъ способны расти только на горахъ, а другія—въ долинахъ, а иныя—на скалахъ либо подъ водою. Право, и между нами есть плѣсени и дубы, грибы и травы, повиличные колокольчики и тростники. Для однихъ городъ—отечество, для другихъ—ссылка.

Вотъ первыя слова, которыми ничего не обѣщавшій съ перваго раза человѣкъ, обнаружилъ мысль болѣе чѣмъ обыкновенную и если не новую то, по крайней мѣрѣ, высказанную слишкомъ смѣло. Анна взглянула на Полю, Юліанъ на Анну, и Алексѣй сказанными словами какъ-бы слился съ людьми другого общества, ободрился и уже безъ малѣйшаго принужденія продолжалъ начатый разговоръ.

— Скажу болѣе, прибавилъ онъ,—въ жизни одного и того же человѣка бываютъ разныя минуты, производящія въ немъ различныя расположенія. Страдальцамъ и больнымъ, нуждающимся въ лѣкарствахъ, я назначилъ-бы жить въ городѣ, печальнымъ и не желающимъ утѣшенія—на пустынныхъ и дикихъ прибрежьяхъ моря, нашу улыбающуюся деревню я отдалъ бы счастливцамъ.

— О, значитъ мы всѣ должны быть счастливы, чтобы съ удовольствіемъ жить въ деревнѣ!—прервала Поля, желая смутить Алексѣя и подстрекнуть къ спору.

— Можетъ быть, и не всѣ мы счастливы,—отвѣчалъ Алексѣй,—но свѣтъ еще не сформировался такъ, какъ слѣдуетъ. Подождемъ немного,—новые рефораторы, вѣроятно, придумаютъ что-нибудь лучшее.

— Деревня,—перебила Анна,—заключаетъ въ себѣ что-то райское и напоминаетъ библейскій садъ, гдѣ на зелени деревъ почилъ взглядъ перваго человѣка. Здѣсь такая тишина... О, я не хочу жить въ городѣ! Поля разсмѣялась.

— Какъ же я преступна, бѣдная, если желаю этого! Не правда ли, панъ Юліанъ?

— Кто повѣритъ такой непостоянной дѣвушкѣ, какъ вы, панна Аполлонія?—сказалъ Юліанъ съ улыбкою.—Завтра вы будете тосковать о деревнѣ.

— Прекрасно вы рекомендуете меня! Благодарю!—воскликнула дѣвушка.—Этотъ незнакомый намъ другъ вашъ сочтетъ меня... въ самомъ дѣлѣ, сочтетъ за...

— Просто-на-просто не пойметъ тебя, какъ и мы—шепнулъ Юліанъ.

Анна съ невозмутимымъ спокойствіемъ на лицѣ прибавила:

— Сейчасъ готовы поссориться.

При этихъ словахъ Поля бросила на нее взглядъ удивленія, какъ-бы желая сказать:—какъ ты слѣпа!

Въ самомъ пылу разговора, опять вошелъ президентъ и съ любопытствомъ сталъ прислушиваться. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ кивнулъ племяннику, отвелъ его къ окну и спросилъ.

— Кто это?

— Мой товарищъ по университету и лучшій мой другъ, проживающій теперь въ сосѣдствѣ съ нами,—бѣдный шляхтичъ...

— Бѣдность я предвидѣлъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ довольно оригиналенъ. Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

— Я самъ пригласилъ его. Съ давнихъ поръ живя близъ Карлина въ собственномъ имѣньи, вслѣдствіе какой-то необъяснимой дикости онъ не хотѣлъ заглянуть сюда.

— Человѣкъ разсудительный.

— Нечаянно встрѣтившись на дорогѣ, я зазвалъ его къ себѣ.

— А, зазвалъ? Для чего-же?

— Милый дядюшка! Въ моихъ лѣтахъ дружба составляетъ необходимую потребность сердца.

— Такъ онъ шляхтичъ? — спросилъ президентъ въ задумчивости.

— Да, шляхтичъ, — отвѣчалъ Юліанъ съ улыбкою, — и, могу сказать, хорошій шляхтичъ.

Президентъ покачалъ головою.

— Сближаясь съ нимъ, посуди хорошенько, Юліанъ, хорошо ли ты дѣлаешь?

— Но, милый дядюка, я знаю его, я люблю его.

Президентъ молчалъ.

— Онъ необходимъ для меня,—прибавилъ Карлинскій:— у меня нѣтъ человѣка, съ кѣмъ я могъ бы поговорить со всею откровенностью.

— А я?—съ чувствомъ подхватилъ президентъ.

— Дорогой дядюшка! Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы едва-ли поймемъ другъ друга... Наши лѣта такъ различны...

— Правда... молодому нужно молодого... Но эта мелкая шляхта, — говорилъ президентъ съ разстановками. — У тебя есть сестра... Поля, въ свою очередь, тоже горячій уголь...

Юліанъ хорошо понялъ этотъ намекъ, но не отвѣчалъ ни слова.

— Повторяю, надобно серьезнѣе подумать о томъ, слѣдуетъ-ли заключать тѣсную дружбу.

— Но вы сами полюбите его, дядюшка, когда узнаете короче,—отвѣчалъ Юліанъ.—Я увѣренъ въ этомъ.

Потомъ оба они присоединились къ обществу. Алексѣй уже былъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и, потерявъ несмѣлость, дѣлавшую его смѣшнымъ, наконецъ, сталъ понемногу обнаруживать сознаніе собственнаго достоинства и независимости, столь необходимыхъ бѣднымъ въ присутствіи богатыхъ.

Чрезвычайно вѣжливый и почтительный ко всѣмъ, гость давалъ, впрочемъ, понять, что не позволитъ унизить себя и сознаетъ свое человѣческое достоинство. Такой тонъ не слишкомъ понравился президенту; но онъ смягчился искреннимъ сознаніемъ Алексѣя въ бѣдности, такъ какъ послѣдній не только не скрывалъ этого недостатка, но еще почти хвалился имъ. Анна, привыкнувъ всегда быть въ обществѣ равныхъ себѣ или только представлявшихся равными, была изумлена этою совершенно новою для себя фигурою. Поля, по собственному положенію, питала къ Алексѣю симпатію, видя въ немъ какъ-бы брата по сиротству и бѣдности.

Такимъ образомъ прошло время до сумерекъ, и Алексѣй,

не замѣтивъ, какъ пролетѣли часы, почти испугался наступившей ночи и проворно всталъ съ мѣста, чтобы ѣхать домой. Это было въ субботу.

— Ради Бога!—шепнулъ Юліанъ, взявъ его подъ руку,— мы не имѣли ни одной минуты времени поговорить наединѣ; не уѣзжай, вѣдь крайности не предвидится; завтра праздникъ, ты долженъ ночевать у меня.

— Не могу,—возрэзилъ Алексѣй,—что подумаетъ объ этомъ моя маменька?

— Мы извѣстимъ ее.

— Она будетъ безпокоиться, чтобъ вы не увлекли меня своею вѣжливостью.

— Я не пущу тебя. Не правда ли, дядюшка?—прибавилъ Юліанъ, обратясь къ президенту,— мы задержимъ пана Дробицкаго?

— По старосвѣтскому обыкновенію, прикажи у его повозки снять колеса.

— Едви ли это остановитъ меня,—сказалъ Дробицкій: — я и безъ сѣдла сяду на лошадь, или даже пѣшкомъ могу уйти въ Жербы.

— Но ты долженъ подарить мнѣ день или два—отъ этого я не отстану,—продолжалъ Карлинскій.— Сегодня суббота, значитъ—воскресенье день свободный, въ понедѣльникъ и вторникъ тоже праздники, слѣдовательно работы не будетъ. Раньше вторника я не пущу тебя въ Жербы.

— Не хорошо заставлять такъ много просить себя! — съ улыбкою отозвалась Поля.—Ужели вамъ здѣсь такъ непріятно, что даже двухъ дней не хотите прожить съ нами?

— И я присоединяю свои просьбы къ требованіямъ Юліана,— прибавила Анна.—Онъ такъ скучалъ, такъ ждалъ васъ... принесите ему эту жертву.

— Съ моей стороны тутъ не будетъ жертвы,—смѣло и съ охотою отвѣчалъ Алексѣй,—но я буду вамъ въ тягость.

Молчавшій до сихъ поръ президентъ, наконецъ, сказалъ покровительственнымъ тономъ:

— Панъ Дробицкій! Не заставляйте просить себя, привязанность Юліана приноситъ вамъ честь, поблагодарите его за это хоть маленькою жертвою... и останьтесь. И я въ этомъ

случаѣ буду имѣть пользу, потому что ближе узнаю друга моего племянника.

Пораженный тономъ, какимъ сказаны были эти слова, Алексѣй только поклонился; въ Жербы послали записку, и гость остался на воскресенье и понедѣльникъ.

III.

Не могу сказать, что происходило на другой день въ душѣ бѣднаго Алексѣя. Только однѣ сутки, проведенныя въ новомъ и столь миломъ обществѣ, почти на цѣлый вѣкъ отдѣлили его отъ вчерашняго дня. Въ жизни человѣка бываютъ минуты, которыя своею сокрушительною силою подавляютъ воспоминанія, изглаживаютъ слѣды прошедшаго, и своимъ впечатлѣніемъ, остающимся на всю жизнь, проникаютъ въ самую глубину сердца. Въ Карлинѣ онъ могъ вздохнуть свободнѣе. Люди, какихъ онъ встрѣтилъ здѣсь, были совершенно другіе: образованные, они умѣли жить, не обнаруживали на каждомъ шагу своихъ слабостей, но старались скрывать ихъ, стремились къ какой-то идеальности, усиливались быть милыми и нравиться.

Правда, его поражала неволя формы, которой здѣсь подчинялись всѣ, стараясь, такъ сказать, походить на одного человѣка и скрывать свое *я*; но послѣ слишкомъ свободно развитыхъ характеровъ сосѣдей, онъ находилъ даже, что это хорошо. Онъ не зналъ, кто что думалъ здѣсь, но ясно понималъ что борьба мнѣній, личныхъ понятій и взглядовъ на жизнь не имѣла тутъ никакого мѣста и позволяла ему отдохнуть; здѣсь онъ не имѣлъ надобности ни оглядываться назадъ, ни безпокоиться о будущемъ, ни безпрестанно бороться съ нуждою.

Чрезъ нѣсколько часовъ пребыванія въ Карлинѣ, невольно сравнивая свой кругъ съ здѣшнимъ обществомъ, Дробицкій хотя замѣтилъ, что здѣсь, во время разговоровъ, никогда не позволяли себѣ углубляться въ предметы и отзываться съ серьезнымъ о нихъ мнѣніемъ, что здѣсь судили только поверхностно и все большею частью обращали въ шутку, что добросовѣстный, прямой отзывъ возбуждалъ изумленіе но онъ приписывалъ это случайно вкравшемуся сюда иностранному вліянію и собственному присутствію.

Болѣе всѣхъ его заинтересовала собою Анна. Необъяснимое чувство овладѣло имъ при первомъ на нее взглядѣ. Ему представилось, что предъ глазами его ангельское существо, видѣнное имъ прежде только во снѣ; это чувство не имѣло названія и, не обнаруживалось, подобно обыкновенной любви, сильными и страстными порывами, а выражалось уваженіемъ и благоговѣніемъ. Онъ боялся даже подойти къ ней, а только хотѣлъ бы всю жизнь издали смотрѣть на нее, и вмѣстѣ сознавалъ, что если бы пришлось отказаться отъ надежды видѣть ее, то онъ заплатилъ бы за это вѣчною тоскою. Если бы могъ, онъ упалъ бы передъ нею на колѣни, какъ передъ существомъ высшимъ, чистѣйшимъ, идеальнымъ и столь великимъ, что не считалъ себя достойнымъ даже коснуться руки ея, а о сближеніи съ нею боялся и подумать.

Поздно вечеромъ оба друга вышли изъ салона. Алексѣю отвели комнату рядомъ съ Юліаномъ. Наконецъ, очутившись наединѣ, два друга съ радостью начали откровенный разговоръ между собою.

— Насилу-то поймалъ я тебя! — воскликнулъ Юліанъ.— Ни минуты не дамъ спать тебѣ... Ну, ты теперь ближе увидѣлъ насъ, какъ мы показались тебѣ?

— Счастливцы,—проговорилъ Алексѣй.

— О, и тебя ослѣпляетъ наружный блескъ! — сказалъ Юліанъ со вздохомъ,—и для тебя улыбающіяся лица служатъ доказательствомъ внутренняго веселія. Послушай: подъ завѣсою улыбки нерѣдко текутъ тайныя слезы... А ты и не воображалъ ихъ?.. Эта комедія прикрываетъ печальную драму, гдѣ послѣднимъ актомъ будетъ смерть...

— Что за странныя у тебя мысли въ головѣ!—перебилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, это не минутное настроеніе, — отвѣчалъ Юліанъ,—а дѣйствительность. Ты видѣлъ, какъ мы въ салонѣ вели живой разговоръ и, натурально, подумалъ, что мы всѣмъ сердцемъ привязаны другъ къ другу и, повидимому, очень тѣсно соединены въ одинъ кругъ связывающимъ насъ чувствомъ... Маменька, которая, вѣроятно, показалась тебѣ прекрасною и столь же счастливою, какъ и всѣ мы, страдаетъ не меньше насъ, потому что судьба обрекла ее на вѣчный трауръ. Она

искала счастья и горько обманулась. Дельріо, нашъ отчимъ, очень добръ къ ней, но никогда вполнѣ не пойметъ и не оцѣнитъ ее. Какъ мать—она потеряла своихъ дѣтей, потому что нашъ дядя президентъ и они—непримиримѣйшіе враги, и мы состоимъ подъ его опекою. Анна — этотъ ангелъ, которому только недостаетъ ореола и крыльевъ, жертва, совершенно отказавшаяся отъ самой себя — и земное счастье для нея не существуетъ. Ея сердце, увлекшись чувствомъ милосердія, сдѣлалось недоступно для всѣхъ другихъ чувствъ, внушаемыхъ природою. Ты уже знаешь, что глухонѣмой и больной братъ нашъ Эмилій требуетъ безпрестаннаго ея присмотра. Я также не могъ бы жить безъ нея. Притомъ Анна сказала, что для насъ откажется не только отъ имѣнія, даже отъ собственнаго счастія... И она въ самомъ дѣлѣ отказалась... Теперь видишь, какое здѣсь счастье! Грустно смотрѣть на подобное положеніе, еще грустнѣе жить въ немъ... Въ заключеніе скажу, что я—обязанный для возвышенія имени Карлинскихъ, для спасенія Анны и пріобрѣтенія спокойствія Эмилію, жениться на богатствѣ, также обреченъ на жертву, а между тѣмъ я люблю страстно и безъ надежды...

Юліанъ оглянулся вокругъ, а Дробицкій проговорилъ:

— Не говори—кого, не надо, я ужъ догадываюсь.

— Ты? ты?—воскликнулъ испуганный Карлинскій.—Какъ? Неужели это такъ замѣтно?

— Можетъ быть, и нѣтъ, милый Юліанъ; но дружбѣ дано предчувствіе и сила ясновидѣнія. Притомъ я зналъ, какого рода всегда былъ твой идеалъ—и угадалъ.

— Тише! Ради Бога—молчи!—прервалъ Карлинскій.—Теперь совѣтуй, что мнѣ дѣлать?

— Мнѣ—совѣтовать?... Тутъ нужна опытность, а въ этомъ отношеніи нѣтъ человѣка неопытнѣе меня.

— Какимъ же образомъ ты могъ догадаться? Скажи, ради Бога; ты очень испугалъ меня. Я думалъ, что, кромѣ меня, никто на свѣтѣ не знаетъ моей тайны... Я такъ храню и скрываю ее.

— Да и я вѣрно не угадалъ бы ея, если бы не твое признаніе, — сказалъ Алексѣй, успокоивая друга,—и если бы я прежде не зналъ твоего сердца.

— Выслушай же меня и позволь оправдаться,—тихо перебилъ Юліанъ, оглядываясь во всѣ стороны.—Не думай, чтобы это была какая-нибудь низкая интрига,—между мною и ею нѣтъ другихъ болѣе короткихъ сношеній, кромѣ обыкновенныхъ, принятыхъ въ обществѣ: я никогда не говорилъ ей и даже ни разу не далъ понять, что именно чувствую къ ней. Не знаю, любитъ ли она меня... Моя любовь не имѣетъ и не можетъ имѣть будущности, а между тѣмъ такъ велика, такъ сильна и неукротима, что бываютъ минуты, когда, забывая все, я хочу схватить ее, похитить, задушить въ своихъ объятіяхъ и, по крайней мѣрѣ, умереть, такъ какъ не могу жить безъ нея.

При этихъ словахъ лицо Юліана разгорѣлось, глаза сверкали и двѣ слезы блеснули на нихъ, руки дрожали.

— Кромѣ того, ты долженъ знать,—иронически прибавилъ Юліанъ, смягчаясь и понизивъ голосъ,—Поля подруга и ровесница Анны—дочь горничной моей маменьки и эконома, сирота безъ имени и родныхъ. Наше соединеніе—невозможное дѣло, а любовь будетъ грѣхомъ, вѣроломствомъ, подлостью.

Юліанъ ударилъ себя въ грудь.

— Вотъ теперь первый и послѣдній разъ въ жизни говорю съ тобою откровенно, потому что я нуждался въ изліяніи, совѣтахъ и утѣшеніи!

Алексѣй глубоко задумался и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— Послушай. Если ты требуешь моего совѣта, то, значитъ, вполнѣ довѣряешь мнѣ. Я не обману твоей довѣрчивости, не унижу себя лестью, не приму за шутку того, что составляетъ вопросъ жизни. Вамъ надо разстаться, удалиться другъ отъ друга, перестрадать, перетерпѣть и убить въ себѣ чувство, которое никогда не должно было рождаться. Вотъ единственный совѣтъ, какой могу дать тебѣ; другого не вижу.

Юліанъ взглянулъ на него глазами, покрытыми слезами, и воскликнулъ:

— Мой благоразумнѣйшій другъ! Ты даешь совѣтъ, но знаешь ли ты, что такое любовь? Понимаешь ли, что такое счастье? Передо мною нѣтъ будущности, а только однѣ жертвы и тяжкія оковы; у меня только и есть одна золотая минута *и ты велишь мнѣ* добровольно отречься отъ нея. О, это выше

силъ моихъ! Я ничего больше не желаю, какъ мечтать о ней, только видѣть ее, слушать ея щебетанье и веселый смѣхъ, глядѣть на ея невинныя забавы... Мнѣ кажется, что я умеръ бы въ ту минуту, когда бы коснулся устами лица ея!

Карлинскій повѣсилъ голову, и разговоръ на минуту прекратился. Но, начавъ говорить, Юліанъ уже не могъ удержаться и тотчасъ воскликнулъ:

— О, зачѣмъ я не принадлежу къ числу равнодушныхъ людей, которые, заботясь больше о себѣ, легко жертвуютъ для себя всѣми! Можетъ ли быть что-нибудь легче, какъ сорвать минуту счастья, хотя бы потомъ пришлось выкупать ее слезами.

— Только бы не угрызеніями совѣсти!—прервалъ Алексѣй.— Притомъ, вѣдь ты еще не знаешь, любитъ ли она тебя?

— Любитъ ли меня?—повторилъ Юліанъ.—Да, этого я еще не знаю, ея уста не произнесли такого слова, потому что я не могъ бы слышать его; но ея гляза, но ея улыбка и тысячи другихъ признаковъ, отъ которыхъ я отворачивался и нарочно объяснялъ ихъ себѣ въ противную сторону, ясно говорятъ, что и она такъ же несчастлива, какъ я, съ тою только разницею, милый Алексѣй, что она, кажется, вызываетъ опасность, летитъ къ ней и не видитъ ея; она влечетъ меня къ себѣ, вполнѣ, впрочемъ, увѣренная, что хотя бы я отдалъ ей свое сердце, мнѣ никогда не позволятъ отдать ей руку. Странное, необъяснимое существо! Въ какой степени я избѣгаю ея, въ такой она стремится ко мнѣ, ищетъ меня съ дѣтскою наивностью, сама готова броситься въ мои объятія. О, это невыразимое мученье!

— Дѣло въ томъ, что ты напрасно обратился ко мнѣ за совѣтами,—сказалъ Алексѣй,—я не понимаю обоихъ васъ... и слушаю съ удивленіемъ; кажется, либо ты, либо я ошибаемся въ пониманіи любви...

— Какъ? Что ты хочешь сказать?

— Согласенъ ты терпѣливо послушать меня одну минуту?

— О, говори—и будь увѣренъ: я буду слушать съ любопытствомъ и съ жадностью.

— Ваша любовь непонятна для меня. Чего она хочетъ? Зачѣмъ гонится? Къ чему стремится? Къ разочарованью, холодности и къ *нравственному* униженію. Не понимаю, чего можетъ

вы желать? Что мучитъ васъ? Любовь, сколько я понимаю это слово, чисто духовное чувство, такъ можете ли вы желать больше того, что имѣете? Вы живете вмѣстѣ, никто не запрещаетъ вамъ тайно любить другъ друга, имѣете возможность помогать другъ другу и поддерживать въ сердцахъ священный огонь, можете года, десятки лѣтъ жить этимъ чувствомъ, тогда какъ земныя связи, вѣроятно, ослабили бы, погасили его.

— Поэтъ! Ты не знаешь человѣка!—подхватилъ Юліанъ— Твоя любовь всегда подобна Беатриче Данте, которая водитъ его по надземнымъ мірамъ. Человѣкъ состоитъ не изъ одной души. Я не умѣю разбить своего чувства на двѣ половины и одну изъ нихъ уничтожить; я люблю ее душою, сердцемъ, тѣломъ, люблю съ ногъ до головы, какъ создалъ ее Богъ!..

— Бѣдный!—вздохнулъ Алексѣй,—такъ приготовляйся къ разочарованію и мученьямъ...

— Мученье уже началось, разочарованія я не боюсь. Нѣтъ! Предметъ любви моей, который я знаю какъ самого себя, ни въ чемъ не обманетъ меня. Каждый день я нахожу въ ней новыя сокровища, съ каждою минутой сильнѣе люблю ее. Мнѣ представляется, что весь свѣтъ, подобно мнѣ, долженъ сходить отъ нея съ ума, и я желалъ бы удалить всѣхъ, чтобы одному остаться съ нею...

Алексѣй улыбнулся.

— Такъ терпи и не жалуйся... Впослѣдствіи ты будешь завидовать теперешнему несчастію и ослѣпленію... Но довольно объ этомъ, право, довольно, не будемъ говорить больше.

Юліанъ послушался и замолчалъ; разговоръ перешелъ къ общимъ замѣчаніямъ о людяхъ, съ которыми Алексѣй сегодня познакомился; наконецъ, друзья разстались печальные и задумчивые.

— Я имѣлъ счастье,—сказалъ Карлинскій, уходя въ свою комнату,—бывши въ Жербахъ, узнать всѣхъ твоихъ сосѣдей; завтра я отблагодарю тебя за это и представлю случай познакомиться съ нашимъ свѣтомъ. Я ничего еще не говорилъ тебѣ, изъ опасенія напугать тебя, но завтра имянины Анны,— президентъ пригласилъ множество гостей.

— Что-же я буду дѣлать?

— Останешься здѣсь, если любишь меня. Вѣдь ты уже

далъ слово. Ты такъ же посмѣешься надъ панами, какъ я въ душѣ смѣялся у тебя надъ шляхтою. Спокойной ночи!

IV.

На другой день, среди толпы гостей, съѣхавшихся въ Карлинъ, Алексѣй еще болѣе почувствовалъ себя не въ своемъ кругу и нѣсколько разъ покушался бѣжать въ Жербы, но данное слово удерживало его. Этотъ свѣтъ,—нарядный, офранцуженный, надменный, цѣнящій человѣка только по богатству и титулу, зараженный исконными предразсудками, передѣланными только на новый ладъ, свѣтъ, среди котораго Дробицкій сознавалъ себя чужимъ и пришельцемъ,—поражалъ его невыразимымъ страхомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ гости смотрятъ на него, какъ на дикаго звѣря, и что онъ производилъ на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Поэтому Алексѣй даже боялся осматривать и наблюдать гостей, дабы не приписали ему насмѣшливости и неумѣстнаго любопытства.

Здѣсь собрались почти всѣ значительные представители современной аристократіи, всѣ характеристическія фигуры, не считая блѣдныхъ и истертыхъ, составлявшихъ фонъ общей картины. Вообще, покрытое однообразіемъ космополитической формы, это общество, при первомъ взглядѣ, не поражало ничѣмъ особенно рѣзкимъ; очевидно, эти люди были слишкомъ слабы для того, чтобы отличить себя отъ толпы какою-нибудь яркою оригинальностью. Одни покушались было на нее, но представлялись только смѣшными; другіе отличались странностями испорченныхъ людей, а большая часть обнаруживала только строгую разборчивость, холодъ и приличіе. Наружность и умственное состояніе здѣсь соотвѣтствовали одни другому. Разговоръ былъ забавный, остроумный, веселый, но въ существѣ пустой и поддерживался только сплетнями. Впрочемъ, сравнивая свою шляхту въ Жербахъ съ здѣшними панами, Алексѣй находилъ послѣднихъ болѣе сносными, а глубже вникая въ то и въ другое общество, въ обоихъ видѣлъ одни и тѣ же недостатки, слабости и тщеславіе, съ тою разницею, что шляхта была откровеннѣе, а паны старались принимать на себя какую-то общую и, такъ сказать, заимствованную форму.

Здѣсь сердца были холоднѣе и даже совсѣмъ застывшія, ничто не могло ни разогрѣть, ни взволновать ихъ, улыбка сопровождала самые печальные вопросы, на нихъ отвѣчали явнымъ равнодушіемъ, а эгоизмъ, вездѣ составляющій основаніе человѣческихъ заблужденій—и здѣсь, хотя въ прекрасной оболочкѣ, ясно обнаруживалъ себя въ соединеніи съ какимъ-то цинизмомъ. Никто здѣсь не приходилъ въ восторгъ, и первымъ условіемъ приличія была ледяная холодность, принятая за доказательство ума, а, на самомъ дѣлѣ, говорившая только объ изнуреньи и старости сердца. Президентъ Карлинскій, постоянно старавшійся своимъ щегольствомъ и суетливостью затемнить предводителя, на мѣсто котораго онъ хотѣлъ поступить, и полковникъ Дельріо, старавшійся казаться молодымъ и человѣкомъ хорошаго тона, хотя сквозь наружную оболочку его пробивались казармы и старыя военныя привычки,—играли здѣсь почти главную роль.

Около нихъ стоялъ графъ Замшанскій — типъ слишкомъ извѣстный въ свѣтѣ и литературѣ, чтобы распространяться на счетъ его характеристики. Въ нашихъ романахъ такъ много лицъ подобнаго рода, что критика не одинъ разъ и, кажется, справедливо, упрекала за ихъ повтореніе; но возможно ли обрисовать наше высшее общество, пропустивъ пана космополита? Въ жизни мы встрѣчаемъ его на каждомъ шагу, потому не будемъ удивляться, если писатели такъ часто и противъ воли должны изображать подобное явленіе. Графъ Замшанскій былъ въ такой же мѣрѣ графъ, какъ и всѣ богатые поляки за границею. Первую мысль объ этомъ титулѣ подалъ ему, кажется, управляющій отеля во Львовѣ, поздравивъ путешественника графомъ и вписавъ его съ такимъ титуломъ въ реестръ; въ Римѣ, сдѣлавшись кавалеромъ Золотой Шпоры, онъ уже въ собственныхъ глазахъ былъ правъ и безъ протеста принималъ данный ему титулъ. Такимъ образомъ, постепенно вошло въ обычай звать его паномъ графомъ—и Замшанскій, бывши на на самомъ дѣлѣ шляхтичемъ, сдѣлался уже графомъ par politesse, безъ всякаго посторонняго возраженія. Уже немолодой, съ просѣдью, но не позволявшій еще себѣ состарѣться, панъ Петръ Замшанскій держался прямо, платье носилъ узкое, одѣвался чисто, брился два раза въ день и съ

восторгомъ говорилъ о парижскихъ лореткахъ. На родинѣ бывалъ только случайно—за деньгами, либо по дѣламъ; настоящимъ его отечествомъ были желѣзныя дороги и поочередно всѣ столицы. Лѣто обыкновенно проводилъ онъ на минеральныхъ водахъ, которыхъ не пилъ, въ Баденъ-Баденѣ, Гамбургѣ, Эмсѣ, Остенде, осень въ Англіи либо въ Италіи, зиму гдѣ-нибудь на югѣ—въ Неаполѣ или въ Сициліи. Онъ объѣхалъ всю Европу, короткое время жилъ въ Константинополѣ, въ Египтѣ и Алжирѣ; но вояжи его совершались такимъ образомъ, что графъ не имѣлъ возможности извлечь изъ нихъ болѣе того, что знали люди, никогда не выѣзжавшіе изъ дому. Онъ вовсе не заботился о познаніи чужихъ краевъ: желѣзная дорога, пароходъ, а за неимѣніемъ ихъ—дилижансъ или почтовая карета, перевозили Замшанскаго съ мѣста на мѣсто, такъ что онъ даже вовсе не видалъ свѣта, перелетая его запакованнымъ въ экипажѣ. Зато въ нѣкоторомъ отношеніи онъ прекрасно зналъ столицы: обычаи дворовъ, придворные экипажи, клубы, трактиры, увеселительныя мѣста и дома, гдѣ давались блистательные балы. Славныя галлерея онъ посѣщалъ только по обязанности, дабы впослѣдствіи могъ сказать, что знаетъ Мадонну Сикста, Ночь Корреджіо, что былъ во Флорентинской трибунѣ и дотрогивался до фресокъ Рафаеля, но о картинахъ и произведеніяхъ искусства зналъ только, въ какія онѣ вставлены рамы, гдѣ осыпалась краска или какую заплатили за нихъ цѣну. Замшанскій ни къ чему не имѣлъ пристрастія, но обо всемъ говорилъ горячо; кромѣ того, имѣлъ огромный запасъ маленькихъ анекдотовъ и мелкихъ наблюденій. Онъ сбиралъ и всѣмъ показывалъ очень любопытные визитные билеты, пригласительныя письма, адресы и накопилъ ихъ цѣлый портфель; прекрасно помнилъ, гдѣ кого видѣлъ и въ какомъ костюмѣ, буквально повторялъ самыя маловажныя слова знаменитыхъ людей. Несмотря на свои сѣдины и слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, графъ былъ вѣтренъ и легкомысленъ какъ юноша, забавлялся каждою бездѣлицею, все схватывалъ горячо, бросалъ равнодушно, забывалъ скоро, приходилъ въ чувствительность, легко прощался со словами, и на слѣдующей станціи, вмѣстѣ съ пепломъ сигары, стряхивалъ воспоминанія, которыя намѣревался хранить до гроба.

Съ графомъ прибылъ кузенъ его, кузенъ въ то же время Карлинскихъ, а по бабкамъ, прабабкамъ, дѣдамъ и прадѣдамъ кузенъ всему свѣту—панъ Марцеллъ Петрашъ, человѣкъ молодой и подозрительнаго состоянія; онъ поочередно приставалъ ко всѣмъ, жилъ въ домахъ родственниковъ и, повидимому, намѣревался жениться. Это типъ также слишкомъ истертый, но часто встрѣчаемый въ высшихъ обществахъ. Петрашъ ничего не зналъ, не кончилъ курса наукъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи, но за панскими столами привыкъ къ комфорту и роскошной жизни, говорилъ по-французски, танцовалъ, курилъ сигары, ѣздилъ верхомъ и игралъ въ преферансъ. Многіе довольно охотно употребляли его на услуги въ ничтожныхъ случаяхъ, посылали за покупками, назначали помощникомъ распорядителей на балахъ, поручали принимать гостей на поминкахъ и вѣжливо благодарили секретными подарками. Хотя очень разсчетливый, Петрашъ любилъ играть, всегда выигрывалъ, жилъ безъ расходовъ и ждалъ обѣщанной судьбою панны, имѣвшей принести ему собственный домъ и независимое положеніе. Впрочемъ, надо отдать ему справедливость за то, что, всегда стремясь въ хорошее общество, въ случаѣ недостатка или отсутствія знаменитыхъ друзей своихъ, онъ безъ церемоніи ѣлъ бифштексы въ домахъ уѣздныхъ предводителей и судей, несмотря даже на то, что они не принадлежали къ его знатной фамиліи и только-что вышли изъ разряда сѣрой шляхты.

Спустя нѣсколько времени, представили гостямъ Алексѣя, который долженъ былъ рекомендоваться всѣмъ—и, во-первыхъ, какому-то пану Проту Одымальскому. Какъ графъ Замшанскій былъ спеціалистомъ въ сигарахъ, такъ Одымальскій былъ по ремеслу конюхомъ. Довольно богатый человѣкъ, среднихъ лѣтъ,—онъ былъ оракуломъ всѣхъ конюшенъ, знаменитѣйшимъ ѣздокомъ во всемъ околоткѣ, судьею на скачкахъ, посредникомъ въ рѣшеніи вопросовъ насчетъ гривы и хвоста, однимъ словомъ—это былъ *спортсмэнъ* въ обширнѣйшемъ смыслѣ или, вѣрнѣе, царь конюховъ. Ни одна ярмарка не обходилась безъ него, ни одна значительная закупка лошадей не состоялась безъ его совѣтовъ. Протъ особенно славился талантомъ передѣлывать самыхъ дурныхъ клячъ въ прекрасныхъ лошадей

дей—и притомъ въ одно мгновенье. Про него-то именно разсказывали въ Бердичевѣ, что, купивъ у одного шляхтича четверку лошаденокъ, подъ конецъ ярмарки онъ опять продалъ ихъ хозяину, который узналъ собственныхъ лошадей только уже на первой станціи. Ни одинъ коновалъ не умѣлъ такъ вычистить, подстричь, вымыть, поддѣлать, выкрасить, вылѣчить и выполировать лошадь; даже характеръ лошади измѣнялся въ рукахъ Прота; онъ придавалъ ей огня или дѣлалъ ее смирнѣе, смотря по тому, что требовалось.

Въ торговлѣ лошадями, натурально, нельзя требовать слишкомъ строгаго исполненія правилъ совѣсти и честности, а потому Протъ только смѣялся, если кто упрекалъ его въ обманѣ, и отвѣчалъ съ гордостью: «Милый мой! Надо смыслить въ подобныхъ вещахъ; гдѣ же были у тебя глаза?..»

Наконецъ, если кто продолжалъ еще сердиться, Одымальскій всегда готовъ былъ на поединокъ и умѣлъ стрѣляться, но отдавать назадъ деньги—никогда не имѣлъ привычки. Проту хорошо было заниматься своимъ ремесломъ; предоставивъ домашнее хозяйство и дѣтей женѣ, самъ онъ всю жизнь проводилъ въ бричкѣ и въ веселыхъ компаніяхъ съ мужчинами. Въ своемъ родѣ это былъ также знаменитый человѣкъ; всѣ чрезмѣрно любили его, потому что онъ умѣлъ со всѣми ужиться... кутить, драться, играть въ карты, пѣть—на все безцѣнный человѣкъ. Протъ даже родного брата обманулъ бы лошадью, но это опять иное дѣло: мѣновая торговля имѣетъ свои особыя права. Протъ Одымальскій, принадлежа по своему имени, связямъ и богатству къ панамъ, хотя и занимался торговлею лошадьми, но вовсе не стыдился ремесла своего: онъ даже утверждалъ, что въ немъ непремѣнно течетъ рыцарская кровь, если онъ питаетъ такую страсть къ лошади. Онъ жилъ на барскую ногу, открыто, и всѣ сосѣди обожали его. Сознавая свое важное значеніе, Протъ ходилъ съ поднятою головою и, всегда имѣя въ карманѣ пистолетъ, не слишкомъ былъ вѣжливъ; но эту слабость его всѣ считали только прямодушіемъ.

Здѣсь былъ также родной братъ Прота, панъ Янъ Одымальскій. Почти однихъ лѣтъ съ Протомъ, Янъ нисколько не былъ похожъ на него и не имѣлъ ни усовъ, ни такой фигуры, ни наружнаго вѣса, какъ братъ. Но, несмотря на коротко остриженъ-

ные волосы, лицо выбритое до волоска, глаза безъ блеска и самую скромную одежду Яна, всѣ низко кланялись ему, потому что Янъ былъ изъ числа первыхъ богачей въ околоткѣ.

Получивъ послѣ отца прекрасное, но обремененное долгами имѣніе, Протъ поправилъ его приданымъ взятымъ за женою, а Янъ самъ нажилъ нѣсколько тысячъ душъ и огромные капиталы. Вездѣ говорятъ, что въ насъ, полякахъ, нѣтъ врожденной способности или склонности ни къ торговлѣ, ни къ промышленности; однако, нашъ капиталистъ составлялъ въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе. Деньги были у него самою главною цѣлью, все прочее – предметами второстепенными. Панъ Янъ наживалъ изворотливостью, медленно, умѣючи и хоть честнымъ образомъ, но безъ состраданія къ людямъ и безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ положенію. Какъ человѣкъ строгой справедливости, Янъ всегда поступалъ законно и честно, никогда не подвергался отвѣтственности передъ людьми; съ Богомъ и совѣстью у него были другіе разсчеты. Слѣдующія кому бы то ни было деньги онъ платилъ въ назначенный день и часъ, но неисправнаго заимодавца готовъ былъ запречь въ хомутъ. Суровый къ самому себѣ и къ всѣмъ людямъ, Янъ молчаливо сознавалъ, что есть вещи важнѣе денегъ, и всѣмъ позволялъ думать такъ; но своими поступками выражалъ, что не раздѣлятъ подобнаго заблужденія. Онъ никогда не спорилъ, не обвинялъ другихъ, не защищалъ себя, но потихоньку и съ непреклонностью все дѣлалъ по-своему. Природа не дала Яну ни особенныхъ способностей, ни быстроты разума, онъ даже былъ довольно тупъ и не учился въ школѣ, но эти недостатки вполнѣ вознаграждались въ немъ силою воли. При помощи этого могучаго двигателя, безъ постороннихъ средствъ, Янъ нажилъ огромное богатство и достигъ всеобщаго уваженія, котораго, въ самомъ дѣлѣ, заслуживалъ трудолюбіемъ и постоянствомъ, но не отсутствіемъ сердца, принимавшимся всѣми за какую-то твердость характера. Въ помѣстьяхъ Яна крестьянамъ было не худо; но строго отдавая имъ все, что слѣдовало, помѣщикъ ни словомъ, ни дѣломъ не оказывалъ имъ сочувствія, милосердія или состраданія, въ работахъ не давалъ потачки и облегченія, въ печали не утѣшалъ, виновныхъ не прощалъ, говорилъ кратко и сурово, а денежнаго долга не прощалъ даже умирающему.

Такъ какъ Янъ имѣлъ помѣстья въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, то получалъ съ нихъ разнообразныя доходы: въ одномъ имѣньи у него дѣлали гонты и брусья, въ другомъ гнали смолу, въ третьемъ фабриковали сукно, а когда стали открываться сахарные заводы, принялись за свекловицу. Но, замѣтивъ въ скоромъ времени, что безъ нѣмцевъ многаго не сдѣлаешь, Янъ, никому не говоря ни слова, досталъ заграничный паспортъ, поѣхалъ во Францію и Германію, нѣсколько времени просидѣлъ ученикомъ на фабрикахъ и, возвратясь домой, уже самъ могъ хорошо управлять сахарнымъ завсдомъ — и дѣло пошло у него слишкомъ прибыльно.

Хотя всѣ хорошо знали, что Янъ никому не помогаетъ и даромъ ничего не дѣлаетъ, однако богатство давало ему значеніе, привлекательность и первенство; всѣ — старые и молодые улыбались ему—точно хорошенькой женщинѣ, а онъ принималъ все это, какъ необходимую дань, холодно и равнодушно.

Въ описанной толпѣ пановъ, кромѣ космополита, стараго любовника Лолы съ кузеномъ Петрашемъ, кромѣ двухъ Одымальскихъ, конюха и промышленника, находились еще и другіе любопытные типы; напримѣръ, тамъ былъ панъ Альбертъ Моршанецъ, человѣкъ съ знатнымъ именемъ и нѣкогда владѣлецъ прекрасныхъ имѣній, а теперь совершенно разоренный двумя разводами и разнообразными житейскими наслажденіями. Въ настоящее время у него остались только усадьба съ великолѣпнымъ домомъ, любовница, которой онъ не могъ сбыть съ рукъ, барскія прихоти и аристократическая осанка. Но въ наружности его вовсе не было видно ни банкротства, ни упадка, ни отчаянія, потому что онъ жилъ весело, постоянно смѣялся, игралъ въ большую и свысока смотрѣлъ на шляхту, въ полной увѣренности, что какое-нибудь наслѣдство опять поставитъ его на ноги. Впрочемъ, онъ былъ очень добрый человѣкъ, для своихъ вѣжливый и обязательный, для женщинъ чрезвычайно услужливый, прекрасно говорилъ по-французски, игралъ на фортепіано, пѣлъ и былъ секундантомъ на всѣхъ поединкахъ, какіе только случались въ сосѣдствѣ; иногда острилъ по-своему съ кредиторами, приказывая выгонять ихъ вонъ, обливать водою, обстрѣливать и употреблять другія средства противъ нихъ.

Съ Протомъ Одымальскимъ прибылъ панъ Эрнестъ Галонка—

человѣкъ самый милый въ свѣтѣ, панъ не панъ, но существо такой натуры, которое могло существовать только въ высшей сферѣ, и, выброшенное изъ нея, точно рыба безъ воды, непремѣнно бы издохло.

Въ прежнія времена подобныхъ людей называли дармоѣдами, а на нынѣшнемъ вѣжливомъ языкѣ Галонку звали другомъ пановъ. Превосходный актеръ—Эрнестъ перенялъ ихъ языкъ, обычаи, манеры, способъ мышленія, вкусъ, прихоти, словомъ—все, даже до способа стрижки ногтей. Смотря на него издали, каждый побожился бы, что это панъ изъ пановъ, такъ онъ былъ похожъ на нихъ; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, нѣжностью чувствъ и вкуса даже превосходилъ аристократовъ, прежде служившихъ для него образцами. Несмотря на то, что онъ воспитанъ былъ на гречневой кашѣ съ саломъ и, квартируя прежде у одной вдовы, можетъ быть, не одинъ разъ съѣдалъ во время ужина сальную свѣчу, а вмѣсто завтрака кошачьи пироги, — Эрнестъ, впослѣдствіи, пріобрѣлъ такую опытность въ распознаваніи доброты трюфелей, букета винъ и цѣнности соусовъ, что, когда шло дѣло о столѣ, его непремѣнно приглашали въ посредники. У шляхты онъ не бывалъ никогда, потому что не могъ ѣсть ржанаго хлѣба, не терпѣлъ бѣлаго мяса, а съ солониною находился въ самыхъ далекихъ сношеніяхъ. Притомъ, что-бы онъ сталъ дѣлать въ низшемъ кругу? Кто могъ бы тамъ надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить его высокія теоріи преферанса, систему подаванія винъ и кушаній, разсужденія о бифштексѣ и анализъ страсбургскаго паштета? Его взгляды стремились выше... Сдѣлавшись необходимымъ для знатнаго общества, Галонка навсегда снялъ съ себя сѣрый халатъ, нашелъ себѣ дядю епископа, тетку старостину, записался въ паны и навѣки соединился съ ними. Отдавъ небольшое число своихъ крестьянъ въ аренду, Эрнестъ круглый годъ ѣздилъ по знакомымъ, игралъ, пилъ, ѣлъ, веселился и, по слухамъ, даже наживалъ деньги. Чаще всего онъ гостилъ у пани Д., уже довольно старой женщины, которой мужъ всегда жилъ за границею, и, какъ говорили злые люди, Галонка служилъ для нея воспоминаніемъ молодости. Достовѣрно только то, что онъ хозяйничалъ въ ея домѣ, какъ въ *своемъ собственномъ*.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, тамъ былъ еще панъ Каласантій Спанскій—человѣкъ немолодой, всю жизнь просидѣвшій за сочиненіемъ исторіи Балеарскихъ острововъ. Каласантій переписывалъ ее уже двадцать шестой разъ, всегда составляя новое предисловіе. Кромѣ того, онъ занимался еще составленіемъ коллекціи мотыльковъ и шмелей. Первая страсть Каласантія была прослыть ученымъ, а между тѣмъ, говоря по правдѣ, свѣдѣнія, нахватанныя безъ толку, совершенное отсутствіе способностей и незнаніе системъ, дѣлали его только самымъ плохимъ компиляторомъ. Благороднѣйшій человѣкъ, если не считать скупости, Каласантій имѣлъ много прекрасныхъ свойствъ и во всю жизнь никому умышленно не сдѣлалъ зла.

Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ родной племянникъ, панъ Юзефъ Спанскій, съ нетерпѣніемъ ожидающій наслѣдства послѣ бездѣтнаго дяди, потому что Каласантій уже отказалъ ему мотыльковъ и шмелей, предоставивъ распоряженіе прочимъ имуществомъ дальнѣйшему усмотрѣнію. Юзефъ, страстно любившій охоту, считалъ Жерара первымъ героемъ въ свѣтѣ, выписывалъ «Journal des Chasseurs», писалъ въ него статьи и называлъ ограниченными и безчувственными людьми всѣхъ, кто, подобно ему, не восхищался заячьими ушами и лисьими хвостами.

Женская часть общества состояла изъ полковницы Дельріо, на зло президенту игравшей роль хозяйки, изъ Анны, оживлявшей Карлинскій салонъ своею улыбкою и красотою, изъ прекрасной Поли, всегда полной жизни и привлекавшей къ себѣ огнемъ, горѣвшимъ на устахъ ея, и еще изъ небольшого числа пріѣзжихъ дамъ. Изъ нихъ мы опишемъ только двухъ. Самое первое мѣсто занимала супруга пана Прота Одымальскаго, мать многочисленнаго семейства. Получивши нѣкогда отличное воспитаніе, что и теперь было въ ней очень замѣтно, она была проникнута важностью своего предназначенія—воспитывать потомковъ огромной фамиліи Одымальскихъ, и это чувство до такой степени ослѣпляло эту женщину, что привело ее къ самому странному понятію о своихъ обязанностяхъ. Считая Одымальскихъ поколѣніемъ избраннаго рода, она внушала дѣтямъ только понятія о знаменитости фамиліи, къ которой они принадлежатъ, и о необходимости поддержать свое достоинство.

Болѣе всего опасаясь, чтобы дѣти ея не дружились съ низшими, она держала сыновей дома и воспитала изъ нихъ паничей съ столь нѣжными чувствами, нервами и вкусами, что была уже спокойна насчетъ ихъ будущности.

Сестра графа Замшанскаго, баронесса Вульская, вдова съ двумя дѣтьми и необыкновеннымъ множествомъ долговъ, принадлежала къ разряду женщинъ потому только, что нѣкогда была молода и красива. По смерти мужа, она дѣятельно занялась имѣньемъ и потопила въ немъ послѣднія свои чувства и прелести, употребляя всѣ силы и способности на поправку обстоятельствъ. Небрежный костюмъ, разсѣянность, глубокая внимательность при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ о торговлѣ, продажѣ, новыхъ распоряженіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, сообщали Вульской рѣзкую печать женщины - дѣльца. Пользуясь случаями, она съ однимъ совѣтовалась насчетъ адвоката, котораго хотѣла употребить по дѣламъ своимъ, другому разсказывала, какую намѣревалась подать просьбу въ судъ, употребляя въ разговорѣ техническіе термины, съ третьимъ разсуждала о цѣнѣ на водку. На вопросъ о чемъ-нибудь другомъ она только улыбалась. И теперь, чтобы посовѣтоваться съ президентомъ, если позволитъ время, она взяла съ собою на всякій случай копію съ указа опеки, резолюцію губернскаго правленія и письмо своего повѣреннаго въ С.-Петербургѣ. Не было болѣе дѣятельной, но вмѣстѣ и болѣе скучной женщины, какъ баронесса Вульская; всѣ бѣжали отъ нея, и одно присутствіе ея набрасывало мрачную тѣнь на каждое веселое собраніе.

Здѣсь находилась и псевдо - графиня Д., въ домѣ которой часто проживалъ панъ Эрнестъ Галонка, обвиняемый въ близкихъ связяхъ съ нею. Въ прежнее время необыкновенная красавица—она до сихъ поръ еще поддерживала въ себѣ желаніе нравиться: носъ прямой, глаза черные и глубоко впавшіе, губы красивыя, но уже не открывавшіяся, дабы не обнаружить недостатка зубовъ, и бѣлизна тѣла, кое-какъ поддерживаемая косметическими средствами. Пани Д. говорила только по-французски одѣвалась щегольски и держалась самаго лучшаго тона. На маленькіе грѣшки ея не обращали строгаго вниманія, потому что она умѣла управлять своею лодкою такъ искусно,

что ни разу не разбивала ее о скандалъ, рѣзко бросающійся въ глаза постороннихъ.

Избѣгая новыхъ знакомствъ и обращенныхъ на себя взоровъ, Алексѣй сѣлъ въ самый дальній уголъ и въ глубокой задумчивости разсматривалъ общество, какъ вдругъ близъ него зашелестило платье, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою смѣющееся лицо Поли.

Въ этотъ день Поля была до такой степени прекрасна, что Юліанъ не могъ оторвать отъ нея своихъ глазъ. На ней было бѣлое платьице съ голубыми лентами, въ волосахъ немного голубыхъ цвѣтовъ, возвышавшихъ золотистый отблескъ ихъ, а бѣлыя обнаженныя руки и плечи ея восхищали строгою правильностью формъ. Рядомъ съ Анной, одаренной красотою хотя поэтическою, но строгою и возбуждавшею только удивленіе и благоговѣніе, маленькая, веселая, говорливая и пылкая Поля представляла какъ-бы нарочно подобранный контрастъ.

— Зачѣмъ вы сѣли въ уголъ? — смѣло спросила она Алексѣя. — Почему не хотите сблизиться съ обществомъ?

— Я здѣсь чужой.

— И не любопытствуете узнать новое общество? Ужели его наружность такъ поражаетъ васъ?

— Скажите лучше: страшитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А меня такъ они больше смѣшатъ, нежели пугаютъ.

— Но для васъ этотъ свѣтъ не чужой.

— Ошибаетесь, — съ необыкновенною живостью перебила Поля. — Это не мой свѣтъ, хотя я воспиталась и живу въ немъ, потому что я сирота и не имѣю ни одного родного на свѣтѣ! Съ самаго дѣтства живя въ здѣшнемъ кругу, я, поневолѣ, должна была заблуждаться и думать, что нахожусь въ своемъ обществѣ... Но нѣтъ!.. нѣтъ! Какой-то инстинктъ влечетъ мои мысли и сердце въ другое мѣсто... Повѣрьте, не одинъ разъ, глядя на Жербы, я завидовала вашему старому двору среди густыхъ липъ, завидовала жизни въ тамошнихъ маленькихъ и крытыхъ соломою домикахъ.

Глаза дѣвушки покрылись слезами. Поля могла въ одно время и плакать, и смѣяться.

— Я пришла къ вамъ потому, — прибавила она, — что

здѣсь, кажется, только мы двое чужіе и пришельцы. Мы обязаны поддерживать другъ друга.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, чужой, но вы...

— А я больше, нежели вы! Нечего лгать и показывать себя не тѣмъ, что значишь на самомъ дѣлѣ. Панъ Юліанъ, вѣрно, говорилъ вамъ о сиротѣ.

И Поля устремила на Алексѣя самый проницательный взоръ. Дробицкій испугался такого взгляда, боялся, чтобы Поля не прочитала на днѣ души его всей правды, а потому смѣшался и, покраснѣвъ, сказалъ:

— Юліанъ ничего не говорилъ мнѣ.

Поля поняла, что Алексѣй солгалъ, угадала по предчувствію, что отъ стараго товарища Юліанъ не имѣлъ секретовъ; румянецъ Дробицкаго многое объяснилъ ей.

— Не хорошо лгать,—сказала она тихимъ голосомъ.— Но перестанемъ говорить объ этомъ... Какъ вамъ понравилась Анна?—спросила она, спустя минуту.

При этомъ внезапномъ, неожиданномъ вопросѣ, Алексѣй покраснѣлъ еще больше и такъ растерялся, что не зналъ, какъ отвѣтить дѣвушкѣ.

— О, вы боитесь меня! — воскликнула Поля, устремляя на него дружескій взглядъ. — Говорите всю правду,—я не измѣню вамъ.

— Я такъ мало видѣлъ ее и почти вовсе не знаю...

— Фи, фи! Вы постоянно лжете. Во-первыхъ, я хорошо замѣтила, что вы не спускали съ нея глазъ; во-вторыхъ, развѣ нужно много времени, чтобы узнать и оцѣнить ее?.. Довольно только взглянуть на Анну, чтобы узнать въ ней существо высшее, избранное, идеальное!

— Да, вы угадали мысль мою.

— Мнѣ сказалъ это вашъ взглядъ... Сердце, умъ, наружность—все въ одинаковой степени превосходно въ ней; это чистый брильянтъ безъ малѣйшаго пятна; при ней всѣ кажутся мнѣ такими мелкими, слабыми...

— Но и Юліанъ имѣетъ также рѣдкое сердце и рѣдкій умъ!—невольно сорвалось съ языка Алексѣя, хотѣвшаго перемѣнить предметъ разговора.

Тутъ Поля невольно покраснѣла, вздрогнула и не могла

предъ взорами Алексѣя скрыть впечатлѣнія, какое произвело на нее сказанное имя, и что еще хуже, она не нашлась что сказать въ отвѣтъ, вскочила съ мѣста, не имѣя силъ владѣть собою, и убѣжала.

Повидимому, не обращая вниманія на Полю и Алексѣя, Юліанъ видѣлъ издали только ихъ сближеніе, и чувство ревности сдавило его сердце. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, приближался, наконецъ сѣлъ рядомъ съ Дробицкимъ и спросилъ съ безпокойствомъ:

— О чемъ вы говорили съ Полей?

— Нашъ разговоръ былъ такого рода, что нѣтъ возможности дать въ немъ отчетъ. Она говорила тутъ многое... Смѣялась надъ чьимъ-то костюмомъ и описывала мнѣ гостей, которыхъ я вовсе не знаю.

— Но почему въ концѣ разговора она такъ покраснѣла?

— Развѣ она покраснѣла? Я не замѣтилъ этого.

— Не замѣтилъ?—произнесъ Юліанъ, кивая головою. — Обманывай, кого угодно, только не меня...

Въ эту минуту ливрейный слуга подалъ Аннѣ на серебряномъ подносѣ запечатанный пакетъ; вниманіе Юліана и всѣхъ гостей обратилось на имянинницу.

— Отъ дядюшки Аѳанасія! — воскликнула Анна, взглянувъ на пакетъ.

— Отъ Аѳанасія? Но почему онъ не пріѣхалъ самъ?—подхватилъ президентъ. — Вѣчный чудакъ!

Вмѣсто отвѣта, Анна проворно вскрыла пакетъ, обратившій на себя глаза всѣхъ, и вмѣсто какой-нибудь игрушки, обыкновенно даримой женщинамъ въ день ангела, по подносу разсыпались огромныя четки изъ чернаго дерева... На концѣ ихъ бѣлѣлся маленькій черепъ, превосходно выточенный изъ слоновой кости, и распятіе съ изображеніемъ Спасителя, окруженное большимъ терновымъ вѣнцомъ.

Символы смерти и страданій... Всѣ переглянулись; Юліанъ вздрогнулъ, а президентъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Ахъ, какой неисправимый чудакъ! Умѣстно ли это?

— Какъ можно подобныя вещи присылать въ имянины? — повторили другіе.

Но лицо Анны вовсе не выражало, что ее поразилъ и опе-

чалилъ подарокъ, признанный всѣми за какое-то зловѣщее предсказаніе. Улыбка не изгладилась на устахъ ея, глаза сверкали живою радостью и восторгомъ. Она долго всматривалась въ изображеніе Христа и терновый вѣнецъ. Наконецъ, видя, что четки производятъ непріятное впечатлѣніе на окружающихъ дамъ, вышла въ свою комнату. Поля опять подошла къ Алексѣю.

— Видѣли?—спросила она.

— Видѣлъ; но до тѣхъ поръ не пойму столь необыкновеннаго подарка, пока вы не объясните мнѣ его значеніе.

— Чтобы понять значеніе этого подарка, вамъ слѣдуетъ познакомиться съ паномъ Аѳанасіемъ,—отвѣчала Поля.—Долго пришлось бы говорить о немъ; но онъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ замѣчательный. Видѣли, какъ Анна приняла терновый вѣнецъ? О, это ангелъ, въ полномъ смыслѣ ангелъ!—воскликнула Поля въ восторгѣ.

Алексѣй стоялъ въ задумчивости.

— Да, правда, — проговорилъ онъ, забывшись. — Человѣкъ даже боится говорить съ нею... Такою представляется она святою и чистою!.. Дыханье и слово, мысль и взглядъ нашъ могли бы осквернить ее.

— Ее ничто не осквернитъ, — съ восторгомъ перебила Поля, хорошо замѣтивъ благоговѣніе, выраженное Алексѣемъ.—Я радуюсь, что хотя вы оцѣнили и поняли ее по-моему... Теперь мнѣ есть съ кѣмъ подѣлиться своимъ уваженіемъ и любовью къ Аннѣ!

V.

Первый разъ въ жизни Алексѣй сбился съ предназначенной себѣ дороги, поддавшись прелести дружбы, а можетъ быть и силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него Анною.

Не могу сказать, что онъ влюбился въ нее: эта фраза недостаточно выражала бы рѣдкое, необыкновенное, исключительное чувство, овладѣвшее Алексѣемъ. Въ человѣческомъ сердцѣ заключаются тысячи оттѣнковъ привязанности, но его пробужденіе зависитъ отъ искры пробуждающей. Почти каждая женщина заставляетъ любить себя по-своему и встрѣчаются женщины съ такою огромною душевною силою, что способны даже самаго

чувственнаго человѣка увлечь въ неземную сферу. Любятъ сердцемъ и головою, тѣломъ и душою, любятъ еще смѣсью всего этого и въ различныхъ степеняхъ. Въ отношеніи Анны, Алексѣй сталъ испытывать такое чувство, которое опредѣлить невозможно: въ немъ заключалось и удивленіе красотѣ, и очарованіе прелестями, и предчувствіе чистой души, и созерцаніе внутренняго ея величія, и уваженіе къ самоотверженію—все благородное самыми яркими красками просвѣчивалось въ этой дѣвушкѣ. Земная любовь — пламенная, прихотливая, безумная вовсе не имѣла здѣсь мѣста. Въ Алексѣѣ не возбуждалось и желанія сблизиться, соединиться съ нею какимъ бы то ни было узломъ, который бы сравнялъ и уравновѣсилъ ихъ. Въ его глазахъ Анна не касалась стопами земли, а была чѣмъ-то до такой степени возвышеннымъ, чистымъ, почти эфирнымъ, что онъ не смѣлъ бы коснуться края одежды ея и вѣчно лежалъ бы у ея ногъ, чтобы согрѣваться лучами очей ея...

Алексѣй, забывъ свою мать и обязанности, забывъ свою дикость и униженіе, желалъ подольше пожить въ Карлинѣ и наглядѣться на картину, которая должна была навѣки запечатлѣться въ душѣ его. Можетъ быть, только одинъ глазъ замѣтилъ, что творится въ таинственной глубинѣ человѣка, глазъ Поли, одаренной необыкновеннымъ инстинктомъ узнавать людей и понимать ихъ чувства.

— Бѣдняжка!—воскликнула она про себя.—Подобно мнѣ, онъ обреченъ на неизлѣчимую болѣзнь... Жаль мнѣ его... Знаю, что онъ сумѣлъ бы любить искренно, горячо, но Анна... Что за мысль? Душа Анны обнимаетъ міръ, любить всѣхъ; но такая любовь, какъ понимаю я, никогда не родится въ ней. Она сжалится, утѣшитъ, но спуститься съ свѣтлой высоты своей не рѣшится... для кого бы то ни было!

Задумалась бѣдная Поля, сѣла къ фортепіано и унеслась въ другой міръ, гдѣ мысль выражается звуками... Тамъ ей было лучше... Юліанъ, забравшись въ дальній уголъ, смотрѣлъ на дѣвушку и все время сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, съ устремленными на нее глазами. Наконецъ, ихъ взгляды встрѣтились, и оба они позабыли, что за ними наблюдаютъ. Поля не спускала глазъ, Юліанъ не отворачивалъ своихъ, и краснорѣчивымъ взглядомъ они высказали другъ другу все, что хотѣли. Пако-

нецъ, Поля вздрогнула, опомнилась, проворно встала съ мѣста и убѣжала изъ салона. Юліанъ, пожаловавшись на головную боль, взялъ съ собою Дробицкаго и вышелъ вонъ. Анна чрезъ нѣсколько минутъ пошла къ Полѣ посмотрѣть, не захворала ли она. Полковникъ также ускользнулъ на свою половину и президентъ, пожелавъ бывшей своей невѣсткѣ спокойной ночи, хотѣлъ было уйдти, но вдругъ полковница встала и попросила его остаться на минуту.

Президентъ принялъ оффиціальную мину, впрочемъ, проворно и съ вѣжливостью пододвинулъ ей стулъ и спросилъ:

— Что прикажете, пани полковница?

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ паномъ президентомъ насчетъ дѣтей моихъ,—произнесла полковница, не скрывая, чего стоилъ ей теперешній разговоръ съ ненавистнымъ человѣкомъ.

— Со всею охотою... будемъ говорить о нихъ; вѣдь вамъ извѣстно, что они для меня точно родныя дѣти.

— Извините, панъ президентъ, что я вмѣшиваюсь въ это; мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, кажется, незамѣченное вами...

— Что же такое?—спросилъ нѣсколько озадаченный президентъ, вставъ съ мѣста.

— Я никогда не воображала, чтобы Анна способна была привязаться и коротко подружиться съ дѣвочкою такого низкаго происхожденія, какъ Поля.

— Позвольте, пани полковница?—отозвался президентъ.— Надѣюсь, вы ни въ чемъ не можете упрекнуть панну Аполлонію.

— Для этого ангела — Ануси не существуетъ никакой опасности,—перебила пани Дельріо.—Но ужели вы не видите, что пребываніе здѣсь такой молодой и съ такими горячими чувствами дѣвушки, какъ Поля, угрожаетъ Юліану большою опасностью. Онъ влюбленъ въ нее!

Президентъ, кажется, зналъ это не хуже полковницы. Но, видя, что его предупредили, перемѣнилъ тактику и разсмѣялся съ такимъ выраженіемъ, какъ будто не вѣрилъ словамъ ея.

— Онъ—влюбленъ? О, ваши глаза, кажется, видятъ больше того, что есть на самомъ дѣлѣ! Живая, смѣлая, остроумная, она, безспорно, могла понравиться Юліану, можетъ быть, даже занимаетъ и развлекаетъ его, но...

— Но подобное развлеченіе можетъ кончиться печально или скандально.

— Мнѣ кажется, что материнская заботливость ослѣпляетъ глаза ваши. Юліанъ—человѣкъ съ большимъ тактомъ, знаетъ свое и ея положеніе, видитъ—какая пропасть раздѣляетъ ихъ. Притомъ онъ человѣкъ благородный; слѣдовательно, мы можемъ быть спокойны.

— Если угодно, вы будьте спокойны, но меня ужъ не успокоите. Видѣли, какъ во время музыки они смотрѣли другъ на друга?

— Ну, если бы Юліанъ немножко и влюбился,—сказалъ президентъ,—это, можетъ быть, развлечетъ, расшевелитъ и оживитъ его; послѣдствій я не боюсь... Подобная любовь легко вылетитъ изъ головы его... И если ужъ мы начали разсуждать объ этомъ, такъ я скажу вамъ, что нашелъ для него жену.

Полковница покраснѣла отъ досады, что судьбою сына ея располагаютъ безъ ея вѣдома. Притворяясь, будто не слышала послѣднихъ словъ, она живо обратила разговоръ къ Полѣ, которую не любила и завидовала даже въ томъ, что она пріобрѣла себѣ сердце и привязанность Анны.

— Вы не боитесь послѣдствій потому, что не хотите видѣть ихъ; но я, зная эту дѣвочку съ малолѣтства, можетъ быть, имѣю справедливыя причины опасаться ихъ... Дай Богъ, чтобы мы не согрѣли змѣи у своего сердца... Живая, хорошенькая собою и коротко знакомая съ Юліаномъ,—можемъ ли мы знать,—что она воображаетъ? Я вижу только то, что она самымъ коварнымъ образомъ ласкается къ нему... Онъ человѣкъ молодой... Его легко поймать въ сѣти; нельзя ручаться, что она не мечтаетъ и выдти за него: въ такихъ отчаянныхъ головахъ все можетъ родиться...

Президентъ опять разсмѣялся.

— Вы слишкомъ горячо принимаете это обстоятельство,—сказалъ онъ.—Но я, право, не думаю о Полѣ такъ низко. Она дѣвушка разсудительная и, вѣрно, понимаетъ, что мы не позволимъ состояться такой неприличной свадьбѣ. Ужъ и такъ довольно было мезальянсовъ въ нашей фамиліи,—закончилъ президентъ съ удареніемъ и вздохомъ.

Полковница опять покраснѣла отъ гнѣва, зная, что послѣднія слова относились прямо къ ней. Президентъ продолжалъ:

— Притомъ, оторвать ее отъ Анны, которая нуждается въ ней, изъ-за какихъ-нибудь пустыхъ грезъ, совершенно осиротить этого ангела... было бы жестоко!.. Анна любитъ ее!

— Правда, но не я же виновата, если она свою любовь направила къ такой странной дѣвочкѣ.

— Будьте спокойны; мы не дремлемъ.

— Я считала обязанностью сказать вамъ объ этомъ обстоятельствѣ; вы поступите, какъ вамъ угодно. Дай Богъ, чтобы я была фальшивымъ пророкомъ, но очень боюсь вредныхъ послѣдствій отъ ихъ сближенія... Теперь я сказала все, а вы дѣйствуйте, какъ знаете.

Сказавъ это, полковница самымъ церемоннымъ поклономъ простилась съ президентомъ, а онъ, съ такою же вѣжливостью откланиваясь ей, прибавилъ шутливымъ тономъ:

— Не бойтесь, пани полковница!.. Поля такъ горда, что даже для счастья не унизитъ себя... Я хорошо знаю эту дѣвушку: ея натура страстная, живая, но благородная. Наконецъ, если бы она не была такою, то сообщество Анны должно возвысить и облагородить ее... Теперь Юліанъ мало будетъ дома... А хоть бы тамъ и была между ними какая-нибудь дѣтская легкомысленность...

— Вы, паны, привыкли человѣческое сердце считать за нуль, —возразила пани Дельріо:—оно не входитъ въ ваши разсчеты... Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи оно серьезно не напомнило о правахъ своихъ.

— Спокойной ночи,—сказалъ президентъ съ улыбкою,— спокойной ночи!.. Найдемъ средства и для сердца, если представится надобность.

VI.

На другой день Алексѣй уговорилъ Юліана ѣхать съ нимъ въ Шуру, къ пану Аѳанасію Карлинскому, едва извѣстному намъ только даннымъ ему прозваніемъ чудака и присылкою въ день имянинъ Анны четокъ и распятія съ терновымъ вѣнцомъ. Почти съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ жилъ въ имѣньи, расположенномъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Карлина, среди дремучаго лѣсу. Въ нашемъ краю, сравнительно съ другими зем-

лями, еще недавно очищенномъ отъ непроходимыхъ лѣсовъ, находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случайно или нарочно оставленныя вѣковыя пространства, хотя безполезныя, но прекрасныя, потому что среди нихъ мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ почти американскую растительность. Самою великолѣпнѣйшею въ этомъ родѣ, безспорно, должна считаться пуща Бѣловѣжская, послѣ нея Кобринская, съ ея огромными болотистыми пространствами, покрытыми елями, наконецъ лѣса Подлѣсьевъ Овручскаго, Пинскаго и Волынскаго. Въ такомъ-то именно углу, близъ деревни Шуры, панъ Аѳанасій Карлинскій избралъ себѣ резиденцію. Нѣсколько столѣтій ни одинъ изъ помѣщиковъ не жилъ въ этомъ имѣньи, принадлежавшемъ прежде Любомірскимъ и потомъ взятомъ въ приданое за женою Тимоѳеемъ Карлинскимъ. Впрочемъ, одинъ изъ Сренявитовъ, для охоты или изъ одной фантазіи, иногда проживалъ здѣсь, что показываютъ старый и огромный деревянный домъ, огороды и сады, развалившаяся часовня, пустая кружка и другія пристройки, найденныя тутъ Аѳанасіемъ, когда онъ получилъ это пространство по раздѣлу отцовскаго имѣнья. Аѳанасій Карлинскій имѣлъ еще другой фольварокъ съ хорошенькимъ домомъ, но такъ какъ онъ расположенъ былъ не въ уединенномъ мѣстѣ, то избралъ своей резиденціей Шуру; этотъ дикій, тихій и спокойный уголъ, больше всѣхъ пришелся по его вкусу. Онъ приказалъ немного поправить домъ, дабы можно было жить въ немъ, огородить запущенный садъ, отдѣлать часовню и, поселившись здѣсь на всю жизнь, почти никогда не выходилъ за границы сада и лѣсовъ своихъ.

Пана Аѳанасія не безъ причины звали чудакомъ, потому что онъ не былъ похожъ на другихъ людей; въ молодости онъ, на самое короткое время, удалился изъ дому, посланный родителями вояжировать по Европѣ, потомъ, слушаясь также приказаній отца, немного времени провелъ въ военной службѣ; но сдѣлавшись самовластнымъ паномъ, оставилъ свѣтъ и добровольно скрылся въ уединеніе. Никто положительно не зналъ всѣхъ происшествій его жизни и причинъ, образовавшихъ въ немъ такой характеръ, какой обыкновенно производятъ тайныя чувства, обманы и страданія. Отрекшись отъ всего, что люди называютъ счастьемъ, обществомъ, свѣтомъ, панъ Аѳанасій съ

небольшимъ количествомъ книгъ заперся въ своей Шурѣ и проводилъ все время въ молитвѣ, бесѣдахъ и размышленіи. Не занимаясь ни хозяйствомъ, ни другими дѣлами, онъ свысока смотрѣлъ на всѣ людскія заботы и даже смѣялся надъ ними; всѣ мысли его устремлены были къ вѣчности, къ будущей жизни, къ разрѣшенію вопросовъ, касающихся другого, высшаго міра. Снисходительный и кроткій къ людямъ, Аѳанасій, казалось, только ждалъ смерти и уже ничего не искалъ на землѣ.

Онъ любилъ родныхъ своихъ такъ, какъ любилъ весь свѣтъ, но къ земнымъ нуждамъ ихъ не былъ слишкомъ чувствителенъ и не спѣшилъ съ помощью, потому что пренебрегалъ жизнью и ея случайностями, какъ предметами преходящими. Любимѣйшимъ его чтеніемъ были Библія и мистическія творенія. Будучи католикомъ, Карлинскій заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что не отвергалъ и протестантскихъ откровеній, видѣній и взглядовъ на будущую жизнь; въ его глазахъ даже всѣ заблужденія извинялись глубокою вѣрою и заботливостью о духовномъ мірѣ; онъ все прощалъ, кромѣ матеріализма и равнодушія къ душевному спасенію. Снисходительный къ людямъ, неправильно судившимъ о предметѣ, Аѳанасій былъ неумолимъ къ людямъ холоднымъ и издѣвавшимся надъ важнѣйшими вопросами о другомъ мірѣ. Подобное религіозное настроеніе подавило въ немъ всякое расположеніе къ трудолюбію, отняло охоту къ дѣятельности и сдѣлало его аскетомъ, отшельникомъ, существомъ, отрѣшеннымъ отъ человѣческаго общества. Шура была истинною Ѳиваидою, гдѣ нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ жить съ Аѳанасіемъ Карлинскимъ, составляли для него все общество. Онъ привыкъ къ этимъ товарищамъ, но охладѣвшее сердце его уже не нуждалось въ нихъ до такой степени, чтобы способно было скорбѣть о ихъ потерѣ или рѣшиться для нихъ на какую-нибудь жертву. Понятіе о жизни было у него свое собственное, неизмѣнное, а вѣра столь глубокая, что даже на могилѣ друга онъ не могъ плакать и говорилъ только: «До свиданія!»

Но, несмотря на такое мистически-религіозное настроеніе, несмотря на самую глубокую вѣру и пламенную набожность, Аѳанасій Карлинскій имѣлъ одну, общую всѣмъ людямъ, слабость, *такъ какъ* нельзя назвать этого иначе, именно: онъ вѣ-

рилъ въ аристократію, въ ея особенное назначеніе на землѣ и плакалъ надъ ея упадкомъ. Умершихъ предковъ онъ уважалъ почти наравнѣ со святыми, а текущую въ своихъ жилахъ кровь считалъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ. Когда домашній ксендзъ его, Мирейко—происхожденіемъ жмудинъ, опровергалъ подобное понятіе, Аѳанасій, въ оправданіе свое, приводилъ мѣста изъ Св. Писанія, гдѣ говорится, что Богъ всегда избиралъ извѣстные роды для высшихъ цѣлей и управленія народомъ, изливалъ на нихъ особенные дары, награждалъ способностями, сообщалъ имъ яснѣйшее познаніе современныхъ потребностей, вручалъ имъ кормило правленія и назначалъ руководителями мыслей и духа народнаго. Изъ этого Аѳанасій выводилъ законность и пользу аристократіи вообще, ея необходимое существованіе въ каждомъ организованномъ обществѣ, и приписывалъ ей, сообразно своимъ понятіямъ, какъ-бы религіозное происхожденіе. Но подобныя понятія не ослѣпляли его до того, чтобы онъ не сознавалъ упадка современной аристократіи. Карлинскій объяснялъ это обстоятельство только тѣмъ, что аристократія уклонилась отъ своего назначенія, увѣровала въ тѣло, употребила Божьи дары для себя и для собственныхъ удовольствій, и Богъ наказалъ ее униженіемъ, потерею силы и вліянія. Онъ доказывалъ, что и шляхта была также чѣмъ-то въ родѣ избраннаго сословія; богатство и значеніе, фамилія и соединенныя съ нею привилегіи были какъ-бы завѣтомъ довѣренности со стороны Бога—не для собственной пользы людей, кому давались онѣ, а для всеобщаго блага. Коль скоро невѣрные приставники надъ сокровищами обратили ихъ на самолюбивое удовлетвореніе своихъ потребностей, Духъ Божій отступился отъ нихъ, благословеніе перестало почивать на главахъ ихъ, и люди, бывшіе прежде честью народа, сдѣлались его посмѣшищемъ. Вся жизнь Карлинскаго основывалась на изложенныхъ правилахъ, т. е. на глубокой вѣрѣ въ безсмертіе и на уваженіи себя, какъ потомка поколѣній, предназначенныхъ промысломъ для великихъ дѣяній. Теперь, онъ какъ-бы каялся и молился за грѣхи прадѣдовъ, сидя въ уединеніи, оплакивая упадокъ не только своей фамиліи, но и всѣхъ подобныхъ ей, безполезно гніющихъ въ самолюбіи, развратѣ, и забывающихъ, что вожди народа обязаны, главнымъ образомъ, жертвовать собою за ближнихъ.

Юліанъ, предвидя, какимъ страннымъ долженъ показаться Алексѣю его дядя, старался приготовить друга къ первой встрѣчѣ съ нимъ, разсказывая то, что мы повторили здѣсь. Они оба не замѣтили, какъ по самымъ дурнымъ дорогамъ миновали длинную цѣпь лѣсовъ и въѣхали въ аллею изъ старыхъ липъ, за которою, впрочемъ, еще нельзя было видѣть дома. По обѣимъ сторонамъ аллеи лежали поля, пересѣкаемыя лугами, кустарниками, болотами. Надъ Шурою царствовала глубокая, таинственная тишина пустыни, прерываемая только щебетаньемъ птицъ и далекими голосами стада. Въ аллеѣ, подъ пнями липъ, лежали первые желтые листья—предвѣстники наступавшей осени; песчаная дорога прорѣзана была только двумя или тремя колеями. Юліанъ и Алексѣй взглянули другъ на друга и вышли изъ экипажа, дабы идти во дворъ пѣшкомъ, потому что для прогулки было самое прекрасное время. Друзья шли въ задумчивости до тѣхъ поръ, пока не показались передній дворъ, домъ и окружающія его ольхи, клены, пруды, зеленые тополи и пихты. Мѣстность была печальная, чѣмъ-то могильнымъ вѣяло отъ нея, но вмѣстѣ очень замѣтно было и господствовавшее тамъ спокойствіе. Перейдя по старому длинному мосту главный каналъ, друзья прежде всего увидѣли на правой сторонѣ деревянную часовню древней архитектуры, черный крестъ которой возвышался надъ окружающими строеніями и деревьями; снаружи не было никакихъ украшеній, только двѣ ивы росли у ея входа, а у пней ихъ стояла большая и тяжелая дубовая скамейка, къ которой вела дорожка, протоптанная чрезъ поросшій травою дворъ. Прямо стоялъ обширный и запущенный домъ. Нѣсколько трубъ возшались на кровлѣ, но, много лѣтъ небѣленыя, онѣ почернѣли отъ дыму. Массы деревьевъ за домомъ указывали на обширный, но запущенный садъ.

Направо находились не оштукатуренныя и довольно некрасивыя конюшни; налѣво—длинный флигель, повидимому, немного моложе самаго дома. Войдя на дворъ, Юліанъ и Алексѣй напрасно оглядывались во всѣ стороны — не выйдетъ ли кто встрѣтить ихъ: вездѣ и все было мертво, какъ въ заколдованномъ замкѣ. Они перешли передній дворъ, поднялись на крыльцо, вошли въ сѣни, и никто не вышелъ навстрѣчу, хотя

сильно загремѣвшая на мосту повозка и конскій топотъ, раздававшійся по двору, легко могли бы разбудить спавшихъ или спрятавшихся по угламъ жителей.

Пройдя совершенно пустыя сѣни, гдѣ, можетъ быть, сто лѣтъ ничего не измѣнялось, гдѣ слышался только однообразный ходъ часовъ, гдѣ на стѣнахъ висѣло нѣсколько огромныхъ картинъ изъ священной исторіи, а на полу стояли окрашенные масляною краскою сундуки, служившіе складочнымъ мѣстомъ постелей и кроватей, Юліанъ и Алексѣй вошли, наконецъ, въ огромную залу, довольно темную и угрюмую, но поражавшую величіемъ, которое сообщали ей стѣны, увѣшанныя безчисленнымъ множествомъ фамильныхъ портретовъ. Очень немногіе изъ нихъ отличались достоинствомъ кисти, но зато они были замѣчательны тѣмъ, что удачно изображали характеры, какими отличались эти молчаливыя тѣни прадѣдовъ.

Вѣроятно, большая часть живописцевъ, повторившихъ черты ихъ на полотнѣ, вовсе не думали о сообщеніи имъ преднамѣреннаго характера; онъ часто выражался помимо ихъ воли, всплывалъ наверхъ вслѣдствіе неспособности художника, и увѣнчивалъ старанія бездарнаго артиста. Мрачныя лица и полуистертыя отъ пыли и сырости черты ясно показывали мужей, носившихъ на себѣ огромную тяжесть общественныхъ обязанностей, и вмѣстѣ выражали, что они не любили прихотей и бездѣйствія; ихъ лица говорили не объ утонченной цивилизаціи, не о блестящихъ формахъ, но о важныхъ заслугахъ и добродѣтели. Даже эмблемы портретовъ были не пустыя бездѣлушки, а булавы, сабли, епископскіе жезлы и посохи, какъ-бы говорившіе вамъ о подвигахъ и самоотверженіи этихъ людей для общаго блага. Въ рукахъ женщинъ находились книги, четки, цвѣты, дѣти—все, что можетъ и обязана носить женщина. Портреты древнѣйшей эпохи представляли людей полудикихъ, проводившихъ жизнь болѣе на войнахъ, нежели въ присутственныхъ мѣстахъ. По мѣрѣ приближенія къ нашимъ временамъ, лица становятся веселѣе, одежды великолѣпнѣе, цвѣтъ тѣла яснѣе, на устахъ болѣе веселая улыбка, а на самомъ концѣ—измѣненные костюмы, переродившіяся черты, пудра и парики ясно разсказывали исторію фамиліи и нѣкоторымъ образомъ даже государства... Отъ медвѣжьихъ епанчей и же-

лѣзныхъ панцырей, до кружевъ и брильянтовъ—какое огромное пространство!

— Пойдемъ къ ксенду Мирейко,—сказалъ Юліанъ.—Я немного знаю его, потому что онъ ѣздитъ къ намъ со святыми дарами. Онъ долженъ быть дома; сколько помню, его квартира въ углу флигеля.

Они вышли изъ залы и черезъ передній дворъ, гдѣ не было еще ни одной живой души, направились въ уголъ флигеля. Здѣсь они въ одно время услышали щебетанье птицъ въ клѣткѣ и громкій напѣвъ, раздававшійся со стороны сада.

Юліанъ узналъ голосъ ксендза Мирейко, а переступивъ порогъ флигеля, оба друга разслышали даже, что ксендзъ пѣлъ священныя пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы. Въ корридорѣ напѣвъ указалъ двери, въ которыя слѣдовало имъ войти. Юліанъ постучался.

— Ну, кто же тамъ церемонится со мной? Пожалуйте, пожалуйте!

Отворивъ двери, гости вошли въ чистую, маленькую и выходившую въ садъ комнатку, гдѣ мебели было не больше, чѣмъ въ капуцинской кельѣ: кровать, покрытая толстымъ сукномъ, около нея столикъ, на столикѣ требникъ, коробочка съ облатками и клѣтчатый платокъ съ табакеркою; близъ окна другой столикъ и на немъ очки съ календаремъ и святцами; на стѣнѣ образъ Іисуса Христа въ дубовой рамѣ, около дверей бутыль съ водою и пивная бутылка. Ксендзъ сидѣлъ на самой серединѣ и, устроивъ между двухъ стульевъ нѣчто въ родѣ креселъ, плелъ монашескій поясъ. Это былъ человѣкъ съ веселымъ лицомъ, темнорусый, съ просѣдью, съ рѣдкою и короткою бородкою, съ быстрыми сѣрыми глазами, сильный, здоровый. Онъ былъ весь въ поту, потому что день былъ жаркій; ксендзъ сидѣлъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, а на устахъ его блуждала невинная и чистосердечная улыбка. Довольно было взглянуть на этого монаха, чтобы полюбить его и убѣдиться, что сердце его дышетъ евангельскою любовью.

— Ого!—воскликнулъ онъ, бросивъ коклюшки, упавшія со стула. Вотъ дорогой-то гость! Когда же вы прибыли? откуда? какъ?..

Юліанъ представилъ ему Алексѣя.

— Прошу покорно, прошу покорно! — отвѣчалъ монахъ,

обнимая того и другого. — Садитесь, если найдется на чемъ, потому что я здѣсь не разсчитываю на гостей. Ахъ, право, и сѣсть-то почти не на чемъ... Но откуда вы прибыли?

— Прямо изъ дому. Но у васъ въ здѣшнемъ монастырѣ нѣтъ ни одной живой души. Если бы вы, святой отецъ, не пѣли и ваши птицы не щебетали, то мы не услыхали бы живого голоса.

— Пана Хорунжича вы не нашли еще?

— Нѣтъ, ни одной души не встрѣтили, и перваго васъ имѣемъ удовольствіе видѣть.

— Ну, видно, всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ,—сказалъ ксендзъ, подавая гостямъ стулья и убирая свои кресла.— Панъ, Хорунжичъ, вѣрно, въ часовнѣ, либо зачитался... Хоть бы пани Гончаревская взглянула на дворъ и послала кого-нибудь для встрѣчи гостей... Должно быть, уснула бѣдная... Ха, ха, ха!—разсмѣялся ксендзъ Мирейко.—У насъ всегда такъ: приди чужой человѣкъ — долженъ сперва досыта находиться, чтобы найти живого человѣка... Монастырь, ясновельможный панъ, настоящій монастырь!.. Но зато, вдали отъ свѣта съ его суетами, мы живемъ здѣсь точно у Христа за пазухой.

— Здоровъ ли дядюшка?

— Какъ рыба, скажу вамъ; да и съ чего ему хворать? Онъ не грѣшитъ никакимъ излишествомъ, развѣ одною горячею ревностью къ молитвѣ, но это не вредитъ здоровью... Наша жизнь идетъ регулярно, какъ часы, ни въ чемъ нѣтъ у насъ недостатка, печали не заходятъ въ Шуру—и мы всѣ, благодаря Бога, здоровехоньки!

Договаривая эти слова, ксендзъ Мирейко потеръ руки и поднялъ ихъ вверхъ, какъ бы радуясь своему положенію и благодаря за него Бога. Но вдругъ отворились двери, и въ комнату вошла пани Гончаревская, служившая здѣсь экономкою. Это была уже очень немолодая женщина, сухая, желтая, одѣтая просто, съ огромною связкою ключей у пояса, въ бѣломъ чепцѣ, обшитомъ свѣжими кружевами и сдѣланномъ на такой манеръ, который ясно говорилъ, что въ Шурѣ вовсе не заботятся о модѣ. Важною и суровою миною она хотѣла показать себя очень хорошо воспитанною женщиной; ея обхожденіе было почти аристократическое и, несмотря на бѣдный

костюмъ, она хотѣла даже играть здѣсь роль хозяйки. Подъ ледяною и суровою наружностью ея билось добрѣйшее сердце; но она такъ строго слѣдовала понятіямъ и требованіямъ свѣта, что никогда не обнаруживала своихъ чувствъ.

Ксендзъ Мирейко, вовсе не заботясь о приличіяхъ, потому что главную цѣль его составляло душевное спокойствіе, и несмотря на строгую взыскательность пани Гончаревской, всталъ съ кровати, на которой сидѣлъ, и воскликнулъ:

— Horrendum! Пани Гончаревская у меня! Хорошо ли дѣло нападать на келью беззащитнаго капуцина?

Экономка бросила на него самый суровый взглядъ.

— Ей Богу,—прибавилъ ксендзъ Мирейко, — пожалуюсь пану Хорунжичу. Прекрасно! Вы компрометируете меня въ глазахъ гостей и пришли сюда, вѣрно, не зная о ихъ пріѣздѣ...

— Оставьте ваши неумѣстныя шутки, святой отецъ!— сказала, уже не шутя, обиженная пани Гончаревская.—Пожалуйте въ комнаты, дорогіе гости!.. Можетъ быть, угодно чего нибудь съ дороги?

— Признаюсь—мы довольно голодны,—сказалъ Юліанъ.

— Пожалуйте-же въ залу; я сію минуту подамъ кофе и приготовлю обѣдъ.

— Очень пріятно слышать о кофе; это прекрасный напитокъ!—произнесъ ксендзъ Мирейко, громко кашляя и давая тѣмъ понять, чтобы и на его долю не забыли приготовить.

Экономка сдѣлала гостямъ поклонъ, бывшій въ модѣ во времена княгини предводительши, проворно простилась съ ними, погрозила капуцину и вышла. Но за дверьми она громко вскрикнула, и вскорѣ вошелъ въ комнату, съ улыбкою на устахъ, весьма оригинальный молодой человѣкъ огромнаго роста, съ густыми усами и бакенбардами темноорѣховаго цвѣта, съ черными и блестящими глазами, съ необыкновенными, хотя и не слишкомъ красивыми чертами лица. Высокій лобъ и орлиный носъ сообщали пришельцу одну изъ тѣхъ физіономій, какія мы чаще встрѣчаемъ на картинахъ, чѣмъ въ жизни. Въ ней отражались какая-то сила, смѣлость, независимость, разумъ и вмѣстѣ вдохновеніе. Несмотря на бѣдный костюмъ, потому что онъ былъ одѣтъ въ худой чепанъ сѣраго цвѣта, брюки носилъ въ сапогахъ и былъ безъ галстука,—осанка и поднятая вверхъ

голова, обнаруживали въ немъ человѣка, не привыкшаго подчиняться приказаніямъ и жившаго въ совершенной свободѣ. Бѣлыя руки и незагорѣлое лицо показывали, что онъ не имѣлъ нужды трудиться и велъ жизнь независимую. Неглижируя наружностью, онъ рѣзко похожъ былъ на пана, а уединенная жизнь въ здѣшней пустынѣ, гдѣ не предстояло надобности принаровляться къ людямъ и нравиться постороннимъ, сообщила его жестамъ и выраженію лица что-то дико свободное, такъ что въ этомъ человѣкѣ живо отражалось каждое внутреннее движеніе.

Капуцинъ и Юліанъ взглянули на новоприбывшаго и первый изъ нихъ воскликнулъ:

— Вотъ, понемногу, и всѣ мы сбираемся въ кучу!

Юліанъ фамильярно подалъ руку новому гостю, какъ хорошему знакомому; но гость, не сказавъ ни слова, проворно сѣлъ на узкую кровать ксендза Мирейко.

Алексѣй и незнакомецъ оглядывали другъ друга. Капуцинъ, желая поправить разсѣянность Юліана, сказалъ имъ:

— Позвольте познакомить васъ—панъ Юстинъ Поддубинецъ, панъ Алексѣй Дробицкій—другъ нашего пана Юліана.

Не привыкнувъ къ вѣжливости, Юстинъ только протянулъ свою руку, крѣпко пожавъ поданную руку Алексѣя и, устремивъ на него глаза, опять сѣлъ на кровать.

— А что, панъ Юстинъ, кажется, вы испугали пани Гончаревскую? — спросилъ ксендзъ. — Несчастный день для нея сегодня: я взбѣсилъ ее шутками, а вы, по привычкѣ ходить повѣся носъ, должно быть, изрядно толкнули ее.

— Какъ хорошо вы знаете людей и умѣете по характеру угадывать, кто къ чему способенъ!.. Мы, дѣйствительно, въ дверяхъ ударились головами, и мнѣ достался порядочный щелчокъ...

— И, вѣрно, пани Гончаревская порядкомъ отдѣлала васъ?

— Да, нечего сказать. Если бы не ея воспитаніе, то, можетъ быть, я получилъ бы даже оплеуху,—разсмѣялся Поддубинецъ.

— Однако, мы сидимъ здѣсь да толкуемъ,--прервалъ ксендзъ Мирейко,—а тамъ, пожалуй, кофе совсѣмъ простынетъ. Пойдемте въ барскій домъ. Притомъ здѣсь тѣсно для такой компаніи. Не знаете ли, панъ Юстинъ, гдѣ панъ Хорунжичъ?

— Не знаю. Онъ взялъ палку, соломенную шляпу, книгу подъ мышку и пошелъ въ лѣсъ.

— Ну, такъ до сумерекъ не ждите его!—проговорилъ капуцинъ, махнувъ рукою.—Впрочемъ, кофе безъ него и онъ безъ кофе легко обойдутся.

Съ этими словами всѣ вышли и, когда ксендзъ Мирейко заперъ на ключъ свою квартиру, вѣроятно, заботясь о цѣлости своего пояса и коклюшекъ, тихо направились къ барскому дому.

Здѣсь не было еще ни малѣйшаго движенія; только изъ комнаты пани Гончаревской, чрезъ отворенныя двери, слышались отчаянныя восклицанія:

— О, я несчастная! Ни одной души! Ну, я впередъ знала это! Вѣдь у насъ всегда такъ бываетъ:—когда нужно, всѣ разбѣгутся! Ужъ не приведи Богъ жить съ такою прислугою,—осрамятъ каждый благородный домъ... Посторонніе люди подумаютъ, что мы не умѣемъ жить! Ни одного! И подать, и накрыть некому! Господи Боже! Истинно мученье!

Такое великое огорченіе пани Гончаревской разсмѣшило капуцина. Всѣ вошли въ залу и засѣли вокругъ стола, ожидая обѣщаннаго кофе. Всѣ чувствовали необходимость развлечься пока разговоромъ; но онъ, какъ на зло, не клеился.

Гости мѣнялись съ капуциномъ вопросами о разныхъ предметахъ, а Юстинъ, развалившись на диванѣ и опустивъ голову на руки, погрузился въ глубокую задумчивость. Ксендзъ нѣсколько разъ прошелся мимо него, наконецъ, пожавъ плечами, воскликнулъ:

— Позвольте разбудить васъ.

Юстинъ разсмѣялся, и если-бы въ это время не вошла пани Гончаревская, можетъ быть, пустился-бы въ большія разсужденія съ ксендзомъ. Но экономка въ самую пору явилась на порогѣ, съ багдадскимъ платкомъ на шеѣ, надѣтымъ очевидно для гостей, и въ чепцѣ. За нею шелъ заспаный слуга; онъ несъ въ рукахъ подносъ, а подъ мышкою держалъ скатерть, и поспѣшность его ясно показывала, что ему досталось хорошее наставленіе.

Пройдя скорыми шагами черезъ комнату, повеселѣвшая Гончаревская сѣла близъ гостей и, потирая руки, начала разспрашивать о Карлинѣ и его обитателяхъ.

— А кофе-то стынетъ!—замѣтилъ ксендзъ Мирейко,—и гости все еще голодны. Если Господь послалъ на столъ такой

милый напитокъ съ хорошенькими сухарями, то прошу васъ, пани, не искушайте нашего терпѣнія.

Пани Гончаревская принялась разливать кофе, всѣ пододвинулись къ столику; но въ эту минуту, со стороны сада, послышались тихіе шаги, направлявшіеся прямо въ залу. Всѣ оглянулись въ ту сторону и увидѣли на порогѣ мужчину высокаго роста, худощаваго, въ соломенной шляпѣ на головѣ, съ суковатою палкою въ рукахъ и большою книгою подъ мышками. Это былъ панъ Аѳанасій Карлинскій.

VII.

Представьте себѣ пуританина, временъ религіозныхъ преобразованій въ Англіи, суроваго, съ блѣднымъ лицомъ, съ потухшимъ взоромъ, а иногда горѣвшимъ огнемъ аскетизма, и вообще съ наружностью, на которой рѣзко запечатлѣлась жизнь, проводимая въ размышленіяхъ и самоотверженіи, жизнь духа, усиливающагося ослабить и покорить себѣ тѣло; именно такимъ былъ и Аѳанасій Карлинскій. Величіе его фигуры происхо дило изъ двухъ источниковъ: оно порождалось набожностью и вмѣстѣ съ тѣмъ родовою гордостью, прогядывавшею даже сквозь власяницу кающагося грѣшника. Этотъ человѣкъ только одною слабостью оставался человѣкомъ: на развалинахъ страстей, на пепелищѣ чувствъ его, стояла одна гордость. Набожность все обратила у него въ пепелъ, но гордости не могла поколебать, а тѣмъ болѣе разрушить.

Его лицо преждевременно одряхлѣвшаго старца, безцвѣтное покрытое морщинами, суровое и задумчивое, носило на себѣ выраженіе мрачное, строгое, неумолимое и, какъ у людей, привыкшихъ углубляться въ самихъ себя, даже приняло характеръ окаменѣлости. На немъ ясно видно было, что ни одна земная горесть не возмущала спокойствія души, поднявшейся выше зимной сферы, но и не позволяющей другой душѣ стать наровнѣ съ собою. Костюмъ пана Аѳанасія былъ самый простой деревенскій; только одинъ желѣзный крестъ, висѣвшій на груди, на черной лентѣ, и окруженный терновымъ вѣнцомъ—точь въ точь такой, какой видѣли мы вмѣстѣ съ четками у Анны, бросался въ глаза постороннему человѣку.

Погруженный въ задумчивость, хозяинъ вошелъ въ комнату съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто никого не засталъ здѣсь. Наконецъ, пробудившись и увидя незнакомаго Алексѣя и нежданнаго Юліана, тихо снялъ съ головы шляпу, открылъ испещренную сѣдинами голову, бросилъ палку и книгу на стулъ и довольно хладнокровно поздоровался со всѣми.

При появленіи его, капуцинъ, находившійся въ самомъ веселомъ расположеніи, въ одно мгновенье сдѣлался серьезенъ, экономка выпрямилась какъ струна, а Юліанъ проворно поцѣловалъ его руку и представилъ Алексѣя.

Аѳанасій принялъ все это очень холодно, сѣлъ на поданный стулъ и, скрестивъ на груди руки, долго оставался безмолвнымъ, какъ-будто ему нужно было докончить прерванныя размышленія прежде, нежели онъ обратится къ людямъ.

— Радуюсь, что вижу тебя, милый Юліанъ, — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ. — Ты часто приходилъ мнѣ на память... Намъ нужно много поговорить... Много... Я чувствовалъ, что ты пріѣдешь, и готовился къ твоей встрѣчѣ... Отдохни... Но я скоро не отпущу тебя... На мнѣ лежатъ строгія и важныя обязанности въ отношеніи тебя...

Юліанъ покраснѣлъ. Старикъ замолчалъ и потупилъ голову. Всѣ гости, изъ уваженія къ задумчивости старца, также молчали. Наконецъ Аѳанасій вздохнулъ, взялъ палку и книгу и, не взглянувъ на своихъ гостей, удалился въ другія комнаты.

— Панъ Хорунжичъ что-то печаленъ, — произнесъ капуцинъ. — Видно попалъ на какой-нибудь крѣпкій философскій орѣхъ... Право, исключая катехизиса, требника и еще двухъ томовъ, я бы сжегъ у него всѣ остальныя книги, — прибавилъ онъ съ простодушною улыбкою. — Подобныя книги, какъ бы ни были хороши, только кружатъ людямъ головы... Вотъ и пану Хорунжичу слѣдовало бы только молиться да жить спокойно, вовсе не заботясь о томъ: кто, гдѣ и какъ именно провернулъ новую дыру своимъ разумомъ... Такъ нѣтъ!..

— Вы любите порицать то, что должно хвалить, — отозвался Юстинъ. — Что же онъ сталъ бы дѣлать? Охотиться или играть въ карты? На подобныя вещи и безъ него много охотниковъ.

— Хвалить Господа Бога!—воскликнулъ капуцинъ,—вотъ что! Право, это было бы несравненно лучше, нежели мучить себя разборомъ ничтожныхъ выдумокъ человѣческаго разума.

Юстинъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Святой отецъ! Каждый человѣкъ имѣетъ свое: одинъ хромаетъ, но силенъ въ рукахъ; другой тугъ на ухо, зато быстрымъ взглядомъ видитъ далеко; одному Богъ даетъ хорошій желудокъ, другому чувствительное сердце; въ великомъ хорѣ одинъ изъ насъ рычитъ басомъ, другой поетъ дискантомъ... И это хорошо... Невозможно всѣхъ запречь въ одну и ту же работу.

— Вотъ сказалъ новость! — сердито отвѣчалъ капуцинъ, взявъ уже четвертый сухарикъ, на что пани Гончаревская смотрѣла со страхомъ.—По человѣчески такъ, а по Божьему—всѣ мы и руками, и ногами, и глазами, и носами должны дѣлать одно: возноситься на небо!

— Не спорю; но я надѣюсь, что и нашъ панъ стремится не въ другое мѣсто.

— Правда, только вмѣсто того, чтобы избрать себѣ прямую дорогу, онъ блуждаетъ по лабиринту, желая руководствоваться человѣческимъ разумомъ, и похожъ въ этомъ случаѣ на человѣка, который среди бѣлаго дня, закрывшись отъ солнца, ходитъ съ фонаремъ.

— Ого!—прервалъ вошедшій панъ Аѳанасій,—вѣрно ксендзъ Мирейко разсуждаетъ тутъ обо мнѣ?

— Конечно,—возразилъ, нисколько не смѣшавшись, капуцинъ. — Вы дѣлаете свое, я говорю свое... между тѣмъ, вотъ и муху поймалъ въ кофе; одной дармоѣдкой будетъ меньше на свѣтѣ.

Старикъ, сдѣлавшись какъ-будто веселѣе, сѣлъ близъ Юліана и началъ всматриваться въ его лицо, потомъ тихо взялъ племянника за руку, слезы навернулись на глазахъ его — и онъ отвелъ Юліана въ портретную залу.

— Кого это ты привезъ мнѣ съ собою,—спросилъ Аѳанасій.—Лицо благородное, энергическое, но въ немъ есть что-то простонародное.

— Хорошій мой товарищъ и другъ,—отвѣчалъ Юліанъ.—Такой-же шляхтичъ, какъ и мы.

— Какъ и мы?—потворилъ старикъ съ видомъ удивленія,— какъ и мы?

Юліанъ улыбнулся.

— Ты еще молодъ! — проговорилъ, будто про себя, Аѳанасій.—Но если онъ удостоился чести быть твоимъ другомъ,— мнѣ довольно этого, чтобы счесть за человѣка стоющаго. Хоть сколько-нибудь вы оживите мое одиночество. Я не жалую людей, мало люблю ихъ; но если Богъ пошлетъ мнѣ такихъ, какихъ вижу теперь, то иногда мнѣ будетъ пріятно поговорить съ ними, потому что запертая внутри мысль дѣлается слишкомъ сильною и просится вонъ.

Старикъ молча поцѣловалъ въ голову Юліана и благословилъ его. Слезы опять навернулись на глазахъ его.

Сидѣвшіе въ смежной комнатѣ гости не смѣли прерывать разговора Аѳанасія съ племянникомъ. А такъ какъ въ это время кофе былъ уже конченъ, то пани Гончаревская немедленно отправилась къ своимъ занятіямъ, почти вслѣдъ за нею вышелъ и ксендзъ Мирейко, для исполненія вечернихъ молитвъ, и остались только Алексѣй съ Юстиномъ.

Молодые люди скоро сошлись другъ съ другомъ, такъ какъ Дробицкій слишкомъ интересовался новымъ товарищемъ, нечаянно найдя подъ самою простою его наружностью необыкновеннаго человѣка.

Юстинъ Поддубинецъ, никому положительно неизвѣстный своимъ происхожденіемъ, почти съ малолѣтства взятъ былъ паномъ Аѳанасіемъ на воспитаніе, на его счетъ кончилъ курсъ въ университетѣ и даже вояжировалъ за границей. Заботливость о его образованіи не была напрасна, — Юстинъ учился усердно и пріобрѣлъ много иознаній. Но, къ несчастью, вслѣдствіе ли вліянія своего опекуна, или по собственному настроенію, способный ко всему—онъ не выбралъ себѣ никакого занятія. Природа создала Юстина поэтомъ, онъ внималъ ея голосу и сталъ поэтомъ — только по-своему и оригинальнымъ образомъ. Если бы онъ родился на тысячу лѣтъ раньше, то, по всей вѣроятности, съ арфою въ рукахъ, ходилъ бы отъ хижины къ хижинѣ, воспѣвая древнія дѣянія, мечтая, прислушиваясь къ тысячеголосному хору мірозданія и умеръ бы гдѣ-нибудь на могилѣ, съ послѣднею пѣснью къ заходящему солнцу.

А теперь онъ жилъ немного иначе: читалъ, писалъ, избѣгалъ людей, размышлялъ, мечталъ и до такой степени былъ равнодушенъ къ своей будущности, такъ мало заботился о славѣ, что какъ будто ни въ чемъ больше но нуждался, кромѣ того, что получилъ отъ Бога.

Юстинъ не домогался даже сочувствія и похвалъ, какими живутъ обыкновенные писатели, читалъ только лишь по необходимости и ничѣмъ не хвалился. Впечатлительный, какъ дитя, онъ, для прекрасной картины, для хорошей пѣсни, изъ-за новаго вида, бросалъ и забывалъ всѣхъ, и не одинъ разъ приходилось отыскивать его по окрестностямъ, точно заблудившагося коня, и приводить назадъ въ Шуру. Онъ никогда не жаловался на горести и отличался отъ обыкновенныхъ поэтовъ, безпрестанно воспѣвающихъ свои несчастія и страданія, тѣмъ, что, нисколько не тяготясь настоящимъ, находилъ полное вознагражденіе за все въ божественномъ дарѣ—этой искрѣ святого огня, горѣвшаго въ груди его.

Сколько разъ, найдя въ книгѣ или пѣснѣ нареканіе на свѣтъ и на людей, особенно на бѣдность и недостатки, молодой человѣкъ воспламенялся сильнымъ гнѣвомъ и восклицалъ въ восторгѣ:

— Это не поэты!.. Презираютъ міръ, а желаютъ благъ его, попираютъ золото и, какъ нищіе, просятъ его,—жалуются и страдаютъ, тогда какъ обязаны благодарственнымъ гимномъ славословить Бога за свѣтлый вѣнецъ, возложенный на главу ихъ. Они не поэты, а фарисеи, обезьяны! Иначе они не смѣли бы произносить такихъ нареканій, не требовали бы отъ міра того, что обязаны попирать ногами!.. Поэтъ ни въ чемъ не можетъ завидовать людямъ: онъ стоитъ несравненно выше ихъ, несравненно больше ихъ чувствуетъ и видитъ... Вѣчная одежда его, сотканная изъ свѣта, прекраснѣе всѣхъ нарядовъ человѣческихъ, его вѣнецъ прочнѣе коронъ, а мысль и чувство, возвышаютъ его на тронъ, приближающій его къ Богу. Стоитъ ли плакать, роптать и страдать изъ-за дѣтскихъ игрушекъ, если онѣ холодны, мертвы и разсыпаются въ прахъ, лишь только возьмешь ихъ въ руки?..

Бѣдный Юстинъ! онъ такъ еще мало зналъ себя и жизнь!

Подали самый скромный и простой ужинъ, потому что въ

Шурѣ вели жизнь не роскошную, а о прихотяхъ никто даже и не думалъ. Послѣ ужина панъ Аѳанасій съ Юліаномъ, Алексѣемъ, Юстиномъ и ксендзомъ Мирейко опять вошли въ портретную залу. Время было уже довольно позднее; но здѣсь часто проводили цѣлыя ночи въ молитвахъ или разговорахъ, не ограничиваясь принятымъ распредѣленіемъ времени. Звѣздный, прекрасный и тихій вечеръ настраивалъ къ тихой грусти, а чрезъ отворенныя двери въ садъ влеталъ шумъ старыхъ деревъ вмѣстѣ съ холодомъ и благоуханіемъ ночной росы. Панъ Аѳанасій, погруженный въ задумчивость, началъ ходить по залѣ, изрѣдка бросая взгляды на племянника. Юліанъ молчалъ и съ почтительнымъ удивленіемъ глядѣлъ на старца, который, несмотря на свои странности, по силѣ своей вѣры и образу мыслей, представлялся ему выше существъ, ежедневно окружающихъ его.

Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Юстинъ заглядѣлся на звѣзды, ксендзъ Мирейко игралъ своимъ поясомъ и кокосовыми четками, Алексѣй не спускалъ глазъ съ хозяина, производившаго на него такое же впечатлѣніе, какъ видъ тѣни, вставшей изъ гроба. Никто не осмѣливался, хотя-бы однимъ словомъ, прервать тишину столь же торжественную, какъ молитва. Наконецъ, панъ Аѳанасій остановился предъ Юліаномъ и спросилъ его дрожащимъ голосомъ:

— Скажи, Юліанъ, что ты думаешь дѣлать съ собою? Имѣешь ли ты какіе-нибудь планы на будущность?

— Пока не имѣю никакихъ, милый дядюшка, потому что обремененъ домашними дѣлами. Какъ главный опекунъ Анны и бѣднаго Эмилія, убиваю все время на исполненіе обязанностей, а потому мнѣ нельзя взглянуть дальше и выше.

— Нельзя? Почему нельзя?—возразилъ панъ Аѳанасій.— Кто же тебѣ запрещаетъ? Боже мой, Боже мой! Что сдѣлалъ изъ васъ настоящій вѣкъ мелкихъ заботъ, испорченности и безумія? Обязанности, какія ты исполняешь теперь, составляютъ самую ничтожную часть тѣхъ, которыя собственно лежатъ на тебѣ. Какъ дурно вы понимаете свое предназначеніе! Сидѣть, хозяйничать, сбирать деньги, жить для себя и для своихъ— это хорошо для обыкновеннаго человѣка, а не для потомка Карлинскихъ. Слѣдовательно, милый мой, и ты остаешься на той

же самой дорогѣ, по которой наша фамилія дошла до настоящаго печальнаго положенія? И ты также въ заблужденіи, какъ наши предки, какъ вообще всѣ люди?

Слезы блеснули на оживленныхъ глазахъ старца.

— Прежде всего слѣдуетъ думать о душѣ, а потомъ о себѣ и своемъ семействѣ,—спокойно продолжалъ панъ Аѳанасій.— Главный долгъ человѣка исполнить свое предназначеніе, все прочее—пустяки, ребячество. Обязанности къ людямъ, въ нравственномъ отношеніи, гораздо выше обязанностей тѣлесныхъ; но ты и домашніе твои заботитесь только о послѣднихъ и только ими ограничиваетесь. Печалюсь, страдаю и горькими слезами плачу о вашемъ моральномъ упадкѣ. Какъ лавочники и купцы, вы ломаете свои головы только надъ тѣмъ, какъ бы поправить имѣнье и нажить денегъ. Ослѣпленные жаждою корысти, вы совершенно забыли, что имя, знатность и просвѣщеніе—суть дары, обязывающіе васъ къ чему-то высшему. Что вы дѣлаете? Веселитесь, скучаете, зѣваете, жаждете того, что никогда не напоитъ васъ, и напрасно убиваете время, тогда какъ, по словамъ Іисуса Христа, вы должны будете отдать въ немъ самый строгій отчетъ.

Юліанъ съ любопытствомъ глядѣлъ на старца, но не смѣлъ отвѣчать ему, потому что чувствовалъ и справедливость сказанныхъ упрековъ, и собственное безсиліе.

— Если бы о подобныхъ вещахъ говорилъ я съ каѳедры,— прервалъ ксендзъ Мирейко, громко нюхая табакъ,—это было бы прекрасно и умѣстно; но вмѣшиваться въ мои привиллегіи вамъ, панъ Хорунжичъ, право, не годится.

— Мы всѣ ксендзы!—важно сказалъ Карлинскій, отклоняя шутливое направленіе, какое капуцинъ хотѣлъ придать разговору.—Всѣ мы въ одинаковой степени обязаны говорить правду и заботиться о благѣ ближняго.

— Всѣ ксендзы?—съ видомъ изумленія воскликнулъ ксендзъ Мирейко. Это нѣчто новое... Право, это отзывается безбожіемъ!

— Люди, богатые великими примѣрами и славою своихъ предковъ, по преимуществу обязаны,—продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на ксендза,—носить на себѣ важнѣйшія, въ сравненіи съ другими, обязанности—не земныя, разумѣется, а духовныя. Знаешь ли ты исторію своей фамиліи?—спросилъ

онъ, подойдя ближе къ племяннику.—Не разсказывалъ-ли я когда-нибудь тебѣ о ней?

— Знаю, но не подробно,—отвѣчалъ Юліанъ.

— Смотри! вотъ—они живые передъ тобою!—подхватилъ хозяинъ, воодушевляясь и указывая дрожающею рукою на развѣшанные по стѣнамъ портреты.—Склони голову предъ героями, помолись за грѣшныхъ, пожалѣй о заблудшихъ и научись—что долженъ ты дѣлать. Господь Богъ ничего не далъ намъ даромъ или для одной только забавы; наши предки—это священное наслѣдіе, это долгъ, который обязаны мы уплатить сыновьямъ своимъ; но кто теперь изъ равныхъ намъ понимаетъ свои обязанности такъ, какъ понимали ихъ прежде? Никто! рѣшительно никто! Мы постоянно идемъ къ ослѣпленію и погибели... Кто не трудится рукою, у того безполезная рука засыхаетъ; кто не дѣйствуетъ духомъ, отъ того отступается духъ Божій! Все на свѣтѣ имѣетъ свое значеніе, ничто не существуетъ для пустой забавы. Человѣческія учрежденія представляются намъ человѣческими только съ земной точки зрѣнія, но во всемъ находится перстъ Божій. Посмотри, Юліанъ,—прибавилъ старецъ,—до какой степени унизились Карлинскіе! Они стали сельскими хозяевами, земледѣльцами, юристами, какими-то куклами, стремящимися къ пустымъ удовольствіямъ... Потомъ еще болѣе унизятся, обѣднѣютъ, сдѣлаются посмѣшищемъ всѣхъ и совершенно исчезнутъ. Но это удѣлъ не однихъ насъ, а, кажется, всей людской аристократіи. Возлѣ насъ возникаютъ новые люди—сѣмя будущности; а мы, старцы, за то, что забыли преданія и заповѣди Божія, должны сойти со сцены, оставить поприще дѣйствія, сдѣлаться погоньщиками и обозною прислугою, питаясь грабежомъ и обдирая трупы убитыхъ на полѣ чести. Послушай—чѣмъ мы были. Вѣроятно, никто не говорилъ тебѣ о предкахъ, и я своимъ разсказомъ о нихъ не гордость хочу внушить тебѣ, потому что гордость—чувство дьявольское и самое вредное, но хочу пристыдить тебя, изобразивъ теперешнее наше ничтожество. Взгляни на это суровое, почти дикое лицо, со шрамомъ на лбу, въ красной, какъ кровь, одеждѣ и въ тяжеломъ вооруженіи; на немъ нѣтъ слѣдовъ нѣжности, деликатности или преступнаго празднолюбія. Этотъ человѣкъ представляется намъ

непривлекательнымъ, потому что мы не можемъ понять красоты его. Но всмотрись внимательнѣе въ его обликъ, разсмотри черты лица, обсуди жизнь, и его черты, обозначенныя сильною волею и непреклоннымъ характеромъ, поразятъ твои глаза ослѣпительнымъ блескомъ. Это—Григорій изъ Карлина, первый предокъ, о которомъ мы имѣемъ уже достовѣрныя свѣдѣнія. Отъ него-то именно насъ прозвали *Шейными*, въ память благородной раны, полученной имъ въ шею. Григорій былъ братомъ Авраама, родоначальника линіи Касперовыхъ-Карлинскихъ, а наша, какъ старшая, называется линіей Остоитовъ. Григорій и Авраамъ родились во времена Ягеллоновъ, отъ потомка славнаго Остои, котораго мечъ, еще со временъ Болеслава, стоитъ въ нашемъ гербѣ между двумя лунами. Ничего не скажу объ Авраамѣ, хотя и имъ, по всей справедливости, мы должны бы гордиться. Григорій принадлежалъ къ числу героевъ, которые, противоборствуя остаткамъ уже остановленной, но еще не побѣжденной орды татарской, сражались за спокойствіе Европы. О, какою жестокою неблагодарностью заплатила исторія племенамъ славянскимъ! Взгляни въ ученые труды западныхъ историковъ: какъ тамъ представлены эти народы?.. Судьбы человѣчества, по словамъ ихъ, всегда находились въ рукахъ племенъ романо-германскихъ, а мы названы безполезными, несамостоятельными, варварскими толпами, безъ малѣйшаго значенія въ исторіи, безъ роли и предназначенія—собственно за то, что вмѣстѣ съ Западомъ не участвовали въ крестовыхъ походахъ, что не принимали участія ни въ одномъ изъ великихъ, геройскихъ и обильныхъ послѣдствіями движеній міра и будто равнодушными глазами смотрѣли изъ-за своихъ предѣловъ на лившіяся рѣки крови и на борьбу за будущность. Эти господа забыли, что именно въ ту самую пору, во время тѣхъ самыхъ крестовыхъ походовъ, презираемыя ими славянскія племена своею грудью удержали потокъ татарскихъ ордъ, угрожавшихъ свѣту, что здѣсь, въ глухой тишинѣ нашихъ лѣсовъ, кипѣли безпрестанныя, кровавыя войны для огражденія неблагодарныхъ, которые за пролитую кровь теперь отказываютъ намъ даже въ надгробномъ памятникѣ... Бѣдные славяне! Ихъ участіе было истинною жертвою и *огромно своими* послѣдствіями, но его нигдѣ не

видно въ исторіи; наши начала разсѣялись по всему свѣту, а между тѣмъ нѣкоторые люди еще и теперь, прямо въ глаза, упрекаютъ насъ въ несамостоятельности. Григорій Шейный, нашъ родоначальникъ, былъ славнымъ вождемъ и воиномъ своего времени. Его-то раны выслужили намъ имя, имѣнія, славу и позднѣйшее значеніе. Григорій былъ женатъ на княжнѣ Глинской. Онъ жилъ долго, но ни одного часу не провелъ въ отдыхѣ, хорошо сознавая, что на землѣ мы не имѣемъ на него права. Двадцати лѣтъ отъ роду, Григорій сѣлъ на коня и сталъ биться съ татарами. Съ тѣхъ поръ онъ былъ дома только гостемъ, никогда не думалъ о себѣ, о хозяйствѣ, объ оставленіи сыновьямъ обширныхъ имѣній и большихъ сундуковъ золота. Въ промежутки времени между двумя походами, между двумя сеймами, между посольствомъ и сраженіемъ, онъ, по дорогѣ, иногда заѣзжалъ въ старый Карлинскій замокъ, чтобы нѣсколько часовъ пробыть съ женою и дѣтьми. Нерѣдко послѣднія деньги, накопленныя женою, онъ забиралъ на потребности республики, если казна не могла покрывать всѣхъ расходовъ, и приносилъ подобныя жертвы съ такою искреннею охотою и радушіемъ, не торгуясь ни о своей крови, ни о деньгахъ, ни о награжденіи за заслуги, какъ-будто онъ былъ обязанъ за нихъ отечеству, а не отечество ему. Прочіе сослуживцы во всемъ опережали Григорія, получали староства, кресла въ сенатѣ, жезлы, булавы, но никто не превзошелъ его заслугами. Домашняя жизнь была для него, можно сказать, постороннимъ предметомъ, другою, менѣе важною, стороною жизни, второстепенною заботою; даже чувства сердца молчали въ немъ передъ голосомъ безпрестанныхъ жертвъ и самоотверженія. Изъ семидесяти слишкомъ лѣтъ своей жизни, исключая первые два десятка, едва ли онъ провелъ одинъ или два года подъ домашнею кровлею. Онъ находился вездѣ, гдѣ нужно было сражаться, разсуждать о дѣлахъ общественныхъ, платить и служить. Жена, проводя всю жизнь въ тоскѣ, воспитывала ему сыновей, заботилась о стадахъ, сбирала подати и пряла ленъ, уединенно сидя близъ очага. Если ее осиливала тоска о Григоріѣ, она должна была искать его по всему свѣту, выѣзжать къ нему навстрѣчу, ловить его по дорогамъ, либо ѣхать въ Вильну и Краковъ. Смерть Григорія

Шейнаго была столь же прекрасна, какъ и жизнь его. Уже дряхлый старикъ, онъ еще не хотѣлъ оставить службы и спокойно жить дома: самъ искалъ дѣла, начиналъ его, предлагалъ свои услуги и такъ привыкъ къ лошади, что хотя его должны были сажать и смимать съ нея, потому что самъ онъ уже не могъ почти двигаться, однако, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на сѣдлѣ. Въ 1575 году онъ составилъ завѣщаніе, раздѣливъ имѣнье дѣтямъ, какъ вдругъ, по пріѣздѣ его на нѣсколько часовъ въ старый Карлинъ, дали знать о вторженіи Адель-Гирея. Сосѣди начали хорониться въ лѣса; напротивъ, Григорій приказалъ какъ можно скорѣе собрать людей и, съ нѣбольшимъ числомъ солдатъ, поздно ночью полетѣлъ въ погоню за врагами. Напрасно старикъ гнался за ними день и ночь, потому что, по принятому обыкновенію, татары, захвативъ добычу и плѣнныхъ, быстро ретировались въ степи. Эта погоня чрезвычайно его истощила, а, можетъ быть, убило и горе, потому что ногайцы взяли въ плѣнъ его родственника Шумлянца. На третій день старикъ занемогъ и повисъ на сѣдлѣ; почти насильно его сняли съ лошади и, передавъ начальство другому, свезли въ одинъ домикъ близъ дороги. Григорій очень безпокоился, что дальнѣйшая погоня совершится безъ него, что ее, можетъ быть, исполнятъ не такъ быстро и успѣшно, какъ хотѣлось ему, но долженъ былъ подчиниться волѣ Божіей, чувствуя, что силы въ немъ совершенно истощились. Подъ чужою, бѣдною кровлею, пріобщившись Св. Тайнъ, онъ испустилъ геройскихъ духъ. Ни жена, ни дѣти не закрыли глазъ его; но онъ безъ ропота перенесъ это несчастіе и мужественно легъ на вѣчный отдыхъ. Вдова приказала перевезти его тѣло въ Карлинъ и сама шла пѣшкомъ за гробомъ. Умирая, Григорій Шейный утѣшался тѣмъ, что оставлялъ двухъ сыновей, достойныхъ его имени. Они были уже зрѣлые мужи и оба шли по дорогѣ, указанной примѣромъ родителя. Старшій изъ нихъ, Павелъ,—вотъ посмотри его: какъ двѣ капли воды—отецъ!—воскликнулъ Афанасій, указывая на другой портретъ.—Но въ этомъ лицѣ есть что-то другое, костюмъ тщательнѣе, черты болѣе нѣжны, глаза смотрятъ умнѣе и быстрѣе. Сквозь воинскую наружность, уже виденъ человѣкъ государственный. Ты уже догадываешься и понимаешь, что это отецъ

семейства. Около него, посмотри, младшій братъ Василій, какъ говорятъ, похожій на мать: лицо угрюмое, но характеръ въ немъ сильный; онъ весь закованъ въ желѣзо, въ правой рукѣ полковническая булава, борода до пояса, смотритъ сурово, но зато и на поляхъ битвъ своего времени, онъ сражался съ безумною отвагою. Но возвратимся къ нашему Павлу.

— Да не будетъ-ли поздно? — прервалъ ксендзъ Мирейко, поднимаясь съ мѣста.

— Нисколько! — отвѣчалъ старецъ, воспламененный разсказомъ,—но вы уже не одинъ разъ слышали отрывки о нашихъ предкахъ; кромѣ того, вамъ еще нужно прочитать молитвы и приготовиться къ обѣднѣ. Можетъ быть, и вамъ, — прибавилъ онъ, обратясь къ Алексѣю и Юстину,—уже надоѣло слушать стараго сказочника?

— Я готовъ слушать васъ не одну ночь, а сколько прикажете,—проворно отвѣчалъ Дробицкій.

— И я тоже,—подтвердилъ Юстинъ. — Неужели мы для сна согласимся оставить васъ?

— Милый дядюшка!—воскликнулъ Юліанъ,—не судите о насъ слишкомъ строго и не заботьтесь о нашемъ отдыхѣ; скорѣе самимъ вамъ не нужно ли отдохнуть?

Старикъ улыбнулся и произнесъ:

— Ну, я ужъ отдохну въ могилѣ... О чемъ же я, однако?.. Да... о Павлѣ!.. Онъ ни въ чемъ не уступалъ отцу и почти столько же трудился на служебномъ поприщѣ; но при всей готовности на жертвы, онъ уже не могъ въ такой степени забыть о себѣ, о семействѣ и частныхъ выгодахъ, какъ Григорій. Павелъ уже построилъ себѣ дома, заботился о хозяйствѣ, безпокоился о домашнемъ благосостояніи и возвышеніи своей фамиліи. Женившись на Шамотульской, онъ вышелъ изъ своего стараго гнѣзда и соединился съ фамиліей, которая, вмѣстѣ съ богатствомъ, принесла намъ роскошь.

Знаете ли, какъ жили въ старину на Руси нашей паны и князья, пока не испортило ихъ вліяніе зараженныхъ роскошью провинцій? Они жили не лучше бѣднаго шляхтича, и если отличались чѣмъ отъ шляхты, такъ единственно дворомъ, количествомъ вооруженныхъ людей, толпами бѣдныхъ, проживавшихъ на ихъ содержаніи, либо щедрою раздачею естествен-

ныхъ произведеній земли своей. Къ обѣду готовили воловъ и барановъ; но ихъ ничѣмъ не приправляли и не подавали на серебрѣ. Овчинный кожухъ, покрытый сѣрымъ сукномъ, составлялъ ежедневную одежду, а медвѣжья шуба—праздничную. Барыня пряла вмѣстѣ со своими дѣвками и сама завѣдывала кухнею, дѣти ходили босикомъ; но если республика требовала помощи, то немедленно поставляли людей и сыпали деньги побарски. Въ тѣ времена ничего не значило закабалить наслѣдственное имѣніе, чтобы платить жалованье солдатамъ, которыхъ въ военное время паны часто содержали на свой счетъ— и тотъ, кто за ужиномъ ѣлъ простой супъ съ копчеными гусиными полотками, безъ затрудненія ставилъ полкъ на собственный счетъ, ѣздилъ въ посольства, изъ своей шкатулки дѣлалъ подарки владѣтельнымъ особамъ, строилъ дворцы, давалъ великолѣпные пиры, не спрашивая о томъ, вознаградитъ ли его когда-нибудь республика за подобные расходы. Возвратясь домой, панъ опять надѣвалъ на себя кожухъ и съ аппетитомъ ѣлъ житную кашу. Роскошь возникла не вдругъ и не сразу, но вкрадывалась постепенно: ее принесли времена и люди, а больше всего — глупое подражанье чужеземцамъ, передъ которыми мы стыдились того, чѣмъ бы должны гордиться. Во времена Ягеллоновъ самъ король спалъ на сѣнѣ и мылся изъ мѣднаго кувшина. А при Сигизмундахъ самымъ послѣднимъ королевскимъ слугамъ запахъ сѣна былъ уже непріятенъ, а мѣдные кувшины всѣ пожертвованы были въ костелы, дабы, подъ благороднымъ предлогомъ, сбыть ихъ съ глазъ, какъ гласитъ старинная пословица: *На тоби, Боже, що мини не гоже.* Повидимому, это пустыя вещи, но, повѣрьте, совсѣмъ другой человѣкъ встаетъ съ сѣна, нежели съ пуховой перины. Павелъ родился въ царствованіе Сигизмунда Стараго, а умеръ въ царствованіе Сигизмунда Шведа, слѣдовательно, онъ пережилъ, можетъ быть, самую важнѣйшую эпоху народнаго быта — кризисъ или рѣшительный переломъ, отъ котораго зависѣла будущность. Передъ своею смертію, въ 1607 году, пророческій взглядъ Павла уже проникалъ зародыши всѣхъ послѣдующихъ несчастій; но тогда во всей Польшѣ былъ только одинъ пророкъ, подобно Кассандрѣ, вопіющій съ каѳедры объ упадкѣ, который для другихъ представлялся нелѣпостью.

онъ предсказывалъ все, что мы должны были претерпѣть за грѣхи свои. Вѣтеръ развѣялъ слова вдохновеннаго Скарги *).

Во времена Баторія, Павелъ могъ гораздо лучше показать себя; даже самый выборъ мужа, служившаго для него образцомъ подражанія, ясно показывалъ, что Павелъ не былъ слѣпымъ орудіемъ и умѣлъ видѣть, куда именно вели разныя дороги, потому что онъ держался Яна Замойскаго и королевской партіи. Онъ былъ подъ Полоцкомъ и Сушею, гдѣ получилъ столь сильную рану въ бедро, что прямо оттуда привезли его домой—и едва, по особенной милости Божіей, да при помощи случайно найденнаго гдѣ-то грека, залѣчили рану зельями; но Павелъ долго ходилъ съ костылемъ, потому что его ногу свело. Другой на его мѣстѣ считалъ бы себя тогда совершенно отслужившимъ, особенно потому, что и дома было очень много дѣла, такъ какъ его имѣніе было въ неблагопріятномъ состояніи. Но въ тѣ времена стыдились еще наслаждаться дарами Божіими, сидя на печкѣ, и хорошо знали, что они даются намъ не для собственнаго только употребленія, но для благоразумной раздачи на общественную пользу.

Уже подъ Бычиною, вмѣстѣ съ Замойскимъ, Павелъ опять сидѣлъ на конѣ и нѣсколько разъ врубался въ ряды непріятельскіе. Въ 1594 году, когда татары ворвались въ Русь, Павелъ также не дремалъ и преслѣдовалъ ихъ до венгерской границы. Впослѣдствіи онъ опять, вмѣстѣ съ Замойскимъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Фелиномъ и отличился тамъ не менѣе Фаренсбаха и гетмана, потому что въ той же самой стычкѣ, когда у Замойскаго оторвало пряжку отъ пояса, пробило насквозь епанчу Павла, не причинивъ, впрочемъ, вреда ему самому. Но здѣсь оканчивается политическое поприще нашего прадѣда. Павелъ глубоко огорченъ былъ тѣмъ, что и смерть вѣнскаго воеводы, и всѣ подвиги при осадѣ Фелина приняты были за ничто. Потерявъ всякую надежду, онъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, прямо изъ-подъ Вейссенштейна поѣхалъ домой.

Съ этого времени онъ заперся въ своемъ домѣ, дни и ночи проводилъ въ молитвѣ и погрузился въ такую глубокую пе-

---

*) *Извѣстный своимъ* краснорѣчіемъ и ученостью ксендзъ-проповѣдникъ, *родившійся въ 1536 году и* скончавшійся въ 1612 году.

чаль, что почти пересталъ говорить. Отпустивъ бороду, надѣвъ монашескую рясу терціаріевъ и коадъюторовъ іезуитскаго ордена и не выпуская изъ рукъ четокъ, Павелъ, всю послѣдующую жизнь, провелъ на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, у котораго горѣла неугасимая свѣча, и до такой степени изнурилъ свои ноги стояніемъ на колѣняхъ, что, наконецъ, уже не могъ почти держаться на нихъ. Если кто приходилъ за какимъ-нибудь дѣломъ, Павелъ отсылалъ его къ женѣ и дѣтямъ, отвѣчая, что онъ бросилъ всѣ дѣла и занимается однимъ лишь дѣломъ спасенія. Во время возмущенія въ 1607 году однажды донесли Павлу, что братъ его Василій изрубленъ королевскими партизанами, напавшими на него гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Павелъ такъ глубоко почувствовалъ это несчастіе, что на другой день нашли его лежавшимъ безъ жизни, лицомъ къ землѣ, предъ алтаремъ домашняго костела.

Павелъ — важное и великое лицо въ нашей шляхетской исторіи, но это уже не Григорій Шейный; можетъ быть, въ немъ было больше ума, больше чувствъ, но и человѣческихъ слабостей не мало. Ему уже нравятся и служебное значеніе, и почести, хотя онъ употребляетъ ихъ на добро; для него уже богатство составляетъ если не первую, то по крайней мѣрѣ, важную потребность. Послѣдніе дни жизни Павла, когда пробудилось въ немъ чувство и ослабѣла вѣра въ человѣческій разумъ, конечно, столь же прекрасны, какъ и кончина отца, потому что они представляютъ образецъ грѣшника, сознающаго свои грѣхи и стремящагося отъ земли къ небу.

Совсѣмъ другою дорогою пошелъ Василій, женатый на шляхтянкѣ изъ фамилій Корбутовъ. По имени и богатству панъ, но сердцемъ шляхтичъ, нарочно избѣгавшій короткихъ связей съ панами, Василій, вслѣдствіе гордости и безпокойнаго характера, всегда дружился съ мятежниками и возставалъ противъ власти.

Такое поведеніе не обходилось Василію безъ тяжкихъ и безпрестанныхъ жертвъ. Правда, онъ снискалъ себѣ любовь пановъ-братій шляхты; но мы знаемъ, что подобная любовь обманчивѣе панскихъ милостей: сегодня любятъ и носятъ на рукахъ, а завтра, лишь пахнетъ противный вѣтеръ, поднимаютъ на *сабли*. *Онъ* умеръ въ битвѣ съ партіей Жолкевскаго.

Павелъ и Василій оставили только по одному сыну; оба сына пошли по отцовскимъ слѣдамъ. Нашего прадѣда звали Григоріемъ вторымъ; вотъ онъ, на этомъ почернѣвшемъ портретѣ, гдѣ теперь видно только мужественное лицо его съ огромнымъ чубомъ—Хорунжичъ пододвинулъ свѣчу и указалъ Юліану на слѣдующій портретъ, потому что они висѣли въ генеалогическомъ порядкѣ—въ двухъ отдѣленіяхъ, означавшихъ двѣ линіи Карлинскихъ, начиная отъ великаго Григорія.—Григорій второй,—продолжалъ Аѳанасій,—родился въ 1576 году и смотритъ на насъ уже не такъ дико и сурово, какъ его предки. Въ немъ еще отражаются первоначальныя родословныя черты, но высоко подбритая голова и возвышенный лобъ, придаютъ имъ уже болѣе благородное выраженіе и даже нѣкоторую гордость; костюмъ на немъ панскій, рысья шуба—точно у Радзивилла, колпакъ — соболій, а его застежки не купишь за теперешнія имѣнія. Огромный рубинъ на поясѣ—это знаменитый камень, снятый съ одного побѣжденнаго татарскаго хана. Нашъ дѣдъ, а твой, милый Юліанъ, прадѣдъ—Тимоѳей Поликарпъ, взялъ за него въ Парижѣ милліонъ ливровъ.

Григорій второй, сознавъ также, что онъ явился на свѣтъ не для того, чтобы наряжаться, жить въ удовольствіяхъ, заботиться только о себѣ и личныхъ выгодахъ, дѣлалъ много, былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, но въ этомъ героизмѣ участвовала и человѣческая слабость. Первое поприще Григорія было подъ Любнями съ Жолкевскимъ, гдѣ, въ присутствіи благороднаго вождя, онъ началъ свою карьеру такъ блистательно, что однимъ набѣгомъ пріобрѣлъ себѣ славу на всю жизнь, потому что собственною рукою взялъ въ плѣнъ одного изъ казацкихъ предводителей. Григорій не пропустилъ и лифляндскаго похода подъ предводительствомъ Замойскаго. Начавъ этотъ походъ подъ Кокгаузеномъ и дойдя съ отцомъ до Вейссенштейна, онъ вездѣ сражался со славою. Не буду исчислять, что онъ дѣлалъ до 1640 года, т. е. до своей смерти, такъ какъ мнѣ пришлось бы повторить всѣ тогдашнія войны, сеймы, порученія и знаменитыя посольства, а скажу коротко, что Григорій второй еще болѣе возвысилъ значеніе своей фамиліи, занявъ важное кресло въ сенатѣ, женившись на дочери знаменитаго дома и счастливо умноживъ свое богатство. Пріобрѣтя славу въ битвахъ, Гри-

горій и въ послѣдующее время не избѣгалъ ихъ; но, какъ человѣкъ великаго ума и чрезвычайно способный къ посольствамъ и дипломатическимъ переговорамъ, болѣе находился при особѣ короля. Онъ принадлежалъ къ числу друзей и довѣренныхъ Владислава Сигизмунда, раздѣлявшихъ молодость, удовольствія и всѣ судьбы его жизни. Это былъ государь, умѣвшій располагать къ себѣ сердца, потому что самъ имѣлъ сердце, и если приходилось жертвовать за него здоровьемъ, имуществомъ и спокойствіемъ, то ни одинъ изъ окружавшихъ его не отказывался отъ этого. Григорій два раза жертвовалъ своими имѣніями, а по вступленіи Владислава на престолъ, ни на минуту не разлучался съ нимъ и, осыпаемый королевскими милостями, чрезвычайно увеличилъ отцовскія имѣнья. Григорій былъ человѣкъ съ большими достоинствами и великими слабостями: любилъ пышность, не пропускалъ ни собраній, ни пировъ, занимался мелочами и почти каждый годъ дѣлалъ своимъ людямъ ливрею новаго цвѣта. Съ другой стороны, необыкновенно щедрый къ костеламъ, онъ рѣдко въ который изъ окрестныхъ костеловъ не пожертвовалъ то образа, привезеннаго изъ Италіи, то чаши, то посылалъ суммы на ихъ постройку или давалъ пособія викарнымъ ксендзамъ. Смерть неожиданно постигла Григорія: собравшись ѣхать во Францію за королевичемъ Казиміромъ, онъ сдѣлался боленъ, докторъ королевы— французъ, далъ ему на ночь какое-то лѣкарство, но поутру нашли его уже мертвымъ.

Иванъ *Кокошка*, двоюродный братъ его, умеръ гораздо раньше. По смерти отца, онъ далъ нехристіанскій обѣтъ, отмстить за смерть его и до тѣхъ поръ не ночевать дома, пока не погубитъ всѣхъ злодѣевъ, обагренныхъ кровью Василія. Имена ихъ записаны были у него на бумагѣ, и затѣмъ, подобравъ себѣ значительную партію шляхты, Иванъ началъ преслѣдовать ихъ. А когда ему пришлось заѣхать по дорогѣ домой и пробыть тамъ два дня, то, не желая нарушить своего обѣта, онъ приказывалъ разбить на дворѣ палатку и проводилъ тамъ ночи. Такимъ образомъ, они уже убили троихъ изъ партіи Жолкевскаго, четвертаго утопили въ прудѣ, остальные всѣми средствами искали примиренія, какъ однажды Иванъ, поссорившись съ пьяною ватагою радзивиловскихъ служителей,

изъ-за помѣщенія лошадей въ одномъ сараѣ на Замойскомъ трактѣ, въ одного изъ нихъ выстрѣлилъ изъ пистолета; но, давъ промахъ, самъ безчестно убитъ былъ противникомъ. Послѣ него остались: жена, дочь, вскорѣ вышедшая за Весселя въ Лифляндію и семнадцатилѣтній сынъ Василій—Иванъ.

Григорій женатъ былъ на Забжезинской и оставилъ пять сыновей; а потому, хотя богатство его было огромное, однако, послѣ раздѣла на пять частей Карлинскіе могли бы снизойти въ разрядъ шляхты. Но воля Божія, очевидно, еще считавшая нашу фамилію нужною, не лишила ее силъ необходимыхъ для дѣйствія. Изъ пяти сыновей Григорія, по случайному стеченію обстоятельствъ, только одинъ былъ наслѣдникомъ всего имѣнья послѣ отца. Братья не хотѣли дѣлиться. Старшій изъ нихъ, Игнатій, кастелянъ Мендзыржецкій, родившійся въ первомъ году семнадцатаго столѣтія, былъ уже сорока лѣтъ, когда умеръ отецъ. Онъ принялъ на себя всю тяжесть фамильныхъ дѣлъ и распоряженій, выручая другихъ братьевъ.

Третій братъ Сигизмундъ, еще при жизни отца, умеръ въ походѣ подъ командою Стефана Хмѣлецкаго. Онъ заразился обозною лихорадкою, нѣсколько мѣсяцевъ переносилъ ее, наконецъ слегъ въ палаткѣ и умеръ, сложивъ голову не на мягкихъ подушкахъ, а на жесткомъ сѣдлѣ, и цѣлуя нагрудникъ, на которомъ находились крестъ и образокъ Божіей матери.

Четвертый—Петрашъ, неизвѣстно—по своей или отцовской волѣ, посвятилъ себя духовному званію и былъ нареченъ хелмскимъ епископомъ, но о немъ—послѣ. Пятый—Влодекъ, скромный и набожный, любимое дѣтище матери. Григорій хотѣлъ видѣть въ немъ другое направленіе и образовать къ военному поприщу; но Влодекъ, упавъ въ ноги отцу и обливая ихъ слезами, получилъ позволеніе вступить въ монастырь отцевъ бернардинцевъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно набожный и смиренный.

Второй братъ Игнатія, Андрей, коронный Обозный, былъ, кажется, послѣднимъ въ нашемъ родѣ мужемъ, истинно достойнымъ безсмертной памяти, хотя мы совершенно забыли о немъ, такъ что слѣды великой его мысли и сердца едва остались въ истлѣвшихъ бумагахъ нашихъ. Не только забытый,

даже презираемый и непонятый при жизни, подобно людямъ, опережающимъ современность и указывающимъ потомству тяжелый путь къ совершенству, Андрей началъ свою карьеру блистательно, но рѣшился лучше сойти съ высокаго положенія, нежели отказаться отъ собственныхъ убѣжденій. Доставшіяся мнѣ по наслѣдству и, можетъ быть, первый разъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ попавшіяся въ руки записки Андрея, позволяютъ мнѣ сказать о немъ подробнѣе, да онъ и въ самомъ дѣлѣ стоитъ этого. Взгляни, склони голову, вотъ онъ!—Съ этимъ словомъ Аѳанасій, дрожавшею отъ волненія рукою, приблизилъ свѣчу и указалъ на темное полотно, среди котораго едва можно было разсмотрѣть портретъ съ лицомъ мрачнымъ, суровымъ и, можетъ быть, задумчивымъ, но поражавшимъ своими чертами, отмѣченными печатью какого-то религіознаго фанатизма.—Неправда ли, произнесъ старецъ,—что по этому лицу прямо виденъ человѣкъ, ни разу не склонившійся передъ мірскимъ кумиромъ, не искавшій людскихъ милостей, никогда не сгибавшійся передъ силою, не упадавшій передъ величіемъ и не солгавшій ни словомъ, ни дѣломъ, ни молчаніемъ? Смотри—какой искренній, глубокій и проникающій прямо въ сердце взглядъ!

Воспитанный какимъ-то монахомъ, проживавшимъ въ домѣ Григорія и съ самаго дѣтства полюбившимъ мальчика, Андрей собственно его вліянію обязанъ былъ тѣмъ направленіемъ, по которому шелъ во всю жизнь свою. Этотъ монахъ, называвшійся отцомъ Діонисіемъ, неизвѣстно—какой фамиліи, въ глазахъ обыкновенныхъ людей казался суровымъ и чудакомъ; но чистота и набожность его заставляли прощать непріятныя выходки, какія онъ позволялъ себѣ не только съ дворовыми людьми, но и съ самыми хозяевами. Андрей и Діонисій пламенно любили другъ друга. Монахъ училъ мальчика, неусыпно наблюдалъ за нимъ и почти до шестнадцати лѣтъ не выпускалъ его изъ рукъ своихъ. Когда Андрея отправили въ школу, Діонисій умеръ съ печали, но духъ его перенесся въ грудь воспитанника. Всѣ домашніе съ изумленіемъ замѣтили, что, по смерти наставника, Андрей какъ будто вышелъ изъ лѣсу, раздражался и удивлялся тому, на что другіе вовсе не обращали вниманія. Когда шло дѣло о правдѣ, онъ не молчалъ и

никого не щадилъ, а если опровергали его, то смирялся, не жертвуя, впрочемъ, своимъ убѣжденіемъ. Опредѣленный еще при Сигизмундѣ III въ военную службу, Андрей участвовалъ во многихъ походахъ съ королевичемъ Владиславомъ и такъ привязался къ нему, что уже во всю жизнь не разлучался съ нимъ.

По возшествіи на престолъ, Владиславъ IV, какъ бы желая вознаградить Андрея за то, что не слушался его, далъ ему должность короннаго Обознаго и два староства. Карлинскій принялъ званіе Обознаго, съ твердою рѣшимостью добросовѣстно исполнить возлагаемыя на него обязанности. Что же касается староствъ, то онъ оставался только распорядителемъ ихъ, потому что, считая себя недостойнымъ такой награды, употреблялъ доходы съ нихъ на помощь бѣдной шляхтѣ, на содержаніе раненыхъ въ сраженіяхъ, особенно на состарѣвшихся и изувѣченныхъ въ рыцарскомъ походѣ и скитавшихся по неблагодарной землѣ, за которую они проливали кровь свою. Между тѣмъ онъ самъ остался при особѣ короля и ни одинъ пиръ, ни одно собраніе не обходились безъ него. Придворные съ насмѣшками спрашивали у Андрея мнѣнія о каждомъ поступкѣ, и, хотя никогда не слушали словъ его и обращали ихъ въ шутки, однако, его мнѣнія нерѣдко покрывали краскою лица добросовѣстныхъ сановниковъ. Андрей никому не поблажалъ, даже самому Владиславу, хоть искренно любилъ его.

Андрей яснѣе и лучше другихъ видѣлъ стремленіе общества въ пропасть, понималъ характеръ современности, предвидѣлъ его послѣдствія и особенно порицалъ самолюбіе, страсть къ богатству, гордость и языческіе пороки двора Владислава IV.

Андрей не былъ женатъ и удалялся отъ женщинъ, называя ихъ веселыми пташками, умѣющими только прекрасно пѣть и высоко летать, но неспособными поднять на своихъ крылышкахъ тяжести больше капель росы и пылинки цвѣтовъ. Онъ всецѣло былъ преданъ предметамъ безсмертнымъ и духовнымъ, глядѣлъ на землю только сверху и постоянно возвышался надъ нею. Костюмъ его всегда былъ чернаго цвѣта, у пояса вмѣстѣ съ саблею висѣли четки, на груди — крестъ. Бо́льшую часть времени онъ проводилъ въ костелѣ на молитвѣ или дома, занимаясь чтеніемъ, а въ кругу людей игралъ опасную роль

правдиваго человѣка и апостола истины—и эта роль, пріобрѣтала ему безчисленное множество непріятелей.

Не знаю, какъ онъ устоялъ въ этомъ положеніи. Надо было имѣть слишкомъ глубокое убѣжденіе, гигантскую волю, ангельскую терпѣливость, высочайшую независимость, чтобы не ослабѣть, не упасть, не поколебаться въ ежедневной борьбѣ, гдѣ самымъ острымъ оружіемъ были иронія и насмѣшливость, направленныя противъ самыхъ щекотливыхъ убѣжденій. Но Андрей въ подобныхъ преслѣдованіяхъ, казалось, пріобрѣталъ новыя силы, съ каждою минутою возносился выше и крѣпче утверждался въ своемъ положеніи. Коронный канцлеръ Оссолинскій, какъ извѣстно, подалъ Владиславу IV мысль установить орденъ *кавалеровъ Непорочнаго Зачатія Богоматери.* Онъ хотѣлъ перенесть на родную землю учрежденіе другихъ государствъ. Но шляхта какъ въ заграничныхъ титулахъ, такъ и въ учрежденіяхъ подобнаго рода всегда усматривала подрывъ шляхетскаго равенства и вспомогательное средство къ отличію пановъ отъ гербовыхъ братій; поэтому она воспротивилась осуществленію устава, уже утвержденнаго папою Урбаномъ VIII. Кавалеры ордена Непорочнаго Зачатія Богоматери имѣли свой собственный уставъ, который не слишкомъ много обязывалъ ихъ. Здѣсь не заключалось очень глубокой мысли: хотѣли только прекрасной цѣпочки на шею и великолѣпныхъ плащей, дабы показываться въ нихъ на время торжественныхъ процессій.

Проектъ Оссолинскаго начинался изложеніемъ причинъ необходимости означеннаго ордена, долженствовавшаго быть щитомъ и украшеніемъ рыцарей, сражающихся за вѣру. Число кавалеровъ онъ назначалъ только семьдесятъ два, приписывая мистическое значеніе цифрѣ семь. Всѣ кавалеры должны были быть дворянскаго происхожденія, а изъ другихъ сословій предполагалось допустить къ ордену только двадцать четыре человѣка, которые прежде всего обязаны отречься отъ всѣхъ другихъ обществъ. Король былъ главою и начальникомъ. Наружнымъ знакомъ, отличающимъ рыцарей, назначалась золотая цѣпь на шеѣ, составленная изъ лилій и пучковъ стрѣлъ, съ надписью: In te и Unita virtus, съ пурпуровымъ крестомъ и на немъ изображеніе Дѣвы Маріи, попирающей змія и надпись:

Vicisti vince... Этотъ орденъ кавалеры обязывались носить во время большихъ процессій, въ день Непорочнаго Зачатія Богоматери и въ праздники патроновъ государства, съ допущеніемъ въ первый праздникъ къ королевскому столу; въ другіе же дни носить простой крестъ безъ цѣпочки на бѣлой лентѣ. Ихъ костюмъ обыкновеннаго покроя назначался пурпуроваго цвѣта; сверхъ него длинный бѣлый плащъ съ пурпуровою подкладкою, шапки бѣлыя, съ сіяніемъ и изображеніемъ Пресвятой Дѣвы. Въ орденѣ предполагалось имѣть двухъ вельможъ: канцлера и подскарбія, избранныхъ изъ числа кавалеровъ. Въ статутѣ описывались также: церемоніалъ процессіи, старшинство въ выборахъ, молитвы за умершихъ собратій, ихъ погребеніе, возвращеніе регалій по смерти кавалеровъ, форма журналовъ о дѣйствіяхъ Канцлера, избраніе прелата, вѣрность государю и отечеству, обязанность являться на войну противъ невѣрныхъ, защита догмата о Богопочитаніи и чествованіи Божіей Матери, порядокъ пріема кавалеровъ въ костелъ во время обѣдни, милостыни для выкупа плѣнныхъ и для помощи бѣднымъ воинамъ, каковыя предполагалось складывать въ нарочно учрежденную кружку, и, наконецъ, изложенъ былъ еще проектъ чисто религіознаго братства Непорочнаго Зачатія Богоматери, которое предполагалось присоединить къ сословію рыцарей и т. д.

Прочитавъ статутъ, Оссолинскій началъ излагать доводы о современной потребности ордена. Присутствующіе слушали въ глубокомъ молчаніи, король думалъ о томъ, какъ онъ будетъ раздавать свои регаліи. Но вдругъ Обозный всталъ съ мѣста и досталъ изъ-за пазухи толстую пачку бумагъ. Глаза всѣхъ обратились на него. Канцлеръ не скрывалъ своего неудовольствія, но Андрей, не обращая на это вниманія, обратился къ королю и произнесъ:

— Ваше величество! Не такой статутъ и не такіе рыцари нужны намъ въ теперешнее время. Найдется кому воевать съ языческими дикарями, и семьдесятъ два кавалера немного помогутъ въ этомъ дѣлѣ. Позаботимся лучше объ истребленіи язычества въ самихъ себѣ, о побѣжденіи силы, ежедневно возстающей противъ ученія Христова въ странѣ, наполненной крестами на поляхъ и на костелахъ, но такъ мало заключающей крестнаго ученія въ сердцахъ своихъ жителей!

— Послушаемъ Обознаго, можетъ быть, слова его принесутъ намъ какую-нибудь пользу,—сказалъ король.

Поддержанный Владиславомъ, Карлинскій продолжалъ:

— И я также представляю вашему величеству проектъ ордена и статутъ новыхъ рыцарей, составленные не по внушеніямъ мірского тщеславія, а по Божію вдохновенію.

Я долгое время думалъ,—громко говорилъ Обозный,—и что Богъ вдохнулъ въ мое сердце, тѣмъ и дѣлюсь съ вами; примете вы или нѣтъ, но самъ я буду стараться, чтобы моэ желаніе не осталось тщетнымъ. Я не намѣренъ критиковать статуты пана Канцлера, потому что и они хороши; но предполагаемый мною орденъ, кажется, гораздо нужнѣе семидесяти двухъ кавалеровъ, одѣтыхъ въ бѣлые плащи.

— Ad perpetuam rei memoriam,—началъ Обозный, послѣ вступленія, несмотря на шопотъ и улыбки, и прочелъ по латынѣ то, что я передамъ:

— „Обративъ строгое вниманіе на міръ, мы почувствовали неизбѣжную необходимость въ примѣрѣ, въ вспомоществованіи, въ поощреніи и подкрѣпленіи противъ душевнаго врага, постепенно и незамѣтно подкапывающаго существенныя основанія вѣры Христовой. Наше общество, все безъ исключенія, сдѣлалось больнымъ и слабымъ, оно знаменуетъ себя святымъ крестомъ, а живетъ по-язычески, даетъ обѣты при крещеніи и на каждомъ шагу нарушаетъ ихъ. Необходимо, дабы что-нибудь напоминало ему о ежедневныхъ обязанностяхъ и укрѣпляло къ ихъ исполненію. Въ такихъ видахъ, кромѣ духовнаго сословія, мы признаемъ превеликую пользу въ собратіяхъ, которые бы, разсѣявшись между всѣми сословіями, съ крестомъ на груди, взывали о самоотверженіи и, не платя никакой дани свѣту, служили только Богу и людямъ. Съ этою цѣлью мы учреждаемъ братство свѣтское, подъ названіемъ: *рыцарей Терноваго Вѣнца*, приписывая ему слѣдующія права: число братій будетъ неограниченное; во главѣ всѣхъ—монархъ, и вокругъ него, подобно тому, какъ безчислены хоры ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ при тронѣ Божіемъ, такъ пусть будетъ неопредѣленно число людей, которые вмѣстѣ съ нами рѣшатся трудиться для спасенія“.

Тутъ канцлеръ Оссолинскій пожалъ плечами, а король, *взглянувъ на него,* улыбнулся. Андрей продолжалъ:

— „Къ чести трудиться для всеобщаго блага будутъ допущены: сословіе дворянское, потомъ духовные, юноши и старцы, купцы и земледѣльцы. Не исключаются отсюда женщины какъ замужнія, такъ и пребывающія въ дѣвственности.

Всѣ захохотали во весь голосъ; но Обозный, нисколько не смущаясь этимъ, продолжалъ:

— «Единственнымъ условіемъ пріема въ братство Терноваго Вѣнца должно служить метрическое свидѣтельство о крещеніи, какъ документъ, что будущій братъ принадлежитъ къ сословію вѣрующихъ во Христа и уже исполнилъ самую важную присягу. Начальство надъ орденомъ братій Терноваго Вѣнца принимаемъ мы, а послѣ насъ—наслѣдники наши. Наружнымъ знакомъ братства имѣетъ быть желѣзный крестъ на груди, повѣшенный на черной лентѣ или на пеньковомъ шнурѣ и обведенный терновымъ вѣнцомъ, подобнымъ тому, какимъ увѣнчанъ былъ для поруганія Господь Іисусъ Христосъ, оставившій его намъ облитымъ своею кровью, какъ образъ самоотверженія и жертвы. Братія не будутъ отличаться костюмомъ, каждый будетъ одѣваться сообразно своему состоянію; только цвѣтъ долженъ быть преимущественно черный, какъ эмблема траура и смерти. Главный начальникъ ордена—монархъ, называемый вслѣдствіе такой должности Гроссмейстеромъ, потомъ высшая въ государствѣ духовная особа—примасъ. Кромѣ нихъ, братство избираетъ духовника и казначея. Послѣдній обязанъ будетъ принимать милостыни и распоряжаться ими, по назначенію братій. Исключая монарха и примаса, братія не будутъ раздѣлены ни на какіе разряды, такъ какъ всѣ мы равны передъ Господомъ. Желѣзные кресты, по смерти каждаго изъ братій, отсылаются къ духовнику и казначею, и потомъ, съ означеніемъ имени брата, вѣшаются въ главномъ костелѣ, для примѣра наслѣдникамъ. Братія терноваго вѣнца, главнымъ образомъ, обязаны не только сами дѣятельно исполнять обязанности, предписанныя ученіемъ Христовымъ, но вездѣ и не обращая вниманія ни на что, не оглядываясь на людей, указывать ближнимъ истинный путь, говорить правду и то, то внушаетъ совѣсть, подавать собою примѣры самоотверженія, вѣры, любви къ Богу и ближнему, однимъ словомъ—обязаны *терпѣть, дабы еще на* землѣ достигнуть мира по слову Божію

а въ небесахъ—вѣчнаго соединенія со Христомъ. Въ случаѣ надобности, они должны охотно жертвовать жизнію, не избѣгать униженія, не жалѣть жертвъ и не осквернять свои уста ложью».

Обозный продолжалъ распространяться насчетъ обязанностей братій Терноваго Вѣнца, но грокій смѣхъ придворныхъ не позволялъ разслушать вдохновенныхъ словъ его.

Много смѣялись надъ Обознымъ, и. натуральное дѣло, никто даже не подумалъ объ основаніи проектированнаго имъ ордена, потому что въ глазахъ испорченныхъ людей онъ представлялся странною утопіей. Но Андрей на оставилъ своего намѣренія. Онъ первый надѣлъ на себя крестъ, обвитый терновымъ вѣнцомъ, и чрезъ два года, отказавшись отъ должности Обознаго, поѣхалъ въ Римъ съ приготовленнымъ статутомъ братства, намѣреваясь быть его основателемъ.

Передъ отъѣздомъ Обознаго, Владиславъ IV и канцлеръ Оссолинскій, который въ душѣ уважалъ Андрея и всегда говорилъ съ нимъ серьезно, когда они были вдвоемъ, и только въ присутствіи придворныхъ иногда смѣялся надъ нимъ, вслѣдствіе слабости и для угожденія другимъ,—совѣтовали Карлинскому оставить напрасный трудъ, но Андрей не послушался ихъ.

—«Ваше величество!—произнесъ онъ,—благородный и добросовѣстный человѣкъ, если Господь вдохнетъ въ него добрую мысль, обязанъ всѣми силами стараться осуществить ее. Если не удастся подобное предпріятіе, то не онъ будетъ виноватъ, но его долгъ стараться объ этомъ, ничего не опасаясь. Такъ и я, если не успѣю въ своемъ намѣреніи, то успокоюсь мыслью, что оно не угодно было Богу и не нужно для людей, буду вѣрить, что Промыслъ хочетъ употребить другія средства для человѣческаго блага».

Король и многіе сановники дали бывшему Обозному рекомендательныя письма къ кардиналамъ святаго коллегіума, къ его святѣйшеству, къ духовнику папы и другимъ особамъ, имѣвшимъ вліяніе на рѣшеніе апостольской столицы, но это не принесло ожидаемой пользы. Прибывъ въ городъ Св. Петра, Андрей прежде всего началъ молиться съ пламенными чувствами, обошелъ всѣ костелы и потомъ уже принялся ходатайствовать передъ папою объ утвержденіи своего проекта. Всѣ слушали Андрея со вниманіемъ; но статутъ встрѣтилъ много возраженій со сто-

роны духовныхъ властей. Святой отецъ обнялъ и благословилъ Андрея, поцѣловалъ крестъ съ терновымъ вѣнцомъ, слезы навернулись на глазахъ его, но, выслушавъ статутъ братства, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— «Милый сынъ мой! Ужели ты не видишь, сколько предстоитъ затрудненій и препятствій къ осуществленію представленнаго тобою проекта? Твои желанія прекрасны; но ужели сердце твое не будетъ страдать, если они обратятся во зло и вредъ, въ пустой призракъ и злоупотребленіе святымъ знаменіемъ?»

Карлинскій не удовольствовался этимъ. Оставшись въ Римѣ, онъ ходилъ къ кардиналамъ, къ генераламъ разныхъ орденовъ, трудился, поправлялъ статутъ, молился и, наконецъ, изнуренный въ этомъ святомъ трудѣ, а можетъ быть и потерявъ къ нему охоту, вдругъ умеръ, ослабѣвъ отъ поста, въ ту минуту, какъ онъ приступалъ къ причастію Св. таинъ въ костелѣ Св. Станислава.

— Это былъ великій человѣкъ!—прибавилъ взволнованный Хорунжичъ.—Какъ святыню, берегу я вотъ этотъ крестъ, потому что онъ ясно свидѣтельствуетъ о пламенномъ желаніи добра, составлявшаго главный предметъ и цѣль всей жизни Андрея. Глаза Обознаго раньше и лучше другихъ видѣли, до чего дошли мы теперь. Онъ искалъ лѣкарства отъ неизлѣчимой болѣзни и умеръ отъ безнадежности, что люди воспользуются имъ. По крайней мѣрѣ, для насъ должны быть священны и память о немъ и это знаменіе креста съ терновымъ вѣнцомъ.

Никто не нашелся сказать что-нибудь противъ этихъ вдохновенныхъ словъ и вообще противъ всего вышеприведеннаго разсказа. Пораженный Юліанъ сидѣлъ точно прикованный къ стулу и неподвижными глазами смотрѣлъ на дядю. Алексѣй погрузился въ глубокую задумчивость. Юстинъ заглядѣлся на звѣздное небо, которое, чрезъ отворенныя двери въ садъ, блистало миріадами свѣтилъ. На блѣдномъ лицѣ Хорунжича отражались усталость и волненіе; казалось, настоящій разсказъ пробудилъ въ немъ заснувшія страданья. Не говоря ни слова, онъ еще разъ взглянулъ на портреты Обознаго и Григорія и тихими шагами удалился въ другія комнаты.

По уходѣ Аѳанасія еще долгое время всѣ сидѣли въ неподвижномъ положеніи. Юліанъ блуждалъ глазами по изображеніямъ

своихъ предковъ; но лицо его показывало, что, вполнѣ понимая ихъ величіе, онъ уже не чувствовалъ въ себѣ силъ сравняться съ ними...

— Ужели мы рѣшаемся прозаически и въ глупомъ снѣ провесть такую прелестную ночь?—спросилъ наконецъ, Юстинъ.

— Мнѣ спать не хочется,—проговорилъ Алексѣй.—Теперешній разсказъ чрезвычайно тронулъ меня. Всѣхъ Карлинскихъ я вижу передъ глазами...

— А я... я вижу весь этотъ прекрасный и непостижимый міръ Божій!—подхватилъ Юстинъ.—Пойдемте въ садъ... Шумъ деревьевъ и тишина природы лучше всего убаюкаютъ насъ. Если мы не сумѣемъ понять, то, по крайней мѣрѣ, предчувствіемъ угадаемъ гармонію вселенной.

При этихъ словахъ Юліанъ хотѣлъ было подняться съ мѣста, но у него не было силъ; блѣдный, ослабленный—онъ, съ принужденною улыбкою взглянулъ на Алексѣя и сказалъ:

— Ступайте одни, а меня оставьте здѣсь: я посижу, помечтаю и отдохну. Хоть стыдно признаться, но я ужасно ослабѣлъ и не могу встать съ мѣста.

Алексѣй и Юстинъ вышли въ садъ и исчезли въ ночномъ сумракѣ.

VIII.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда церковный звонъ, разбудивъ Юліана, прервалъ горячій разговоръ Алексѣя и Юстина, которые, не смыкая глазъ, всю ночь ходили по садовымъ аллеямъ.

Молодые люди сблизились другъ съ другомъ, какъ родные братья, и, проведя сегодняшнюю ночь наединѣ, подъ тѣнью старыхъ липъ, они были точно старые знакомые. Когда церковный звонъ призвалъ ихъ въ домъ, они нашли тамъ Юліана, пробуждавшагося отъ сна и съ удивленіемъ оглядывавшагося на всѣ стороны. Наконецъ, блѣдный Карлинскій всталъ съ мѣста, немного стыдясь передъ друзьями того, что не могъ преодолѣть своей слабости. Въ эту же минуту вышелъ изъ своихъ покоевъ Аѳанасій съ книгою и четками.

— Пойдемте молиться, — сказалъ онъ важнымъ тономъ.— Единственное счастье человѣка въ молитвѣ... Это для меня поэзія *жизни. Ксендзъ Мирейко* ждетъ насъ въ костелѣ.

Вся дворня мало-по-малу высыпала изо всѣхъ угловъ на площадку передъ домомъ и направилась къ костелу. У главныхъ дверей стоялъ ксендзъ, одѣтый въ длинную альбу, и съ безпокойствомъ глядѣлъ по направленію къ барскому дому, такъ какъ, хотя человѣкъ набожный, онъ не любилъ, если приходилось завтракать нѣсколькими часами позже обыкновеннаго. Всѣ мы слабы!

Пани Гончаревская уже послѣ всѣхъ вышла изъ своего флигеля, спѣша также къ костелу, и чрезъ нѣсколько минутъ собрались всѣ. Для гостей въ костелѣ находились скамьи и стулья, но хозяинъ, простоявъ короткое время на колѣняхъ на жесткомъ полу, упалъ ницъ и началъ молиться, испуская стоны.

Ксендзъ Мирейко началъ обѣдню. Юстинъ прислуживалъ ему, а дворня Аѳанасія запѣла старинную церковную пѣснь и продолжала ее хоромъ во все время совершенія священныхъ тайнъ.

Хорунжичъ всю обѣдню пролежалъ ницъ на полу и по окончаніи ея всталъ еще не скоро. Всѣ уже вышли изъ костела, а онъ еще продолжалъ молиться, хотя это очень не нравилось капуцину. Ксендзъ Мирейко не смѣлъ сказать прямо, что ему хочется скорѣе покушать кофе; кромѣ того, онъ безпокоился о томъ, чтобы долговременное лежанье на полу не повредило здоровью старца. Наконецъ, на порогѣ костела показался Аѳанасій, какъ будто пробужденный отъ сна.

— Знаете ли, хозяюшка,—шепнулъ капуцинъ пани Гончаревской,—нашъ Хорунжичъ не спалъ всю ночь, да и гостямъ-то, кажется, не далъ сомкнуть глазъ. Это очень хорошо, но всему должны быть границы. Хорунжичъ сдѣлается боленъ.

— Но что прикажете мнѣ дѣлать?—отвѣчала пани Гончаревская.—Видите, кто здѣсь слушается меня? Никто! Ни одна душа!.. Панъ Хорунжичъ, точно избалованный ребенокъ, дѣлаетъ, что ему пригрезится; нѣтъ никакой возможности пособить ему.

Всѣ окружили столъ съ завтракомъ, но Аѳанасій не подошелъ къ нему. Сегодня былъ постъ, а въ такіе дни онъ ничего не употреблялъ, кромѣ хлѣба и воды.

— Для васъ,—сказалъ старикъ съ улыбкою,—кажется, представляется смѣшнымъ даже то, что искони признано вѣрнѣйшимъ средствомъ къ душевному подкрѣпленію. Вы не вѣрите въ посты и не можете поститься. Не удивляюсь этому: ваше

тѣло привыкло къ нѣгѣ и прихотямъ, оно умерло бы, если бы вы перестали поддерживать его пищею, потому что вы живете только тѣломъ. Уже нѣсколько тысячъ лѣтъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ и учрежденіяхъ, вы найдете постъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ свободѣ духа, но для теперешняго поколѣнія вѣковая истина стала предразсудкомъ. Притомъ, какъ можете вы поститься, если постъ, равно какъ и молитва, не согласуется съ вашею жизнью? Такъ не глядите на чудака, который, питаясь однимъ хлѣбомъ и водою, чувствуетъ себя гораздо бодрѣе, здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ вы послѣ самыхъ питательныхъ кушаній.

И Карлинскій, какъ-бы проникнутый сожалѣніемъ къ Юліану, поцѣловалъ его въ голову.

— Бѣдное дитя! — произнесъ онъ шопотомъ. — Ну, скажи мнѣ что-нибудь объ Аннѣ,—прибавилъ онъ спустя минуту.—Не спрашиваю объ ея здоровьѣ, а только о томъ, какъ она пьетъ свою чашу, какъ носитъ свой терновый вѣнецъ? Выражается ли на ея лицѣ жизнь, полная самоотверженія и милосердія къ ближнимъ?

— Нѣтъ! — живо проговорилъ Юліанъ, — нѣтъ, дядюшка! Анна—это ангелъ, который никогда не смотритъ на свои покрытыя ранами ноги.

— Только она достойна старинной крови нашей! —воскликнулъ Аѳанасій въ восторгѣ. — Потому-то именно ей, а не тебѣ послалъ я терновый вѣнецъ. Не упрекаю тебя,—ты могъ быть другимъ человѣкомъ. Ты—живая правда словъ Божіихъ и наказаніе за грѣхи родителей нашихъ, ты сознаешь добро, но не въ состояніи исполнить его; въ твоихъ жилахъ водянистая кровь течетъ потокомъ заблужденій, какія съ природою перелились въ тебя. Твоя душа хотя порывается вверхъ, но взлетѣть не можетъ!..

Эти слова взволновали Юліана. Старецъ крѣпко прижалъ его къ сердцу и произнесъ:

— Да совершится то, что написано въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ! Намъ предназначено упасть, ничто не измѣнитъ предопредѣленія...

— Панъ Хорунжичъ!—прервалъ ксендзъ Мирейко. — Вы произносите печальныя пророчества... Къ чему это? Для чего? Сомнѣваться въ *милосердіи Божіемъ* противно нашей религіи.

Покорный старецъ замолчалъ.

Завтракъ кончился въ тишинѣ, прерываемый только вздохами пани Гончаревской, съ сожалѣніемъ глядѣвшей на хозяина и, покашливаніемъ капуцина, по очереди истреблявшаго все, что находилось на столѣ. Лошади Юліана уже были поданы, и Аѳанасій, чувствуя приближающуюся минуту разлуки, сдѣлался еще печальнѣе, прохаживался, взглядывалъ на племянника и вздыхалъ. Алексѣй съ Юстиномъ вышли на крыльцо и продолжали прерванный ночной разговоръ. Долго откладывали разлуку, потому что Юліану также тяжело было покинуть Аѳанасія. Онъ чувствовалъ невольное влеченіе къ дядѣ, несмотря на то, что, можетъ быть, не было на свѣтѣ двухъ существъ болѣе противоположныхъ другъ другу, какъ они; но эта-то самая противоположность направленій и характеровъ и составляла связь между дядею и племянникомъ. Здѣсь сила и слабость взаимно стремились одна къ другой.

— Вы никогда не посѣтите насъ, милый дядяшка? — спросилъ Юліанъ уже на порогѣ.

— А что я буду дѣлать у васъ? — возразилъ Аѳанасій. — Въ здѣшней пустынѣ мнѣ лучше; живые люди не поймутъ меня, а видѣть свѣтъ очень тяжело мнѣ. Я былъ бы поставленъ въ необходимость, подобно Обозному, учить и обличать, и вы только смѣялись бы надо мною. Ужъ гораздо лучше мнѣ старику здѣсь — въ захолустьѣ, съ Богомъ да молитвою, дожидаться наказанія за грѣхи свои и чужіе; можетъ быть, я умолю небесное правосудіе и призову на свою сѣдую голову то, что должно поразить васъ, можетъ быть, я испрошу для васъ милости Божіей...

Слезы опять покрыли глаза Аѳанасія, и онъ прибавилъ:

— Поѣзжай... свези мое благословеніе Аннѣ... и бѣдному Эмилію... Міръ Христовъ да будетъ съ вами!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ДВА СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Іосифа КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 іюня 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I

Выѣхавъ изъ Шуры, Юліанъ и Алексѣй долго не говорили другъ съ другомъ; оба они думали о старцѣ, произведшемъ на нихъ глубокое впечатлѣніе. Чуждый намъ элементъ всегда производитъ въ душѣ безпокойство, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока мы не побѣдимъ его или не согласимъ съ нашими собственными взглядами. Мысль въ области духа тоже, что химическій реагентъ въ области матеріи. Какъ послѣдній все приводитъ въ движеніе или останавливаетъ, преобразуетъ или уничтожаетъ, такъ и мысль никогда не проходитъ въ насъ безъ послѣдствій. Алексѣй и Юліанъ не могли согласиться со многимъ, высказаннымъ старцемъ, и усиливались создать себѣ какое-нибудь среднее убѣжденіе, чтобы при помощи его уяснить себѣ взгляды Аѳанасія и примирить ихъ съ собственными воззрѣніями на свѣтъ.

Наконецъ, на половинѣ дороги задумчивость ихъ стала разсѣяваться. Они взглянули другъ на друга и начали разговоръ.

— Какъ показался тебѣ мой дядя?—спросилъ Юліанъ.

— Очень необыкновеннымъ человѣкомъ. Признаюсь, я еще до сихъ поръ раздумываю о его словахъ; этотъ величавый старецъ стоитъ еще у меня передъ глазами.

— Президентъ,—сказалъ Юліанъ съ улыбкою,—самъ въ глубинѣ души знатный панъ, зоветъ его не иначе, какъ аристократомъ *о Христѣ*: это можетъ быть, остроумно, но...

— Несправедливо, — перебилъ Алексѣй. — Его фаталистическая вѣра въ назначеніе аристократіи не вполнѣ согласна съ моими убѣжденіями, но, по моему, понятія пана Аѳанасія, вѣроятно, гораздо лучше идей президента. У пана Аѳанасія есть какое-нибудь основаніе, есть пунктъ, къ которому сводятся всѣ другія понятія, именно — дѣло спасенія и вѣра, а президентъ, можетъ быть, и въ костелѣ поставилъ бы шляхту у порога, да еще приказалъ бы ей молиться шопотомъ, чтобы не мѣшала панамъ. Въ наше время, да, кажется, и во всякое другое, невозможно обойтись безъ превосходства однихъ людей надъ другими. Въ геніѣ всегда есть аристократизмъ. Уравнять человѣчество въ отношеніи ума, сердца и духа невозможно, хотя я не понимаю исключеній ради древности происхожденія, но, съ другой стороны, не понимаю и безумной, дикой мысли всеобщаго равенства: геній не терпитъ ея.

— Милый мой Алексѣй, ты аристократъ гораздо болѣе, чѣмъ я, — отвѣчалъ Юліанъ съ улыбкою. — Не соглашаясь съ дядею Аѳанасіемъ въ фаталистическомъ назначеніи древнихъ фамилій, я, впрочемъ, готовъ допустить предназначеніе для отдѣльной личности, основанное на дарахъ Божіихъ: геніѣ, сердцѣ, волѣ. Для чего, напримѣръ, дядя хочетъ сдѣлать меня невольникомъ моего прошедшаго, хочетъ принудить меня къ самопожертвованію ради имени, ради могилъ предковъ, ради какого-то величія, котораго я не желаю? За что онъ обрекаетъ меня на отреченіе отъ собственной воли, отъ свободы дѣйствій и добровольнаго выбора моей карьеры?

— Понимаю, — воскликнулъ Алексѣй, — тебѣ хотѣлось бы мечтать, отдыхать, наслаждаться. Ты боишься труда!

— Нѣтъ, но я внутренно сознаю себя неспособнымъ трудиться. Виноватъ ли я, что не созданъ для труда. О, знаю, знаю, какое счастье создалъ бы я для себя въ тихомъ, прекрасномъ гнѣздышкѣ! Поля играла и пѣла бы мнѣ; я глядѣлъ бы въ ея голубые глазки, цѣловалъ бы ея нѣжныя щечки, деревья шумѣли бы надъ нами и невозмутимое спокойствіе окружало бы насъ!

— Юліанъ! Опомнись... Это запрещенный плодъ... счастье на землѣ? Гдѣ ты видѣлъ его?.. Сотворены ли мы для него? *Стоитъ ли гоняться* за тѣмъ, что не можетъ быть прочно?

— Ахъ, только бы одну минуту счастья, а потомъ я готовъ страдать всю жизнь: воспоминанія утѣшали бы меня.

— Ты молодъ, Юліанъ!

— Нѣтъ! Но меня сильно, сильнѣе, чѣмъ тебя, тяготитъ неволя, — съ отчаяніемъ воскликнулъ Карлинскій. — Я не могу идти туда, куда влечетъ сердце, я не могу жить такъ, какъ хочу; создать будущее невозможно, — всюду препятствія.

— Но развѣ бываетъ иначе въ жизни?

— О, есть и счастливцы! — произнесъ Юліанъ. — Первый — ты. Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ!

Алексѣй горько разсмѣялся.

— Я? Но что же счастливаго нашелъ ты въ моемъ положеніи? Бѣдность? Развѣ, въ свою очередь, я также не невольникъ моей матери, ея понятій о счастьѣ и житейскихъ обязанностяхъ! Развѣ я не принужденъ продать себя за свободу братьевъ? Я невольникъ моей доли, мое положеніе безвыходно. Извини, если я скажу тебѣ правду. Тебя сильно занимаетъ одна мысль, ты постоянно видишь во мнѣ одно и то-же, то есть, человѣка, имѣющаго возможность жениться на Полѣ и жить съ нею счастливо — не правда ли? Но послушай, другъ, — въ мірѣ есть различныя предназначенія, но Богъ въ одинаковой степени одарилъ старшихъ и младшихъ дѣтей своихъ: Онъ никого не обидѣлъ. Жизнь природы, среди которой Творецъ поставилъ насъ, совершается по ненарушимому закону, въ силу котораго, все, что мы имѣемъ, и что испытываемъ и терпимъ, у всѣхъ окажется поровну — и горестей и счастья. Ты назовешь мои слова софизмомъ, но въ сущности это чистѣйшая правда, безъ которой свѣтъ былъ бы для насъ непонятенъ. На землѣ все существуетъ такъ, какъ должно быть, по заслугамъ людей. Богачи и знатные, повидимому, болѣе бѣдняковъ наслаждаются дарами природы, но поэтому-то самому скорѣе пресыщаются наслажденіями. Кромѣ того, ужели холодъ и голодъ, переносимые бѣдняками, мучительнѣе болѣзней и горестей, какимъ неизбѣжно подвержены изнѣженные богачи? Напротивъ, болѣзни бѣдняковъ гораздо сноснѣе, потому что богачи не привыкли къ страданіямъ. Голодному кусокъ хлѣба — лакомое блюдо; для истощеннаго удовольствіями самое изысканное кушанье приторно и без-

вкусно. Если богачъ избѣгаетъ извѣстныхъ страданій, то, съ другой стороны, встрѣчаетъ и такія, отъ которыхъ ничто не спасетъ его. Слѣдовательно, и въ томъ, и другомъ случаѣ количество счастья одинаково, и бѣдняку не въ чемъ завидовать богачу. Стало быть — ни я тебѣ, Юліанъ, ни ты мнѣ не долженъ завидовать. Теперь взглянемъ на другую сторону вопроса.

— Говори, пожалуйста, говори, Юліанъ.

— Не знаю, принесутъ ли намъ пользу теперешнія разсужденія, потому что мы уже не разъ говорили объ этомъ предметѣ. Вы презираете, осмѣиваете насъ за то, что мы не имѣемъ вашей полировки и вашихъ обычаевъ.

— Охотно сознаюсь, что презрѣніе и смѣхъ нашъ преступны,—отвѣчалъ Юліанъ.

— Это не преступленіе, а просто глупость, — перебилъ Алексѣй.— Вы точно греки, называвшіе весь свѣтъ варварами, хотя въ простотѣ этихъ варваровъ было иногда жизни гораздо больше, чѣмъ въ цивилизаціи грековъ. Высшее общество, если не всегда, то часто отвергаетъ людей, не подходящихъ подъ его тонъ, хотя бы они были вполнѣ достойны вниманія.

— Насчетъ этого скажу тебѣ, что скорлупа часто бываетъ горька, а что скрывается внутри не всегда бываетъ сладко.

— Правда; но какъ часто изъ-за наружности, надъ которою вы смѣетесь, какъ дѣти, вы не видите существеннаго — ихъ достоинства и превосходства.

— И это бываетъ.

— Вы держите себя слишкомъ высоко, а мы, своимъ униженіемъ, также много содѣйствуемъ укорененію въ васъ несправедливой гордости. Почему же внѣшность должна служить вывѣскою внутреннихъ достоинствъ только въ васъ, а не во всѣхъ сословіяхъ? Почему нараднаго глупца, болтающаго по-французски, вы предпочитаете человѣку мыслящему, говорящему роднымъ языкомъ и неодѣвающемуся по модѣ?

— Со всѣмъ этимъ я согласенъ, — отозвался Юліанъ.— Только пожалуйста не заставляй меня любить твоихъ сосѣдей въ Жербахъ, не принуждай подъ ихъ куртками *и сюртуками* искать и угадывать высокія нравственныя достоинства.

— Ну, этихъ-то всѣхъ я оптомъ приношу тебѣ въ жертву,— отвѣчалъ Алексѣй съ улыбкою.

Молодые люди подъѣзжали къ Карлину. Вдали виднѣлись уже каменные дома мѣстечка, замокъ и старыя деревья сада, но въ аллеѣ изъ тополей, окружавшихъ часть пруда, кучеръ вдругъ остановилъ лошадей. Юліанъ выглянулъ изъ экипажа и увидѣлъ Анну и Полю съ слугою, идущихъ къ нимъ навстрѣчу.

Алексѣй и Карлинскій немедленно вышли изъ кареты, и, такъ какъ погода была прекрасная, вечеръ теплый и располагавшій къ прогулкѣ, то они присоединились къ паннамъ. Анна улыбкою поздоровалась съ братомъ и дружескимъ поклономъ привѣтствовала Алексѣя. Поля, вѣроятно, желая скрыть впечатлѣніе, которое производилъ на нее всегда Юліанъ, даже послѣ самой кратковременной разлуки, встрѣтила ихъ веселымъ восклицаніемъ:

— Вотъ что значитъ предчувствіе сестры! Мы какъ разъ, когда нужно, вышли изъ дому, чтобы встрѣтить васъ и заставить пройтись съ нами. Всѣ разъѣхались.

Анна только улыбнулась. Она показалась Алексѣю еще прекраснѣе. Поля, встревоженная отсутствіемъ Юліана, съ румянымъ личикомъ и влажными отъ слезъ глазками, искала въ его взорахъ надежды, можетъ быть, опасаясь найти его сегодня уже не тѣмъ, чѣмъ видѣла вчера. Но этотъ страхъ былъ напрасенъ. Юліанъ каждый разъ возвращался все болѣе и болѣе влюбленнымъ въ нее.

— Какъ поживаетъ дядюшка Аѳанасій? — спросила Анна брата и вмѣстѣ Алексѣя.

Но Юліанъ въ это время страстно глядѣлъ на Полю, а Поля не спускала съ него своихъ глазъ. Алексѣй долженъ былъ выручить пріятеля.

— Мы застали пана Хорунжича со всѣмъ дворомъ его,— отвѣчалъ Алексѣй.—Онъ здоровъ, но, видя его первый разъ, не могу судить: лучше или хуже онъ противъ обыкновеннаго. Цѣлую ночь онъ разсказывалъ намъ исторію Карлинскихъ, всю обѣдню пролежалъ на полу и весь день питался только хлѣбомъ и водою.

— Необыкновенно твердый человѣкъ!—воскликнула Анна,

серьезно глядя на Алексѣя.—Какъ онъ вамъ понравился?

— О, это превосходный типъ! Я глядѣлъ на него съ удивленіемъ и до сихъ поръ думаю о нашемъ пребываніи въ Шурѣ, какъ о необыкновенномъ сновидѣніи. Онъ очень заботливо и съ чувствомъ спрашивалъ о васъ.

— Онъ любитъ меня столько, сколько сердце его способно любить что-нибудь земное,—отвѣчала Анна.—И я люблю его, какъ отца. Какъ жаль, что приходится слишкомъ рѣдко видѣть его! Его слова указали мнѣ путь жизни, изъ его устъ я приняла первый совѣтъ на тяжкомъ моемъ поприщѣ.

Анна потупила глаза.

— По моему мнѣнію, — продолжала она, задумавшись и какъ-бы разговаривая сама съ собою, — онъ, какъ нельзя лучше, понялъ назначеніе человѣка-христіанина, состоящее изъ безчисленныхъ жертвъ. Но не имѣя возможности сообщить своего убѣжденія другимъ и преобразовать свѣтъ, онъ рѣшился скорѣе удалиться отъ людей, жить въ уединеніи и представляться чудакомъ, чѣмъ отречься отъ правды. Какъ пришлецъ изъ чужой земли, онъ говоритъ какимъ-то другимъ, непонятнымъ для насъ языкомъ. Въ моихъ глазахъ это образецъ совершенства, олицетворенная святость!

Алексѣй слушалъ и ловилъ каждое слово Анны. Разговоръ, начатый объ Аѳанасіѣ, вскорѣ перешелъ на другіе предметы, и Анна, привыкнувъ считать Алексѣя домашнимъ другомъ, говорила съ нимъ откровенно. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Анною съ глубокимъ чувствомъ, окончательно ободрили все еще робѣвшаго Алексѣя. Въ ея присутствіи Дробицкій сознавалъ себя ничтожнымъ существомъ; но когда Анна подала ему свою руку, Алексѣй почувствовалъ себя невыразимо счастливымъ, — каждое слово ея приводило молодаго человѣка въ восторгъ. Въ свою очередь, и Анна съ каждою минутою лучше оцѣнивала Дробицкаго, при первой встрѣчѣ непріятно поразившаго ее своею наружностью. Она старалась поправить свою ошибку и, найдя въ Алексѣѣ здравый разумъ и благородное сердце, отражавшееся въ каждомъ его словѣ, стала обращаться съ нимъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ позволяло ихъ недавнее знакомство: она уже смотрѣла на Дробицкаго, какъ на друга,

— Вѣрно братъ описалъ вамъ,—продолжала Анна,—нашу здѣшнюю жизнь. Юліанъ такъ много жертвуетъ для насъ! Деревня, тишина, безпрестанныя, непріятныя, несоотвѣтственныя его силамъ занятія, изнуряютъ его. Но онъ спокойно переноситъ трудъ, потому что трудится для Эмилія и для меня. Много, много на свѣтѣ невидимыхъ, неоцѣняемыхъ жертвъ, и въ моихъ глазахъ Юліанъ принадлежитъ къ числу ихъ.

— Однако, Юліанъ не жалуется и сознаетъ себя счастливымъ, — возразилъ Алексѣй. — Страданіе, если бы даже оно поразило его, развѣ не составляетъ великаго средства къ совершенствованію? Промыселъ часто посылаетъ намъ страданія, какъ даръ, но мы не умѣемъ понять его.

— И, вѣрьте мнѣ, страданіе имѣетъ свою прелесть,— воскликнула Анна.—Страданіе тихое, христіанское, скрытое и освященное какою-нибудь важною цѣлью. Все, существующее въ мірѣ, прекрасно,—прибавила она съ улыбкою.—Какъ другъ Юліана, вы уже знаете наше положеніе; потому и я ничего не скрою отъ васъ. И намъ Богъ послалъ извѣстную долю горестей: мы имѣемъ мать, но живемъ какъ сироты — одни. Имѣемъ брата, но должны каждый день только плакать надъ нимъ; въ будущемъ не видимъ для себя ничего отраднаго. И, между тѣмъ, дайте мнѣ самую блестящую жизнь съ условіемъ, что меня вырвутъ изъ теперешняго круга страданій, гоните меня изъ здѣшней тишины—я буду плакать о нихъ.

— Потому что вы должны жить самоотверженіемъ и иная жизнь для васъ невозможна.

— Но развѣ моя жизнь можетъ быть названа жертвою? Я въ полномъ смыслѣ счастлива, сердце щедро платитъ мнѣ за все!

Такъ въ полголоса говорили Алексѣй и Анна, а позади ихъ Юліанъ и Поля вели другой разговоръ—нѣмой, тихій, но во стократъ болѣе жаркій. Уже дурной признакъ то, когда двое молодыхъ людей при встрѣчѣ не знаютъ о чемъ говорить, когда глаза ихъ потупляются, губы дрожатъ, каждое произнесенное слово тревожитъ, когда они хотятъ и не могутъ быть равнодушны. Тогда уже ничто не можетъ быть для нихъ незанимательно: они начнутъ разговоръ о постороннихъ по-

дяхъ и заговорятъ о себѣ, станутъ разсуждать о погодѣ, — и самые обыкновенные предметы получатъ для нихъ особое, имъ однимъ понятное, значеніе; среди многочисленнаго общества скажутъ они другъ другу холодное слово, но подъ его оболочкой будетъ скрываться огонь.

Поля всегда умѣла говорить съ Юліаномъ такъ, что, въ сущности не сказавъ ничего и разсуждая, повидимому, о самыхъ обыкновенныхъ предметяхъ, обнаруживала много чувства и ума; но теперь она была такъ взволнована, такъ безпокоилась и дрожала, что—бѣдная—не находила словъ для разговора. Юліанъ еще менѣе способенъ былъ говорить и, принужденный таить въ себѣ чувства, которыя пламенно хотѣлъ бы открыть дѣвушкѣ, тоже не могъ найти предмета даже для самаго легкаго разговора. Поэтому молодые люди долго шли рядомъ въ молчаніи: онъ глядѣлъ то на небо, то на влажные отъ слезъ глазки Поли, она то разбивала паутину на вербахъ, то срывала цвѣты и вздыхала, будто тяжелое бремя давило грудь ея. Кто въ состояніи выразить—сколько иногда заключается словъ въ одной минутѣ молчанія!

— Сегодня вы печальны!—произнесъ Юліанъ почти шопотомъ.

— Нѣтъ, я только не хочу своимъ щебетаньемъ развлекать васъ отъ впечатлѣній, полученныхъ вами въ Шурѣ,— отвѣчала дѣвушка тихимъ голосомъ. — Панъ Аѳанасій вѣрно напиталъ васъ спасительными наставленіями!

— Да, онъ почти всю ночь разсказывалъ намъ исторію Карлинскихъ.

Поля взглянула ему въ глаза.

— Впрочемъ, — живо прибавилъ молодой человѣкъ, — онъ ни мало не возбудилъ во мнѣ охоты подражать предкамъ: Богъ сотворилъ меня непохожимъ на моихъ прадѣдовъ.

— Кѣмъ-же именно Богъ сотворилъ васъ?—спросила шалунья, заглядывая ему въ глаза.

— Онъ сотворилъ меня слабымъ, вялымъ... эгоистомъ.

— Вы намѣренно черните себя, чтобы вызвать меня на комплименты.

— Какая вы недобрая! Нѣтъ! Откровенно признаюсь вамъ,— *я желаю счастья*, и надѣюсь, что имѣю на него нѣкоторое право.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы хотите счастья здѣсь, на землѣ?

— По крайней мѣрѣ, иногда я считаю его возможнымъ, доступнымъ...

— А я—никогда!—вдругъ прервала Поля, краснѣя, между тѣмъ какъ Юліанъ пристально смотрѣлъ на нее; потомъ, стараясь скрыть свое волненіе, она начала поправлять платокъ, закрывавшій бѣлыя плечи ея.

— Безъ сомнѣнія, каждый изъ насъ сумѣетъ придумать для себя счастье; но человѣческій разсчетъ всегда какъ-то не сходится съ дѣйствительностью.

— Почему-же не мечтать, по крайней мѣрѣ? — спросилъ Юліанъ.

— Чтобы потомъ не разочаровываться! — отвѣчала Поля.

— Что-же вы находите тутъ нехорошаго?

— То, что въ подобныхъ случаяхъ мы всегда сильнѣе чувствуемъ свое положеніе.

— О чемъ вы такъ серьезно разсуждаете? — произнесла Анна, обратясь къ нимъ.—Сегодня я не узнаю Поли, потому что ни разу не видала ея улыбки.

— Ужели только по одной улыбкѣ ты узнаешь меня?—съ упрекомъ и вмѣстѣ весело спросила дѣвушка.

— Чаще всего—по ней. Ты такъ добра, что одна приносишь намъ веселье и поешь въ здѣшней клѣткѣ. Когда мы всѣ печальны, когда, можетъ быть, и тебѣ хотѣлось-бы плакать, ты еще усиливаешься улыбаться и утѣшать насъ.

— Анна говоритъ мнѣ комплименты!—воскликнула Поля.—Этого я никогда не ожидала отъ нея.

— Нѣтъ, это просто сущая правда,—это говоритъ моя благодарность. Среди насъ одна ты имѣешь и обнаруживаешь большую силу воли.

— Ужъ не хочешь-ли ты довести меня до слезъ?—перебила Поля.—Пожалуйста, перестань говорить обо мнѣ!

Въ эту минуту они остановились противъ садовой калитки, ведущей въ середину стараго парка. Юліанъ, нимало не думая, отворилъ ее; Анна съ Полей вошли въ садъ, мужчины пошли за ними.

— Ахъ, я забыла спросить о моемъ любимцѣ!—произнесла Анна, спустя минуту,—о панѣ Юстинѣ, Какъ онъ поживаетъ

тамъ? Юліанъ такъ невнимателенъ, что даже не привезъ мнѣ отъ него поклона.

Всѣ расмѣялись. Каждый разъ, какъ Юстинъ приходилъ въ Карлинъ, Поля, шутя преслѣдовала его своею любовью и хоть искренно цѣнила поэта, но не могла удержаться отъ насмѣшекъ надъ нимъ, потому что замѣшательство и неразвязность Юстина очень забавляли ее.

— Юстинъ далъ слово,—отвѣчалъ Юліанъ,—въ одинъ изъ теперешнихъ прекрасныхъ дней, слушая по деревнямъ пѣсни и разсказывая разныя небылицы по дорогѣ, придти къ намъ пѣшкомъ со своимъ сердцемъ и поэмами.

— Да хоть спросилъ-ли обо мнѣ этотъ неблагодарный?

— Какъ-же! Онъ много распрашивалъ меня о васъ,—отвѣчалъ Карлинскій.

— Какая-бы чудная была изъ насъ пара!—воскликнула Поля.—Онъ не имѣетъ ничего, кромѣ поэзіи, я также ничего, кромѣ сердца; онъ—самый восторженный изъ поэтовъ, я—самая прозаическая изъ всѣхъ дѣвушекъ на свѣтѣ. Контрастъ превосходный! Онъ молчаливъ, я болтунья, вдобавокъ мы оба почти одного происхожденія. Ему слѣдовало бы влюбиться въ меня и жениться.

— Только подсядьте къ нему денька на два, и я ручаюсь за успѣхъ,—шепнулъ Юліанъ.

— Но вѣдь вы видѣли, что я пробовала это и убѣдилась только въ томъ, что онъ бѣгаетъ отъ меня, какъ отъ чумы,—продолжала Поля.—Я серьезно бы полюбила этого благороднаго и добродушнаго молодого человѣка, но онъ упорно избѣгаетъ меня.

Совершенно забывъ, что съ ними былъ посторонній человѣкъ, Анна, по привычкѣ, пошла по дорогѣ, ведущей въ уединенное мѣсто, гдѣ обыкновенно бѣдный Эмилій со старымъ слугою проводилъ самую теплую часть дня.

Алексѣй уже зналъ объ этомъ несчастномъ, но теперь увидѣлъ его въ первый разъ. Анна хотѣла воротиться, чтобы не подвергать брата равнодушному и любопытному взору посторонняго человѣка; но больной уже замѣтилъ ее или, вѣрнѣе, угадалъ предчувствіемъ, протянулъ руку и дикимъ голосомъ сталъ кричать ей, вырываясь изъ рукъ слуги, хотѣвшаго удер-

жать его.

— Пойдемте къ нему,—произнесъ Юліанъ вполголоса. — Ты, Алексѣй, останься здѣсь, для тебя это будетъ непріятная картина, а для него каждое новое лицо страшно.

— Я провожу васъ въ замокъ,—перебила Поля.

— Нѣтъ, вы идите всѣ,—я не заблужусь!—проговорилъ Алексѣй, намѣреваясь уйдти отъ нихъ.

Анна уже побѣжала къ Эмилію, простиравшему къ ней руки—точно ребенокъ къ любимой нянькѣ. Безсильный и блѣдный глухонѣмой лежалъ на кожаномъ матрасѣ, разостланномъ на землѣ подъ большими деревьями. За минуту еще, по обыкновенію, онъ глядѣлъ на небо, на воду и деревья; но, увидя сестру, началъ метаться и порываться къ ней. Почти наравнѣ съ Анною, онъ любилъ и Полю, а потому, видя и ее, опять крикнулъ, выражая тѣмъ желаніе, чтобы и она подошла къ нему.

— Поля, пойдемъ со мною!—сказала Анна, обращаясь къ ней.—Бѣдный Эмилій увидѣлъ тебя, вѣдь ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ.

— Ступай и ты, Алексѣй!—произнесъ Юліанъ, взявъ его подъ руку.—Посмотримъ, какое ты произведешь на него впечатлѣніе. Если онъ испугается тебя, то мы сейчасъ же уйдемъ вмѣстѣ; если нѣтъ, то видъ новаго лица можетъ развлечь его. Онъ одаренъ особеннымъ инстинктомъ понимать людей и, несмотря на свои недостатки, часто служитъ для меня оракуломъ. Ручаюсь, что бѣдный Эмилій улыбнется тебѣ.

Анна взглянула на брата и ничего не сказала, потому что не хотѣла обнаружить своего опасенія. Всѣ подошли къ липѣ, подъ которою лежалъ глухонѣмой, бросая на нихъ любопытные взгляды. Вѣроятно, онъ уже прежде замѣтилъ Алексѣя, потому что взоръ его сдѣлался безпокоенъ; раскрывъ ротъ, онъ долго смотрѣлъ на Дробицкаго, подобно птичкѣ, которая, осматриваясь на мѣстѣ, поворачиваетъ головку на всѣ стороны. Впрочемъ, онъ не вскрикнулъ, не сталъ метаться, какъ обыкновенно, при видѣ непріятнаго ему лица; легкая улыбка пробѣжала по бѣлому лицу его—онъ схватилъ руку Анны и не спускалъ глазъ съ Алексѣя.

— Видишь,—тихо проговорилъ Юліанъ,—онъ тебя не испугался!

Окруживъ глухонѣмого, всѣ стояли печальные и серьезные: чувство состраданія рѣзко отражалось на лицѣ каждаго, даже Поля пасупилась. Впрочемъ, глубже всѣхъ пораженъ былъ этою картиною Алексѣй, не привыкшій видѣть ее; рѣсницы молодого человѣка невольно покрылись влагою, и хотя онъ старался скрыть слезы, Поля и Анна замѣтили ихъ, и обѣ сумѣли оцѣнить это благородное, тихое состраданіе; этогъ случай далъ гостю новыя права на ихъ привязанность.

Нѣсколько минутъ продолжалось тяжелое для всѣхъ молчаніе. Наконецъ, Эмилій опустилъ руку Анны и заглядѣлся на небо, по которому плыла свѣтлая тучка, позлащенная лучами заходящаго солнца. Пользуясь этимъ случаемъ, Юліанъ первый тронулся съ мѣста, а за нимъ всѣ незамѣтно удалились въ темную аллею и въ задумчивости направились къ замку.

Когда они подошли къ крыльцу со стороны сада, Анна обратилась къ Алексѣю и, какъ-будто высказывая вслухъ мысль, начатую во время тихаго разговора, произнесла серьезнымъ тономъ:

— При видѣ такого несчастія, имѣемъ ли мы право жаловаться и роптать на свои мелкія непріятности? Кажется, Эмилій родился для того только, чтобы страдать! Жизнь не улыбается ему, потому что у него нѣтъ ни надеждъ, ни прошедшаго, ни будущаго; одаренный человѣческою мыслью, онъ долженъ стать почти на ряду съ существами, обиженными природою. Этотъ несчастный никогда не услышитъ голоса участія, не пойметъ слезы, которую мы роняемъ надъ нимъ. Бѣдный Эмилій!

— Бѣдный! Но, почемъ знать, не счастливѣе ли онъ всѣхъ васъ?—перебила Поля съ глубокимъ вздохомъ.—Онъ глядитъ на небо, думаетъ, мечтаетъ, и если страдаетъ, такъ однимъ тѣломъ,—душа спитъ въ немъ, какъ спеленутый младенецъ въ колыбели... А мы?..

— Поля!—воскликнула Анна, стараясь образумить ее.

Принужденною улыбкою бѣдная сирота прекратила разговоръ; ея взоръ встрѣтился съ глазами Юліана. Мужчины остались на крыльцѣ одни. Анна увела подругу съ собою.

II.

Алексѣй предполагалъ вечеромъ отправиться домой. Долгое отсутствіе изъ дому возбудило въ немъ безпокойство о матери, а, между тѣмъ, ему становилось все труднѣе и труднѣе разстаться съ Карлиномъ; каждая проведенная здѣсь минута все тѣснѣе и крѣпче привязывала его къ замку. Здѣшняя атмосфера, проникнутая печалью и спокойствіемъ, здѣшняя тишина, послѣ шума въ Жербахъ, послѣ жизни въ безпрестанныхъ трудахъ и борьбѣ съ самимъ собою, сладко раздражали Дробицкаго, какъ первое дыханіе весны послѣ зимней непогоды. Теперь онъ вдвойнѣ любилъ Юліана, благоговѣлъ передъ Анною, какъ передъ небеснымъ созданіемъ, мечталъ о томъ, какъ бы сдѣлаться полезнымъ, необходимымъ для Карлинскихъ, и имѣть право не оставлять здѣшняго дома, хоть издали глядѣть на его обитателей или, по крайней мѣрѣ, служить имъ. Шляхетская гордость и привычка къ независимости потонули въ новомъ чувствѣ, всецѣло объявшемъ Алексѣя.

Два дня, проведенные въ замкѣ, изгладили все, что прежде онъ находилъ въ аристократической жизни непріятнаго и противнаго своимъ понятіямъ. Онъ увидѣлъ только свободную, милую, улыбающуюся, веселую сторону этой жизни. Анна крѣпко привязала молодого человѣка къ дому, въ который онъ входилъ съ боязнью и почти неохотно: теперь уже все казалось ему здѣсь въ другомъ, лучшемъ видѣ.

Есть въ молитвѣ Господней нѣсколько словъ, на которые мы, кажется, меньше всего обращаемъ вниманія: *и не введи насъ во искушеніе*. Но Христосъ зналъ человѣческую слабость, и святыя уста Его не даромъ произнесли эти слова: очень немногіе умѣютъ и желаютъ избѣгать искушеній. Мы считаемъ себя способными устоять противъ всѣхъ соблазновъ, а на самомъ дѣлѣ слабы до того, что самомалѣйшее вліяніе непремѣнно отражается въ тайникѣ души нашей.

Два дня, проведенные въ Карлинѣ, совсѣмъ измѣнили бѣднаго Алексѣя. Почти со страхомъ онъ вспоминалъ о Жербахъ, и тягость тамошнихъ трудовъ удвоилась въ его глазахъ. Какъ охотно, *съ какимъ восторгомъ* онъ посвятилъ бы себя теперь

Карлинскимъ, поддерживалъ бы Юліана, спасалъ бы его и неосторожную Полю, и съ внутреннимъ благоговѣніемъ глядѣлъ бы на Анну! Онъ даже думалъ объ Эмиліѣ и хотѣлъ сдѣлать чудо: посвятить себя существу, лишенному всѣхъ даровъ природы и успѣть, при неутомимыхъ усиліяхъ, пробудить въ немъ искру сознанія.

Вечеромъ Алексѣй хотѣлъ непремѣнно проститься съ Карлиномъ, но золотистая тучка, на которую съ такимъ вниманіемъ смотрѣлъ Эмилій, принесла бурю столь грозную и съ такимъ проливнымъ дождемъ, что никакъ нельзя было пуститься въ дорогу. Обрадованный Юліанъ обнялъ друга и взелъ его въ залу, въ которой они нашли одну Полю, игравшую на фортепіано и погруженную въ такую глубокую задумчивость, что она не замѣтила, какъ вошли молодые люди. Анны еще не было. Друзья тихо сѣли въ углу и слушали. Свободная игра дѣвушки прекрасно выражала ея душевное состояніе. Никогда такъ не играютъ для публики, какъ для самихъ себя. Кто хочетъ оцѣнить артиста, тотъ долженъ слушать его не на вечерѣ или въ концертѣ, а въ то время, когда онъ наединѣ выражаетъ свои фантазіи. Такою именно была теперь игра Поли. Сидя за инструментомъ, она забыла весь міръ; ея мечта, чувство, печаль, страсть отражались въ какихъ-то причудливыхъ звукахъ, почти противъ воли вырывавшихся изъ-подъ ея пальцевъ.

Юліанъ вспомнилъ свѣтлыя минуты жизни и, въ какомъ-то восторженномъ самозабвеніи пожимая руку Алексѣя, удерживалъ дыханіе, чтобы не прервать краснорѣчивой музыкальной исповѣди Поли. При входѣ ихъ, Поля играла увертюру изъ Эвріанты Вебера, потомъ перешла къ молитвамъ Оберона, потомъ заиграла Ständchen и маршъ Шопена, и когда послѣдній звукъ его замеръ pianissimo, вдругъ начала величественную пѣснь изъ Моцартовой обѣдни: Tuba mirum spargens forum.

Слушая музыку, Юліанъ страдалъ вмѣстѣ съ Полею; его взоры искрились, руки дрожали, ему хотѣлось встать, бѣжать, броситься къ ея ногамъ, прижать къ сердцу и успокоить несчастную. Но вдругъ, поднявъ полные слезъ глаза, Поля увидѣла безмолвныхъ слушателей, вскрикнула и ослабѣвшія ея *руки упали на фортепіано.*

— Когда же вы пришли сюда?—воскликнула она.

— О, еще во время увертюры изъ Эвріанты.

— Развѣ я играла ее? Не помню, но хорошо знаю то, что если не годится подслушивать разговоръ, то тѣмъ болѣе не годится подслушивать чью бы то ни было игру, не назначенную для слушанія. Почемъ знать? Можетъ быть, я выразила въ игрѣ всѣ тайны души моей?

Поля вздохнула, бросила взглядъ на Юліана, и съ такимъ рѣзкимъ упрекомъ остановила на немъ глаза свои, такъ болѣзненно задрожали уста ея, какъ будто въ самомъ дѣлѣ она опасалась быть понятою.

— Такъ у васъ есть тайны?—спросилъ Алексѣй.

— Да кто-же не имѣетъ ихъ? Это наши сокровища!

Когда подали чай, вошла Анна, какъ всегда, спокойная и почти веселая. Алексѣй подошелъ къ ней, а Юліанъ, не имѣя силъ преодолѣть себя, пошелъ къ Полѣ, ходившей по залѣ, и почти шопотомъ завелъ разговоръ, изъ котораго только отрывки долетали до ушей Анны и Алексѣя. Между тѣмъ, Дробицкій, глядя на свой идеалъ издали, мысленно поклонялся ему и совершенно утопалъ въ своемъ счастіи. Его любовь—еще молодая, боязливая, почтительная, довольствовалась одною мечтою, однимъ присутствіемъ Анны. Онъ сознавалъ себя болѣе сильнымъ и возвышеннымъ, когда находился при ней; даже самый разговоръ его въ подобныя минуты обнаруживалъ человѣка въ необыкновенномъ душевномъ состояніи, но Анна не понимала возбужденнаго ею восторга, принимала его за обыкновенное состояніе человѣка, котораго начинала цѣнить все болѣе и болѣе.

— Боже мой, какъ обманчива наружность!—думала она.— Я считала его самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. О, Юліанъ всегда говоритъ вѣрно. Какъ жаль, однако, что онъ человѣкъ не нашего круга.

III.

Въ то время, какъ Дробицкій находился въ Карлинѣ, въ Жербахъ готовилась сильная буря. Мать, искренно любившая и даже уважавшая своего сына, по какому-то предчувствію

полагалась на него до тѣхъ поръ, пока могла держать его подъ своею властью.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?—говорила она сама съ собою со слезами на глазахъ.—О, ему тамъ лучше, веселѣе, свободнѣе, чѣмъ у насъ! Но вѣдь онъ имѣетъ и здѣсь все необходимое. Да, все! Но онъ не созданъ для насъ и рано или позно вылетитъ изъ гнѣзда; а я, подобно уткѣ, высидѣвшей утенка, останусь, бѣдная, на берегу и буду смотрѣть, какъ поплыветъ онъ. Я всегда твердила покойнику, чтобы онъ не давалъ сыну этого высшаго воспитанія,—оно для насъ несчастье; теперь ужъ я не буду глупа и не пущу его братьевъ въ университетъ! Онъ очень вреденъ для бѣдняковъ... ясный примѣръ—Алексѣй: изъ него не будетъ проку. Онъ трудится—и вздыхаетъ! Теперь попалъ къ панамъ. Непремѣнно полюбитъ праздность и погубитъ себя.

Въ минуту такого раздумья старушки вошелъ старикъ Юноша и еще на порогѣ прервалъ хозяйку своимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

— *Благословенъ Христосъ Богъ!*

— Ахъ, это вы, панъ графъ!—въ испугѣ воскликнула Дробицкая, вскочивъ съ мѣста.

— Я, покорнѣйшій вашъ слуга; но вы могли бы отвѣтить мнѣ: *во вѣки вѣковъ, аминь!* *). Это обратитъ милость Божію на вашъ домъ.

— *Во вѣки вѣковъ!* — съ покорностью повторила Дробицкая.

Проницательный старикъ сразу замѣтилъ по лицу хозяйки, что она была разстроена.

— А гдѣ Алексѣй?—спросилъ онъ.

— Ахъ! лучше не спрашивайте, панъ графъ! — отвѣчала Дробицкая.

— Да что такое? Что съ нимъ? — спросилъ опять графъ, садясь на мѣсто и вырубая огонь. — Что это значитъ?

— Попущеніе Божіе, наказаніе!—воскликнула хозяйка, не имѣя ни возможности, ни охоты притворяться. — Онъ встрѣ-

---

*) *Старинное привѣтствіе*, до сихъ поръ еще обыкновенное у простого народа въ Польшѣ, при входѣ въ домъ и при встрѣчахъ на дорогѣ.

тился съ этимъ Юліаномъ Карлинскимъ; теперь затащили его въ Карлинъ, вотъ третій день сидитъ у нихъ; я увѣрена, что тамъ совсѣмъ испортятъ его.

— Да, вы приготовьтесь къ этому, — произнесъ графъ, пуская клубъ дыму,—я хорошо знаю людей; этотъ заманчивый свѣтъ портитъ и одуряетъ. Нынѣшнимъ молокососамъ грезится, что тамъ они найдутъ другихъ людей, созданныхъ изъ чистѣйшей глины. Впрочемъ, смолоду человѣкъ всегда мечтаетъ, сравниваетъ окружающихъ людей съ тѣми, какихъ создалъ въ своемъ воображеніи, и такъ какъ они оказываются малорослы, худощавы и не подходятъ подъ его мѣрку, то онъ взбирается выше, въ надеждѣ найти тамъ великановъ, либо ангеловъ...

— Но, панъ графъ!—отвѣчала Дробицкая наивно, — вѣдь на Алексѣѣ основано все наше благополучіе: пока онъ здѣсь, мы еще кое-какъ держимся. Если-бы не его голова, мы давно терпѣли бы нужду. Что-же будемъ мы дѣлать безъ него?

— Позвольте сказать вамъ, что нельзя и думать на вѣки закабалить его въ Жербахъ.

— А развѣ въ другомъ мѣстѣ ему будетъ лучше?

— Лучше не лучше, а все-таки нѣчто другое; иногда и этого хочется человѣку. Если дали ему крылья, такъ позвольте и летать.

— Но что же я, несчастная, буду безъ него дѣлать?— воскликнула Дробицкая, ломая руки.

— Вѣдь у васъ еще есть три сына?

— Да, есть; мальчики хорошіе, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ въ Алексѣя, и не сумѣетъ сдѣлать то, что дѣлаетъ онъ.

Дробицкая расплакалась и отирала слезы передникомъ. Графъ глядѣлъ на нее и курилъ трубку, глубоко задумавшись.

— Тутъ слезы ничего не помогутъ,—проговорилъ онъ тихимъ голосомъ. — Въ чемъ, однако, дѣло? Давно онъ тамъ? Развѣ онъ ужъ все бросилъ, оставилъ и забылъ васъ?

— О, нѣтъ!—живо перебила мать,—до этого еще не дошло, но я чувствую, что непремѣнно такъ будетъ. Никогда не случалось, чтобы онъ три дня провелъ въ гостяхъ; теперь-же, какъ поѣхалъ — забылъ Жербы и только прислалъ извѣстіе,

что его задержали. Когда воротится, я не удержусь отъ выговора, а это еще больше оттолкнетъ его отъ дому.

Старушка махнула рукою и прибавила тихимъ голосомъ:

— Да будетъ воля Божія! Оставлю у себя Яна... онъ достаточно уменъ. На что еще учиться въ школахъ? Пожалуй, и ему вскружатъ голову; пусть лучше сидитъ дома. Но все-таки онъ не Алексѣй.

— Этакъ, право, будетъ гораздо лучше, — подтвердилъ графъ.—Алексѣю дайте маленькую свободу, пусть попрыгаетъ на волѣ; повѣрьте, потомъ онъ опять воротится подъ родной кровъ. Янъ уже тоже подростаетъ, постепенно привыкнетъ къ работѣ и, вѣрно, никогда не покинетъ васъ.

— Все же это не Алексѣй! — шопотомъ повторяла Дробицкая.

— Для домашняго хозяйства онъ можетъ быть гораздо лучше Алексѣя, — разсмѣялся старикъ. — Ужъ повѣрьте мнѣ, опытному старику, что изъ такихъ людей, какъ старшій сынъ вашъ, никогда не выйдетъ хозяина, а у Яна по глазамъ видно, что деревенская жизнь ему по вкусу.

— Да, у него есть охота; мальчикъ не глупый, ловкій, проворный, но все-таки не Алексѣй!

Старушка опять вздохнула.

Но во время этихъ разсужденій и жалобъ, вдругъ пріѣхалъ Алексѣй. Увидя возокъ и Парфена, мать вся вспыхнула, хотѣла бѣжать на встрѣчу, но остановилась на порогѣ и взглянула на графа.

— Кажется, я буду мѣшать вамъ,—сказалъ графъ. — Я хорошо понимаю ваше положеніе, но, съ другой стороны, можетъ быть, и лучше будетъ, если буря разразится при постороннемъ.

При этихъ словахъ вошелъ въ комнату покрытый румянцемъ и съ выраженіями замѣшательства Алексѣй, поцѣловалъ руку матери и, притворяясь веселымъ, обратился къ графу. Мать остановила на немъ взоръ полный упрековъ.

— Отчего ты такъ долго гостилъ тамъ?—спросилъ графъ.

— Не хотѣли пустить меня,—пробормоталъ Алексѣй.

— И, вѣроятно, употребили насиліе?—спросилъ графъ.— *Но это, надѣюсь*, было une douce violence. И вамъ понравилось въ Карлинѣ?

— Мы были также въ Шурѣ, — сказалъ Алексѣй, уклоняясь отъ отвѣта.

— И праздновали имянины панны Анны? — подхватилъ графъ, выдувая трубку.

— Были и имянины.

Любившая всегда поговорить и не жалѣвшая словъ, Дробицкая, противъ обыкновенія, грозно молчала. Алексѣй предчувствовалъ, что таилось подъ этимъ молчаніемъ. Графъ случился здѣсь очень кстати, потому что мать не могла при немъ разразиться гнѣвомъ, и раздраженіе ея постепенно проходило. Однако, старушка не вытерпѣла и, покачавъ головою, воскликнула съ горячностью:

— Вы тамъ пировали, ѣздили, гуляли, смѣялись, говорили разный вздоръ, а домашнее хозяйство — убирайся къ чорту...

— Эти дни все были праздники, — проговорилъ Алексѣй.

— А развѣ въ праздники хозяинъ не нуженъ дома? — спросила мать.

— Милая маменька, простите меня!—воскликнулъ Алексѣй, подходя къ матери и желая поцѣловать ея руку, но старушка, забывъ, что Юноша сидитъ въ ея домѣ, сердито отняла свою руку и начала говорить сыну:

— Не въ чемъ мнѣ прощать тебя! Какъ постелешь себѣ, такъ и будешь спать. Я предостерегала тебя, пока могла; но мои совѣты тебѣ ни по чемъ. Ужъ я не буду виновата, если ты погубишь себя; а мы и безъ тебя обойдемся.

— Но, милая маменька!..

— Милая?! — отвѣчала Дробицкая,—тамъ у тебя есть люди милѣе насъ. Но помни: нельзя служить двумъ господамъ. Я полагала, что ты не потеряешь ума; теперь вижу, что ужъ нельзя надѣяться на тебя. Пусть же, по крайней мѣрѣ, мы не погибнемъ по твоей винѣ.

Алексѣй сталъ въ совершенный тупикъ и не могъ понять на что намекаетъ мать.

— Ты хорошо знаешь меня, — прибавила Дробицкая важнымъ тономъ,—я не говорю попусту. Съ тѣхъ поръ, какъ понравился тебѣ этотъ Карлинъ, я считаю тебя потеряннымъ. Янъ не поѣдетъ въ школу; я оставлю его завѣдывать хозяй-

ствомъ, а тебѣ даю полную свободу: дѣлай, что хочешь, и хоть всегда сиди въ Карлинѣ,—не скажу ни слова.

Алексѣй не ожидалъ этого. Присутствіе посторонняго человѣка не позволяло ему откровенно объясниться съ матерью. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не говоря ни слова, потомъ обернулся назадъ, но Юноши ужъ не было. Закуривъ трубку, старикъ незамѣтно вышелъ вонъ. Видя, что они остались одни, Дробицкая дала волю своему гнѣву.

— Милая маменька!—сказалъ Алексѣй почтительнымъ тономъ,—полагаю, что до сихъ поръ вы ни въ чемъ не могли упрекнуть меня; я работалъ изо всѣхъ силъ.

— Такъ что же? Ты дѣлалъ, что обязанъ былъ дѣлать для себя и для братьевъ.

— Неужели послѣ этого я очень виноватъ, если на два дня уѣхалъ изъ дому для отдыха?

Дробицкая взглянула ему въ глаза и отвѣчала:

— Правда, тутъ нѣтъ большой вины, а только есть дурной признакъ, милый Алексѣй. Почему ты не сидишь по три дня у Буткевичей, либо у Пержховскаго? Природа тянетъ волка въ лѣсъ. Я надѣялась передѣлать тебя, но вышло иначе. Ступай же теперь, куда хочешь, и дай Богъ, чтобы тамъ было тебѣ хорошо.

— Но, право, я не вижу, чѣмъ именно я провинился передъ вами?

— Ты не согрѣшилъ, а только надѣлалъ глупостей,—важнымъ тономъ отвѣчала Дробицкая.—Отецъ далъ тебѣ ненужное воспитаніе; твоя голова набита Богъ знаетъ какими мыслями, а свѣта ты совсѣмъ не видѣлъ. Тебѣ грезится, что люди, умѣющіе говорить складнѣе, чѣмъ мы, ужъ будто и лучше насъ; ну, и ступай къ нимъ. Но сообрази, подумай хорошенько: будетъ ли тебѣ тамъ лучше? Горекъ чужой хлѣбъ, невкусно чужое угощенье. Тамъ ты чужой и навсегда останешься чужимъ, хоть бы отдалъ имъ половину твоего сердца: они примутъ отъ тебя всѣ жертвы, какъ необходимый долгъ, но подадутъ тебѣ горькую чашу. Ты еще не знаешь, милый мой, того прекраснаго свѣта, гдѣ у всѣхъ на лицахъ вѣчная улыбка, на устахъ вѣжливость, а въ сердцѣ ледъ и пустота! Юліанъ. *навѣрно, не* любитъ тебя больше меня, однако, ты предпочи-

таешь его матери и братьямъ. Богъ съ тобою! Ступай, куда зоветъ тебя судьба.

— Но я никуда не думаю идти,—сказалъ Алексѣй.

— Рано или поздно, это непремѣнно случится; чему предназначено быть, то пусть исполнится.

Старушка мать говорила торжественнымъ тономъ, и сынъ не смѣлъ прерывать ее. Въ глазахъ ея блистали слезы, и она была сильно взволнована.

— Слушай, Алексѣй!—прибавила она. — Когда ты воротился домой, лишь только я увидѣла тебя, прямо сказала сама себѣ, что ты недолго погостишь у насъ. Я стерегла тебя, наблюдала—не столько для себя и твоихъ братьевъ, сколько для тебя самого. Тамъ нѣтъ счастія. Но чему быть, того не миновать. У насъ ты только мучился бы, мы съ тобою постоянно спорили бы, бранились и раздражали другъ друга. Надо этому положить конецъ.

— Милая маменька!—съ чувствомъ перебилъ Алексѣй.

— Перестань пожалуйста; намъ необходимо раздѣлиться.

— Раздѣлиться? Выгнать меня? За что же?

— Выгнать? Да ты сошелъ съ ума! — грозно произнесла старушка.—Что съ тобою? Слушай. Не станемъ дѣлать скандалъ, а что нужно, то пусть и сбудется. Тебѣ ужъ вскружили голову, заниматься хозяйствомъ ты теперь неспособенъ; они знай только будутъ ѣздить сюда, а ты—къ нимъ. Съ этихъ поръ я не могу на тебя полагаться. На землѣ, арендуемой у пана Яцка, есть домикъ; поѣзжай туда и живи отдѣльно, я останусь съ Яномъ. Дамъ тебѣ на обзаведеніе, не обижу.

— Но Янъ не кончилъ курса наукъ.

— Онъ и то ужъ слишкомъ много знаетъ, пожалуй — и онъ готовъ влюбиться въ книгу, какъ ты. Не разсуждай напрасно. Я буду руководить имъ и пріучать къ хозяйству; надѣюсь, ты также не бросишь насъ совершенно; но съ этого дня ты уже отдѣленъ и самъ себѣ панъ. Если мать замѣтитъ что-нибудь, то поплачетъ, но не перейдетъ тебѣ дороги. Дѣлай, что хочешь: ты свободенъ.

Не зная, что отвѣчать, Алексѣй стоялъ какъ убитый; въ головѣ его все смѣшалось. Онъ хотѣлъ умолять мать, думалъ, что все это было только угрозой; но, взглянувъ на лицо ма-

тери, убѣдился, что она говоритъ обдуманно, и что всѣ слова ея были неизмѣннымъ рѣшеніемъ; онъ потупилъ голову и замолчалъ. Дробицкая подошла къ нему со слезами на глазахъ, поцѣловала его въ голову и произнесла болѣе ласковымъ тономъ:

— Какъ первородное дѣтище, ты, милый Алексѣй, всегда будешь занимать въ моемъ сердцѣ первое мѣсто; да благословитъ тебя Богъ, да хранитъ тебя, да наградитъ за твои жертвы для насъ. Пора тебѣ быть свободнымъ, милый сынъ. Можетъ быть, я не понимаю тебя, а потому только бы стѣсняла и отравляла жизнь твою. Будь же свободенъ!

Алексѣй залился слезами и спросилъ почти шепотомъ:

— Маменька! это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее и рѣшительное! Вѣдь мы не разстаемся навѣки, но ты долженъ имѣть какую-нибудь собственность и быть свободенъ... Довольно надоѣла тебѣ мать; теперь ты увидишь,—лучше ли поступятъ съ тобой люди, которые будутъ только хвалить да ласкать тебя. Ступай въ свѣтъ. Да хранитъ тебя ангелъ Божій во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Аминь!—произнесъ Алексѣй, цѣлуя руку матери.

— Да будетъ воля Твоя!

IV.

Сосѣди Дробницкихъ всегда хорошо знали, что происходило у нихъ въ деревнѣ. Большею частью, проводя время въ праздности, они исключительно занимались другъ другомъ, и все служило хорошею пищею для ихъ любопытства. Коляска Юліана Карлинскаго, подъѣзжавшая къ крыльцу стараго дома въ Жербахъ, вызывала всѣхъ на улицу. Потомъ всѣ узнали, что Алексѣй поѣхалъ въ Карлинъ, что прогостилъ тамъ долго, и не прошло часа, послѣ его возвращенія, уже по всей деревнѣ летала молва о томъ, какъ приняла его мать. Все это раскрашивали, увеличивали и передавали другъ другу въ чрезвычайномъ видѣ. Самые нетерпѣливые изъ сосѣдей уже сбирались на старый дворъ взглянуть на Алексѣя и его мать. Передъ вечеромъ, панъ Мамертъ Буткевичъ уже надѣлъ на себя визитную куртку и совсѣмъ собрался идти, какъ вдругъ навѣстилъ его панъ Пержховскій, немножко навеселѣ и только въ

такомъ состояніи искусственной бодрости видавшійся съ сосѣдомъ, а въ другое время избѣгавшій его.

— А что, сосѣдъ,—произнесъ онъ съ улыбкою,—на старомъ дворѣ новости!.. а?

— Ну, какія же тамъ новости?— съ важностью богача и свысока спросилъ панъ Мамертъ. — Ужъ вы знаете что-нибудь?

— Все до капли: Алексѣя не было дома пять дней, на шестой онъ воротился, мать порядкомъ намылила ему голову; они поссорились—и Дробицкій перебирается на дачу Ултайскаго, которую они берутъ въ аренду.

— О, о, о!—протяжно сказалъ Буткевичъ, — важныя перемѣны! Но правда ли это?

— Палашка стояла у дверей, когда мать дѣлала выговоръ Алексѣю и приказала ему идти вонъ. Она сказала объ этомъ моему Янку, а Янекъ—мнѣ. Изволите видѣть, этотъ старый графъ Юноша всѣми силами старался помирить ихъ, но Дробицкая выгнала его.

— О, о,—повторилъ Буткевичъ,—ужасныя вещи!

— Истинно ужасныя! Я всегда твердилъ, что у нихъ непремѣнно такъ кончится,—отвѣчалъ Пержховскій. — Есть у васъ рюмка водки для сваренія желудка?

— Заперта! - сказалъ Буткевичъ, не желая ни дать водки, ни признаться, что ея не было.

— А отпереть?

— Ключница забрала всѣ ключи и ушла.

— Я что-то еще хотѣлъ сказать... Да, вотъ что.

Но въ это время вошелъ панъ Яцекъ Ултайскій, подалъ хозяину руку, а съ Пержховскимъ раскланялся издали, потому что былъ съ нимъ въ ссорѣ, такъ какъ панъ Юзефатъ Буткевичъ, женатый на Пержховской, ссорился съ паномъ Ултайскимъ, а братъ стоялъ за брата.

Буткевичъ и новый гость взглянули другъ на друга.

— Что новаго?—проговорилъ сквозь зубы скупой даже на фразы панъ Мамертъ.

— Что? Говорятъ, Дробицкіе раздѣляются: Алексѣй поселится на моей части; мать, старая вѣдьма, выгоняетъ его изъ дому. *Посмотримъ*, какъ-то она управится одна.

— Это вѣрно, а зачѣмъ онъ лѣзетъ къ панамъ? — спросилъ панъ Мамертъ.

— Зачѣмъ? гмъ! зачѣмъ? Извѣстное дѣло,—захотѣлось получить хорошаго щелчка,—отвѣчалъ панъ Ѳедоръ.

— Понимаю, въ чемъ дѣло!—воскликнулъ Ултайскій, — тамъ есть двѣ панны...

— Что? двѣ?—спросилъ Буткевичъ.

— Двѣ?—повторилъ Пержховскій, подставляя ухо.

— Да. Во-первыхъ, панна Анна.

— Сестра пана Юліана? Экъ, куда хватилъ!

Всѣ пожали плечами.

— Не для пса колбаса, сударь ты мой? — сказалъ панъ Мамертъ.

— И панна Аполлонія,— прибавилъ Ултайскій,—дочь эконома, подруга панны Анны, красавица дѣвка; и, вѣрно, ее сватаютъ ему.

— Непремѣнно такъ должно быть!—подтвердилъ, подумавъ, панъ Мамертъ.

— Не сходить ли къ Дробицкимъ?—спросилъ Пержховскій.

Всѣмъ очень хотѣлось идти туда, но никто не хотѣлъ сознаться въ этомъ, кромѣ Ултайскаго, который могъ выставить предлогомъ свое дѣло.

— Я пойду, — сказалъ онъ,—мнѣ нужно поговорить съ Алексѣемъ.

— Я пошелъ бы,—отозвался панъ Ѳедоръ,—да...

— Лучше воротись домой; мы пойдемъ съ паномъ Ултайскимъ, а если придемъ втроемъ...

— Что-жъ за бѣда такая, что втроемъ?.. Вы ступайте сами по себѣ, а я—самъ по себѣ. Панъ Мамертъ всегда повелѣваетъ, а между тѣмъ даже водки не имѣетъ въ домѣ.

Съ этими словами панъ Ѳедоръ надѣлъ фуражку и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью. Буткевичъ только пожалъ плечами.

— А что, пойдемъ?—спросилъ онъ.

— Пойдемъ,—отвѣчалъ Ултайскій, — вечеръ уже наступилъ.

Подходя къ дому Дробицкихъ, они встрѣтили пана Пристіана и Юзефата Буткевича. Послѣдній, по случаю ссоры *съ Ултайскимъ, не* желая находиться съ нимъ въ одномъ

обществѣ, показалъ видъ, будто забылъ что-то и воротился домой. Панъ Яцекъ понялъ этотъ маневръ и проводилъ его презрительнымъ взглядомъ.

Всѣ сосѣди, по одному или по два, собрались въ гостиную Дробицкихъ, гдѣ застали только старую пани. Она мѣряла полотно изъ куска, лежавшаго на полу. Алексѣя не было.

— Мое всенижайшее почтеніе!—произнесъ панъ Мамертъ съ свойственною богатому человѣку важностью.

— Какъ ваше здоровье?—проговорилъ Ултайскій покровительственнымъ тономъ.

— А гдѣ Алексѣй?—спросилъ панъ Пристіанъ, поправляя волосы и мысленно сравнивая свой великолѣпный костюмъ съ курткою пана Мамерта и венгеркою Ултайскаго.

Нисколько не церемонясь съ гостями, Дробицкая едва сказала нѣсколько словъ на сдѣланные вопросы, не скрывая, что гости пришли вовсе не кстати; но послѣдніе, привыкнувъ къ ея капризамъ, не обращали на это вниманія. Каждый воображалъ, что дѣлаетъ Дробицкимъ большую честь своимъ посѣщеніемъ. Поэтому они сѣли, не ожидая приглашенія, между тѣмъ какъ хозяйка продолжала мѣрять полотно.

У мелкой шляхты изстари существуетъ обыкновеніе извлекать для себя пользу изъ каждаго самомалѣйшаго обстоятельства. Подобное обыкновеніе ведется и въ другихъ слояхъ общества, но тамъ оно, по крайней мѣрѣ, принимаетъ какую-нибудь благовидную форму, напримѣръ, хоть видъ случайности; здѣсь же прямо и безъ церемоніи каждый хватаетъ, кто что можетъ и откуда можетъ.

Когда въ Жербахъ стали догадываться, что Алексѣй въ хорошихъ отношеніяхъ съ Юліаномъ Карлинскимъ, каждый изъ сосѣдей спросилъ самого себя: какую бы извлечь мнѣ изъ этого пользу? У всѣхъ были какіе-нибудь планы, и каждый спѣшилъ предупредить другихъ. Ни одинъ не признавался въ этомъ, но, идя на старый дворъ, каждый имѣлъ въ запасѣ свои просьбы или планы. Панъ Пристіанъ Прусъ-Пержховскій не даромъ наряжался. Считая себя человѣкомъ, предназначеннымъ играть роль въ высшемъ обществѣ, онъ летѣлъ просить Алексѣя представить его въ Карлинѣ. Ему грезилось... кто знаетъ? панна Анна или какая-нибудь другая богатая помѣ-

щица, и онъ улыбался, глядя въ зеркальце на щеткѣ, всегда находившейся въ его карманѣ. Панъ Мамертъ Буткевичъ составилъ проектъ за безцѣнокъ купить лѣсъ въ Карлинскихъ дачахъ или даже пріобрѣсти его и совсѣмъ даромъ. Панъ Ѳедоръ надѣялся достать изъ замковыхъ подваловъ отличной старой водки, о которой такъ много было наговорено ему. Наконецъ, панъ Яцекъ... о, панъ Яцекъ надѣялся больше всѣхъ воспользоваться новымъ положеніемъ Алексѣя. Узнавъ, что Дробицкій долженъ раздѣлиться съ матерью и жить на его части, Яцекъ вообразилъ себѣ, что эта земля будетъ крайне нужна Алексѣю, а такъ какъ срокъ контракта теперь оканчивался, то онъ задумалъ заломить по новому условію страшную цѣну. Всѣ съ безпокойствомъ глядѣли на двери, ожидая выхода Алексѣя, но онъ не являлся, а Дробицкая, не говоря ни слова, продолжала мѣрять полотно.

— Мы слышали кое-что, — тихо произнесъ панъ Мамертъ. — Правда ли это?

— А что вы тамъ слышали? — спросила Дробицкая.

— Будто панъ Алексѣй хочетъ отдѣлиться отъ васъ, — вѣжливо отвѣчалъ панъ Мамертъ.

— Развѣ не пора ему быть полнымъ хозяиномъ? — возразила старушка. — Янъ останется со мною.

— Значитъ, вы ужъ не отправите его учиться? — спросилъ панъ Ултайскій.

— Онъ почти кончилъ науки.

— И гораздо лучше, — подтвердилъ панъ Мамертъ, — вотъ и я только изъ третьяго класса... ей Богу, изъ третьяго...

— А я ни изъ какого! — разсмѣялся Ултайскій.

— Даже и этого не видно! — насмѣшливо прибавилъ Пристіанъ, закуривая сигару.

При этихъ словахъ вошелъ Алексѣй. Всѣ взглянули ему въ глаза, отыскивая перемѣну на его лицѣ, и всѣ поспѣшно схватили его за руки. Какая-то зависть и вмѣстѣ любопытство отражались въ глазахъ гостей.

— Ахъ, здраствуйте, здравствуйте, милый сосѣдъ!

— Долго-же вы гостили!

— Зато теперь опять посижу дома.

— *Едва ли!* — возразилъ Пристіанъ. — Кто одинъ разъ

побываетъ въ высшемъ обществѣ, тому ужъ трудно оторваться отъ него.

Такъ говорили гости, дѣлая вопросы и выжидая другъ друга, чтобы избавиться отъ постороннихъ и поговорить наединѣ съ паномъ Алексѣемъ.

— У меня есть дѣльце до васъ! — началъ Ултайскій, сознавая, что его отношеніе къ хозяину не требовало особенныхъ церемоній.

— Позвольте узнать, какое?

— Хотѣлось бы сказать вамъ слово по секрету! — шепнулъ панъ Мамертъ.

— У меня есть къ тебѣ просьба,—прибавилъ Пристіанъ,— но о ней скажу послѣ.

Дробицкая только пожимала плечами. Нѣкоторые изъ гостей взялись за фуражки, показывая видъ, что уходятъ, желая подать собою примѣръ другимъ; но, осмотрѣвшись кругомъ, остались, потому что никто не трогался съ мѣста. Болѣе всѣхъ смѣлый панъ Яцекъ взялъ Алексѣя подъ руку и увелъ въ другую комнату.

— Ну, что будетъ съ нами? — наивно спросилъ онъ, рѣшась не показывать вида, будто знаетъ о раздѣлѣ Дробицкихъ о предположеніи жить Алексѣю отдѣльно,—въ полной увѣренности, что послѣдній долженъ непремѣнно опять взять въ аренду его землю.

— Какъ такъ? Что же можетъ быть?

— Возьмете вы опять мою землю, или нѣтъ?

— Вѣдь она за мною.

— До марта, а далѣе?

— Кажется, мы уже условились.

— То есть, не совсѣмъ,—отвѣчалъ панъ Яцекъ,—потому что я... изволишь видѣть, не могу уступить за ту же цѣну.

— Но вѣдь въ прошломъ году я сдѣлалъ прибавку?

— Этого мало!—воскликнулъ Ултайскій,—я не могу уступить за прошлогоднюю цѣну, ей Богу, не могу.

Алексѣй пристально взглянулъ въ глаза сосѣду, понялъ уловку Ултайскаго, предполагавшаго, что Дробицкій, не имѣя пристанища, долженъ будетъ непремѣнно взять его землю въ аренду, а потому, пользуясь теперешнимъ случаемъ, панъ

Яцекъ дорожился, въ полной увѣренности, что выторгуетъ что-нибудь. Дробицкій пожалъ плечами и сказалъ:

— Больше не дамъ ни гроша!

— Не дадите?

— Не могу.

— Но вы пріобрѣтаете большія выгоды.

— Потому что тружусь, — хладнокровно отвѣчалъ Алексѣй, — иначе для чего бы я сталъ покупать землю. Вѣроятно, вы знаете, — прибавилъ Дробицкій, — что мы съ маменькой раздѣляемся. Правда, я предполагалъ жить на нашемъ участкѣ; но если не возьму его, то найду другой и какъ-нибудь устроюсь.

Ултайскій покраснѣлъ, потому что былъ еще не совсѣмъ безсовѣстный человѣкъ.

— Я не зналъ этого, ей Богу, не зналъ,—сказалъ онъ.— Можетъ быть, вы думаете, что я съ намѣреніемъ возвысилъ цѣну?

— Я ничего не думаю,—возразилъ Алексѣй, — но прошу васъ серьезно обсудить это дѣло, потому что не прибавлю вамъ ни одной копѣйки, и буду искать себѣ аренды въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, ну—произнесъ панъ Яцекъ, улыбаясь и обнимая Алексѣя, — какъ-нибудь уладимъ дѣло... согласимся... потомъ.

Шумъ въ первой комнатѣ вызвалъ ихъ туда. Послышалось восклицаніе Дробицкой:—Это что такое опять?—и вмѣстѣ шопотъ гостей. Очевидно, произошло что-нибудь необыкновенное. На порогѣ Алексѣй встрѣтился съ Палашкою, державшею въ рукахъ письмо.

— Откуда?—спросилъ онъ.

— Да изъ Карлина,—отвѣчала мать.—Теперь все будетъ изъ Карлина,—прибавила она тише.

Алексѣй вздрогнулъ и смѣшался.

— Человѣкъ ждетъ отвѣта,—прошептала Палашка.

— Мы, кажется, мѣшаемъ вамъ,—отозвался панъ Мамертъ, уже шестой разъ взявшись за фуражку.—Мое вамъ почтеніе; а что касается моего дѣла, то поговорю о немъ завтра.

Такимъ образомъ, одинъ за другимъ, всѣ гости счастливо

выбрались изъ дома Дробицкихъ, но они шли въ задумчивости, сильно заинтересованные новымъ письмомъ, останавливаясь и дѣлая тысячи разныхъ предположеній.

Алексѣй дрожащею рукою распечаталъ письмо. Оно было отъ Юліана и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Карлинъ. 29 іюля 18...

„Не успѣлъ ты отъ насъ уѣхать, какъ я снова преслѣдую тебя письмомъ своимъ. Ты угадалъ, что не будешь имѣть отъ меня покоя, и не даромъ такъ долго избѣгалъ Карлина. Другъ, милый другъ! прошу у тебя совѣта, помощи, даже, можетъ быть, больше, нежели того и другой вмѣстѣ, но я знаю, кого прошу. Не для развлеченія и забавы, не вслѣдствіе потребности сердца, но по другимъ важнѣйшимъ причинамъ, прошу тебя пріѣхать къ намъ. Не могу подробно изложить всего въ письмѣ, но умоляю—не откажи мнѣ и пріѣзжай не позже, какъ завтра поутру. Президентъ и Анна просятъ тебя вмѣстѣ со мною. Твой Юліанъ".

— Ну что?—спросила Дробицкая, глядя на сына.—Опять зовутъ въ этотъ Карлинъ?

— Милая маменька! прочитайте сами—и увѣрьтесь, возможно ли отказать?

— Не надо! Коль скоро ты переступилъ ихъ порогъ, то уже весь принадлежишь имъ и погибъ для насъ. Я хорошо знала это.

Старушка отерла слезы, скатившіяся на загорѣлыя щеки, и прибавила:

— Дай Богъ, чтобы тамъ встрѣтило тебя счастіе; дай Богъ!.. Но если когда-нибудь, огорченный и убитый, воротишься ты подъ родную кровлю, то не обвиняй меня, милый Алексѣй. Помнишь, нѣсколько лѣтъ мы постоянно вспоминали о Карлинѣ: ты говорилъ, что тамъ живетъ твой товарищъ и другъ; я уговаривала тебя не возобновлять съ нимъ знакомства, ничто не помогло. Да будетъ же воля Божія! Напрасно я стала бы бранить тебя, милый сынъ! Перестанемъ даже говорить объ этомъ. Дѣлай, какъ хочешь. Вѣдь я уже сказала, что ты свободенъ.

Алексѣй почтительно поцѣловалъ руку матери, которая быстро пошла въ свою комнату, и началъ писать отвѣтъ, что *пріѣдетъ завтра поутру*.

Оставшись одинъ въ своей тихой комнатѣ, Алексѣй, съ предчувствіемъ какой-то печали, бросился на диванъ и погрузился въ размышленія. Все окружавшее живо напомнило ему его душевное состояніе нѣсколько дней тому назадъ. Алексѣй испугался, сравнивъ его съ теперешнимъ; онъ сталъ другимъ человѣкомъ,—такое огромное вліяніе произвело на него трехдневное пребываніе въ Карлинѣ и одинъ взглядъ на Анну! Молодой человѣкъ воображалъ, что не можетъ жить безъ нея и желалъ, по крайней мѣрѣ, глядѣть на нее, слышать ея голосъ и мысленно благоговѣть передъ нею. Борьба съ этимъ чувствомъ была невозможна. Это чувство не требовало многаго, не мечтало о счастьи, не надѣялось достигнуть чего-нибудь, но жило само собою и уже глубоко укоренилось въ сердцѣ Алексѣя. Потеря спокойствія, перемѣна положенія, сожалѣніе о матери, въ сравненіи съ этимъ новымъ чувствомъ, были предметами второстепенными. Алексѣй предчувствовалъ страданія, но не боялся ихъ, даже почти желалъ страдать и жертвовать собою для Карлинскихъ. Чѣмъ долѣе молчало сердце въ этомъ человѣкѣ, тѣмъ сильнѣе требовало оно теперь правъ своихъ. Въ немъ не зарождалось даже желанія преодолѣть себя, разувѣрить, удалиться въ уединеніе и искать лѣкарства въ занятіяхъ; грозная будущность предотавлялась ему уже необходимостью судьбы, а любовь—предназначеніемъ, злополучіемъ, но вмѣстѣ и единственною путеводною звѣздою жизни.

V.

Въ Карлинѣ, между тѣмъ, происходили такого рода сцены. Туда пріѣхалъ президентъ, очевидно, чѣмъ-то разстроенный, но притворною веселостью онъ постарался обмануть Полю и Юліана, и прошелъ въ комнату Анны, гдѣ, поцѣловавъ племянницу въ лобъ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Ты мужественная дѣвушка, съ тобой можно говорить обо всемъ и требовать твоего совѣта. Мнѣ хочется откровенно поговорить съ тобой о вашемъ положеніи.

Анна, безъ страха, съ улыбкой подняла на дядю глаза и отвѣчала:

— *Говорите*, милый дядюшка. Вы хорошо знаете, что я

ничего не боюсь, кромѣ того только, что можетъ повредить нашей чести.

— Благодаря Бога, еще ничего нѣтъ такого страшнаго— сказалъ президентъ,—но мы обязаны заблаговременно принять мѣры, чтобы потомъ бѣдствіе не постигло васъ. Напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что не богатство служитъ основаніемъ всего: оно даетъ значеніе, положеніе въ обществѣ, спокойствіе, счастье.

— Дядюшка!—возразила Анна.

— Послушай и не прерывай меня. Не спорю, что, по твоимъ понятіямъ, богатство составляетъ вещь второстепенную; но я, вашъ опекунъ, вашъ экономъ, вашъ отецъ, теперь ничего болѣе не могу дѣлать, какъ только заботиться о вашемъ благосостояніи; остальное въ рукахъ вашихъ и Божіихъ. Я положился на Юліана, желая сдѣлать его сколько-нибудь свѣдущимъ, опытнымъ въ хозяйствѣ, чтобы впослѣдствіи онъ могъ жить своимъ умомъ; я наблюдалъ за нимъ издали, видѣлъ, что онъ трудится искренно, поощрялъ его, желая сдѣлать изъ него человѣка, но теперь убѣдился, что это невозможно.

— Какъ же вы хотите, дядюшка, передѣлать эту поэтическую и прекрасную душу, заключенную въ такомъ нѣжномъ существѣ? Я съ самаго начала видѣла, что Юліанъ только истомится отъ безполезныхъ трудовъ и жертвъ. Подобныя занятія не по его силамъ.

— Однако, грустно подумать объ этомъ.

— Скорѣе ужъ я пригодилась бы тутъ на что нибудь,—тихо сказала Анна.

— Перестань, пожалуста!—воскликнулъ президентъ.—Я недавно и со вниманіемъ вникнулъ въ ваши дѣла, ихъ направленіе, и хоть вижу старанія Юліана, однако испугался его неспособности къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ всюду примѣшиваетъ свой идеализмъ, а въ хозяйственныхъ дѣлахъ это рѣшительно вредно. Онъ дѣйствуетъ безъ всякаго плана; вездѣ видно умъ его блуждаетъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ мучится безъ пользы, все путаетъ и убиваетъ себя. Надо что-нибудь придумать противъ этого.

Анна печально потупила голову.

— Волосы поднялись у меня дыбомъ, когда я ближе раз-

смотрѣлъ все; пора подумать, какъ бы поправить ваше имѣніе. Послѣ меня вы получите очень немного, даже, можетъ быть, ничего, кромѣ однихъ хлопотъ; моя барыня то и дѣло летаетъ за границу, а я здѣсь только уплачиваю векселя ея и наживаю новые долги. Притомъ, всегда служа по выборамъ, я поневолѣ прожилъ свое состояніе. О наслѣдствѣ послѣ пана Аѳанасія нечего и говорить: дай Богъ, чтобы у него достало чѣмъ прожить до смерти,—такъ у него въ хозяйствѣ съ каждымъ днемъ все упадаетъ.

— Но, милый дядюшка, не думайте, что мы разсчитываемъ на наслѣдства. Для насъ слишкомъ довольно Карлина. Эмилію ничего не нужно, кромѣ пріюта и попеченія родныхъ. Я, съ своей стороны, не думаю идти и не пойду замужъ.

— Да, пока не найдешь себѣ кого-нибудь,—разсмѣялся президентъ,—хоть, говоря правду, я еще не знаю достойнаго тебя человѣка.

— Не потому, дядюшка! Вы не понимаете меня, но на мнѣ лежатъ обязанности, которыхъ я не могу оставить. А Юліану, по моему мнѣнію, очень довольно Карлина, если никто не возьметъ изъ него части.

— Совершенная правда. Карлинъ составлялъ бы прекрасное имѣніе; но у васъ есть долги, которые, вслѣдствіе неосмотрительности и неумѣнья управлять имѣніемъ, съ каждымъ днемъ увеличиваются, — это угрожаетъ совершеннымъ разореніемъ. Юліанъ ничего не знаетъ и не будетъ знать о томъ, что поставилъ васъ на краю пропасти.

— Какъ такъ? — спросила встревоженная Анна, ломаяр руки.

Президентъ взглянулъ на племянницу и, чтобы утѣшить ее, сказалъ съ улыбкою:

— Не бойся, пока еще нѣтъ ничего, все можно поправить, но для этого нуженъ дѣятельный и опытный человѣкъ, который добросовѣстно занялся бы вашими дѣлами и хозяйствомъ. Юліанъ пусть отдохнетъ. Можетъ быть, мы женимъ его.

— Да, женимъ, женимъ его!—воскликнула Анна.—Онъ скучаетъ въ своемъ одиночествѣ, ему необходимо нужно, чтобы мужественное сердце и сильная рука руководила имъ въ жизни.

— Да, да, нужна богатая помѣщица и благородная женщина съ прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Скажи мнѣ, Анна, не замѣтила ли ты въ немъ склонности къ кому нибудь? Ужъ не питаетъ ли онъ какой-нибудь тайной привязанности?

Дѣлая этотъ вопросъ, президентъ думалъ о Полѣ, но Анна простодушно отвѣчала ему:

— О, между нами нѣтъ секретовъ! Можетъ быть, Юліанъ потому собственно печаленъ и какъ будто недоволенъ, что его сердцу недостаточно одного долга.

— Можетъ быть,—разсѣянно сказалъ президентъ.—Но объ этомъ поговоримъ тогда, какъ хорошенько обдумаемъ; у меня даже составленъ проектъ. А теперь надо что-нибудь придумать для поправки дѣлъ. Я не скажу ему, почему именно желаю, чтобы онъ поручилъ свое имѣніе кому-нибудь другому, предоставивъ себѣ только общее наблюденіе за дѣлами, но найду средство уговорить его. Пойдемъ къ нему; только о теперешнемъ разговорѣ не говори ему ни слова.

Юліанъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, задумчивый, съ сигарою въ зубахъ, и перелистывалъ послѣдній нумеръ французскаго журнала.

— Что это ты сидишь одинъ?—спросилъ президентъ,—и такой невеселый...

— Ахъ! Вы не можете себѣ вообразить, какъ надоѣлъ мнѣ бухгалтеръ. Кромѣ того, недавно было у меня три эконома и толпа крестьянъ. Цѣлые три часа я долженъ былъ толковать съ ними о томъ, что легко можно кончить въ четверть часа; но съ подобными людьми длинный разговоръ составляетъ совершенную необходимость; если отправить ихъ скоро, то никогда не удовлетворишь ихъ, хоть сдѣлай для нихъ все, о чемъ просятъ. Имъ нужно до-сыта наговориться.

— По всей вѣроятности, это страшно надоѣдаетъ тебѣ?—сказалъ президентъ.

— Да, не скажу, чтобы оно приносило мнѣ удовольствіе. Мнѣ кажется, что для подобныхъ занятій Господь Богъ долженъ создавать особыхъ людей. Но куда они дѣвались? И отъ чего ихъ нигдѣ не видать?

— Подобные люди толпами ходятъ по свѣту. Что для насъ до крайности непріятно и тягостно, то для нихъ составляетъ

пріятное занятіе и почти главную цѣль жизни. Затѣмъ, серьезно подумавъ, я сказалъ бы, что если кто не чувствуетъ въ себѣ ни способности, ни охоты къ хозяйству и управленію имѣніемъ, тотъ, вмѣсто напрасныхъ усилій достигать сомнительныхъ успѣховъ, непремѣнно долженъ искать чужой помощи.

Юліанъ взглянулъ на президента.

— Что сказали бы вы, дядюшка, если бы я сознался вамъ, что пришелъ къ такому же заключенію?

— Я? сказалъ бы, что ты умница, милый Юліанъ!

— Но не сами ли вы запрягли меня въ эту барщину?

— Правда; но это было только временное, необходимое испытаніе; тебѣ необходимо было освоиться съ дѣлами и домашними распоряженіями, чтобы впослѣдствіи не позволять обманывать себя. Я хотѣлъ только испытать тебя. Но теперь, когда ты уже довольно познакомился съ дѣлами, и опытъ показалъ, что эти занятія не идутъ къ тебѣ...

Юліанъ покраснѣлъ.

— Такъ вы полагаете, дядяшка, что я распоряжаюсь очень дурно?

— Нѣтъ! но это обходится тебѣ слишкомъ дорого, милый мой, le jeu ne vaut pas la chandelle.

— И я такъ думаю,—прибавила Анна.—Подобныя занятія только убиваютъ Юліана.

— А если онѣ составляютъ мою обязанность? — сказалъ Юліанъ со вздохомъ. — Найдется ли средство помочь моему положенію?

— Найдется — и самое простое. Тебѣ время отдохнуть, немножко познакомиться со свѣтомъ, поѣздить и, если представится случай, жениться. Между тѣмъ, можно найти человѣка, способнаго замѣнить тебя въ Карлинѣ, и заняться твоими обязанностями съ такимъ же усердіемъ, но съ большимъ успѣхомъ.

— Гдѣ же мы найдемъ такого человѣка? — спросилъ Юліанъ, подходя къ дядѣ и улыбаясь. — Признаюсь, я не *сталъ бы противорѣчить* вашему плану.

— *Я дамъ человѣка* — и ручаюсь, что ты согласишься

принять его,—отвѣчалъ президентъ, садясь на стулъ, — это твой другъ Дробицкій!

— Онъ? Алексѣй?—воскликнулъ Юліанъ.

— Послушай. Я видѣлъ его здѣсь, и онъ очень понравился мнѣ. А такъ какъ я имѣю привычку всегда спрашивать и узнавать о людяхъ, не ограничиваясь собственнымъ впечатлѣніемъ, то говорилъ о немъ съ сосѣдями: всѣ они почти чудеса разсказываютъ о его трудолюбіи, домовитости, способности управлять имѣніями. Это единственный для тебя человѣкъ!

— Мысль прекрасная! Только жаль, что невозможно осуществить ее.

— Почему?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, подобно мнѣ, онъ только по необходимости хозяинъ, а въ душѣ — поэтъ.

— Однако, онъ исполняетъ свои обязанности благоразумно и честно.

— Правда — исполняетъ, но ради матери и братьевъ; а это другое дѣло.

— То, что онъ пріобрѣтаетъ дома, мы легко и даже съ прибавкою можемъ доставить ему здѣсь; въ случаѣ надобности, вы, я и дядя Аѳанасій сложимся и дадимъ ему хорошее жалованье. Послѣ этого найдетъ ли онъ причину не принять здѣсь должности управителя, и по дружбѣ къ тебѣ, и для поправки своихъ собственныхъ обстоятельствъ?

Разговоръ этотъ съ нѣкоторыми промежутками продолжался до пріѣзда Алексѣя, который нашелъ всѣхъ въ комнатѣ Юліана. Черезъ минуту пришла Анна и поздоровалась съ нимъ, какъ съ пріятелемъ. Президентъ проводилъ ее назадъ, и оставилъ друзей наединѣ.

— Ну, теперь къ дѣлу! — воскликнулъ Юліанъ, подавая Алексѣю руку. — Но прежде всего дай мнѣ дружеское слово не сердиться на меня ни въ какомъ случаѣ.

— Я слишкомъ увѣренъ въ добротѣ твоего сердца,—произнесъ Дробицкій, — а отъ добраго сердца я все приму съ благодарностью: говори смѣло!

— Но если я потребую отъ тебя большой жертвы?

Алексѣй улыбнулся, пожалъ плечами и вдругъ покраснѣлъ, потому что ему пришла на мысль Анна.

— Что же это значитъ?—спросилъ онъ,—право не могу понять.

— Милый Алексѣй, безцѣнный Алексѣй!—продолжалъ Юліанъ,—сдѣлай милость, только пойми меня хорошенько, — я требую твоей помощи въ хозяйствѣ и домашнемъ управленіи. Не желая огорчать меня, президентъ ничего не говоритъ прямо, но я уже самъ вижу, что не могу управлять имѣніемъ. Кажется, по моей винѣ, мы понесли значительные убытки... два срока платежа въ банкъ пропущены, проценты увеличиваются, въ нѣкоторыхъ фольваркахъ хозяйство совершенно заброшено. Спаси насъ, другъ! Я знаю, что слишкомъ многаго требую у тебя, прося взять на себя эту тяжесть, но я не хочу обременять тебя даромъ.

Юліанъ взглянулъ на друга, лицо котораго покрылось яркимъ румянцемъ. Впрочемъ, Алексѣй принялъ сдѣланное предложеніе гораздо лучше, нежели надѣялся Карлинскій.

— Повѣрь, милый Юліанъ, я очень радъ быть вамъ полезнымъ, и тѣмъ доказать тебѣ дружбу мою, — возразилъ Алексѣй, подумавъ минуту,—но обсуди самъ, чего требуешь ты отъ меня? Могу ли я располагать собою, имѣя мать и трехъ братьевъ? Прежде всего, я обязанъ трудиться для нихъ.

— Во-первыхъ, перебилъ Юліанъ,—Жербы такъ близко отъ Карлина, что ты почти не разстанешься съ ними; я подумалъ объ этомъ. Во-вторыхъ, что можешь ты заработать тамъ самыми усиленными трудами? Мы гораздо больше можемъ дать тебѣ. Здѣсь ты можешь быть во сто кратъ полезнѣе и для насъ, и для своего семейства.

Слезы показались на глазахъ Алексѣя.

— О, ты требуешь отъ меня, милый Юліанъ, несравненно большей жертвы, нежели воображаешь! Теперь хоть общественное положеніе раздѣляетъ насъ, мы еще друзья, еще равны другъ другу въ минуты воспоминаній и сердечныхъ изліяній, но тогда... Что станется съ нашею дружбою? И ее придется принести въ жертву: вѣдь я буду только твоимъ слугою.

Юліанъ вспыхнулъ и проговорилъ:

— Ты не понялъ меня.

— *О, нѣтъ!* Я вѣрю въ твое сердце, но гораздо болѣе знаю *людей и свѣтъ. Есть* положенія, которымъ человѣкъ проти-

виться не можетъ; есть права столь великія, что нѣтъ возможности освободиться отъ нихъ.

Алексѣй задумался и, спустя минуту, прибавилъ:

— Я вовсе не вѣрю въ судьбу и предназначеніе, но въ настоящемъ случаѣ, кажется, есть какая-то необходимость, невидимая сила, устроивающая наши обстоятельства: напрасно я сталъ бы противиться ей. Ты еще не знаешь, что маменька, уже не полагаясь на меня столько, сколько полагалась прежде, хочетъ меня выдѣлить, даетъ мнѣ совершенную свободу.

— Значитъ, ты независимъ?

— Совершенно независимъ; но не думаю, чтобы я былъ способенъ къ назначаемой теперь роли,—завѣдывать маленькимъ хозяйствомъ, или управлять имѣніемъ—большая разница: въ послѣднемъ случаѣ и труды другіе, и метода совершенно иная. Едва ли могу я исполнить предлагаемую обязанность.

— По крайней мѣрѣ, ты исполнишь ее гораздо лучше меня. Президентъ и Анна такъ думаютъ.

— Какъ? Это они внушили тебѣ этотъ планъ?

— Да,—отвѣчалъ Юліанъ.

Алексѣю сдѣлалось невыразимо грустно, но, съ другой стороны, ему улыбалась надежда постоянно жить въ Карлинѣ, и эта мысль преодолѣла всѣ прочіе разсчеты. Молодой человѣкъ забылъ, что, принимая роль слуги, онъ ставилъ вѣчную и непреоборимую преграду между собою и своимъ идеаломъ, уже и безъ того отдѣленнымъ отъ него цѣлымъ свѣтомъ.

— Дѣлай со мною, что хочешъ, только помни, чтобы впослѣдствіи не пришлось тебѣ жалѣть объ этомъ.

Юліанъ бросился къ нему на шею.

VI.

Все устроилось по желанію Карлинскихъ, притомъ такъ легко, какъ нельзя было даже надѣяться. Но Алексѣю предстояло еще трудное дѣло,—сказать о своихъ намѣреніяхъ матери. Самъ онъ не смѣлъ сдѣлать этого. Зная, что старикъ Юноша имѣлъ на нее нѣкоторое вліяніе, что за добровольное отреченіе графа отъ аристократизма мать любила и охотно слушалась его, Алексѣй рѣшился съѣздить на Надаржинъ и

возвратиться въ Жербы вмѣстѣ съ графомъ, чтобы имѣть себѣ въ немъ защитника. Съ искреннимъ чувствомъ поблагодарили Алексѣя въ Карлинѣ, Анна подала ему свою ручку, торжествующій президентъ не скрывалъ своего удовольствія, Юліанъ чувствовалъ, что тяжелое бремя свалилось съ плечъ его. Мелочныхъ условій не было. Алексѣю оставалось только переговорить съ матерью. Прямо оттуда, миновавъ Жербы, отправился онъ въ Надаржинъ: такъ называлась дача, гдѣ поселился старый чудакъ. Она была расположена на окраинѣ лѣсовъ, принадлежащихъ къ Перевертовскому имѣнію дочери графа. Старикъ всегда ходилъ оттуда въ Жербы пѣшкомъ, потому что дорога была близкая, хотя очень дурная. Юноша самъ избралъ для себя Надаржинъ и застроилъ его. Дача находилась на окраинѣ огромнаго, великолѣпнаго лѣса. Невдалекѣ текла рѣчка, мѣстность была довольно возвышенная, отѣненная вокругъ лѣсами— и среди столѣтнихъ дубовъ стояла хата графа,—иначе трудно было назвать ее. Хозяинъ строилъ ее по собственному плану, и даже частію собственными руками, изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, покрылъ соломою и окружилъ пристройками и садомъ. Главную фантазію старика составляло то, чтобы довольствоваться самымъ необходимымъ, и вести жизнь самую простую. По этой причинѣ, онъ добровольно отказался отъ всѣхъ удобствъ и удовольствій. Двѣ коровы, нѣсколько овецъ, около десятка домашнихъ птицъ, составляли все его имущество, а дворню— одна женщина, дѣвочка въ помощь ей, да одинъ парень. Всѣ они одѣвались и жили по-крестьянски. Хата отличалась красивою постройкою, обширностью и чистотою, но, по внутреннему расположенію, немногимъ разнилась отъ простыхъ крестьянскихъ домовъ. Налѣво была изба графа съ чуланомъ, направо кухня и изба для прислуги; въ сѣняхъ ходили куры, хорошо откормленный поросенокъ, нѣсколько гусей и пара индѣекъ. Вся мебель состояла изъ простыхъ скамеекъ, стола и постели, набитой сѣномъ и покрытой толстымъ бѣльемъ; двѣ собаки обыкновенно лежали на порогѣ избы. Юноша, простоты ради, отказался отъ воспоминаній прошедшаго; онъ, очевидно, хотѣлъ быть Діогеномъ, каждый день уничтожалъ какую-нибудь пріятную привычку, чтобы она не тяготила его, и все дѣлалъ собственными руками.

Старикъ вышелъ навстрѣчу пріѣхавшему Алексѣю, подалъ ему широкую и жесткую руку свою, и воскликнулъ съ улыбкою:

— Вотъ благородный-то гость! Не боится моей хаты. Ну, садись же и отдохни. Правда, у меня нѣтъ привычки искать съ кѣмъ бы то ни было короткаго знакомства, потому что всякая привязанность угрожаетъ неволею и заботами; но тебя, милый Алексѣй, я люблю, а уважаю еще болѣе!

Эти слова были великою похвалою въ устахъ бережливаго на слова старика, любившаго болѣе порицать, нежели хвалить. Онъ нарочно прикрывалъ свое сердце грубою оболочкою.

— Но что же привело тебя сюда? Ты не пріѣхалъ бы ко мнѣ даромъ. Вѣдь я каждый день бываю у васъ; слѣдовательно, ты не могъ стосковаться по мнѣ. Говори прямо; ты знаешь, что я не люблю околичностей.

— Вы угадали. Къ несчастью, я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбою. Съ недавняго времени жизнь моя пошла новою, неожиданною дорогою. Самъ не знаю, куда иду и что будетъ со мною?

— Ну, что же случилось? Да, Карлинъ! — воскликнулъ старикъ, начиная догадываться. — Можетъ быть, твоя мать, своимъ старымъ разумомъ, говоритъ дѣло—это знакомство для тебя лишнее. Свѣтъ тружениковъ и свѣтъ аристократовъ, — двѣ совершенно противоположныя сферы; нельзя въ одно и то же время жить въ томъ и другомъ, потому что невозможно согласить ихъ. Нашъ свѣтъ ближе къ правдѣ, тотъ построенъ на фальшивомъ фундаментѣ и весь искусственный. Зачѣмъ же тебѣ искать его и брататься съ нимъ?

Алексѣй терпѣливо слушалъ графа, вздохнулъ, подумалъ немного и отвѣчалъ:

— Въ жизни встрѣчаются неизбѣжныя необходимости.

— Только для тѣхъ, кто вѣритъ въ нихъ, — возразилъ Юноша,—но продолжай, не бойся, я не буду противорѣчить тебѣ. Я уже давно убѣдился, что человѣкъ не можетъ и не долженъ существовать чужими совѣтами. Говори!

— Юліанъ, старый мой товарищъ и другъ, требуетъ моей помощи. Я почти далъ слово заняться его дѣлами и управлять Карлинскимъ имѣніемъ.

— А Жербы? А мать?

— Маменька остается съ Яномъ. Мы и безъ того рѣшились раздѣлиться; я долженъ былъ особо жить на маленькомъ фольваркѣ, который мы беремъ въ аренду.

— Это шагъ важный, даже, можетъ быть, гораздо важнѣе, чѣмъ ты думаешь, — онъ будетъ имѣть вліяніе на всю твою будущность, измѣнитъ твой характеръ. Ты былъ бѣденъ, но свободенъ; теперь добровольно продаешь себя. Обсуди, что ты дѣлаешь? Ты готовишь себѣ тяжкую будущность. Самые благородные люди, наконецъ, представятся гебѣ неблагодарными, когда новое положеніе сдѣлаетъ тебя слугою, а сближеніе съ ними возвыситъ тебя въ твоемъ собственномъ убѣжденіи. Что ты пріобрѣтешь тамъ? Большое униженіе за небольшія деньги. Не лучше ли имѣть меньше и пріучить себя довольствоваться малымъ?

— Все это правда. Но, графъ, вы мало знаете Юліана.

Юноша пожалъ плечами и спросилъ:

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?

— Чтобы вмѣстѣ со мною вы поѣхали въ Жербы и помогли мнѣ объясниться съ маменькой.

— Ну, это трудная задача! Она порядкомъ намылитъ тебѣ голову... Гмъ! какъ вижу, ты уже попалъ въ западню и нашелъ себѣ тамъ теплый уголокъ; поступай, какъ хочешь. Ребенокъ до тѣхъ поръ не вѣритъ въ силу огня, пока не обожжется, и тебѣ надо обжечься. Ѣдемъ!

Старикъ надѣлъ шапку, взялъ неразлучный кисетъ съ табакомъ, трубку и палку, сѣлъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ бричку и поѣхалъ въ Жербы, гдѣ счастливый Янъ, съ самымъ горячимъ усердіемъ, вмѣстѣ съ матерью, занимался хозяйствомъ. Ему очень нравились увольненіе отъ ученья и названіе домохозяина, а потому онъ наслаждался счастіемъ по-юношески, не спалъ, не ѣлъ и всюду бѣгалъ точно угорѣлый. Дробицкая должна была даже удерживать его отъ излишней горячности. Графъ и Алексѣй встрѣтили его летѣвшимъ на конѣ въ поле, и только что миновавшимъ свой дворъ. Янъ улыбнулся Алексѣю, поклонился графу и стрѣлою поскакалъ изъ деревни. Дробицкая, стоя на крыльцѣ и глядя на Яна и въѣзжавшаго Алексѣя, повторяла въ мысляхъ:

— *Все-таки это не* Алексѣй! Но да будетъ воля Божія!

— Вотъ я привезъ вамъ бѣглеца,—воскликнулъ Юноша, вылѣзая изъ брички.

— Какъ? Вы оба были въ Карлинѣ?

— Я не былъ,—отвѣчалъ графъ,—но мы встрѣтились на дорогѣ, и такъ какъ вы давненько не видали меня и, вѣрно, стосковались...

— Есть о комъ тосковать!—сказала Дробицкая. — Вотъ угадалъ, такъ угадалъ.

— Женщины никогда не сознаются въ своихъ чувствахъ: старая штука, сударыня!

Оба старика разсмѣялись.

— Теперь я пріѣхалъ,—продолжалъ графъ,—засвидѣтельствовать вамъ мое уваженіе и поздравить...

— Съ чѣмъ?

— Съ двумя счастливыми обстоятельствами.

— Даже съ двумя?

— Во-первыхъ, съ производствомъ въ домохозяина вонъ того молодца, который, отъ радости, что снялъ съ себя гимназическій мундиръ, готовъ сломать себѣ шею.

— Съ чѣмъ же другимъ хотите вы поздравить меня?

— Второе поздравленіе, — сказалъ Юноша, садясь на крыльцѣ, — гораздо важнѣе, и даже вы еще не знаете объ этомъ.

— Вотъ тебѣ и на! Не поѣлъ ли скотъ необгороженную скирду?

— Гораздо хуже, сударыня! Паны подъѣли у тебя сына.

— Знаю я объ этомъ.

— Не совѣмъ.

— Опять какая-нибудь новость?

— Панъ Алексѣй назначенъ управителемъ имѣнія, повѣреннымъ и привиллегированнымъ другомъ Карлинскихъ.

Дробицкая взглянула на сына и спросила:

— Что это значитъ?

— Это вѣрно, милая маменька, я буду управлять имѣніями Карлинскихъ. Ультайскій набавляетъ цѣну за свой участокъ; гораздо больше я заработаю для васъ на новой должности, нежели на этой ничтожной арендѣ.

— Ну, ужъ забилъ же себѣ онъ вздоръ въ голову!—вос-

кликнула мать, всплеснувъ руками.—Да онъ прямо идетъ къ погибели...

— Да что тутъ худого?—спросилъ графъ.

— И вы еще спрашиваете?—грозно отвѣчала вдова.—Даже, пожалуй, готовы увѣрять, что это хорошо? Да зачѣмъ же вы надѣли свою сермягу? Видно для того только, чтобы подъ нею легче обманывать простаковъ! Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, полагаете, что для моего сына большое счастье изъ свободнаго человѣка сдѣлаться слугою на жалованьи?

Старикъ сердито насупилъ брови, погладилъ бороду, склонилъ голову и сказалъ:

— Если ужъ мы начали говорить такимъ образомъ, то лгать не буду. Я не одобряю намѣренія вашего сына, но вѣрю, что человѣку слѣдуетъ предоставить полную свободу, пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ. Въ противномъ случаѣ, держа сына на привязи, вы сдѣлаете его на всю жизнь ребенкомъ.

— Вѣдь я дала волю,—возразила мать.—Впрочемъ, дала не для того, чтобы онъ пошелъ служить!

— Милая маменька!—перебилъ Алексѣй,—вы хорошо знаете меня: я не закабалю себя во всякую службу; но вѣдь Юліанъ другъ мой... Это вовсе не будетъ служба.

— Да, разсказывай! Чтожъ ты будешь дѣлать тамъ? Сидѣть сложа руки? Но это еще хуже для тебя.

Алексѣй опечалился. Матери стало жаль его.

— Я должна была сказать тебѣ всю правду,—прибавила она болѣе ласковымъ тономъ.—Не буду загораживать тебѣ дорогу. Я уже сказала одинъ разъ навсегда, что ты свободенъ. Но сообрази хорошенько: что ты готовишь себѣ? Подумалъ ли ты, какую тяжесть берешь на себя? Повѣрь, ты и друга потеряешь, и себя уронишь въ общемъ мнѣніи.

— Я говорилъ ему это,—отозвался Юноша.—Но мы, съ нашею стариковской опытностью, пасъ передъ его знаніемъ свѣта.

Алексѣй покорно и молчаливо перенесъ это первое нападеніе, и только когда старушка нѣсколько успокоилась, когда ему позволили говорить, онъ объяснилсь подробнѣе, вѣрнѣе изобразилъ свою будущность, исчислилъ всѣ матеріальныя выгоды, которыя, въ самомъ дѣлѣ, могли улучшить ихъ семей-

ное положеніе, и, наконецъ, прибавилъ, что болѣе для семейства, нежели для себя, приноситъ теперешнюю жертву.

— Мы, съ своей стороны, освободили тебя отъ всякихъ жертвъ,—отвѣчала Дробицкая,—но, какъ видно, и это на тебя не дѣйствуетъ. Я давно предчувствовала, что эти Карлинскіе принесутъ намъ несчастіе; ихъ фамилія всегда производила на меня непріятное впечатлѣніе, а узнавши первый разъ, что ты былъ у нихъ, я даже содрогнулась. Да будетъ воля Твоя, Господи!

Слезы сверкнули на глазахъ матери, но она проворно отерла ихъ и прибавила:

— Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Твой дѣдъ, прадѣдъ и отецъ никому не служили. Они были бѣдные люди, но умѣли довольствоваться малымъ, жили хорошо. Ты хочешь попробовать чужого хлѣба. Не запрещаю тебѣ, но предчувствую твою тяжкую долю. Кто знаетъ, что ожидаетъ тебя? Ты пріобрѣтешь барскія привычки, возгордишься передъ нами, и будешь словно нетопырь, который не похожъ ни на мышь, ни на птицу. Гораздо бы больше хотѣлось мнѣ видѣть тебя честнымъ земледѣльцемъ, весело воздѣлывающимъ свой собственный участокъ, въ потѣ лица, но вѣрно не такова твоя судьба. Старушка замолчала и движеніемъ головы попросила къ себѣ въ домъ молчавшаго Юношу.

VII.

Ни совѣты матери, ни насмѣшки графа, ни собственное сознаніе послѣдствій настоящей рѣшимости уже не остановили Алексѣя. Оправдываясь роковою необходимостью, но въ сущности увлекаемый тайнымъ чувствомъ, онъ пошелъ служить Карлину и его обитателямъ. Яцекъ Ултайскій, дорожившійся своимъ участкомъ въ Жербахъ, въ предположеніи, что онъ будетъ крайне нуженъ Алексѣю, узнавъ, что Дробицкій вовсе не думаетъ поселиться на немъ, спустилъ тонъ и цѣну, и аренда осталась на прежнихъ условіяхъ за Яномъ и его матерью.

Перемѣщеніе Алексѣя въ Карлинъ было для Юліана днемъ невыразимой радости. Онъ самъ выбралъ для друга квартиру

въ нижнемъ этажѣ замка, съ выходомъ въ садъ, состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, убранную со вкусомъ и удобную до излишества. Но Дробицкому скучно показалось въ каменныхъ покояхъ. Онъ сознавалъ себя здѣсь чужимъ, второстепеннымъ лицомъ, потому что привыкъ въ своемъ домѣ быть паномъ и центромъ семейства. Когда онъ первый разъ по переѣздѣ сюда встрѣтился съ Полею, веселая дѣвушка взглянула на него печально и съ выраженіемъ состраданія.

— Ахъ, и вы ужъ здѣсь! — сказала она со вздохомъ.— Хорошо; мы будемъ поддерживать и утѣшать другъ друга. Мы оба здѣсь точно выходцы изъ чужой земли.

— Я и самъ не понимаю себя,—отвѣчалъ взволнованный Алексѣй. — За нѣсколько мѣсяцевъ я бы разсмѣялся, даже обидѣлся бы предложеніемъ подобныхъ занятій; а теперь, какъ видите, принялъ ихъ.

— Судьба часто ставитъ человѣка въ совершенно неожиданное положеніе! — воскликнула Поля. — И послѣ этого еще проповѣдуютъ, что человѣкъ имѣетъ волю, свободу!—Дѣвушка разсмѣялась, бросая на Алексѣя взглядъ, частью насмѣшливый, частью печальный.

Что касается до занятій, то Дробицкій принялся за нихъ со всею горячностью молодости. Первый взглядъ на состояніе дѣлъ поразилъ его. Не желая огорчать Юліана, Алексѣй ничего не говорилъ ему, но президенту онъ прямо открылъ въ какомъ дурномъ положеніи нашелъ всё. Юліанъ въ самомъ дѣлѣ трудился, но былъ слишкомъ снисходителенъ, благороденъ и молодъ для исполненія обязанности, требовавшей извѣстнаго вниманія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ. Нашлись люди, которые употребили во зло его доброту, а Карлинскій, видя это, старался еще оправдывать ихъ передъ самимъ собою, только для того, чтобы не дѣлать имъ прямо въ глаза выговоровъ и упрековъ. Такая снисходительность или, вѣрнѣе, безсиліе, уже произвели много вреда въ имѣньи. Экономы, управители, услужливые ростовщики окружили Юліана, представили ему вещи въ самомъ лучшемъ и выгодномъ положеніи, никогда не огорчали его, потворствовали и сокращали его занятія, но зато безъ милосердія опоражнивали его карманы. Алексѣй нашелъ два пропущенные срока платежей

банку, множество частныхъ долговъ, кипу заемныхъ писемъ у ростовщиковъ, безпорядокъ и обманъ въ производствѣ продажъ, запутанность и безтолковость къ счетахъ.

Жизнь среди занятій имѣла свои пріятности. Почти цѣлый день просиживая за дѣлами, Алексѣй не видалъ Карлинскихъ; но вечеромъ всѣ сходились за чаемъ, вели пріятный разговоръ, и послѣ ужина Алексѣй еще долго бесѣдовалъ наединѣ съ Юліаномъ. Дробицкій замѣтилъ, что Юліанъ, исключительно говорившій прежде о своей привязанности къ Полѣ, съ нѣкотораго времени вдругъ пересталъ говорить объ этомъ предметѣ. Принимая это молчаніе за дурной признакъ, Алексѣй началъ внимательнѣе слѣдить за молодыми людьми, но ничего новаго не замѣтилъ въ ихъ обращеніи.

Между тѣмъ, въ его собственномъ сердцѣ постепенно росло идеальное, тихое чувство къ Аннѣ, росло собственною силою, поддерживаясь только усилившимся благоговѣніемъ къ этому ангелу. При ближайшемъ столкновеніи, Анна представлялась еще болѣе привлекательною: она существовала не для себя, никогда не думала о своей будущности, но жила только для ближнихъ и Бога. Президентъ, смѣясь, называлъ ее святою. Юліанъ конфузился, когда она смотрѣла на него, сидящаго рядомъ съ Полею. Алексѣй дрожалъ при мысли, что Анна не пойметъ его и какъ преступника, выгонитъ изъ своей святыни; не одинъ разъ даже представлялось ему, что онъ пятнаетъ ее своимъ взглядомъ и оскорбляетъ своею мыслью.

Несмотря на все это, Анна была мила, привлекательна, улыбалась. При всей строгости, она была нѣжна, снисходительна къ ближнимъ, необыкновенно добра и полна самоотверженія Черты и выраженіе лица ея, казалось, говорили больше, чѣмъ слова: иногда взглядъ ея сожигалъ и глаза горѣли; иногда слѣды глубокой тоски какъ будто выражали душевное страданіе; но эти тайны никогда не выходили наружу. Ея жизнь была чрезвычайно дѣятельна: молитва, ухаживанье за Эмиліемъ, лѣченіе больныхъ, бѣдные, иногда рисованье, занимали все время, такъ что у ней не оставалось ни одной почти свободной минуты.

Между тѣмъ, Алексѣй, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ молодыхъ людей нравился Аннѣ; но ея сердце не выра-

зило ни малѣйшаго доказательства уваженія и привязанности къ нему, ни разу не забилось для него. Въ ея глазахъ Дробицкій всегда былъ существомъ другого свѣта, другой породы, другого происхожденія; а, можетъ быть, она еще не могла любить такъ, какъ любятъ другіе, и еще ждала неминуемаго дня и часа, которые должны были принесть ей и чувство, и страданіе.

Юліанъ, сдѣлавшись болѣе свободнымъ и веселымъ, со всею страстью обратился къ Полѣ, а такъ какъ Алексѣй всегда старался изгнать эту любовь изъ его сердца, то Юліанъ пересталъ открываться своему другу и сосредоточился въ самомъ себѣ. Наступили минуты сильной борьбы. Юліанъ твердо рѣшилъ, что онъ никогда не выскажетъ первый своей тайны; но она, противъ воли, выражалась во взглядахъ и словахъ его. Поля, съ своей стороны. съ какимъ-то отчаяніемъ шла впередъ, вовсе не заботясь о будущемъ, только бы настоящее вполнѣ принадлежало ей. Съ каждымъ днемъ она становилась настойчивѣе, легкомысленнѣе, часто приходила въ гостиную съ заплаканными глазами, сердилась скучала, то вдругъ лихорадочно веселилась, вызывала Юліана, ссорилась съ нимъ и извинялась. Юліанъ сопротивлялся все слабѣй и слабѣе, горѣлъ, безумствовалъ, но не терялъ благородства, сознавая, что не долженъ пользоваться исключительнымъ положеніемъ и минутною горячкою.

Впрочемъ, бывали у него минуты страшно тяжелыя; онъ едва могъ бороться самъ съ собою, потому что любовь его къ Полѣ съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе и пламеннѣе. Анна во всемъ этомъ видѣла только ребячество, забаву или дружбу, но не предполагала страсти, потому что не понимала ея силы. Поэтому, она была спокойна и, что всего хуже, не одинъ разъ, въ невинной простотѣ своей, еще помогала сближенію влюбленныхъ. Каждую минуту развлеченія Юліана она считала бы счастіемъ, потому что искренно любила брата и не воображала, какая опасность угрожала ему.

Алексѣй съ безпокойствомъ и раздраженіемъ смотрѣлъ на такое положеніе вещей; но влюбленные тщательно избѣгали глазъ его, и не столько Поля, ни передъ кѣмъ не имѣвшая *секретовъ и почти* хвалившаяся своимъ чувствомъ, сколько

Юліанъ, который опасался, чтобы суровый упрекъ друга не отогналъ его отъ порога рая. Наконецъ, Алексѣй ясно замѣтилъ, что молодые люди съ каждымъ днемъ тѣснѣе, искреннѣе привязываются другъ къ другу. Долго думалъ онъ, что дѣлать. Однажды, во время прогулки, оставшись съ Полей наединѣ,— потому что Анна ушла къ Эмилію, а Юліана позвали въ гостиную для пріема какого-то гостя, Алексѣй рѣшился откровенно поговорить съ сиротою. Ничего не было легче, какъ навести разговоръ на желаемый предметъ, потому что Поля ежеминутно обнаруживала свое чувство.

— Вы холодны, какъ гранитъ! — съ улыбкою сказала дѣвушка, заглядывая въ глаза Алексѣю. — Жаль мнѣ васъ, потому что вы никогда не будете любить.

— Мнѣ думается, что и вы должны-бы желать того же.

— Такъ неужели равнодушіе можетъ принести счастье? Стыдитесь! Вы еще такъ молоды, а, между тѣмъ, сердце ваше такъ холодно.

Алексѣй улыбнулся и сказалъ дѣвушкѣ:

— Не только я такъ холоденъ, но и вамъ желалъ-бы походить на меня.

— Значитъ, вы находите, что я слишкомъ пламенна?

— Нѣтъ, но... но...

— Что же—но? Скажите откровенно, что вы думаете обо мнѣ?

— Я думаю, что никто такъ усердно не хлопочетъ о своемъ счастіи, какъ вы хлопочете о слезахъ и страданіяхъ.

Поля взглянула на Алексѣя.

— Какимъ образомъ вы знаете...

— Я вижу, даже противъ своего желанія.

— Вамъ только такъ кажется.

— Не думаю.

Поля громко разсмѣялась и воскликнула;

— О, ничего нѣтъ опаснѣе этихъ холодныхъ и обиженныхъ природою людей! Ревность двоитъ и увеличиваетъ въ ихъ глазахъ предметы; сами они—камни—и кричатъ на каждаго, кто только смѣетъ тронуться съ мѣста. Вы не понимаете жизни.

— Понимаю, только не такъ, какъ вы.

— Ну, конечно. Вы медленно и систематически устрои-

ваете ее себѣ, внимательно смотрите на каждое обстоятельство, и уже думаете о спокойствіи подъ старость... о спокойствіи близъ теплаго камина. Фи, фи! А я хочу проглотить весь свой запасъ въ нѣсколько минутъ, упиться имъ, а завтра умереть весело и съ улыбкою на устахъ.

— О, вы еще не знаете, какъ тяжело человѣку нести бремя жизни, если онъ потеряетъ силы.

— Откуда вы почерпнули подобную истину? Изъ опыта? Но, повѣрьте, это ни болѣе, ни менѣе какъ сказка старыхъ сумасбродовъ, не понимающихъ, что они говорятъ. Притомъ, какое вамъ дѣло до моей будущности? Оставьте меня, не надоѣдайте мнѣ вашими наставленіями. О, вы думаете, что и я, съ своей стороны, не сумѣла-бы прочитать вамъ маленькое наставленіе, если бы только захотѣла.

Она взглянула въ глаза Алексѣю; онъ покраснѣлъ, но, принявъ смѣлое выраженіе, спросилъ Полю:

— Мнѣ? Пожалуйста, дайте мнѣ наставленіе, какое вамъ угодно.

— Есть вещи, которыя, какъ далеко ни будете хоронить ихъ, никогда не скроются... Одно чувство подобно мускусу,— его запахъ непремѣнно распространяется въ воздухѣ.

— Вы точно говорите въ бреду!—отвѣчалъ Алексѣй, принимая хладнокровное выраженіе.

— Сны бываютъ пророческіе.

— Что касается до меня, то я гляжу, сожалѣю, опасаюсь и отъ всего сердца. .

— Благодарю васъ! — перебила Поля рѣшительнымъ тономъ,—не говорите далѣе. Я только одну жизнь понимаю, самую короткую, но полную, страстную, безумную. Жить два дня или сто лѣтъ до минуты кончины—одно и то же; каждый избираетъ себѣ жизнь по своему вкусу. Все, что вы сказали мнѣ, я ужъ не разъ говорила сама себѣ—и, наконецъ, пришла къ заключенію...

Поля вдругъ остановилась и прибавила:

— Пришла къ заключенію, что я не давала вамъ права вмѣшиваться въ мое положеніе,—и она подала Алексѣю свою бѣленькую ручку, взглянула ему въ глаза, какъ будто желая *сказать:—Я на все* готова!—и начала проворно сбирать цвѣты,

потому что Юліанъ подошелъ къ нимъ. Видя на лицѣ Поли и Алексѣя слѣды замѣшательства и не зная причины его, ревнивый молодой человѣкъ, подобно всѣмъ влюбленнымъ, вообразилъ себѣ,—и уже не въ первый разъ,—что другъ измѣняетъ ему. Онъ взглянулъ на Дробицкаго, но послѣдній только пожалъ плечами.

— Пройдемся немножко,—сказалъ ему Юліанъ въ безпокойствѣ,—мнѣ надо кой о чемъ поговорить съ тобою.

— Пойдемъ.

Поля разсмѣялась, глядя имъ въ слѣдъ.

Едва они отошли на нѣсколько шаговъ, Карлинскій спросилъ Алексѣя:

— О чемъ вы говорили съ Полей?

— О самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Алексѣй! Ты не обманешь меня. Признайся, что ты влюбленъ въ нее?

Алексѣй разразился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что Юліанъ одумался и покраснѣлъ.

— Во-первыхъ, я уже сто разъ говорилъ тебѣ, что никогда не могу полюбить Полю. Я только питаю къ ней братскую привязанность.

— Неправда!

— Во-вторыхъ, слушай хорошенько, — прибавилъ съ живостью Дробицкій, — если ты подозрѣваешь меня въ измѣнѣ, то скажи, какой я подалъ къ этому поводъ? Если-бы я любилъ Полю, то, вѣрно, не скрывалъ-бы любви своей, какъ ты.

— Извини меня. Страсть ослѣпила меня, и мнѣ кажется, что весь свѣтъ долженъ любить ее.

— Юліанъ! Ради Бога, уѣзжай, бѣги отсюда... Это худо кончится... Предсказываю тебѣ...

— Я не люблю пророковъ! Оставь меня! Еще ничего не началось и нечему кончаться. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Ты явно избѣгаешь откровенности съ мною: это худой знакъ, милый Юліанъ!

— Ты не понимаешь меня.

— Давно ли?

— Прости меня; я не знаю, что говорю, но теперь говорить не могу... когда-нибудь послѣ...

— Почему ты не хочешь уѣхать?

— Не могу, каждая минута для меня драгоцѣнна.

— Ты не хочешь послушаться меня.

Юліанъ замолчалъ, прогоривъ только тихимъ голосомъ:

— Ты человѣкъ безъ сердца!

Алексѣй вздохнулъ и также замолчалъ.

VIII.

Для посторонняго человѣка жизнь въ Карлинѣ текла спокойно, тихо, счастливо, но на днѣ, подъ этою блестящею поверхностью водъ, озаряемыхъ солнцемъ, много было черной тины и нечистоты! Одна Анна была здѣсь самостоятельна и спокойна,—у всѣхъ прочихъ жителей стариннаго замка улыбка только скрывала тайныя слезы; Алексѣй, искренно привязавшійся къ нимъ, рѣшился секретно заняться бѣднымъ Эмиліемъ и началъ, по возможности, собирать свѣдѣнія о воспитаніи глухонѣмыхъ, намѣреваясь, хоть поздно, зажечь искру сознанія у несчастнаго существа, до сихъ поръ чрезвычайно слабаго и подверженнаго столь ужасной болѣзни, что всѣ окружающіе должны были исключительно заботиться только о его здоровьи. Прежде всего Алексѣй постарался сблизиться съ молодымъ человѣкомъ, потомъ съ трепетомъ сердца, пользуясь минутами, когда Анна не могла застать его у Эмилія, началъ учить его. Въ подобныхъ случаяхъ затруднительнѣе всего начало; потомъ, послѣ перваго шага, дѣло идетъ уже само собою; но первый шагъ въ сознаніи чрезвычайно труденъ. Эмилій былъ своеволенъ, очень разсѣянъ и изнѣженъ; его оставляли въ совершенномъ пренебреженіи и только забавляли. Принудить его къ внимательности и напряженію душевныхъ силъ, съ перваго разу казалось невозможно. Но Алексѣй не терялъ надежды. При первомъ непонятномъ словѣ или явленіи Эмилій выражалъ нетерпѣливость, вздрагивалъ. Учитель, при первомъ признакѣ усталости, оставлялъ свои попытки, но на другой день опять принимался за дѣло. Алексѣй долго колебался, долго безъ всякаго успѣха испыты-

валъ пути, указываемые въ книгахъ, наконецъ, въ любимыхъ картинахъ Эмилія нашелъ средство къ объясненію съ нимъ и къ открытію ему свѣта. Блеснулъ первый лучъ. Эмилій былъ спасенъ.

Алексѣй по нѣскольку разъ въ день приходилъ къ нему, начиналъ забавами, потомъ незамѣтно пытался учить его, оставлялъ это занятіе и начиналъ опять. Не знаю — какимъ чудомъ совершилось то, что Эмилій не испугался, не возненавидѣлъ Алексѣя; напротивъ, онъ еще полюбилъ его и привязался къ нему. Анна, ничего не знавшая объ этомъ, — потому что Алексѣй дѣйствовалъ съ величайшей тайной отъ нея, — только дивилась перемѣнѣ въ братѣ. Къ счастью для Дробицкаго, здоровье Эмилія вдругъ поправилось. Докторъ Греберъ приписывалъ это своей методѣ лѣченія и какому-то изобрѣтенному имъ составу, а въ самомъ-то дѣлѣ только молодыя силы Эмилія, да неусыпныя старанія Алексѣя около бѣднаго глухонѣмого произвели все это безъ лѣкарствъ Гребера, большею частью выливаемыхъ за окно. Эмилій началъ ходить безъ посторонней помощи, припадки болѣзни становились рѣже, наконецъ почти совсѣмъ прекратились; даже лицо глухонѣмого приняло какое-то новое выраженіе. Пробужденная мысль тотчасъ отразилась въ глазахъ, на устахъ и на челѣ; улыбка стала другая, взглядъ другой, движенія сознательнѣе. Анна до небесъ превозносила Гребера. Она даже не воображала — какъ много обязана была Алексѣю. Только одинъ старый слуга былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ трудовъ его. Казалось, глухонѣмой какъ-бы угадалъ желаніе Алексѣя до времени скрывать свое дѣло—и не обнаруживалъ этого передъ Анною.

IX.

Такъ прошли осень и зима. Наступила весна, всегда новая, всегда прелестная. Распустились деревья, запѣли птички, отворились сердца,—начался новый актъ вѣчной драмы человѣческой жизни.

Въ Карлинѣ не произошло никакихъ важныхъ перемѣнъ. Только Алексѣй нѣсколько сблизился съ Анною, смѣлѣе откры-

валъ ей свои мысли, даже относительно такихъ предметовъ, въ которыхъ Анна не соглашалась съ нимъ; да еще любовь Поли къ Юліапу сдѣлолась болѣе осторожною и начала маскироваться наружнымъ хладнокровіемъ, а это обстоятельство чрезвычайно тревожило Дробицкаго.

Однажды вечеромъ Алексѣй и Анна ходили по гостиной, откуда отворены были двери въ садъ. Задумчивая и печальная Поля первая вышла въ нихъ. Юліанъ сначала ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вмѣшиваясь въ разговоръ; потомъ, сказавъ, что пойдетъ курить, вышелъ также на крыльцо. Алексѣй видѣлъ, какъ сошлись тамъ влюбленные, замѣтилъ ихъ шопотъ и пожатія рукъ, и легко догадался, что, расходясь въ противоположныя стороны, они, вѣрно, назначили другъ другу новое свиданіе гдѣ-нибудь въ саду. Теперь Дробицкій въ первый разъ положительно увѣрился, что между Юліаномъ и Полею дѣло зашло далеко. Опасность, въ которой находились молодые люди, живо предстала глазамъ благороднаго друга, особенно судьба несчастной Поли сильно сжала его сердце.

Анна, не подозрѣвая ничего подобнаго, спокойно разговаривала съ Алексѣемъ, жалуясь ему только на грусть Юліана и на перемѣну его характера.

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей привязанности къ Юліану,—сказалъ Алексѣй,—слѣдовательно, не обидитесь, если я скажу вамъ всю правду. Такая жизнь, какую ведетъ онъ, должна принести печальные плоды: безнадежность, равнодушіе, изнуреніе. Юліанъ не имѣетъ ни цѣли, ни занятія, не составилъ себѣ ясной идеи о будущемъ, слишкомъ много бережетъ себя, и мы также, со своей стороны, слишкомъ бережемъ его.

— Какое же вы дали бы ему занятіе?

— Какое угодно, только бы онъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь. Почему бы, напримѣръ, ему не попутешествовать?

— Правда, но я въ такомъ случаѣ осталась бы одна, одна въ этомъ пустомъ Карлинѣ!

— Панна! Я не вѣрю словамъ вашимъ. Вы не можете жаловаться на одиночество: ваша жизнь полна дѣятельности, размышленій и трудовъ. Но хоть бы вамъ и пришлось потосковать объ Юліанѣ, чтожъ такое? Ему необходимо путешествіе.

— Необходимо?.. Да, по совѣту президента, я не разъ совѣтовала ему отправиться въ путешествіе; но онъ всегда отвѣчаетъ, что терпѣть не можетъ вояжей, что, удаляя его изъ Карлина, мы жестоко бы огорчили его. Онъ такъ любитъ насъ!

Дробицкій не смѣлъ сказать всей правды, и только прибавилъ:

— Какъ же вы хотите, чтобы больной подобнаго рода самъ добровольно согласился принять лѣкарство? Иногда больного можно избавить отъ опаснаго положенія только принужденіемъ и насиліемъ. У Юліана мало воли и рѣшимости; стало быть, чужая воля необходимо должна замѣнить ему собственную.

— Этого я не понимаю. Онъ не дитя,—трудно принудить его.

— Президентъ и вы могли бы упросить, убѣдить его. Увѣряю васъ—это единственное средство. Для молодости необходимо нужна пища, молодость, неподвижно существующая на одномъ мѣстѣ, истребляетъ и уничтожаетъ все окружающее и, когда не станетъ пищи, сама вянетъ и умираетъ. Посмотрите вы, какимъ возвратится сюда Юліанъ! Здѣсь онъ состарѣется раньше времени, прирастетъ къ стѣнамъ, къ подушкамъ и кресламъ, облѣнится и заснетъ. Напрасно вы думаете, что угожденіе инстинктамъ больного спасительно для его будущности; иногда онъ жаждетъ яда.

Анна глубоко задумалась и, наконецъ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Я не сумѣю убѣдить его. Надо попросить президента, посовѣтоваться общими силами, если это будетъ необходимо. Но президентъ упоминалъ о другомъ лѣкарствѣ...

Анна остановилась. Легкій румянецъ покрылъ лицо ея.

— Какое же это лѣкарство?

— У насъ нѣтъ передъ вами секретовъ. Вы знаете наши дѣла по имѣнью. Они значительно поправились, но вы сами говорили, что для обезпеченія будущности слѣдовало бы продать двѣ деревни. Президентъ не видитъ противъ этого лучшаго средства, какъ женить моего брата на богатой. Онъ утверждаетъ, что, женивъ Юліана, введя его въ новую жизнь и наложивъ на него новыя обязанности...

— Если-бъ это было возможно!—воскликнулъ Алексѣй,—если бы...

Но онъ не могъ кончить всей мысли. Анна торопила его:

— Ну—чтожъ? *если бы*... говорите-же.

Алексѣй улыбнулся и сказалъ съ чувствомъ:

— Въ этомъ-то *если бы* именно и заключается великая тайна міра. Почему именно среди множества людей только одно существо влечетъ насъ къ себѣ, а другое. во всемъ блескѣ красоты, отталкиваетъ отъ себя, либо навѣки остается предметомъ равнодушія? Почему первый взглядъ рѣшаетъ нашу судьбу? Почему, еще не зная нашей избранницы, мы тоскуемъ о ней въ предчувствіи, а увидя ее, привязываемся къ ней навѣки?

— Подобной тайны,—отвѣчала Анна, — я не только не могу объяснить себѣ, но считаю ее мечтою: можно къ каждому привязаться.

— Да, по-христіански или по-братски, — подтвердилъ Алексѣй.

— И этого довольно!—воскликнула Анна.—Признаюсь, я не понимаю исключительныхъ и страстныхъ привязанностей, считаю ихъ заблужденіемъ и непростительною глупостью. Человѣкъ не долженъ такъ крѣпко привязываться сердцемъ къ землѣ!

— Правда, не долженъ. Но если увлекающая его сила могущественнѣе всего на свѣтѣ? Если она заглушаетъ въ немъ память, разсудокъ, отнимаетъ присутствіе духа и совершенно овладѣваетъ имъ?

— Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бороться, хотя,—прибавила она, подумавъ минуту,—я рѣшительно не понимаю и не могу понять васъ.

— И никогда не поймете!—отвѣчалъ молодой человѣкъ печальнымъ тономъ.—Вы слишкомъ высоко стоите надъ землею и не можете пожелать чего-нибудь земного. Не скажу, чтобы я хвалилъ въ васъ это свойство... Ваше величіе страшитъ меня.

Анна разсмѣялась и потупила взоры.

— Виновата ли я, если не вѣрю этому и не понимаю вашей теоріи?

— Но разумно ли опровергать истину извѣстнаго чувства потому только, что мы сами не испытываемъ его? Развѣ не *можетъ оно существовать* для другихъ, если не существуетъ *для васъ?*

— Жаль мнѣ такихъ людей!

— Не жалѣйте слишкомъ, панна! Все на свѣтѣ устроено такъ премудро, что мученія стоятъ рядомъ съ восторгами и душевными наслажденіями, и чѣмъ огромнѣе жертва, тѣмъ драгоцѣннѣе добыча. За страданія сердца платитъ само сердце, за страсть—одна минута безумія, за минуту счастья — злополучіе.

— Я слушаю все это точно сказку о заколдованной царевнѣ!—воскликнула Анна.—Но, посмотрите, ужъ десять часовъ, а мы такъ заговорились. У Поли цѣлый день болѣла голова; она, вѣрно, ушла въ свою комнату. Юліанъ также печаленъ и, должно быть, сидитъ у себя и читаетъ. Спокойной ночи!

Анна вышла изъ гостиной.

Оставшись одинъ, Алексѣй тихими шагами пошелъ по темной аллеѣ и вдругъ остановился, не зная, что дѣлать, потому что за нѣсколько шаговъ нечаянно услышалъ долетѣвшія до него слова разговора. Онъ опомнился и оглянулся вокругъ. Мѣсяцъ, какъ-будто серебряной струей, проникъ сквозь листья густой бесѣдки, гдѣ сидѣли Юліанъ и Поля, забывъ все на свѣтѣ. Они, казалось, забыли свѣтъ, людей, опасности, будущее—все, на что оглядывается холодный человѣкъ; ихъ слова, какъ и взгляды, смѣшивались, сливались и обращались въ одни звуки.

— Милый мой Юліанъ!—серебристымъ голоскомъ восклицала Поля.—О, долго, невыразимо долго ждала я этой минуты... Теперь уже могу умереть, ничего не надо мнѣ больше... Скажи еще, что любишь меня? Ты — ангелъ, чистое, небесное существо, идеалъ, любишь меня бѣдную, столько лѣтъ страдавшую отъ втутренняго огня, униженную страстью, безумно бросающуюся тебѣ на шею? Ты не презираешь меня?.. Не отталкиваешь?..

— Я люблю тебя, Поля... Поля! О, какъ люблю!.. Сколько я страдалъ!.. сколько боролся!..

— А, ты хотѣлъ сопротивляться? Ты думалъ, что найдешь силы противиться мнѣ? Я увлекла тебя. О, всемогущею волею любви моей я мертвеца вырвала бы изъ могилы! Ты не знаешь, сколько и я страдала. Стыдъ, мысль о будущемъ, бла-

годарность — все я подавила въ себѣ. А сколько проглотила я слезъ! Сколько разъ хотѣла умереть, думая, что не пробужу тебя отъ оцѣпенѣнія!

— Я долженъ былъ бороться. Но развѣ мои глаза не говорили тебѣ, что я чувствовалъ?..

— Глаза? Однихъ глазъ мнѣ мало было... Уста? И ихъ также мало... Ахъ, схожу съ ума отъ счастья! Ты любишь меня!.. О, если бы теперь могла я умереть — вотъ такъ, въ твоихъ объятіяхъ... Убей меня! О, убей меня!.. Ты принесешь мнѣ счастье... Передо мною встаетъ грозное завтра, я боюсь всего: людей, тебя, ее... свѣта... несчастія... самой себя... Теперь я достигла цѣли моихъ желаній... Ты мой! Ты у меня! О, какъ мнѣ сладко умереть въ эту минуту!..

— Поля! Мы будемъ жить.

— Жить? Это говоришь ты и обманываешь, милый Юліанъ! Вѣдь ты хорошо знаешь, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, но зачѣмъ этотъ часъ отравлять страшными мыслями? Онѣ и безъ того придутъ слишкомъ скоро. Только сегодня принадлежитъ мнѣ!

И она обняла его шею и осыпала поцѣлуями. Юліанъ замолчалъ и казался почти въ обморокѣ. У Алексѣя волосы поднялись дыбомъ. Идти назадъ онъ не могъ, оставаться тутъ не хотѣлъ: эта сцена поразила его. Онъ стоялъ близъ нихъ — точно вкопанный, а они не видали его.

— Поля! Пойдемъ домой! Насъ увидятъ... догадаются.

— Пусть видятъ, пусть догадываются, пусть весь свѣтъ знаетъ, что я твоя... Я горжусь этимъ, хочу этого! Какое мнѣ дѣло до людей! Сегодня я царица, потому что твое сердце принадлежитъ мнѣ.

Изъ такихъ безпорядочно вырывавшихся фразъ состоялъ страстный разговоръ молодыхъ людей, разговоръ, въ которомъ слова были уже ненужнымъ, излишнимъ прибавленіемъ. Опомнившись немного, Алексѣй на нѣсколько шаговъ отошелъ въ сторону, началъ громко свистать и опять подошелъ къ бесѣдкѣ, давая Полѣ время уйти.

Дробицкій полагалъ, что его прибытіе разстроитъ это опасное свиданіе, что дѣвушка убѣжитъ, а Юліанъ останется, показывая видъ, что возвращается съ прогулки. Но онъ ошибся.

Подойдя къ бесѣдкѣ, онъ только нашелъ на землѣ бѣлый платокъ, а влюбленныхъ уже не было... Они мелькнули въ темной аллеѣ, какъ двѣ тѣни, и исчезли—ничто не могло разлучить ихъ. Алексѣй, поднявъ и спрятавъ платокъ, пошелъ далѣе и нарочно слѣдилъ бѣглецовъ, чтобы разлучить ихъ; однако, онъ не могъ поймать ихъ. Поля увлекла Юліана въ тѣнистую глубину сада.

Черезъ полчаса напрасныхъ поисковъ, раздраженный противъ Карлинскаго, Алексѣй пошелъ въ его комнату, рѣшившись ждать его тамъ и прямо въ глаза высказать всю правду. Онъ даже упрекалъ себя, что не сдѣлалъ этого раньше, что не заставилъ Юліана признаться и заблаговременно просить у него помощи, которая придетъ теперь, можетъ быть, поздно.

Но Алексѣй изумился, найдя Юліана въ креслахъ, съ сигарою въ зубахъ, повидимому, изнуреннаго, холоднаго и съ книгою въ рукѣ. Впрочемъ, на лицѣ Карлинскаго еще отражались слѣды сцѣны въ саду: замѣшательство, страсть и вмѣстѣ досада. Онъ исподлобья взглянулъ на Алексѣя.

Дробицкій, сперва оглянувшись не можетъ ли кто подслушать ихъ, сталъ передъ нимъ, какъ грозный судья, вынулъ изъ бокового кармана платокъ, бросилъ его Юліану, какъ неоспоримый знакъ того, что онъ былъ свидѣтелемъ ихъ свиданія, и сказалъ:

— Я нашелъ его въ бесѣдкѣ, гдѣ вы съ Полей разыграли такую безумную сцену; я нечаянно сдѣлался вашимъ повѣреннымъ, потому что случайно напалъ на васъ. Но, видно, благодѣтельная судьба хотѣла этого.

Юліанъ задрожалъ отъ гнѣва.

— Ты не испугаешь меня своимъ гнѣвомъ, — перебилъ Алексѣй, пока Юліанъ собирался говорить; — притомъ я пришелъ сюда не съ упреками, а изъ состраданія. Юліанъ! Ради Бога, подумай, что ты дѣлаешь? Опомнись! Если ты уже не вѣришь дружбѣ и моему сердцу — я извиняю тебя, то обратись, по крайней мѣрѣ, къ собственному разуму!

Обезоруженный этими словами, Юліанъ встрепенулся, бросился ему на шею и воскликнулъ:

— Я знаю, чувствую, что зашелъ слишкомъ далеко; но это было выше силъ моихъ... Я не могъ сопротивляться... но

умѣлъ... Поля увлекла меня... Спасай насъ... совѣтуй, дорогой Алексѣй! Будь мнѣ другомъ, а не судьею!

— Я самъ человѣкъ и даже слабый въ такой степени, что ты не можешь ожидать отъ меня жестокихъ упрековъ. Я пришелъ не съ укорами—они уже безполезны, но съ дружескою рукою, готовою поддержать тебя.

Юліанъ закрылъ глаза руками.

— Теперь я повторяю тебѣ,—продолжалъ Дробицкій,—скажи себѣ рѣшительно, что женишься на ней, или сію же минуту бѣги отсюда. Я, на твоемъ мѣстѣ, не обратилъ бы вниманія на предразсудки и воображаемое неравенство, смѣло пошелъ бы къ алтарю! Не бойся трудовъ и бѣдности, раздѣли съ нею жизнь, какъ раздѣлилъ сердце. Если же ты не имѣешь твердости, чтобы поступить такимъ образомъ, то бѣги завтра же, немедленно, сію минуту!

— Поздно теперь!—произнесъ Карлинскій отчаяннымъ голосомъ.

— Слѣдовательно, ты знаешь, что дѣлать,—отвѣчалъ Алексѣй.—Мой совѣтъ былъ бы упрекомъ: тебѣ предстоитъ только одна благородная дорога.

— Не сомнѣвайся, я поступлю такъ, какъ мнѣ велитъ обязанность. Она любитъ меня... Я схожу по ней съ ума... Ничто не разлучитъ насъ. Но, ради Бога, прошу тебя, пусть это останется пока въ тайнѣ. Мнѣ надо приготовить дядю, Анну, надо самому вооружиться мужествомъ, потому что хорошо знаю, что встрѣчу огромныя, страшныя препятствія. Но ты пока молчи, заклинаю тебя, дай мнѣ время.

— Поступай, какъ хочешь,—сказалъ Алексѣй, садясь на мѣсто, — но не думай, что отсрочка дастъ тебѣ силы. Ты боишься вспышки; но повѣрь, не избѣгнешь ея: сегодня или завтра—она будетъ одна и та же.

— Мнѣ нужно собраться съ мыслями, составить планъ... Умоляю тебя—молчи до времени.

— Будь покоенъ: я никогда не измѣнялъ. Никто не догадается, что случай открылъ мнѣ вашу тайну. Я буду молчать... Закрою глаза, потому что еще вѣрю тебѣ.

X.

Когда на другой день всѣ собрались въ гостиной, Алексѣй не смѣлъ взглянуть на Полю, опасаясь, что вглядъ измѣнитъ ему и покроетъ румянцемъ бѣдную дѣвушку. Но любовь сироты была такъ сильна, такъ искренна, что она не краснѣла. Въ простотѣ своей она еще хотѣла хвалиться побѣдою. Поля знала, что Алексѣй нечаянно видѣлъ ее съ Юліаномъ; но это нисколько не смутило ея: она разсчитывала на благородство Дробицкаго и даже не понимала надобности молчать. Смѣлый взглядъ дѣвушки сказалъ Алексѣю все... Онъ невольно смѣшался, когда Поля сама очень свободно сказала ему:

— Какъ поздно вы прогуливаетесь по саду! Закрывая у себя окно, я видѣла, какъ вы возвращались въ двѣнадцатомъ часу. Ночь была прекрасная—неправда ли?

Алексѣй покраснѣлъ и не нашелся, что сказать въ отвѣтъ. Изумленный Юліанъ долженъ былъ отворотиться, чтобы скрыть овладѣвшій имъ испугъ. Поля была въ самомъ восторженномъ состояніи, весела, говорлива, какъ въ прежнія счастливыя времена, смѣялась и острила, преслѣдуя Алексѣя, не имѣвшаго силъ отвѣчать ей. Юліанъ страдалъ отъ чрезвычайной веселости, потому что не умѣлъ вторить ей. Анна, ничего не знавшая о случившемся, очень радовалась веселости Поли и съ ангельскою невинностью постоянно вмѣшивалась въ разговоръ, хотя не могла понять его значенія. Хорошо помня вчерашнее совѣщаніе съ Дробицкимъ, она рѣшилась испытать Юліана и отозвала его въ другую комнату. Поля осталась одна съ Алексѣемъ.

Смѣло глядя въ глаза Дробицкому, дѣвушка проворно подошла къ нему, подала свою дрожавшую ручку и спросила:

— Вы не сердитесь на меня?

— Я? За что?

— Я жестоко преслѣдую васъ.

На устахъ ея порхнула улыбка, въ глазахъ навернулись слезы.

— Бѣдный молодой человѣкъ!—прибавила она:—а я такъ счастлива!.. Вѣдь вы все знаете?

— Рѣшительно ничего не знаю.

— Я люблю васъ какъ брата... Но молчите!

— Въ самомъ дѣлѣ, вы говорите загадочно.

— Не считайте меня ребенкомъ. Я видѣла васъ вчера, вы также должны были видѣть насъ.

Алексѣй смѣшался.

— Я не стыжусь:—воскликнула Поля съ гордостью.—Въ самомъ дѣлѣ, я люблю его и готова пожертвовать для него жизнью. Что мнѣ свѣтъ? Что люди?

— Но подумали-ль вы когда-нибудь о будущемъ?

— Нѣтъ, и не хочу думать... Для меня нѣтъ и не будетъ его. Побѣшусь, насмѣюсь, наплачусь... и умру... счастливою...

Алексѣй вздохнулъ.

— О, благословенная, легкомысленная молодость! Какія творишь ты чудеса! Есть-ли возможность убѣждать васъ теперь?

—Вы—холодный, разсчетливый человѣкъ, — съ живостью возразила Поля, — всю жизнь думаете о будущемъ и потому никогда не имѣете настоящаго. Какъ вамъ не стыдно, какъ не жаль этого? Завтра?! Да развѣ оно принадлежитъ мнѣ? Я наслаждаюсь и смѣло иду навстрѣчу грозной будущности. Что-жъ такое, что я буду страдать? Но развѣ не страдаютъ даже среди счастья? Я умру! Но развѣ не умираютъ среди восторговъ? Вы мелки, вы дѣти, старцы, но никакъ не мужчины и не люди!

— Все это прекрасно, — сказалъ Алексѣй, —но если дѣло идетъ не объ одной нашей, но вмѣстѣ и о чужой будущности, то маленькій разсчетъ, кажется, не лишнее дѣло.

— Чужая? Моя и его будущность—это одно и то же,—возразила Поля, забываясь.—Мы—двое, составляемъ одно полное и цѣлое существо, можемъ ли мы не имѣть чего-нибудь общаго? Во всякомъ случаѣ, холодъ, опасенія, слезы и раскаяніе, придутъ слишкомъ скоро; такъ не нарушайте нашего счастья, панъ Алексѣй! Притомъ, знаете ли вы,—прибавила она шутливо,— и я, въ свою очередь, также держу васъ въ рукахъ...

— Вы? Меня?

— Да, и несравненно крѣпче, чѣмъ вы думаете!

Алексѣй разсмѣялся, но покраснѣлъ.

— Если вы помѣшаете мнѣ или испортите что-нибудь и станете на дорогѣ... Вы еще не знаете меня,—я готова стра-

шно отомстить вамъ! Я эгоистка, потому что мой эгоизмъ составляетъ счастіе двухъ существъ. Я ничего не побоюсь: наговорю на васъ, сочиню сплетню, догадаюсь, выдумаю, наконецъ даже солгу, если будетъ нужно.

— Что это значитъ?—хладнокровно спросилъ Дробицкій.

— Ничего... Предположимъ, что во мнѣ маленькая горячка.

— Опасная...

— Но въ ней я вижу блаженство!. Оставьте меня — я не хочу быть здоровою и, вѣрно, не изберу васъ докторомъ.

Съ этими словами дѣвушка отвернулась и ушла въ другую комнату. Алексѣй остался въ крайнемъ изумленіи и съ горестью размышлялъ о столь внезапной и необыкновенной развязкѣ любви, которую еще вчера надѣялся подавить и разорвать. Теперь ужъ было поздно. Юліанъ безумствовалъ. Поля весело шла на мученія, не думая о будущихъ жертвахъ и не боясь стыда, потому что любила со всею силою первой молодости, невинной души и пламеннаго темперамента.

Уже не вмѣшиваясь ни во что, Алексѣй только издали и печально смотрѣлъ на эту драму и удивлялся, что, кромѣ его, никто не замѣчалъ перемѣны отношеній между Полей и Юліаномъ. А между тѣмъ, Поля вовсе не скрывала ни своей страстной привязанности, ни правъ своихъ надъ молодымъ Карлинскимъ. Она то повелѣвала послушнымъ любовникомъ, какъ госпожа, то изъ-за самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ причинъ начинала капризничать, мучилась ревностью, разражалась гнѣвомъ, дѣлала сцены, не говорила по цѣлымъ днямъ, хворала и боролась съ отчаяніемъ. Но когда любовники втайнѣ мирились, то она также безумствовала отъ любви, почти бросалась Юліану въ ноги, извинялась предъ нимъ, жертвовала своею жизнью. Почти каждый день она обливалась слезами, питалась отчаяніемъ, упивалась счастьемъ. Юліанъ, хоть страстно любилъ ее, однако съ тяжелымъ чувствомъ переносилъ эту мучительную любовь, потому что она не довольствовалась спокойствіемъ, вѣрою и надеждою, но безпрестанно требовала вспышекъ страсти, подозрѣвала всѣхъ и все, въ каждомъ незначительномъ движеніи видѣла угрозы равнодушія и металась лихорадочно. Карлинскій мучился и падалъ подъ бременемъ

столь дикой, страстной привязанности, не имѣя силъ ни удовлетворить, ни успокоить ее.

Анна во всемъ этомъ не видѣла ничего, кромѣ невинной забавы. Алексѣй почти избѣгалъ столкновенія съ влюбленными, потому что Поля часто и несправедливо обвиняла его въ какомъ-то вліяніи, дѣлала ему жестокіе упреки, наказывала его молчаніемъ, насмѣшками, угрозами.

Между тѣмъ, Эмилій проснулся для новой жизни. Мысль постепенно начинала развиваться въ немъ, какъ въ ребенкѣ, и столь долго запертая въ головномъ черепѣ, наконецъ, обнаружилась предъ изумленными глазами. Онъ понималъ, спрашивалъ, отвѣчалъ, учился. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ былъ стараніямъ Алексѣя, и хотя плоды трудовъ наставника становились все очевиднѣе, ученикъ еще не открылъ себя ни передъ сестрою, ни передъ братомъ. Одинъ старый слуга догадювался въ чемъ дѣло, но съ улыбкою сохранялъ тайну, такъ какъ она должна была вдругъ обрадовать все семейство.

Въ одно утро Алексѣй, по обыкновенію, пришелъ къ Эмилію, когда въ замкѣ еще всѣ спали. Ученикъ встрѣтилъ его со слезами радости и объятіями. Они засѣли надъ книгою и стали учиться читать посредствомъ знаковъ—этого благотворнаго изобрѣтенія милосерднаго сердца, потому что для лишенныхъ способности слышать звуки они замѣняли живое слово. Алексѣй и Эмилій были такъ заняты, что не замѣтили, какъ Анна, вставъ раньше обыкновеннаго, и привлеченная отвореннымъ у Эмилія окномъ, тихо вошла въ комнату и застала ихъ за тайнымъ занятіемъ. При видѣ этой изумительной и неожиданной картины, она остановилась какъ вкопаная; ея сердце забилось благодарностью, руки сложились какъ-бы для молитвы, слезы блеснули на рѣсницахъ. Она поняла, что то, что она видѣла теперь, было слѣдствіемъ долговременныхъ и неимовѣрныхъ трудовъ, поняла сердцемъ, что Дробицкій сдѣлалъ для нихъ и,—взволнованная, счастливая, бросилась къ молодому человѣку и съ чувствомъ благодарности схватила его руку.

Она не нашлась, что сказать; всѣ выраженія благодарности были бы напрасны, слабы; она только взглянула на него своими прекрасными, черными глазами. Алексѣй стоялъ передъ нею, какъ преступникъ, смущенный и взволнованный до глу-

бины сердца. Потомъ она бросилась къ Эмилію и расплакалась, видя, что не можетъ передать ему своихъ чувствъ, такъ какъ еще не знаетъ языка его.

Эмилій обѣими руками указалъ ей на Алексѣя.

— Ахъ! А я ничего даже не подозрѣвала! — воскликнула Анна. — Я ничего не угадала, даже не предчувствовала, что вы нашъ благодѣтель, что вы возвратите намъ брата. Но къ чему эта тайна?

— Я боялся подать и отнять надежду: хотѣлъ сперва удостовѣриться.

— И Эмилій сумѣлъ скрыть передъ нами тайну?

— Эмилій одаренъ чуднымъ инстинктомъ. Сердце у него ангельское; онъ понялъ меня и былъ послушенъ.

Анна почти плакала. Но для нея не довольно было испытывать счастье одной: она хотѣла скорѣе подѣлиться имъ съ другими, тотчасъ послала за Юліаномъ, за Полею, хотѣла созвать весь домъ, и не находила словъ благодарить Алексѣя. Юліанъ прибѣжалъ въ испугѣ, остановился въ изумленіи и, не говоря ни слова, бросился на шею Дробницкому. Поля пожала руку Алексѣя.

— Для меня это не было секретомъ! — воскликнула она съ улыбкою, — я все знала. Вы принадлежите къ числу избранныхъ людей, всегда приносящихъ съ собою благословеніе въ тотъ домъ, гдѣ поселитесь.

— Надобно дать знать президенту! Президентъ ничего не знаетъ. Матери! Сперва матери!.. О, какое будетъ счастье! Какою благодарностью мы обязаны ему.

Во время этой сцены, Эмилій, принимавшій въ ней небольшое участіе, смотрѣлъ на всѣхъ, угадывалъ впечатлѣніе, глядѣлъ на Алексѣя и, съ чувствомъ прижимая его руку къ сердцу, улыбался.

— Пожалуйста, научите всѣхъ насъ говорить съ нимъ! Мы будемъ вашими помощниками!—воскликнула Анна.

Любовь полна эгоизма, но не должно обвинять ее за это: какъ земное чувство, она не можетъ быть другою. Спустя нѣсколько минутъ, Юліанъ занялся Полей. Поля подошла къ Юліану, и, забывъ объ Эмиліѣ, объ Алексѣѣ, они продолжали шопотомъ разговоръ, начатый вчера въ саду и прерванный

дождемъ. Анна тайно молилась, Алексѣй незамѣтно удалился съ душою полною радости и спокойствія, какія возбуждаетъ въ человѣкѣ исполненіе великой и святой обязанности. Онъ сознавалъ, что, возвративъ Карлинскимъ погибшаго брата, оказалъ имъ услугу и вполнѣ отплатилъ за ихъ расположеніе.

Лишь только вышелъ Алексѣй, Анна проворно подошла къ брату и сказала ему:

— О, ты сто разъ былъ правъ, когда упрекалъ меня за то, что я не поняла Алексѣя! Что это за человѣкъ! Какое въ немъ сердце, сколько благородства и характера! Чѣмъ мы возблагодаримъ его?

Въ эту минуту Юліанъ, противъ воли, сталъ паномъ.

— Надо подумать, и что-нибудь сдѣлать для него... Онъ бѣденъ.

— Братъ! — воскликнула Анна, — за подобныя вещи не платятъ...

Поля также бросила на него почти сердитый взглядъ. Юліанъ покраснѣлъ и прибавилъ въ замѣшательствѣ:

— Ты не поняла меня. Я не то хотѣлъ сказать...

— Заплатимъ ему сердечною дружбою, вниманіемъ, покровительствомъ и уваженіемъ, какого заслужилъ онъ.

Поля насмѣшливо улыбнулась и произнесла съ горькимъ упрекомъ:

— Какіе же вы паны! Сейчасъ хотѣли бы заплатить, чтобы расквитаться съ бѣднякомъ, и ничѣмъ не быть ему обязанными. Не бойтесь! Алексѣю заплатитъ его собственное сердце и привязанность къ вамъ, которой, кажется, вы не поняли. Вы судите о немъ строго, безжалостно! Я лучше всѣхъ васъ знаю его. Вы смертельно обидѣли бы бѣднаго человѣка, если бы сказали ему о вашей благодарности. Возвысьте его до себя, если даже и послѣ теперешней жертвы онъ въ вашихъ глазахъ представляется ниже васъ, назовите его братомъ. Вотъ высшая награда, какую вы можете дать ему!

— Развѣ мы когда-нибудь смотрѣли на него иначе?— спросила Анна.

— Ужъ позвольте мнѣ и ему судить объ этомъ! — прошептала сирота, бросая взглядъ на Юліана.—Перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ.

XI.

Избѣгая благодарности и желая на время удалиться изъ Карлина, Алексѣй сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Жербы къ матери. Онъ бывалъ тамъ довольно часто; впрочемъ, занятія и поѣздки иногда на двѣ недѣли не дозволяли ему посѣтить родного дома. Но когда у Дробицкаго страдало сердце, когда среди длинной, печальной и уединенной жизни въ Карлинѣ его грызла тоска, тогда онъ по инстинкту летѣлъ къ своей соломенной крышѣ и, несмотря на то, что мать всегда была къ нему сурова и мало снисходительна, находилъ у ней и у братьевъ сочувствіе, которое замѣнялось въ Карлинѣ вѣжливостью — холодною и заботливою, но не братскою, не материнскою.

Юліанъ съ каждымъ днемъ становился къ нему холоднѣе, потому что страстная любовь къ Полѣ дѣлала его равнодушнымъ ко всему другому. Алексѣй чувствовалъ необходимость подышать воздухомъ родной деревни, взглянуть на свою комнатку, занимаемую теперь Яномъ, немного выплакаться передъ матерью, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нея свое сердечное страданіе и тоску, или, точнѣе, тайныя ихъ причины.

Когда Алексѣй показался на дворѣ, то не узнавшій его и залаявшій Курта первый встрѣтилъ его, потомъ торопливо выбѣжалъ изъ конюшни Парфенъ, и затѣмъ Янъ явился на крыльцѣ, наконецъ и сама Дробицкая, съ чулкомъ, вышла навстрѣчу любимаго сына: она сильно тосковала по немъ, просиживая цѣлые дни у окна.

Надо было видѣть, какъ пристально мать оглядѣла сына, стараясь прочитать по одеждѣ, лицу и малѣйшимъ движеніямъ, что происходило съ нимъ и что привело его домой. Она не смѣла надѣяться, что Алексѣй возвратился навсегда, но втайнѣ молилась объ этомъ. Алексѣй былъ одѣтъ лучше и наряднѣе прежняго, имѣлъ прекрасную лошадь, англійское сѣдло и самъ походилъ на паныча. Янъ отчасти завидовалъ брату, но больше смѣялся надъ нимъ. Дробицкая безмолвно обняла Алексѣя, дала ему поздороваться съ Яномъ и подать руку улыбавше-

муся Парфену, который сверкающими глазами выражалъ радость, что увидѣлъ своего паныча.

— Ты что-то мнѣ не нравишься, милый мой,—начала она, спустя минуту.—Сталъ похожъ на паныча, одѣтъ какъ кукла, а на лицѣ видно утомленіе. Ты состарѣлся отъ этого кумовства съ барами. Ну, каково тебѣ тамъ? Говори — да только подробнѣе, длиннѣе, пространнѣе. Вѣдь ты не былъ у насъ двѣ или три недѣли. Хорошо ли тебѣ?

— Хорошо, прекрасно, какъ видите, маменька: ни въ чемъ нѣтъ недостатка.

— Ни въ чемъ!—спросила Дробицкая, взявъ сына за руку.— Ни въ чемъ?

Алексѣй потупилъ глаза и прибавилъ:

— Человѣку всегда не достаетъ чего-нибудь. Для чего онъ сталъ бы жить, если бы наѣлся досыта? Ну, какъ идетъ у васъ хозяйство? Какъ живетъ Янъ, вы, маменька?

— У насъ—захотѣлъ!.. Разумѣется, хозяйство да разныя хлопоты. Янъ — золотой малый, трудится — и мнѣ довольно этого. Только намъ скучно безъ тебя, оба глядимъ на тотъ замокъ, что укралъ тебя у насъ, и часто, не говоря другъ другу ни слова, поплачемъ.

— Они такъ добры ко мнѣ!

— Почему же и не быть имъ добрыми? Они ко всѣмъ добры! Вѣрю и уважаю ихъ; но не обманывайся, Алексѣй, эта доброта — насущный хлѣбъ, которымъ они обдѣляютъ всѣхъ слугъ своихъ, а вѣдь и ты принадлежишь къ числу ихъ. Когда-нибудь они прямо дадутъ тебѣ почувствовать, что въ ихъ глазахъ ты не больше, какъ слуга;—только дай Богъ, чтобы не скоро и не горько! Еще никто не побратался съ ними. Даже тѣ, кто послѣ долгихъ вздоховъ, достигъ счастья породниться съ ними. Они видятъ въ этомъ великую жертву съ своей стороны.

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они не дали мнѣ почувствовать этого.

— Значитъ, ты уменъ и еще не подалъ къ тому повода! Поступай, какъ знаешь, но чѣмъ скорѣе, милый Алексѣй, ты возвратишься сюда, тѣмъ лучше! Помнишь, ты разсказывалъ мнѣ объ одномъ нѣмцѣ, что показывалъ львовъ и *тигровъ;* онъ билъ ихъ и повелѣвалъ ими, пока, наконецъ, по-

слушные звѣри не разорвали неосторожнаго господина. До сихъ поръ я всегда боялась твоихъ Карлинскихъ, точно львовъ и тигровъ.

Алексѣй разсмѣялся.

— Милая маменька! Вы не знаете Юліана, особенно Анны.

Дробицкая взглянула сыну въ глаза, пожала плечами и воскликнула:

— Знаю святую, благородную, добрую панну Анну; вѣдь она бываетъ здѣсь въ Жербахъ: довольно взглянуть на нее, чтобы полюбить. Но... она такая знатная панна!

— Маменька! Это старинное предубѣжденіе.

— Шляхетская недовѣрчивость, можетъ быть; но человѣкъ всегда остается человѣкомъ: у всякаго есть свои слабости. Если бы панна Анна была дочерью бѣднаго шляхтича, то я стала бы передъ нею на колѣни, а теперь—только боюсь ея.

— Потому что не знаете ее, милая маменька!

— Не знаю? Взгляни-ка на мои сѣдые волосы! Ты, что ли, знаешь лучше? Охъ, дитя, дитя!

Этимъ кончился разговоръ матери съ Алексѣемъ.

На дворѣ показался панъ Мамертъ Буткевичъ, за нимъ панъ Пристіанъ, потомъ вдова Буткевичъ съ Магдусей.

— А вотъ они развѣ лучше?—тихо спросилъ Алексѣй.

— Если ужъ говорить правду,—отвѣчала Дробицкая, — такъ гораздо лучше жить съ ними, потому что ихъ прямо видишь, какъ въ зеркало; не надо много думать о томъ, что у каждаго изъ нихъ за пазухой.

— Мое вамъ всенижайшее почтеніе!—воскликнулъ богачъ Мамертъ.—А, и панъ Алексѣй здѣсь! Дорогой гость. Какъ-же счастливо я попалъ.

— Мое почтеніе! Ха, ха!—отозвался панъ Пристіанъ, вошедшій по слѣдамъ Мамерта.—Ну, какъ вы тамъ поживаете?

Несчастный щеголь не зналъ, что влюбленная и уже слишкомъ надоѣдавшая ему вдовушка шла вслѣдъ за нимъ, и немного смѣшался, когда увидѣлъ ее на крыльцѣ. Разряженная въ пухъ, пани Буткевичъ пришла съ неразлучною Магдусею и, вмѣсто палки, по случаю необыкновенной дородности своей, опиралась на зонтикъ.

— Какъ жарко!—проговорила она сквозь зубы.— Магдуся, стой около меня! Здравствуйте, панъ Пристіанъ!

Пержховскій раскланялся съ холодною вѣжливостью, выражавшею сильное неудовольствіе.

Надо было попросить гостей въ комнату, потому что они не могли помѣститься на крыльцѣ. Дробицкая, пожимая плечами, повела съ собою вдовушку. Мамертъ, никому не позволявшій опередить себя, вошелъ вслѣдъ за дамами. Пристіанъ пробѣжалъ передъ носомъ Алексѣя. Приходъ этихъ гостей былъ предвѣстникомъ визита всѣхъ прочихъ сосѣдей: и въ самомъ дѣлѣ, они немедленно начали приходить и, мѣняясь до самой ночи, занимали гостя, не давая ему ни одной свободной минуты поговорить съ матерью. Не знаю почему, но послѣ общества въ Карлинскомъ замкѣ, Алексѣй почти съ удовольствіемъ слушалъ смѣшные разговоры, наивные вопросы и отвѣты жербенскихъ помѣщиковъ, и наслаждался простотою, позволявшею читать въ нихъ, какъ въ открытой книгѣ. Алексѣй видѣлъ въ нихъ смѣшное, но сквозь это смѣшное въ нихъ пробивалось сердце, тогда какъ въ высшемъ обществѣ, подъ вѣжливостью и наружной искренностью, ничего нельзя было замѣтить, а тѣмъ болѣе заглянуть въ глубину сердца.

Около полуночи Алексѣй отправился въ Карлинъ. Янъ проводилъ его до крестовъ.

XII.

— Ну, что случилось у насъ, милыя дѣти?—спрашивалъ президентъ выбѣжавшихъ навстрѣчу ему Юліана и Анну. — Говорите скорѣе, зачѣмъ вы звали меня, какое неожиданное счастье посѣтило васъ? Ужъ не выиграли-ли вы милліонъ въ лотерею?

— О, больше!—воскликнула Анна.

— Больше милліона? Въ какой-же лотереѣ?— вскричалъ президентъ.

— Вы не поняли, милый дядюшка. Мы пріобрѣли больше милліона... Только послушайте!..

— Слушаю,—отвѣчалъ президентъ, садясь на стулъ,—но *рѣшительно не* могу представить, что бы это значило.

— Алексѣй, благородный Алексѣй, возвратилъ намъ погибшаго Эмилія!

Президентъ началъ слушать со вниманіемъ, но выражая болѣе любопытства, нежели радости.

— Представьте себѣ, дядюшка, этотъ благороднѣйшій человѣкъ, ничего не говоря намъ, занимался, трудился, пока не добылъ искры разсудка у больного брата. Эмилій—говоритъ! Эмилій читаетъ! Эмилій ожилъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — равнодушно спросилъ удивленный президентъ. — Право, это неслыханное... самоотверженіе, это чудо. Что же, Эмилій началъ говорить?

— Нѣтъ! но онъ разговариваетъ знаками, читаетъ, живетъ.

— А, по методѣ глухонѣмыхъ, — сказалъ президентъ съ недовольною миною. — Только смотрите, чтобы это усиліе не повредило его здоровью: онъ такой слабый.

— Теперь ему гораздо лучше, его здоровье значительно поправилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, это неожиданное счастіе. Я рѣшительно не понимаю, потому что всегда считалъ это невозможнымъ дѣломъ. Пойдемте къ нему.

— У меня есть братъ! Алексѣй далъ мнѣ брата, возвратилъ матери сына. О, чѣмъ можемъ мы возблагодарить его!

— Насчетъ этого не безпокойся, — равнодушно сказалъ старый щеголь. Заплатить деньги—немудреное дѣло. Пойдемъ къ нему. Даже я полагаю, что панъ Дробицкій сдѣлалъ это не безъ цѣли. Натурально, и мы съ своей стороны не можемъ принять такой жертвы даромъ.

Анна схватила президента за руку.

— Ради Бога, дядюшка! Развѣ вы не знаете его?

Президентъ улыбнулся съ сознаніемъ достоинства.

Стукъ экипажа возвѣстилъ о пріѣздѣ пани Дельріо, потому что и за нею также послали. Полковникъ и она входили въ гостиную. Потомъ президентъ остановился, послѣдовалъ обмѣнъ привѣтствій, по обыкновенію, холодныхъ и вѣжливыхъ.

Искренняя радость блистала въ глазахъ матери, уже знавшей все. Въ одинаковой степени желая видѣть Эмилія и его спасителя, она искала ихъ глазами, но ни того, ни другого не было въ гостиной. Алексѣй, подъ предлогомъ какихъ-то

распоряженій, нарочно уѣхалъ изъ Карлина. Чрезъ минуту всѣ отправились къ Эмилію.

Мать не видѣла глухонѣмого съ тѣхъ поръ, какъ ея присутствіе произвело на него непріятное впечатлѣніе. Она полагала, что, придя въ себя, Эмилій встрѣтитъ и ее иначе, и не обманулась въ этомъ. Анна, опасаясь сразу ввести всѣхъ къ Эмилію, сама предувѣдомила его о пріѣздѣ матери, и потомъ вошла вмѣстѣ съ нею.

При первомъ взглядѣ на сына, пани Дельріо нашла въ немъ необыкновенную перемѣну. Эмилій первый разъ въ жизни улыбнулся матери! И эта счастливая минута вознаградила ее за многолѣтнія страданія: она не могла удержаться отъ слезъ и прижимала къ сердцу несчастнаго сына. Она, вѣрно, бросилась бы въ ноги своему благодѣтелю, если бы въ эту минуту онъ явился передъ нею. Эмилій глядѣлъ на полковницу такъ, какъ-будто видѣлъ ее первый разъ въ жизни, улыбался ей и живыми знаками говорилъ Аннѣ о матери, еще не умѣвшей понимать его:

— Скажи, что это *онъ* все сдѣлалъ... *онъ* далъ мнѣ возможность познать Бога, васъ, маменьку и себя самого.

Вслѣдъ за пани Дельріо, вошелъ немного ревнивый президентъ, и устремилъ безпокойные взоры на Эмилія. Онъ не такъ, какъ другіе, чувствовалъ воскресеніе несчастнаго, даже его лицо сдѣлалось печальнымъ. Спустя полчаса и избѣгая полковницы, не могшей нарадоваться сыномъ, онъ, въ какомъ-то волненіи, увелъ съ собой Юліана и пошелъ съ нимъ въ садъ, поручивъ полковника Полѣ, безъ милосердія мучавшей стараго любезника насмѣшками, за которыя тотъ платилъ дѣвушкѣ самыми отборными комплиментами.

Президентъ былъ очень задумчивъ и молчалъ, но когда они дошли до *Вылазки*, гдѣ уже никто не могъ подслушать ихъ, онъ вдругъ обратился къ Юліану и, пожавъ плечами, воскликнулъ:

— Ну, кто просилъ объ этомъ вашего Дробицкаго? Съ какой стати ему пришло на умъ вмѣшиваться въ подобное дѣло?

— Что это значитъ, дядюшка? Я не понимаю васъ.

— Сейчасъ поймешь. Все устроилось прекрасно, но, несмотря на то, милый Юліанъ, изъ Эмилія никогда не будетъ

толку, потому что онъ существо неполное и теперь, можетъ быть, гораздо болѣе несчастное, чѣмъ прежде, а ты еще вчера былъ полнымъ владѣльцемъ Карлина, а теперь потерялъ половину.

Президентъ оживлялся по мѣрѣ разговора.

— Законъ не устраняетъ глухонѣмыхъ отъ правъ наслѣдства, если они могутъ говорить знаками и имѣютъ самосознаніе. Притомъ, кто сталъ бы думать о подобныхъ вещахъ? Это въ самомъ дѣлѣ было бы несправедливо. Но, въ то же время, понимаешь ли ты, какія отсюда вытекаютъ послѣдствія? И безъ того ваше положеніе не слишкомъ блистательно: что же будетъ теперь?

Президентъ пожалъ плечами и заключилъ:

— Нечего сказать,—прекрасно услужилъ вамъ панъ Дробицкій!

Юліанъ вздрогнулъ и разсердился на такіе разсчеты.

— Милый дядюшка! Ваша любовь къ намъ ослѣпляетъ васъ. Оставить Эмилія на произволъ судьбы—значило бы то же, что убить его! Возможно ли даже въ мысляхъ допустить что нибудь подобное?

— Да кто убиваетъ его, сумасшедшій! — вскричалъ президентъ.—Пусть онъ живетъ! Я радуюсь, плачу, сознаю себя счастливымъ, но ты сталъ теперь вдвое бѣднѣе, милый Юліанъ! Кто знаетъ? Если Эмилій еще болѣе поправится, то, пожалуй, захочетъ жениться: не одна, а тысячи пойдутъ за него. Сколько я знаю, эти глухонѣмые большею частью бываютъ самаго страстнаго темперамента.

— Дядюшка, дядюшка! Ради Бога, не говорите такъ; это очень огорчаетъ меня.

— Ты еще ребенокъ, и не видишь, что теперешняя жизнь будетъ для Эмилія несравненно тяжелѣе, чѣмъ при отсутствіи самосознанія. Онъ захочетъ владѣть собою и не сумѣетъ, люди будутъ водить его за носъ—и, кто знаетъ? Не утверждаю положительно, а можетъ быть, и Дробицкій имѣлъ тутъ свои виды, не даромъ-же онъ привязалъ къ себѣ Эмилія.

Юліанъ еще разъ горячо опровергнулъ предположеніе дяди.

— Такъ перестанемъ разсуждать объ этомъ, — сказалъ президентъ.—Я вѣрю въ него, уважаю, но что сдѣлано, того

не перемѣнишь. Вы бѣдны — и дѣло кончено; надобно искать средствъ поправить дѣло и, вдобавокъ, подумать, — какъ бы заплатить за это благодѣяніе пану Дробицкому звонкою монетою.

— Дядюшка!—опять вскричалъ Юліанъ.

— Если такъ, то замолчу, — отвѣчалъ президентъ, — e sempre bene! Будемъ вмѣстѣ утѣшаться, радоваться и благодарить Бога. Ты вѣрно сочтешь меня матеріалистомъ, прозаикомъ, разсчетливымъ человѣкомъ, — прибавилъ онъ, поворачивая къ замку, — но я знаю свѣтъ и людей. Не спорю, что Дробицкій благородный человѣкъ, что его самопожертвованіе безкорыстно, но онъ не сдѣлалъ благодѣянія ни Эмилію, ни вамъ.

Юліанъ задумался.

— Теперь уже необходимо докончить образованіе Эмилія. Онъ будетъ походить на человѣка, или вѣрнѣе, на существо подчиненное и несчастное, — и вы должны будете дать ему часть изъ Карлина.

— Что же? Я охотно подѣлюсь съ нимъ.

— Притомъ, надобно дать что-нибудь и Аннѣ, хотя она не думаетъ идти замужъ, надобно провѣрить долги и, наконецъ, сознаться, что Карлина вамъ очень мало.

— Но развѣ нельзя жить малымъ?—спросилъ Юліанъ.

— Прекрасно!—возразилъ президентъ, — только для этого необходимо человѣку сперва получить соотвѣтствующее воспитаніе или передѣлать себя, не имѣть лишнихъ потребностей и привычекъ, ограничиться хатою, простыми щами и армякомъ, а главное—не имѣть на плечахъ тяжести, какую составляетъ знатное, но упавшее имя.

— Мнѣ кажется, что можно съ честью носить его и въ бѣдности.

— Съ честью? Какъ Цинцинатъ? Обрати вниманіе на современные обычаи и скажи: возможно ли это?.. И достанетъ-ли у тебя воли отказаться отъ своихъ привычекъ, надѣть сѣрый кафтанъ, не вздыхать о роскошной жизни? Сомнѣваюсь. Но тебѣ предстоятъ двѣ дороги: или тяжелая роль знатности безъ состоянія, или болѣе легкая перспектива — богатая женитьба.

— Ни за что, дядюшка!

— Какъ? Что это значитъ? — спросилъ президентъ, пристально глядя въ глаза племяннику.

— Это противно моимъ понятіямъ... Унизительно... Это безчестная торговля!

— Юныя понятія, очень юныя! Надѣюсь—Карлинскій тоже не чистый голышъ, и съ своей стороны дастъ что-нибудь дѣвушкѣ, на которой женится; зачѣмъ ты прямо предполагаешь, что это будетъ женитьба безъ привязанности? Или тебѣ, можетъ быть, уже нравится какая-нибудь панна?

Юліанъ не сказалъ ни слова, и непріятный разговоръ прекратился. Впрочемъ, президентъ, открывшись племяннику, прекрасно замаскировалъ свои чувства передъ полковницей и Анною. Онъ много хвалилъ Алексѣя, утѣшался Эмиліемъ и не показывалъ виду, что прозаическій разсчетъ для двухъ любимцевъ сдѣлалъ его несправедливымъ въ отношеніи къ третьему лицу.

Поздно вечеромъ возвратился Алексѣй и не пришелъ въ гостиную, избѣгая благодарности и оправдываясь нетерпящими отлагательства занятіями. Президентъ ничего не сказалъ на это, потому что съ радостью готовъ былъ отсрочить благодарность. Но полковница, шепнувъ что-то Юліану, вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ гостиной и прямо направилась къ квартирѣ Дробицкаго. Истинно-глубокое чувство заставило ее забыть приличіе. Алексѣй изумился, увидя входившую къ нему полковницу, и растерялся, но она не дала ему времени опомниться.

— Вы возвратили мнѣ сына,—воскликнула она съ чувствомъ,—за это мало выразить вамъ одну благодарность; вы подарили мнѣ счастливѣйшую минуту въ жизни, и я пришла сказать вамъ и завѣрить при Юліанѣ, что, съ этой минуты, считаю васъ какъ-бы собственнымъ своимъ сыномъ. Послѣ нихъ, вы будете занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я не вѣрила въ людей, вы внушили мнѣ эту утѣшительную вѣру; да наградитъ васъ Богъ счастіемъ.

— Смѣю васъ увѣрить, — скромно отвѣчалъ Алексѣй, — что высочайшую для меня награду составляетъ цѣль, такъ счастливо достигнутая мною. Я сдѣлалъ то, что обязанъ былъ сдѣлать и такъ, какъ только могъ сдѣлать; если вы хотите

доказать, что питаете ко мнѣ хоть слабое расположеніе, то не станемъ больше упоминать объ этомъ.

Случай хотѣлъ, чтобы Поля въ тотъ день была раздражительна и въ самомъ капризномъ расположеніи. Наблюдательный президентъ, слѣдя за молодыми людьми, хорошо замѣтилъ, какъ племянникъ, выходя изъ терпѣнія и забывъ предосторожность, ежеминутно подбѣгалъ къ Полѣ и просилъ у нея прощенія, хотя не сознавалъ вины своей.

— Что это значитъ?—подумалъ онъ.—Ужели снюхались. Дай Богъ, чтобы полковница говорила неправду. Пожалуй, эта интригантка, въ самомъ дѣлѣ, готова завлечь его въ сѣти. Эмилій да женитьба Юліана на такой нищей окончательно унизятъ Карлинскихъ. Пора подумать о средствахъ.

Прежде всего президенту представилось, что Алексѣй долженъ знать объ отношеніяхъ молодыхъ людей, что чрезъ него легко открыть тайну и дѣйствовать. Но онъ тотчасъ одумался, вообразивъ, что Дробицкій, по всей вѣроятности, участвуетъ въ этой интригѣ и даже покровительствуетъ любовникамъ.

Проницательные и, повидимому, хорошо знающіе свѣтъ люди всегда имѣютъ тотъ недостатокъ, что подозрѣваютъ всѣхъ въ неискренности, притворствѣ и какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ. Оттого они часто усматриваютъ небывалыя вещи, а избытокъ разума не позволяетъ имъ идти къ цѣли самою прямою дорогою.

Строго разбирая всѣ обстоятельства, президентъ пришелъ къ заключенію, что Дробицкій вырвалъ Эмилія изъ безсмысленнаго состоянія для того, чтобы овладѣть имъ, что, слѣдуя демократическимъ принципамъ, онъ непремѣнно помогаетъ Юліану и Полѣ и т. п. Вслѣдствіе такихъ соображеній, онъ рѣшился наблюдать, слѣдить, ни съ кѣмъ не совѣтоваться и, если представится необходимость, поступить рѣшительно, только дѣйствовать безъ посторонней помощи.

— Прекрасную птицу посадилъ я въ здѣшнюю клѣтку!—говорилъ онъ самому себѣ.—Даже Анною овладѣлъ! Кто знаетъ? Пожалуй, онъ готовъ сойти съ ума и посвататься за нее: подобнымъ панамъ все можетъ придти въ голову. Да, Карлинскіе погибли, если мы не предупредимъ возникающаго зла.

Вслѣдствіе такаго тайнаго совѣщанія съ самимъ собою, президентъ во время чаю отозвался веселымъ тономъ:

— Какъ я радъ, что дома покончилъ все и теперь не имѣю экстренныхъ дѣлъ!.. По крайней мѣрѣ, могу нѣсколько дней прожить въ Карлинѣ и повеселиться съ вами.

Полковница приняла эти слова за обыкновенную угрозу, чтобы выгнать ее; но она была теперь такъ счастлива, что даже не боялась президента, а полковникъ сказалъ со вздохомъ:

— Что касается меня, то хотя я очень привязанъ къ семейству, къ которому *нѣкоторымъ образомъ* имѣю счастіе принадлежать, однако, крайность заставляетъ меня ѣхать домой.

— *Нѣкоторымъ образомъ?* Хорошо, что онъ прибавилъ эту фразу,—проговорилъ президентъ вполголоса,—а я ужъ думалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ подаритъ насъ родствомъ своимъ.

Юліанъ и Поля вовсе не остерегались президента. Повидимому, они не глядѣли другъ на друга, но постоянно были вмѣстѣ, не хотѣли сходиться, но встрѣчались каждую минуту, по временамъ мѣнялись такими словами, которыя черезъ головы всѣхъ должны были долетѣть только до нихъ двоихъ. Имъ не приходило на мысль, что дядя и мать смотрѣли на все это и угадали ихъ отношенія, и прежде, нежели кончился вечеръ, президентъ уже положительно увѣренъ былъ въ ихъ взаимной любви, и вышелъ въ страшномъ безпокойствѣ, такъ какъ даже понялъ и то, какъ далеко зашли молодые люди.

Что оставалось тутъ дѣлать? Прежде всего необходимо было удостовѣриться, что это правда, потомъ дѣйствовать. Вдобавокъ, предостереженіе полковницы и ея предчувствіе, такъ скоро сбывшееся, жестоко мучили президента, потому что внутренно унижали его. Онъ долженъ былъ сразу послушаться ее. Теперь мать имѣла полное право сказать ему прямо въ глаза:— я давно предвидѣла это! Ты ничего не дѣлалъ. Слѣдовательно, вся вина должна пасть на тебя одного!

XIII.

Удалившись въ свою комнату, президентъ долго ходилъ въ безпокойствѣ. Ему нуженъ былъ чей-нибудь совѣтъ и убѣжде-

ніе, чтобы немедленно дѣйствовать. Цѣлый часъ онъ размышлялъ о томъ, кого спросить, кому открыться, и, наконецъ, рѣшилъ обратиться къ Борновскому.

Это былъ старый слуга дома Карлинскаго, одинъ изъ придворныхъ чиновъ стариннаго штата, человѣкъ въ высшей степени честный. Господа любили его за вѣрность и привязанность, и долго не рѣшались отнять у него званіе ревизора по всѣмъ имѣніямъ, сопряженное съ должностью эконома въ ближайшемъ фольваркѣ. Наконецъ, когда дѣла пошли хуже, ему, подъ предлогомъ старости и слабаго здоровья, предложили пенсію. Борновскій получилъ домикъ съ огородомъ, извѣстное количество мѣръ хлѣба, триста злотыхъ и, не имѣя ни жены, ни дѣтей, жилъ въ полномъ довольствѣ. Пятидесяти лѣтній и сѣдой старикъ -- онъ былъ еще проворенъ, свѣжъ и, въ видѣ милости, просилъ себѣ какое-нибудь занятіе, чтобы не ѣсть даромъ хлѣба. Его назначили блюстителемъ порядка между слугами, но послѣдніе только смѣялись надъ нимъ. Борновскій ходилъ съ мѣста на мѣсто, суетился, кричалъ, потому что во всю жизнь былъ необыкновенно дѣятеленъ, и голосъ его слышенъ былъ за версту,—такъ онъ горланилъ и ругался! Измучившись отъ бѣготни и охрипнувъ отъ ругательствъ, онъ имѣлъ полное право выпить въ день пять или шесть рюмокъ водки, которую любилъ, и, такимъ образомъ, всѣ минуты жизни проводилъ, повидимому, въ постоянныхъ занятіяхъ, но въ сущности ровно ничего не дѣлалъ.

Борновскій принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ вся наружность—обманъ. Высокаго росту, здоровый, сильный, вертлявый, любившій поговорить, цѣлый день на ногахъ, въ поту и трудахъ,—онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ. Онъ каждую минуту ссорился, въ полной увѣренности, что дѣлаетъ дѣло; но былъ слѣпъ, и всѣ легко обманывали его. Въ глазахъ Борновскаго выражалась смѣтливость, сверкалъ огонь, а изъ устъ сыпались одни только обѣщанія:—„да у меня-то все духомъ! вѣдь у насъ вотъ какъ! Они ужъ знаютъ меня!“ Но Борновскій безсовѣстно лгалъ, потому что на дѣлѣ не было ничего подобнаго. Все время проходило у него въ разговорѣ, крикахъ, разсказахъ и анекдотахъ. Онъ страшно ругался, но никого не *билъ, потому что* имѣлъ добрѣйшее сердце, былъ глубоко при-

вязанъ къ помѣщикамъ и въ строгомъ смыслѣ безкорыстенъ. Довольно ограниченнаго ума, онъ, однако, присмотрѣлся къ людямъ и превосходно угадывалъ характеры, но никогда не пользовался этимъ; постоянно болтая съ людьми, лучше всѣхъ зналъ, что дѣлается во дворѣ, кто что сказалъ или сдѣлалъ. Кто хотѣлъ узнать о чемъ-нибудь, тотъ прямо шелъ къ нему—точно за справкою и, такъ какъ Барновскій не умѣлъ хранить секретовъ, то его выспрашивали обо всемъ; даже подъ веселый часъ онъ, вѣрно, не скрылъ бы собственнаго преступленія.

Когда Юліанъ завѣдывалъ имѣніемъ, Борновскій употребляемъ былъ на посылки, для наблюденія за работами и для другихъ подобныхъ порученій. Алексѣй скоро понялъ его, но не удалилъ и позволялъ старику воображать себя дѣятельнымъ членомъ Карлинской администраціи, повѣряя ему только то, что могло сдѣлаться безъ него или даже вовсе не дѣлаться.

Барновскій носилъ огромные усы, держался прямо и походилъ на отставного военнаго, имѣлъ глаза выпуклые и живые, щеки румяныя, носъ большой, губы толстыя и подбородокъ, покрытый волосами съ просѣдью. Старый холостякъ—онъ еще любилъ волочиться и въ дѣвичьей всегда имѣлъ начатыя интрижки: одну—въ полномъ расцвѣтѣ, а другую на запасъ—въ случаѣ измѣны, чтобы ни на одну минуту не быть огорченнымъ или осмѣяннымъ. Дѣвушки дѣлали съ Борновскимъ, что хотѣли, и немилосердно смѣялись надъ нимъ; триста злотыхъ пенсіи, до послѣдняго гроша, шли у него на угощенья и подарки.

— Любезный Борновскій!—спросилъ президентъ, засѣвши въ кресло наединѣ съ нимъ,—скажи мнѣ, что у васъ слышно здѣсь?

— Да что, ясновельможный панъ президентъ? Благодаря Господа Бога, все идетъ хорошо.

— Довольны вы паномъ Дробицкимъ?

— Какъ же не быть довольными, ясновельможный панъ? Человѣкъ аккуратный, дѣльный, у него все идетъ какъ по маслу. Было не худо и при ясневельможномъ панѣ Юліанѣ; но ему ли возиться съ дѣлами? Онъ, позвольте доложить, не созданъ на это; а Дробицкому теперешняя должность—чистый кладъ.

— Такъ онъ дѣятельный и честный человѣкъ?

— О, честный!.. и добрый, а голова у него... что за го-

лова! Какъ онъ умѣетъ узнать людей! Со мною, позвольте доложить, было такъ: онъ только посмотрѣлъ на меня и уже пронюхалъ, на что я гожусь. Если что понадобится ему, то сейчасъ меня зовутъ, а у меня все явится духомъ, живо, по военному. Сказать правду, онъ слишкомъ строгъ, не любитъ потакать; но зато ужъ человѣкъ такой добросовѣстный.

— Любятъ его люди?

— Дворовые не слишкомъ, но крестьяне очень любятъ. Характеръ крутой, въ счетахъ не думай провести его, трудится— точно волъ.

— А что подѣлываетъ панъ Юліанъ?

— Что? добрый панычъ! Теперь отдыхаетъ себѣ.

— Послушай-ка, Борновскій!—сказалъ президентъ, понизивъ голосъ.—Не грезится ли мнѣ, что нашъ Юліанъ пустился въ любовныя связи съ панной Аполлоніей? Какъ тебѣ кажется? Не замѣтилъ ли ты чего-нибудь? Вѣдь ты тертый калачъ.

Борновскій съ улыбкою покрутилъ сѣдой усъ. Ему очень льстилъ этотъ фамильярный вопросъ. Потому, оглянувшись на на всѣ стороны, старикъ поднялъ руку, махнулъ ею, разсмѣялся и утвердительно кивнулъ головою.

— Обыкновенное дѣло—молодость.

— Да ты замѣтилъ что-нибудь?

— Позвольте доложить вамъ: дворовый человѣкъ знаетъ свою обязанность, — долженъ быть слѣпъ. Я никому не сказалъ бы этого, кромѣ васъ, ясновельможный панъ. Извѣстное дѣло—молодые люди, каждую минуту видятъ другъ друга — могло ли быть иначе?

— Да ты самъ видѣлъ что-нибудь, или только люди говорятъ объ этомъ?

— Люди говорить не смѣютъ; но какъ не видѣть, если они вовсе не скрываются?

— Ну, разскажи, что знаешь. Можетъ быть, нужно поискать для нихъ лѣкарства.

— Вы не выдадите меня, ясновельможный панъ?

— Какъ ты глупъ, любезный Борновскій! Кого-же я выдавалъ?

— Покорно благодарю васъ, ясневельможный панъ! — отвѣчалъ старый слуга съ низкимъ поклономъ. — Я смотрю на

нихъ каждый Божій день и лучше всѣхъ знаю: это формальная интрига, я хорошо понимаю подобныя вещи.

— И свиданія?

— Буквально каждый день—и въ саду, и въ комнатахъ, и на прогулкахъ.

Старикъ махнулъ одною рукою, а другою, засмѣявшись, закрылъ ротъ.

— И вовсе не скрываются?

— Имъ грезится, что никто ихъ не видитъ и не понимаетъ, но это, позвольте доложить, развѣ только слѣпой не замѣтитъ.

— Какъ ты полагаешь: въ близкихъ они сношеніяхъ между собою?

— Этого не знаю, но безъ всякаго сомнѣнія, они должны быть близки другъ къ другу.

— А панна Анна?

— Этотъ ангелъ, позвольте доложить, ничего не видитъ, потому что она невинна, какъ ребенокъ.

— Ну, а Дробицкій?

— Панъ Алексѣй, должно быть, знаетъ все дѣло; но онъ ловкій малый, молчитъ, какъ рыба.

— Можетъ быть, онъ помогаетъ имъ?

— О, нѣтъ! Они не нуждаются въ посторонней помощи, сами ведутъ дѣло, но и мѣшать имъ онъ также не можетъ.

Достигнувъ, чего хотѣлъ, и даже узнавъ подробности, президентъ отпустилъ Борновскаго и съ душевнымъ безпокойствомъ легъ спать. Питая живѣйшую привязанность къ своимъ, какъ называлъ онъ, дѣтямъ, онъ опасался гибельныхъ послѣдствій интриги Юліана. Не имѣя силъ заснуть до полуночи, онъ вышелъ въ садъ, чтобы освѣжиться и придумать, что дѣлать.

Изъ его комнаты въ нижнемъ этажѣ были стеклянныя двери въ боковую аллею, и, отворивъ ихъ, президентъ прямо очутился въ тѣнистомъ паркѣ. Уже цѣлые полчаса блуждалъ онъ по дорожкамъ, какъ вдругъ, проходя мимо липовой бесѣдки, услышалъ тамъ шумъ. Онъ замѣтилъ какія-то двѣ фигуры, сидѣвшія на скамейкѣ, и, нисколько не колеблясь въ подобномъ случаѣ быть шпіономъ, тихонько подошелъ ближе.

Легко было догадаться, что это были Юліанъ и Поля, но

обыкновенію, неосторожные и такъ сильно занятые другъ другомъ, что даже забыли о постороннихъ глазахъ. Живой разговоръ довольно громко и явственно вырывался изъ-подъ липъ и президентъ могъ слышать каждое слово.

— Не говори мнѣ этого! — восклицала Поля отчаянно-страстнымъ голосомъ.—Я не хочу обманывать себя надеждами, ничего не желаю въ будущемъ, хорошо знаю, что твои родственники не позволятъ тебѣ жениться на бѣдной сиротѣ. Признайся, вѣдь я не разсчитывала на это, бросаясь въ твои объятія? Моя любовь вознаграждена минутою счастія, ничего больше не нужно ей; будущее не наше, кто можетъ быть увѣренъ въ немъ? Я ничего не желаю, кромѣ твоего сердца.

Президентъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Безцѣнная моя Поля! — отвѣчалъ Юліанъ слабымъ голосомъ, — ты не разсчитывала на будущее, но я, для собственнаго счастія, долженъ упрочить его. Могу ли я прожить безъ тебя? Будь покойна!

— Только люби меня, больше ничего не нужно мнѣ.

— Ты напрасно мучишь себя грозными предчувствіями.

— Не упрекай меня! Я знаю, что я отравляю и ту малую чашу счастья, которая послана мнѣ Провидѣніемъ, но я не умѣю любить иначе: я люблю страстно и безумно отравляю и убиваю себя моею любовью. Ты самъ видишь въ моихъ глазахъ то равнодушіе, то презрѣніе, то истощеніе; я вспыхиваю, мучу и тебя, и себя—это наказаніе за мое преступленіе.

— И ты называешь любовь нашу преступленіемъ?

— Не лги предо мною. Я знаю, что сдѣлала. Сирота, слуга — я, изъ безумной потребности любви возмущаю семейное спокойствіе тамъ, гдѣ меня призрѣли, измѣняю самой нѣжной дружбѣ. Это низко! Зато и наказаніе за преступленіе должна буду переносить одна я. Для тебя любовь пройдетъ, какъ сонъ; въ мечтахъ зрѣлаго возраста ты припомнишь ее себѣ, какъ что-то непонятное и странное. Но для меня она оставитъ слѣдъ на всю жизнь и, можетъ быть, по ту сторону гроба. О, я умру, должна умереть, если разлучатъ насъ. Тогда я не сумѣю переносить бремя жизни, ослабѣю, измѣню тебѣ и себѣ, съ бѣшенствомъ стану бросаться на людей.

Поля расплакалась. Юліанъ утѣшалъ ее.

— Ребенокъ! Ты такъ мало надѣешься на меня и на мое сердце.

— Золотое сердце!—возразила сирота.—Но воленъ ли ты слѣдовать его внушеніямъ? Президентъ, полковница, каждую минуту могутъ понять насъ, можетъ быть, ужъ знаютъ все, нападутъ на тебя, меня выгонятъ... Ты поддашься имъ...

— Никогда! — проговорилъ Юліанъ, собираясь съ силами.

— Молчи! Ничего не обѣщай мнѣ, потому что я ничего не требую. Ты воображаешь, что въ награду своей навязчивой любви я приму твою руку, твое сердце, твое будущее? Нѣтъ! Я предалась тебѣ не съ тѣмъ, чтобы ты заплатилъ мнѣ за это бракомъ, но потому, что любила тебя безгранично. Ты думаешь, что я позволю свѣту оцѣнить мое чистое сердце и сдѣлать свою любовь торговлею и преступленіемъ? Нѣтъ! И во мнѣ есть своя гордость. Я охотно приношу жертву, но не приму ее отъ другого; я бѣдна, но хочу дарить, а не принимать.

— Поля, ангелъ мой! Подумай, что ты хочешь сдѣлать со мною.

— Ты выпилъ изъ моихъ устъ первое, можетъ быть, чистѣйшее наслажденіе жизни и не забудешь его сладости. Но ты мужчина!

— А ты женщина!

— Правда, и женщины бываютъ непостоянны; но данное счастье привязываетъ ихъ къ тѣмъ, для кого, хотя короткое время, онѣ были ангелами, тогда какъ мужчинъ любовь истощаетъ и дѣлаетъ холодными. Вы любите, пока домогаетесь любви, а достигнувъ ее, бросаете подъ ноги, какъ изорванный кусокъ вчерашняго бальнаго наряда.

— Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, существуютъ подобные люди, но я...

— Каждый составляетъ исключеніе, пока любитъ; когда любовь минетъ, всѣ похожи другъ на друга.

Президентъ уже не слышалъ конца разговора, да и не имѣлъ надобности слушать далѣе. Пользуясь минутой горячаго объятія, онъ незамѣтно отошелъ прочь и возвратился въ свою комнату въ такомъ безпокойствѣ, какого не испытывалъ во всю жизнь.

Впрочемъ, онъ благодарилъ случай, нечаянно приведшій

его туда; подслушанный разговоръ лучше всего объяснилъ ему состояніе сердецъ влюбленной пары. При всей недовѣрчивости своей, президентъ не обманулся въ Полѣ; онъ не обвинялъ, а только жалѣлъ ее.

Вначалѣ онъ колебался; но голосъ дѣвушки, смѣшиваемый со слезами и свидѣтельствовавшій о своей искренности, разсѣялъ въ немъ всѣ подозрѣнія. Онъ уже не могъ заснуть, сѣлъ и думалъ—что начать. Полковница каждую минуту могла замѣтить нечаянно открытыя имъ сношенія молодыхъ людей. Надобно было предупредить ее, и то, что было дѣломъ случая, представить плодомъ своей предусмотрительности. Президентъ составилъ полный планъ, какъ дѣйствовать. Онъ предположилъ, не дѣлая никакихъ упрековъ Юліану, прежде всего обратиться къ Полѣ — и немедленно женить Карлинскаго, чтобы серьезными обязанностями стереть и изгладить въ немъ память о теперешней интригѣ.

XIV.

На другой день президентъ самъ искалъ полковницу. Панъ Дельріо уѣхалъ рано поутру, а она осталась, желая вполнѣ нарадоваться Эмиліемъ. Счастье сдѣлало ее равнодушною къ мелкимъ преслѣдованіямъ неумолимаго врага. Они сошлись передъ обѣдомъ въ кабинетѣ: полковница—веселѣе обыкновеннаго, президентъ—блѣдный и взволнованный; но онъ еще довольно искусно разыгрывалъ роль человѣка, который умѣетъ владѣть собою.

— Въ послѣднее свиданіе,—началъ онъ тихимъ голосомъ, садясь рядомъ съ невѣсткою,—вы сообщили мнѣ свои опасенія насчетъ Юліана и Поли.

— Полагаю, что эти опасенія были не напрасны.

— Я давно, можетъ быть, раньше васъ, замѣтилъ, что они любятъ другъ друга; но могу увѣрить васъ, что, какъ прежде, такъ и теперь, Поля не хотѣла заставить Юліана на ней жениться. Съ другой стороны, я зналъ и Юліана: это одинъ изъ благородныхъ, но слабыхъ характеровъ, въ которыхъ раздраженіемъ и препятствіями можно возбудить только *энергію и упорство*. Я не нашелъ нужнымъ заграждать имъ

дорогу и раздражать Юліана, но рѣшился дать его страсти развиться обыкновеннымъ образомъ, потомъ она должна истощиться въ самой себѣ.

— Можетъ быть, разсчетъ вашъ и вѣренъ, — возразила полковница,—но какъ бы онъ не обманулъ васъ?

— Кажется, я достаточно хорошо знаю человѣческое сердце. Если бы мы стали препятствовать, то Юліанъ поступилъ бы наперекоръ намъ, а теперь—придетъ время, онъ самъ собою разлюбитъ и броситъ ее.

— Какъ хладнокровно вы говорите о подобныхъ вещахъ!

— Какъ благоразумный человѣкъ. Печальная, но неоспоримая истина. Поля не имѣла намѣренія поймать Юліана въ сѣти: она искренно любила и любитъ его. Но она горда: довольно сказать ей одно слово—и она возвратитъ ему свободу. Я хорошо знаю ее. Теперь я хотѣлъ бы просить васъ только о томъ, чтобы вы вполнѣ положились на меня, не мѣшались въ это дѣло и не препятствовали.

— Но что я значу здѣсь?—съ выраженіемъ обиды воскликнула пани Дельріо.

— И прекрасно. Мнѣ кажется, подобныя дѣла болѣе приличны мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ. Надобно, наконецъ, пощадить и бѣдную Полю: дадимъ за ней небольшое приданое, выдадимъ ее замужъ, а Юліана женимъ.

— А если это поздно? Если Юліанъ искренно любитъ ее?

— Да, Юліанъ искренно любитъ ее и, въ самомъ дѣлѣ, уже поздно сразу прервать ихъ сношенія; но, въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ позже, тѣмъ безопаснѣе. Страсть остываетъ.

Полковница съ видомъ неудовольствія и досады пожала плечами.

— Дѣлайте, что вамъ угодно!—живо произнесла она.—Я ни во что не стану вмѣшиваться. Для меня обиднѣе всего та мысль, что этотъ ангелъ Анна была нѣсколько времени окружена атмосферой этой странной интриги. Если бы все это кончилось поскорѣе...

— И я, съ своей стороны, повѣрьте, буду стараться о томъ же.

— Какая дерзость въ этой дѣвочкѣ-сиротѣ! Какая смѣлость!.. Поднять глаза на Юліана, увлечь его, привязать къ себѣ...

Президентъ разсмѣялся.

— Вы несправедливы къ Полѣ, —сказалъ онъ.—Возможное ли дѣло—жить съ Юліаномъ подъ одною кровлею и не привязаться къ нему со своею страстью? А молодость? А потребность сердца? Я не обвиняю ее. Притомъ, все это останется въ тайнѣ: мы выдадимъ ее замужъ, удалимъ отсюда, и никто ничего не узнаетъ.

Нечаянный приходъ Анны прервалъ разговоръ. Президентъ началъ разспрашивать невѣстку о хозяйствѣ полковника, заговорилъ о политикѣ, стараясь быть веселымъ, хотя тревога грызла его сердце.

Потомъ пришелъ Алексѣй, съ которымъ президентъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, но издали строго слѣдилъ за нимъ. Наконецъ явилась Поля; по какому-то необъяснимому инстинкту, сообщаемому высоко-развитымъ чувствомъ, она вздрогнула при видѣ президента. Еще вчера она совершенно равнодушно смотрѣла на него, а сегодня уже предчувствовала въ немъ недруга. Для нея довольно было одного взгляда, чтобы угадать, что этотъ вѣжливый и холодный человѣкъ будетъ имѣть тяжелое вліяніе на ея судьбу и жизнь. Холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу; пораженная печалью, Поля старалась избѣгать его. Президентъ наблюдалъ за нею, и волненіе дѣвушки не ушло отъ его взглядовъ; но онъ старался какъ можно ласковѣе обращаться съ Полей.

Юліанъ въ такой же степени былъ безпокоенъ и разстроенъ, какъ и Поля; казалось, страсть сильно изнуряла его. Онъ любилъ, но чувствовалъ себя какъ-бы въ оковахъ — и страдалъ. Послѣдняя энергія его истощилась въ тайной борьбѣ.

Въ этотъ и послѣдующіе дни президентъ занимался наблюденіями, ловилъ выраженія, подслушивалъ и окончательно убѣдился, что иначе невозможно дѣйствовать, какъ черезъ Полю. Онъ только ждалъ отъѣзда полковницы, нарочно отправилъ Юліана къ сосѣдямъ, Анну отослалъ къ Эмилію, Алексѣя занялъ дѣломъ и остался одинъ съ Полею. Видя всѣ эти приготовленія, бѣдная жертва предугадывала тяжелую минуту, которую должна была пережить, хотѣла бѣжать, избавиться отъ встрѣчи съ президентомъ, сказалась больною, легла въ кровать. Но президентъ послалъ ей сказать, что непремѣнно же-

лаетъ ее видѣть—и несчастная Поля съ трепетомъ вышла къ нему, какъ приговоренная къ казни.

То же самое предчувствіе, которое указывало ей въ президентѣ врага, сказало теперь, что пробилъ ея послѣдній часъ. Президентъ встрѣтилъ ее улыбкой, началъ шутками и, видя блеснувшія на глазахъ ея слезы, старался успокоить ее и придать ей смѣлости, но напрасно. Голова Поли кружилась, въ глазахъ у ней темнѣло, она едва могла стоять.

— Пойдемте погулять въ садъ!—сказалъ, наконецъ, старикъ, опасаясь, чтобъ его не подслушали въ комнатахъ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, безжалостны! — отвѣчала Поля, едва передвигая ноги. — У меня такъ болитъ голова, я такъ разстроена...

— Прогулка самое лучшее лѣкарство въ такихъ болѣзняхъ! Мы немного пройдемся и воротимся назадъ.

— Это необходимо?—спросила Поля умоляющимъ голосомъ.

— Если вы хотите сдѣлать мнѣ одолженіе,—вѣжливо сказалъ президентъ и отворилъ двери.

Они вышли, и нѣсколько минутъ продолжалось убійственное молчаніе. Сердце Поли билось такъ сильно, что слышенъ былъ каждый ударъ его. Лицо дѣвушки то обливалось кровью, то блѣднѣло какъ мраморъ, дыханіе становилось тяжелѣе, холодный потъ выступилъ на вискахъ.

— Панна Аполлонія!—произнесъ Карлинскій, взявъ ее за руку.—Мы должны поговорить откровенно, искренно, какъ добрые друзья.

Поля ничего не отвѣчала. Она слишкомъ хорошо поняла слова президента. Неизвѣстность тяготила ее; она скорѣе желала умереть, нежели испытывать жестокія мученья.

— Я знаю все!—заключилъ Карлинскій съ удареніемъ.—Теперь необходимо подумать и позаботиться объ этомъ. Я принимаю въ васъ искреннее участіе, и потому говорю прежде всего съ вами.

Слезы ручьемъ брызнули изъ гласъ сироты.

— Вы знаете все, да я и не хочу скрываться!—возразила она съ гордостью. Что-жъ вы придумали! Конечно,—прогнать несчастную за то, что она принесла безпокойство, страсть, позоръ въ тотъ домъ, который призрѣлъ ее? Если я сумѣю иску-

пить мой грѣхъ какою бы то ни было жертвою, то говорите,— я готова!

— Я всегда надѣялся на чистоту души вашей, на характеръ, на ваше здравое понятіе о свѣтѣ и людяхъ,—равнодушно отвѣчалъ президентъ.—Страсть въ молодомъ возрастѣ есть потребность, необходимость, жизнь: я не обвиняю, а только жалѣю васъ. Съ другой стороны, я хорошо знаю и то, что можно было только любить Юліана, но не жить съ нимъ. Впрочемъ, онъ гораздо виновнѣе васъ.

— Онъ?—перебила Поля:—ошибаетесь! Онъ избѣгалъ меня, отталкивалъ, защищался; я сама навязалась ему, съ своею безумною любовью: виновата я—и никто больше!

— Повторяю — вы невиноваты, но, — прибавилъ президентъ,—вы все-таки должны были предвидѣть, что вамъ угрожаетъ. Надѣюсь, что вы никогда не имѣли въ виду выдти за Юліана: подобныя вещи случаются иногда въ романахъ, а на свѣтѣ почти никогда; если же случаются, то ведутъ къ огромнымъ жертвамъ, къ великимъ несчастіямъ.

— Но вѣдь вы и не обвиняете меня въ такомъ низкомъ разсчетѣ?

— Нисколько!

Поля закрыла глаза.

— Вы такъ привязали его къ себѣ, — продолжалъ президентъ, — что допущенное зло можетъ быть исправлено единственно вами.

— Приказывайте, — хладнокровно проговорила Поля, — я слушаю...

— Юліанъ любитъ въ первый разъ, любитъ страстно; раздраженный — онъ рѣшится употребить крайнія средства; ни убѣжденіями, ни препятствіями нельзя остановить его. Только вы одна можете сдѣлать это.

— Я сдѣлаю все! Я должна поплатиться за минуту счастія, но, панъ-президентъ,—воскликнула дѣвушка, сложивъ руки, — позвольте сколько-нибудь продолжить эту минуту: это первая и послѣдняя любовь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—прервалъ неумолимый судья.—Чѣмъ дольше Юліанъ останется въ этихъ оковахъ, тѣмъ крѣпче прирастетъ къ нимъ.

— Дайте мнѣ одинъ мѣсяцъ, хоть недѣлю, хоть нѣсколько дней!

— Ни одного дня... И для васъ, и для него, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Надо кончить.

— Я ожидала этого! — воскликнула Поля, воодушевляясь мужествомъ. — Я буду послушна, хоть и умру.

— Вы будете жить... и жить счастливо...

— Какое еще страданіе вы придумали для меня?

— Любите вы его, или нѣтъ?

— Люблю-ли я? вы еще сомнѣваетесь! — вскрикнула Поля, заливаясь слезами.

— Всякая любовь должна имѣть конецъ.

— Да, со смертью!

— Нѣтъ, конецъ ея—равнодушіе! — возразилъ президентъ. — Неужели вы хотите всю жизнь Юліана отравить воспоминаніями?

— Но чего-же вы требуете отъ меня?

— Теперь необходимо, чтобы вы сами прервали эту любовь, полюбили другого, оттолкнули Юліана: вотъ единственное средство уничтожить зло!

Поля разразилась истерическимъ смѣхомъ и воскликнула:

— Конецъ достойный начала! Ради Бога, лучше выгоните меня, убейте, очерните презрѣніемъ!

— Это не принесетъ ни малѣйшей пользы,—отвѣчалъ президентъ, нисколько не волнуемый отчаяніемъ Поли. — За изгнанною онъ полетитъ во всѣ концы свѣта, презрѣнную станетъ защищать, объ убитой будетъ плакать всю жизнь; а послѣ измѣны останется у него только...

— Презрѣніе?!

— Равнодушіе! — вѣжливо поправилъ неизмѣнно-холодный президентъ.

— Были-ли вы когда-нибудь молоды? Было-ли у васъ сердце? — вдругъ спросила Поля.

Президентъ усмѣхнулся.

— Льщу себя надеждою, что еще до сихъ поръ ношу часть его въ моей груди, и клянусь вамъ этимъ сердцемъ, что постараюсь облегчить жертву, которую вы обязаны принести; вы

изберете себѣ, кого угодно, мы выдадимъ васъ замужъ, сдѣлаемъ приданое...

Поля отскочила въ сторону—точно раненая стрѣлою.

— И вы смѣете говорить мнѣ это, разорвавъ мою душу? О, это низко, ужасно, безчеловѣчно, подло!

— Ради Бога, говорите тише, насъ услышатъ!

— Пусть слышатъ!—кричала Поля.—Знаете-ли, какое чувство пробудили вы въ моемъ сердцѣ? Чувство мщенія, столь-же сильное, какъ любовь. Ваша судьба въ моихъ рукахъ: если я захочу, онъ женится на мнѣ... и я непремѣнно сдѣлаю это, если вы осмѣлитесь повторить то, что сейчасъ сказали. Да что-же я такое въ вашихъ глазахъ?

— Самое благородное существо въ мірѣ!—воскликнулъ президентъ, увидя себя на фальшивой дорогѣ.—Я готовъ на колѣняхъ просить у васъ прощенія.

— О, такія обиды никогда не забываются! Только этого недоставало! Хотятъ заплатить мнѣ... заплатить! О, это ужасно!

— У меня не было подобной мысли.

— Была! Вы не знаете бѣдныхъ людей. Князья обыкновенно платятъ своимъ любовницамъ и выдаютъ ихъ замужъ: и вы хотѣли поступить со мною точно такъ же! Но вы еще не князь, а я не принадлежу къ разряду развратныхъ женщинъ.

— Вы сердитесь... для нашего разговора полезнѣе хладнокровіе.

— У меня его нѣтъ и не можетъ быть!

— Однако, безъ него мы не кончимъ дѣла. Вы любите Юліана,—повѣрьте, самымъ сильнымъ доказательствомъ вашей любви было-бы самопожертвованіе...

— Такъ-бы вы и говорили, панъ президентъ! Это я понимаю. Но что же я должна дѣлать? что дѣлать?

— Необходимо заняться кѣмъ-нибудь другимъ, бросить, разсердить Юліана и непремѣнно, непремѣнно выдти замужъ!

— Сыграть комедію, драму! Притвориться, лгать и собственными руками разорвать себѣ сердце!

— Панна! я не виноватъ въ этомъ.

— Такъ, виновата я, вы правы! Одна я должна терпѣть наказаніе за вину... избавить его отъ тоски и угрызеній совѣсти...

— Вы во всемъ видите трагедію.

— А вы смотрите на все такъ низко и равнодушно! Для васъ все ничего не значитъ: любить и потомъ самой, собственными руками, добровольно разорвать священныя узы и притвориться, что любишь другого... О,—прибавила Поля съ насмѣшливою улыбкою, — какое мнѣ дѣло до другихъ! Пусть страдаютъ! Развѣ сама я не страдаю? Развѣ для счастья Юліана не стоитъ принести нѣсколько бѣдныхъ жертвъ?

— Слѣдовательно, я могу надѣяться на ваше слово? — спросилъ президентъ.

— Послушайте, — сказала дѣвушка рѣшительнымъ тономъ.—Я сдѣлаю все, что вы хотите: я, вѣроятно, умру и не перенесу своего несчастія, но я сама виновата и—принимаю наказаніе: оно будетъ доказательствомъ моей любви къ нему. Но если вы словомъ, даже мыслью выразите, что думаете заплатить мнѣ за жертву, то я разрушу все, и вы всю жизнь не вырвете его изъ моихъ объятій.

— Пожалуйста, простите меня за неосторожное слово.

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать и будьте спокойны! Я не дорожу жизнью. Я съ гордостью принесу себя въ жертву; я умѣла любить безъ разсчетовъ и безъ трепета пойду на мученье... Оставьте же меня съ моими слезами!

Поля махнула рукою, президентъ тихо удалился въ свою комнату. Онъ достигъ своей цѣли, но въ душѣ его оставалось непріятное чувство: онъ надѣялся торжествовать надъ дѣвушкою, увѣренъ былъ, что побѣдитъ ее; а между тѣмъ, она поразила и уничтожила его высотою чувства и благородствомъ сердца; президентъ чувствовалъ себя униженнымъ въ глазахъ несчастной Поли и мучился этимъ.

XV.

Трудно выразить, что происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, когда она осталась одна, послѣ разговора съ президентомъ. Она прямо побѣжала въ бесѣдку, бросилась на колѣни и плакала, плакала горько и долго. Скорбь и отчаяніе наложили на нее свою тяжелую руку; на нѣсколько минутъ она потеряла самосознаніе, чувство, память, все... Пришелъ Алексѣй и какъ будто пробудилъ ее отъ сна. Онъ былъ нарочно

посланъ Юліаномъ, который очень безпокоился о ней, но самъ не имѣлъ возможности идти къ ней, потому что президентъ задержалъ его при себѣ. Поля подняла голову, услышавъ шаги Алексѣя. Почти нельзя было узнать ее съ опухшими и красными глазами, разгорѣвшимся лицомъ, она едва могла стоять. Алексѣй полагалъ, что какая-нибудь новая сцена съ Юліаномъ была причиною страданій дѣвушки.

— Что съ вами?—спросилъ онъ съ замѣшательствомъ.—Вы больны?

— Да, въ самомъ дѣлѣ я больна; не знаю, что сталось со мною, я вся дрожу.

И Поля улыбнулась сквозь слезы, подала ему свою бѣлую ручку и воскликнула:

— О, не смѣйся надо мною!.. И ты... и ты, отважный рыцарь, напрасно закрываешь свое сердце, такъ чтобы люди не замѣтили его біенья; скоро и ты узнаешь мою долю. Оба мы попали не въ свой свѣтъ, попали къ людямъ, которые только представляются намъ равными: улыбка ихъ привлекательна, ласковое обращеніе внушаетъ смѣлость, рука дрожитъ, душа, повидимому, вся открыта, но они, какъ боги, нисходятъ съ облаковъ, чтобы говорить съ нами, смертными; въ объятіяхъ нашихъ они расплываются... въ каплю грязи. Оба мы полюбили золотыя статуи. О, намъ слѣдовало оставаться въ своей деревнѣ: тамъ мы скорѣе нашли-бы и сердца, и людей!

— Я не понимаю васъ,—проговорилъ Алексѣй.—Пойдемте, я провожу васъ.

— Пойдемте, но вы прекрасно понимаете меня. О, не воображайте, что ваша тайна могла укрыться отъ глазъ женщины. Я знаю все, но умѣю молчать.

— Увы! все это ничего не значитъ.

— Ничего?.. Ахъ, правда! Кто оцѣнитъ наши страданія? Но зачѣмъ-же мы стремились къ нимъ? Мы стоимъ того, чтобы насъ оттолкнули съ презрѣніемъ: мы—слуги и должны были навсегда оставаться у нихъ слугами. Неужели въ своемъ кругу мы не нашли-бы ни сердца, ни людей?

— Да что случилось? Скажите, ради Бога!—спросилъ встревоженный Алексѣй.

— *То, что* завтра ожидаетъ и васъ,—отвѣчала Поля.—Если

вы не уйдете, не убѣжите отсюда, если не убьете свое чувство.

— Кажется, мои чувства такъ невинны.

— Невинны? Но въ ихъ глазахъ мы всегда виноваты: и за глубокую привязанность, даже за самое скрытое самоотверженіе, мы должны быть холодными куклами, послушными рабами. Но имѣть сердце, любить, приблизиться къ нимъ... О, это грѣхъ, преступленіе!

Такъ говорили они, пока шли къ дому. Алексѣй проводилъ Полю въ ея комнату. Анна, узнавъ о болѣзни подруги, хотѣла сейчасъ же бѣжать къ ней, но президентъ и мать удержали ее. Юліанъ, предполагая что-то необыкновенное, сидѣлъ какъ на угольяхъ.

Президентъ рѣшился сдѣлать видъ, будто ничего не знаетъ, и ни слова ни говорилъ Юліану.

Лишь только встали изъ-за стола, Юліанъ, молчавшій во все время обѣда, схватилъ Алексѣя за руку, отвелъ его въ сторону и спросилъ:

— Что случилось съ Полей?

— Не знаю,—жалуется, что больна.

— Президентъ ничего не говорилъ тебѣ?

— Ни слова.

— Онъ, кажется, ужъ все знаетъ. Я чувствую, что онъ будетъ препятствовать мнѣ, но я готовъ.

— Сберись съ силами, милый Юліанъ! Дай Богъ тебѣ побольше твердости.

— Въ людяхъ, которые кажутся слабыми, повѣрь, силъ больше, чѣмъ въ такъ называемыхъ твердыхъ. Эти падаютъ какъ дубы во время бури. Я согнусь, но вихрь меня не сломаетъ.

Алексѣй не сказалъ ни слова. Президентъ приказалъ принести шахматную доску, подозвалъ къ себѣ Юліана и, представляясь веселымъ, ни на минуту не пускалъ его отъ себя.

XVI.

Только на другой день Поля вышла изъ своей комнаты. Юліанъ искалъ на ея лицѣ развязки тайны, потому что съ тревогою предчувствовалъ ее. Онъ и Алексѣй внимательно смо-

трѣли на дѣвушку; но въ ея наружности нельзя было ничего замѣтить, кромѣ изнуренныхъ безсонницею глазъ, блѣдности и слѣдовъ страданія, происходившихъ отъ вчерашней болѣзни. Поля, повидимому, хорошо владѣла собою и, уже зная свое будущее, съ геройскимъ равнодушіемъ начинала переносить кровавую пытку за свою горячую страсть. Юліанъ не могъ понять—въ чемъ дѣло. Поля пріучила его къ своей причудливости, къ безпричинной печали, къ горькимъ слезамъ, часто отравлявшимъ короткія минуты счастія, къ капризамъ воображенія, раздражавшимъ сердце. Потому и теперь онъ думалъ, что вчерашняя болѣзнь и слѣды печали происходили собственно отъ присутствія президента въ Карлинѣ, которое заставляло ее быть осторожною. Бѣдная дѣвушка даже хотѣла было сказать какую-то шутку и улыбнуться, но улыбка ея тотчасъ была прервана глубокимъ вздохомъ, который былъ понятъ однимъ только Алексѣемъ.

— Онъ ничего не долженъ знать,—говорила Поля самой себѣ,—одна я принесу эту жертву; въ его сердцѣ не останется ни тоски, ни угрызеній, вся вина падетъ на одну меня, а онъ будетъ совершенно свободенъ и покоенъ. Пусть онъ любитъ меня хоть до тѣхъ поръ, пока судьба не пошлетъ сюда другого. Я притворюсь, что люблю этого пришельца, и Юліанъ забудетъ сироту. Первый, кто представится глазамъ моимъ, первый довольно сносный человѣкъ,—будетъ моимъ любовникомъ. Это низко! это ужасно!.. но одно преступленіе влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ... И все это для него, для Юліана, для того, кому я охотно посвятила бы и себя, и весь свѣтъ!

Вотъ въ чемъ заключалась горькая, но неизмѣнная рѣшимость Поли. Это самоотверженіе превышало силы слабой женщины, но глубокая любовь всегда полна героизма: безъ этого свойства она была бы только низкою страстью. Презрѣнная въ глазахъ людей сирота непремѣнно хотѣла возвысить себя такою жертвою; ея счастье висѣло уже на волоскѣ. Каждый разъ, какъ отворялись двери, она съ трепетомъ оглядывалась: не входитъ ли предназначенный призракъ, который долженъ принесть ей смертный саванъ?

— *Кто будетъ* моей жертвой?—думала Поля, и сердце ея *сжималось. Вдругъ* ея мысль остановилась на Алексѣѣ. Но онъ

уже любитъ!—подумала дѣвушка.—Надо уважать чистую, святую, глубокую любовь его.

Юліанъ нѣсколько разъ, и даже неосторожно, пытался подойти къ Полѣ, и, принятый съ обыкновенною улыбкою, успокоенный тайнымъ пожатіемъ руки, нетерпѣливо ждалъ вечера. Онъ не воображалъ, что это будетъ уже послѣдняя минута блаженства, что въ это свиданіе между ними станетъ страшная тайна.

Президентъ съ величайшимъ тактомъ притворялся, что ничего не видитъ, даже служилъ ширмою для другихъ, потому что надѣялся на Полю и понималъ ея гордость. Правда, иногда, подобно молніи, сверкала въ головѣ его мысль, что любовь, тщеславіе, жажда мести могутъ увлечь дѣвушку; но для подобнаго случая у него были готовы другія средства. Полковница не скрывала своего раздраженія и ненависти къ сиротѣ и глядѣла на нее со страшной злобою. Къ счастью, присутствіе Анны удержало и спасло ее отъ неосторожнаго шага

Для посторонняго зрителя день прошелъ самымъ обыкновеннымъ порядкомъ: на всѣхъ лицахъ были ежедневныя маски, ничто не обнаруживало тайной драмы. Наступилъ вечеръ, и всѣ были рады, что могли разойтись. Чтобы не оставаться долго съ президентомъ, Юліанъ сослался на нездоровье и выразилъ желаніе отдохнуть, отослалъ отъ себя людей, переодѣлся и стрѣлою побѣжалъ къ знакомой бесѣдкѣ. Поля немного опоздала. Юліанъ издали замѣтилъ дѣвушку. Она шла тихими шагами, точно приговоренная къ казни, а вслѣдъ за ней летѣло страшное слово, самый ужасный изъ всѣхъ приговоровъ: *нивѣки!* Юліанъ схватилъ ее и прижалъ къ сердцу.

— А, наконецъ-то!—воскликнулъ онъ.—Ты не знаешь, что я вытерпѣлъ!

Поля печально улыбнулась и, опираясь на его руку, сказала:

— Безцѣнный мой! не будемъ говорить о страданіяхъ, не станемъ отравлять нашего недолгаго счастья мыслью о прошедшемъ или будущемъ.

Глубокая скорбь прервала слова дѣвушки.

— Ты печальна?—спросилъ Юліанъ.—Что съ тобою?

— Такъ, ничего. Печаль—это неожиданный гость, навѣщающій насъ и въ минуты счастія. Кто можетъ сказать, откуда она приходитъ и какой ангелъ уноситъ ее съ собою на

крыльяхъ? Я грустна оттого, что чѣмъ дольше живу, тѣмъ менѣе вѣрю въ себя, въ тебя и въ свѣтъ.

— Въ меня?—съ упрекомъ спросилъ Карлинскій,—въ меня?

— Да, и въ тебя.

— Поля! Ради Бога не отравляй мнѣ этого блаженнаго вечера.

— Въ самомъ дѣлѣ, не будемъ говорить о печальномъ; минуты дороги, а завтра... Только одинъ Богъ знаетъ... завтра для меня страшно!

Дѣвушка вздрогнула.

— Какъ ты думаешь,—съ безпокойствомъ спросилъ Юліанъ,—президентъ узналъ что нибудь?

— Кажется, нѣтъ... но полковница...

— О, въ маменькѣ я не сомнѣваюсь. Что же касается президента,—прибавилъ онъ тише,—то мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ самъ догадался.

— Правда. Вѣдь ты не имѣлъ бы смѣлости сказать ему, что такъ унизилъ себя?—страдальчески проговорила Поля, цѣлуя его въ голову.—Слабый ангелъ мой! тутъ нужны необыкновенныя силы, потому что тебѣ пришлось бы бороться не съ однимъ президентомъ, не съ одною матерью, а со всѣмъ вашимъ обществомъ: въ состояніи ли ты сдѣлать это?

Юліанъ покраснѣлъ отъ стыда; сердце сильно забилось въ немъ.

— Ты всегда упрекаешь меня въ слабости, но теперь сама убѣдишься...

— Молчи!—перебила сирота, прижимая его къ сердцу.—Молчи! Я не хочу убѣжденій; вѣдь я сто разъ повторяла, что наша любовь не имѣетъ будущаго. Къ чему возобновлять эти вопросы и заклинанія? Ты свободенъ какъ птичка, и когда надоѣдятъ тебѣ объятія невольницы, ты оттолкнешь ее отъ себя... и никогда не увидишь болѣе...

Такъ говорили молодые люди, и какъ ни старались они наводить разговоръ на разсужденія о свободѣ и счастіи, но невольно обращались опять къ горестямъ и отчаянію: надъ ними тяготѣло какое-то черное предчувствіе, какая-то душная атмосфера будущаго. Юліанъ и Поля долго ходили по саду, и только первые проблески утренней зари, первое щебетанье разбуженныхъ птичекъ разлучили ихъ, какъ Ромео и Юлію, еще не вполнѣ насладившихся другъ другомъ, тоскливыхъ, печаль-

ныхъ, страдающихъ. Они прощались и провожали другъ друга изъ одной аллеи въ другую, постоянно дальше и дальше, такъ что Поля, наконецъ остановилась уже на порогѣ комнаты Юліана; но здѣсь слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки и, чтобы скрыть ихъ, она убѣжала.

XVII.

— Долго ли я буду страдать такимъ образомъ?—говорила себѣ на другой день бѣдная Поля.—О, пусть пройдетъ еще хоть день, хоть одинъ часъ... Какъ тяжело будетъ разстаться со счастіемъ и начать страданія!

Судьба сократила мученья дѣвушки, ускорила развязку; въ тотъ же день Юстинъ явился сверхъ ожиданія въ Карлинъ. Съ спокойной улыбкою на лицѣ, въ соломенной шляпѣ, въ сѣромъ пальто, съ палкою и книгою подъ мышками, съ огромнымъ пучкомъ лѣсныхъ цвѣтовъ въ рукѣ, пришелъ добрый и простой сердцемъ поэтъ, не ожидая, что, здѣсь должна рѣшиться его участь. Передавъ всѣмъ поклоны отъ пана Аѳанасія, онъ равнодушно сѣлъ среди Карлинскаго общества, потому что никогда не подчинялся свѣтскимъ приличіямъ и, отирая потъ съ загорѣлаго лба, съ дѣтскою наивностью разсматривалъ окружавшія его лица.

Поля вздрогнула, какъ бы угадывая, что именно этого человѣка судьба соединитъ съ нею, и почувствовала и гнѣвъ, и состраданіе.

— За что же онъ будетъ страдать? — говорила она сама себѣ:—зачто я возмущу его спокойствіе и отравлю ему жизнь? За что наполню я душу этого человѣка вѣчною тоскою, невѣріемъ, заставлю его только смѣяться надъ міромъ Божіимъ? Но почему и не страдать ему?—продолжала думать дѣвушка. Вѣдь я сама мучусь, умираю, безумствую—что-жъ я буду жалѣть его? Пусть и онъ страдаетъ! О, съ какимъ наслажденіемъ я буду смотрѣть на его мученья! Я очарую, привлеку, обольщу его красотою; онъ не найдетъ силъ вырваться изъ моихъ объятій. Прежде онъ смѣялся надо мною, теперь будетъ плакать у моихъ ногъ. О, пусть страдаетъ и онъ, и всѣ люди!

И въ то время, какъ Поля оглядывала гостя съ ногъ до

головы, попеременно волнуемая гнѣвомъ и состраданіемъ, поэтъ, послѣ далекой прогулки изъ Шуры въ Карлинъ, спокойно отдыхалъ въ гостиной, какъ дитя въ колыбели. Алексѣй удивлялся равнодушію, съ какимъ Юстинъ, по своему костюму, разговору, занятіямъ и взглядамъ на вещи, совершенно чуждый здѣшнему обществу, не старался приноровляться къ окружавшимъ его лицамъ, не сознавалъ себя низшимъ, потому что былъ человѣкъ другого свѣта, и съ полною свободою сына природы держалъ себя въ гостиной.

Президентъ, не умѣя цѣнить этого оригинальнаго лица, гнушаясь его простонароднымъ костюмомъ, испытывалъ непріятное чувство, какъ будто дотрогивался до чего-то колючаго и шероховатаго. Прочія лица, можетъ быть, не менѣе смущенныя появленіемъ этого рѣдкаго гостя, были, однако снисходительнѣе къ нему ради пана Аѳанасія. А между тѣмъ, поэтъ какъ будто не видалъ и даже не предполагалъ впечатлѣнія, которое производилъ собою, не смотрѣлъ на другихъ, держалъ себя очень естественно, нисколько не заботясь о томъ, какъ смотрятъ на него окружающіе.

— Чудную прогулку сдѣлалъ я теперь изъ Шуры въ Карлинъ! — громко сказалъ онъ, обращаясь къ Юліану и Алексѣю.—Какъ пріятно свободному человѣку весною идти пѣшкомъ туда, куда манятъ глаза и сердце! Во-первыхъ, въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ—сколько разныхъ картинъ по цѣлымъ часамъ останавливали меня на одномъ мѣстѣ! Лѣса, цвѣты, игра солнечныхъ лучей, вой вѣтра и глубина овраговъ, ароматъ, тысячи распустившихся цвѣтовъ, миріады насѣкомыхъ, птицы, звѣри... куда ни взглянешь—вездѣ картины. О, великій живописецъ—эта природа. Цѣлый часъ стоялъ я на дорогѣ и глядѣлъ на луговую площадку, на которой стояли старыя ольхи, цвѣли желтые кувшинчики, паслось стадо и пастухъ игралъ на свирѣли. Потомъ остановилъ меня старикъ нищій; я шелъ съ нимъ до первой деревни и разговаривалъ, какъ съ роднымъ братомъ. Въ деревнѣ у меня есть знакомый парень, онъ поетъ мнѣ славныя пѣсни, я засидѣлся у него на прилавкѣ. Потомъ я искалъ самой извилистой дороги, чтобы идти, какъ можно дальше, надышаться весною, налюбоваться цвѣтами...

Президентъ едва не разразился хохотомъ.

Поля вдругъ обратилась къ поэту съ шутливымъ упрекомъ:

— Значитъ, вы не спѣшили прійдти къ намъ, если искали самой длинной дороги?

— Спѣшилъ? Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ Юстинъ. Мнѣ пріятно видѣть васъ, но я увѣренъ, что зимою и лѣтомъ найду здѣсь все въ одномъ и томъ же видѣ, тогда какъ красоты природы такъ часто измѣняются, такъ чудно-разнообразны и говорятъ мнѣ о многомъ...

— Чего мы не понимаемъ?—съ улыбкою спросила Анна.

— Конечно—потому, что вы добровольно отреклись отъ всего, что можетъ пробудить въ васъ вдохновеніе. Запертые въ клѣткѣ, невнимательно глядя на природу, и притомъ еще подчищенную и подстриженную садовникомъ ради приличія, вы берете предметы разговора только изъ холодной книги, или другъ отъ друга. Не думаю, чтобы это было ново или любопытно.

Президентъ немного обидѣлся тономъ пришельца и сказалъ ему съ гордостью:

— Но, любезный мой, суди пологичнѣе: и въ природѣ, повторяющейся каждый годъ, нѣтъ ничего слишкомъ новаго.

— Извините; во-первыхъ, природа каждый годъ бываетъ вполнѣ новою, а люди, которые не смотрятъ на нее, съ каждымъ годомъ старѣются; далѣе, она умѣетъ соединить удивительное разнообразіе; наконецъ, она неисчерпаема, а люди, заимствуя все изъ однихъ себя, скоро не будутъ находить пищи.

— Не буду спорить, потому, что не стоитъ,—отвѣчалъ Карлинскій,—и благодарю за комплиментъ.

— Я не привыкъ говорить комплименты,—съ улыбкою сказалъ Поддубинецъ,—потому что живу съ природою, людьми, поэзіей и сердцемъ. По мнѣ, свѣтскіе обычаи и вѣжливость—худые наставники.

— Это зависитъ отъ ученика!—прошепталъ президентъ, выходя изъ комнаты и пожимая плечами.

Юліанъ, искренно сожалѣя, что его милаго гостя приняли такъ грубо, подошелъ къ Юстину, сѣлъ рядомъ съ нимъ и пожалъ его руку. Но на лицѣ поэта не замѣтно было, что колкія слова президента подѣйствовали на него. Анна, очень лю-

бившая Юстина за то, что онъ приносилъ съ собою настроеніе *святого дяди* (такъ она звала Аѳанасія), также подошла къ нему съ улыбкою и шепнула:

— Не сердитесь, мы понимаемъ и любимъ васъ.

— О, не безпокойтесь объ этомъ! Мнѣ очень жаль людей, когда они иначе и хуже понимаютъ свѣтъ и жизнь; но могу ли я препятствовать имъ въ выборѣ, если самъ хочу быть свободнымъ?

Поля, не спуская глазъ, издали глядѣла на поэта, какъ будто не рѣшаясь подойти къ нему и начать драму. Она измѣряла противника и, можетъ быть, воображала трудность предпріятія.

— А если онъ вѣщимъ духомъ узнаетъ мою притворную любовь и оттолкнетъ меня?—говорила себѣ дѣвушка. Во всякомъ случаѣ, Юліанъ будетъ презирать меня; этакъ будетъ еще лучше, и все падетъ на меня одну. Прежде я смѣялась надъ нимъ, теперь, пожалуй, онъ будетъ смѣяться надо мною. Нѣтъ! я не хочу вѣрить, чтобы онъ полюбилъ меня. Что я могу дать ему за благородную любовь, кромѣ холоднаго самопожертвованія?

Лихорадочныя мысли толпились въ головѣ дѣвушки. Между тѣмъ Юстинъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ на вопросы Юліана и Алексѣя.

— Какъ ты можешь вести жизнь исключительно среди природы?—спрашивалъ Карлинскій.—Какъ поэтъ, ты долженъ искать сочувствія слушателей, вѣнковъ и славы.

— Я поэтъ и живу вдохновеніемъ. Божій міръ, собственное сердце, старыя пѣсни, все прекрасное и святое — вотъ источники, изъ которыхъ я утоляю жажду и наслаждаюсь такимъ счастьемъ, что смѣло могу встрѣтить удары судьбы—и они не возмутятъ веселаго спокойствія души моей.

Эти слова, сказанныя такъ некстати, въ минуту, когда его счастью угрожалъ тайный замыселъ, заставили Полю вздрогнуть.

— Посмотримъ,—сказала она самой себѣ, — посмотримъ, бѣдный храбрецъ!

— Никогда я не представлялъ себѣ жизни полнѣе и счастливѣе моей,—продолжалъ Юстинъ.—Поэзія—это шестое, или

вѣрнѣе единственное чувство, при помощи котораго мы понимаемъ и соединяемъ въ одно цѣлое все, что люди находятъ загадочнымъ, противорѣчащимъ и непонятнымъ,—она воскрешаетъ и дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ. Я никому не завидую и смѣюсь надъ вашимъ величіемъ, считая все это дѣтскими игрушками. Васъ все страшитъ и безпокоитъ, а я странникъ на землѣ, на все смотрю равнодушно, моя великая поэма составляетъ всю мою собственность; одна минута вдохновенія вознаграждаетъ меня за цѣлые годы безплодныхъ мечтаній, видъ чего-нибудь прекраснаго восхищаетъ меня и дѣлаетъ безчувственнымъ къ самымъ сильнымъ огорченіямъ. Вы обладаете безчисленнымъ множествомъ предметовъ; у меня – только одна способность, которой вы не имѣете, и она щедро восполняетъ для меня недостатокъ всѣхъ мнимыхъ благъ міра.

— Поэма!—воскликнула Поля,—вы пишите поэму? Но мы такъ давно слышимъ о ней, что она должна быть ужъ кончена.

— Она кончится только съ моею жизнью,—отвѣчалъ поэтъ. Она огромна и величественна. Чтобы обработать ее, я долженъ всего себя посвятить ей. Я вездѣ ищу для нея матеріаловъ, собираю цѣлое; мое сердце бьется при видѣ новой картины, новаго образа, но конецъ еще далеко!

— Какъ! Даже и любознательнымъ людямъ вы никогда не покажете этой поэмы, столь материнскиі вскормленной вашею жизнью?—спросила Поля.

— Конечно, вы догадываетесь, что содержаніе моей поэмы почерпнуто не изъ нынѣшняго вѣка,—это напѣвъ умершей старины. Можете ли вы понять меня? Повѣрите ли вы, что человѣкъ, надъ которымъ вы смѣетесь, имѣлъ вѣщій даръ говорить о будущемъ? Нѣтъ живая поэма убьетъ дитя свое. Когда я умру, когда имя мое погаснетъ, тогда только полетитъ эта пѣснь—свободная, безымянная, великая, какъ вдохновеніе Духа Божія, какъ рапсодія Гомера—и люди лучше поймутъ ее, потому что за нею уже не будетъ человѣка, изъ устъ котораго она вылетаетъ.

Эти слова, произнесенныя съ какою-то наивною гордостью, въ другихъ людяхъ, можетъ быть, возбудили бы только насмѣшливую улыбку, но въ Полѣ и Алексѣѣ они увеличили

уваженіе и удивленіе къ поэту. Въ самомъ дѣлѣ, надо было имѣть огромную внутреннюю силу, чтобы посвятить себя подобному творенію безъ сочувствія, безъ надежды рукоплесканій,—и такая сила опредѣляла степень достоинствъ человѣка. Несмотря на свою наружность, среди окружающаго общества Юстинъ представлялся человѣкомъ изъ другого міра и вѣка, а на вдохновенныхъ устахъ порхала дѣтская улыбка. Полѣ стало жаль его.

— Нѣтъ, онъ не сумѣетъ, не будетъ любить меня! Подобно Аннѣ, онъ любитъ весь свѣтъ, всѣхъ людей, любитъ прошедшее, природу, солнце, цвѣты, но никакъ не полюбитъ одно слабое, ничтожное существо. И это къ лучшему. Я не сдѣлаю его несчастнымъ, потому что онъ не привяжется ко мнѣ, онъ слишкомъ великъ, его сердце, подобно океану, разливается по всему міру. Теперь я спокойна! Судьба знала, кого послать сюда, чтобы уменьшить мои страданья.

XVIII.

Поля совершенно посвятила себя рѣшимости освободить Юліана. Съ самаго начала, повидимому, продолжая шутить надъ поэтомъ и въ то же время постепенно сближаясь съ нимъ, она не вдругъ отстала отъ Карлинскаго. Но часто и безъ причины ревнивый Юліанъ въ скоромъ времени замѣтилъ, что Поля болѣе и болѣе занималась поэтомъ и была къ нему постоянно чувствительнѣе и довѣрчивѣе. Карлинскій, съ выраженіемъ досады, сказалъ ей объ этомъ, но Поля страдальчески улыбнулась и отвѣчала:

— Я хочу, чтобы ты былъ ревнивъ: это будетъ доказательствомъ, что ты любишь меня.

— Развѣ тебѣ нужны доказательства?

— Непремѣнно—и каждый день новыя. Когда мы вмѣстѣ, когда ты въ моихъ объятіяхъ, ты мой; но когда ты удалишься, я вижу въ тебѣ чужого человѣка, только на одну минуту привязавшагося къ невольницѣ, но старая Сарра рано или поздно непремѣнно выгонитъ бѣдную Агарь изъ своего дома.

Юліанъ покраснѣлъ и проговорилъ:

— Знаешь ли что? Пойдемъ къ президенту, къ маменькѣ смѣло скажемъ имъ все, и сразу покончимъ дѣло.

Поля улыбнулась и пожала плечами.

— Но достанетъ ли у тебя силъ на подобный подвигъ? Притомъ, хоть я люблю тебя, но не пойду за тебя замужъ. На другой день послѣ свадьбы искренняя любовь моя покажется тебѣ разсчетомъ,—вѣдь ты не въ силахъ прогнать подобную мысль. При первой непріятности въ твое сердце проникнетъ сомнѣніе. Нѣтъ! я хочу, чтобы ты вѣрилъ мнѣ, и не буду твоею женою. Я могла быть для тебя только любовницей...

Такъ иногда забывалась Поля. Но скоро опомнившись, она возвращалась къ своему предпріятію, сближалась съ Юстиномъ и представлялась занятою имъ и его поэзіей.

Прежде Юстинъ замѣчалъ въ Полѣ остроуміе, веселость, насмѣшливость, но не видѣлъ поэтической наклонности, и потому думалъ, что она теперь восторгается его поэзіею, чтобы потомъ сдѣлать его жертвою своихъ шутокъ и ироніи, Впрочемъ, душа его, не привыкшая къ скептицизму и анализу, не могла долго оставаться въ состояніи недовѣрчивости: поэтъ преклонился предъ красотою дѣвушки, такъ хорошо понимавшей его и, можетъ быть, первый разъ въ жизни встрѣтивъ горячую симпатію къ себѣ, улыбнулся ей съ такою отрадою, съ какою путешественникъ улыбается дереву, подъ тѣнью котораго онъ можетъ отдохнуть не больше минуты. Дѣвушка представлялась ему какъ бы новымъ существомъ, — онъ не могъ согласить прежняго настроенія Поли съ теперешнимъ.

— Скажите мнѣ, панна,—наивно спросилъ онъ ее,—кто же изъ васъ настоящая Поля: та ли, которую я вижу теперь, или та, которую видалъ прежде!

— И та, и другая,—отвѣчала Поля съ улыбкою.—Вы еще не знаете женщинъ: онѣ легко мѣняютъ свое настроеніе.

— Можетъ быть... можетъ быть... Но измѣниться въ такое короткое время...

— Теперь позвольте и вамъ сдѣлать вопросъ,— прибавила Поля:—когда вы видите слезу и улыбку, то которой изъ нихъ больше вѣрите?

— Слезѣ,—отвѣчалъ поэтъ.

Молодые люди замолчали. Юліанъ съ каждымъ днемъ яв-

ственнѣе замѣчалъ вѣтренность Поли, которая конечно растравляла его мученія.

Вскорѣ потомъ они уже перестали говорить другъ съ другомъ. Поля прогуливалась съ Юстиномъ въ саду, слушая его разсужденія о великой поэмѣ, раздражая поэта и въ то же время подавая лѣкарство противъ немощи, которую сама привила ему. Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенная драма разыгрывалась между этими существами. Въ поэтѣ пробуждалось серце, питавшееся до сихъ поръ только мечтами о прошедшемъ. Въ Полѣ попеременно проявлялись самыя противоположныя чувства: состраданіе къ поэту и желаніе испытать свои силы, отчаяніе о потерѣ Юліана и рѣшимость отказаться отъ него. У дѣвушки была сильная воля, но силы ея ежеминутно истощались. Впрочемъ, она постоянно и постепенно шла къ своей цѣли. Юліанъ сначала принималъ все это за шалость, потомъ за испытаніе его постоянства; но на третій день, доведенный до отчаянія, поздно ночью, вбѣжалъ въ комнату Поли, съ твердою рѣшимостью броситься ей въ ноги, просить прощенія, согласиться на всѣ условія, какія она предложитъ ему, лишь бы воротить блаженство вечеромъ въ бесѣдкѣ. При его появленіи, Поля стояла на колѣняхъ у кровати, заливаясь слезами. Она была очень слаба, лицо выражало утомленіе; разстрепанные волосы ея падали на плечи. Она судорожно сжимала свои маленькія руки, уста ея, казалось, подавляли стоны, вырывавшіеся изъ растерзаннаго сердца.

Юліанъ остановился въ дверяхъ. Поля должна была найти въ себѣ не человѣческія силы, чтобы, взглянувъ на него, не броситься ему на шею: такъ онъ былъ блѣденъ, такъ измѣнился, дрожалъ и страдалъ невыразимо-жестоко. Дѣвушка встала, набросила на шею платокъ и, молча дала знакъ, чтобы онъ вышелъ.

— Президентъ? — спросилъ Карлинскій съ выраженіемъ безпокойства.

— Я сейчасъ иду вмѣстѣ съ тобою.

Не говоря другъ другу ни слова, они вышли въ садъ. Юліанъ хотѣлъ вести ее въ знакомую бесѣдку, но сирота боялась *этого мѣста*, столь сладкаго воспоминаніями.

— *Нѣтъ! останемся* здѣсь, — сказала она рѣшительнымъ

тономъ. — Мы должны сказать другъ другу только нѣсколько словъ.

— Поля! заклинаю тебя Богомъ, всѣмъ на свѣтѣ, объясни мнѣ, что все это значитъ? Что случилось съ тобою? Въ самомъ ли дѣлѣ ты любишь Юстина и отталкиваешь меня, или это не болѣе, какъ одно жестокое испытаніе?..

— Я сама не знаю, кого я люблю и что дѣлаю!—проговорила дѣвушка слабымъ голосомъ.—Наше счастье было похоже на каплю росы,—она упала и навсегда впилась въ землю... не станемъ искать его... оно не воротится.

— Но я люблю тебя, люблю до гроба! Я всѣмъ готовъ пожертвовать для тебя!—съ жаромъ воскликнулъ Юліанъ, подходя къ ней.

Дѣвушка вздрогнула и остановила его рукою.

— Я говорила тебѣ, что нашъ бракъ невозможенъ, потому что мы далеко стоимъ другъ отъ друга. Любовь связала насъ... судьба раздѣлитъ не сегодня, такъ завтра; разстанемся, пока можемъ сдѣлать это безъ упрековъ и презрѣнія другъ къ другу.

Всегда спокойный и кроткій Юліанъ теперь первый разъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ съ горечью:

— Да скажи-же мнѣ, наконецъ, что ты такое? Неужели ты развратная женщина, которая едва насладилась страстью одного любовника—и уже ищетъ другого? Ты привлекаешь къ себѣ и, подобно злодѣю, ограбивъ, бросаешь жертву посреди дороги, на милость и состраданіе прохожихъ. Я былъ покоенъ! Я любилъ тебя; но побѣдилъ-бы любовь, убѣжалъ-бы отъ нея, преодолѣлъ-бы себя, если-бы ты не очаровала меня своими объятіями. По какому-же праву, отравивъ мнѣ жизнь, ты сама не хочешь пить изъ чаши, налитой твоею рукою? Ты не имѣешь на это права! Ты моя!

— Я свободна!—возразила Поля.—Вспомни, Юліанъ, я никогда не обѣщала пожертвовать тебѣ моею гордостью; ни разу не говорила: хочу быть твоею предъ алтаремъ и людьми. А ты самъ обѣщалъ жениться на мнѣ; я смѣялась надъ тобою, потому что этого не можетъ быть.

— Это должно быть!

— Нѣтъ!

— Стало быть, ты уже не любишь меня?—вскричалъ Юліанъ.

Поля потупила глаза и молчала.

— Да, не любишь,—прибавилъ Юліанъ.—Я былъ обманутъ, но этого не можетъ быть, я не могу жить безъ тебя!

Одинъ только Богъ знаетъ, что происходило въ сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она хотѣла бѣжать, она чувствовала, что скажетъ Юліану всю правду, — такъ сильно страсть и мученье давили грудь ея; но она уже не могла владѣть собою, слабѣла. Къ счастью, пораженный отчаяніемъ, Юліанъ, вмѣсто того, чтобы успокоить Полю, началъ смѣяться надъ нею:

— Ты никогда и любить-то не умѣла. Я всегда былъ жертвою. Ты хотѣла испытать на мнѣ чувства, которыя предназначала другимъ. Теперь явился другой, потомъ явится третій, десятый. Ты чудовище—не женщина! Ты холодное твореніе, безъ сердца.

Поля не могла дольше переносить упреки, зашаталась, задрожала, собрала послѣднія силы и убѣжала. Раздраженный Юліанъ возвратился въ свою комнату, но одиночество томило его, и онъ побѣжалъ къ Алексѣю.

Бѣдный Дробицкій сразу увидѣлъ по лицу Юліана, что происходило въ душѣ его. Подобно всѣмъ слабохарактернымъ людямъ, Карлинскій переживалъ рѣшительный кризисъ, истощая весь свой запасъ энергіи на короткое отчаяніе.

— Что съ тобою?—съ безпокойствомъ спросилъ Алексѣй.

— Я умираю! — восклицалъ Карлинскій. — Поля... Поля убила меня! Я готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для нея... она не любитъ меня... отталкиваетъ... Помоги мнѣ... спаси меня!

— Милый Юліанъ!—произнесъ Алексѣй, глядя на него съ глубокимъ состраданіемъ.—Давно я хотѣлъ тебѣ дать совѣтъ, да ты не принималъ его; потомъ я самъ сказалъ себѣ, что воротиться уже поздно. Признаюсь, я видѣлъ опасность твоего положенія, но могъ-ли я что-нибудь сдѣлать? Ты упалъ въ пропасть, безконечный лабиринтъ, и теперь я даже не могу предвидѣть, какимъ образомъ ты выйдешь оттуда здравъ и невредимъ. Пожалуйста, не мѣшай меня въ это дѣло.

— Какъ? ты покидаешь друга въ опасности! Алексѣй, я не узнаю тебя!

— *Послушай,*—возразилъ Дробицкій.—Я понимаю любовь *или святую, тайную* и безнадежную, или идущую прямо къ

цѣли, т. е. къ алтарю. Ты говорилъ, что хочешь жениться на ней... Женись! больше ничего тебѣ не остается.

— Но она сама отвергаетъ меня.

— Тутъ ужъ я не знаю, что дѣлать!

— И я тоже. Пожалуйста, разспроси ее. Тутъ что-нибудь да кроется, я предчувствую измѣну... интригу, обманъ.

Алексѣй молчалъ, но, спустя минуту, отозвался:

— Употребляя меня въ посредники, ты нисколько не поправишь дѣла; скорѣе ты самъ можешь узнать отъ нея всю правду. Во всякомъ другомъ случаѣ я охотно готовъ оказать тебѣ помощь. Не буду скрывать, что, рѣшаясь жениться на Полѣ, ты встрѣтишь противниковъ не только въ матери и президентѣ, но и въ панѣ Аѳанасіѣ, въ паннѣ Аннѣ, во всей роднѣ своей, которая погубитъ скорѣе несчастную Полю, нежели позволитъ тебѣ на ней жениться. Собери-же свои силы и готовься къ борьбѣ, къ уединенной жизни, трудамъ и бѣдности.

— Съ насъ двоихъ будетъ очень довольно Карлина.

— Нѣтъ!—перебилъ Алексѣй. — Разсчитывай не на весь Карлинъ, какъ привыкъ ты думать, а на часть, которая достанется тебѣ за выдѣломъ Эмилія и Анны: они имѣютъ въ немъ равную съ тобою долю. На этой третьей части у тебя останутся еще долги.

Юліанъ взглянулъ на него сверкающими глазами.

— Бѣдности я не боюсь,—сказалъ онъ.

— Вспомни, что до сихъ поръ всѣ тебя ласкаютъ, а тогда ты будешь отверженъ всѣми.

— И Анною? Это быть не можетъ.

— Я увѣренъ въ паннѣ Аннѣ; у ней ангельское сердце, но предсказываю, что она не пойметъ любви твоей. Она сама никогда не любила.

— Что будетъ, то будетъ, только ты помоги мнѣ! Я самъ разспрошу Полю. Не понимаю, почему прибытіе этого безумца Юстина вскружило ей голову: онъ совершенно отуманилъ ее своею поэзіей... или она хочетъ только возбудить во мнѣ ревность? Необходимо кончить это дѣло! Я готовъ на все! Уговоримъ ксендза, обвѣнчаемся тайно; потомъ я откроюсь маменькѣ и дядямъ, они должны будутъ согласиться.

— Но ты говорилъ, что Поля отказывается.

— Не думаю, чтобы она говорила правду. Она должна согласиться; она любила и любитъ меня, а я схожу по ней съ ума, я умру безъ нея!

И бѣдный Юліанъ зарыдалъ, бросившись въ кресло.

Поля въ своей комнатѣ лежала лицомъ къ подушкѣ и также обливалась горькими слезами; проведя одинъ невыразимо тяжелый день, она должна была готовиться на слѣдующіе, чтобю испытывать двойныя мученія. Впрочемъ, она играла свою роль съ какимъ-то лихорадочнымъ одушевленіемъ; даже холодный президентъ глубоко тронутъ былъ геройскимъ самоотверженіемъ дѣвушки.

Мечтатель Юстинъ, который носилъ въ душѣ своей только идеальное понятіе о любви, сначала съ недовѣрчивостью глядѣлъ на Полю, боялся насмѣшки, подозрѣвалъ ее, но когда замѣтилъ въ ея глазахъ блескъ какого-то дикаго огня, когда, наконецъ, уже не могъ обманываться въ словахъ дѣвушки, то почувствовалъ въ себѣ какъ бы новую силу,—послѣдняя завѣса упала съ глазъ его и открыла ему дѣйствительный міръ.

Поля съ трепетомъ и состраданіемъ замѣтила любовь, рождавшуюся въ сердцѣ поэта, и обмерла отъ страха. До сихъ поръ она обманывала себя надеждою, что сама падетъ жертвой. Въ первые дни Юстинъ спѣшилъ возвратиться домой, тосковалъ о своемъ уединеніи и тишинѣ, потомъ охотно остался въ Карлинѣ, началъ искать Полю, глядѣть на нее, улыбаться ей. Любовь поэта была такъ же проста и наивна, какъ онъ самъ. Онъ вовсе не скрывалъ своихъ чувствъ, не стыдился, не преувеличивалъ и прямо обнаруживалъ ихъ, такъ что постепенно развивавшуюся любовь легко можно было читать на устахъ и во взглядахъ молодаго человѣка.

Юліанъ видѣлъ все, но, связанный присутствіемъ президента, преслѣдовалъ Полю упреками и съ завистью глядѣлъ на поэта. Сколько разъ ни покушался онъ подойти къ дѣвушкѣ, Поля избѣгала его, садилась близъ Юстина, начинала съ нимъ странный разговоръ о поэзіи и прошедшемъ, восхищалась своимъ возлюбленнымъ; а послѣдній въ огнѣ блуждающихъ глазъ ея почерпалъ невѣдомую до сихъ поръ силу, порывался изъ спокойной сферы, въ которой жилъ доселѣ, и летѣлъ въ другую-высшую и болѣе лучезарную. Онъ занималъ дѣвушку разсказами,

читалъ ей, открывалъ свои мечты и самыя сокровенныя мысли. Поля сидѣла точно на горячихъ угольяхъ; слезы и улыбка свѣтилась на ея лицѣ. Въ дѣвственномъ сердцѣ поэта любовь была искрою на сухомъ кострѣ, предвѣстницей пожара, и одно дуновенье разожгло ее. Юстинъ былъ въ горячкѣ и не узнавалъ себя.

Нѣсколько подобныхъ дней, которыхъ невозможно описать въ подробности, наконецъ обратили на себя вниманіе равнодушной Анны, не замѣшанной и не умѣвшей участвовать въ драмѣ, которая совершалась вокругъ нея. Необыкновенное состояніе Юліана, раздражительность Поли, восторги Юстина, неусыпная наблюдательность президента—все это начало безпокоить и эту холодную дѣвушку.

— Что значитъ все это?—подумала она. Бѣдный Юліанъ страдаетъ. Что же случилось съ нимъ?

Она сочла самымъ лучшимъ спросить объ этомъ Алексѣя; но Дробицкій не умѣлъ и не могъ объяснить ей настоящаго положенія дѣла.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что Юліану надоѣла однообразная жизнь въ Карлинѣ; ему нужно развлеченіе, разнообразіе, Юстинъ, какъ поэтъ, можетъ быть, влюбился въ панну Аполлонію, а она...

— Замѣтили вы, какъ она измѣнилась съ нѣкотораго времени?—спросила Анна.

— Въ самомъ дѣлѣ... можетъ быть это, взаимная склонность!

— О, какъ бы это было прекрасно!

Анна радостно улыбнулась и прибавила:

— Онъ былъ бы счастливъ съ Полей, она поняла бы его, потому что и въ ней много поэзіи. Дядя Аѳанасій предназначаетъ своему любимому питомцу хорошую деревню близъ Шуры. Мы также могли бы сдѣлать что нибудь для Поли.

— Но все это однѣ догадки,—произнесъ Алексѣй со вздохомъ.—Посмотримъ еще.

— Я увѣрена, что мы угадали. О, какъ я радуюсь судьбѣ Поли! Бѣдная сирота! какъ трудно было ей найти человѣка, который бы оцѣнилъ ее! Большая часть молодыхъ людей испугались бы ея происхожденія!

Алексѣй улыбнулся.

— О, вы демократъ!—воскликнула Анна, замѣтивъ ею улыбку.—Можетъ быть, вы и правы, но старые предразсудки, какъ старыя болѣзни: ихъ можно только облегчить, но вылѣчить совершенно—невозможно!

Анна ушла отъ Алексѣя въ самомъ веселомъ расположеніи духа, можетъ быть, уже думая о приданомъ для своей подруги и о будущемъ ея хозяйствѣ.

Трое молодыхъ людей сошлись вмѣстѣ на половинѣ Юліана. Юстинъ сидѣлъ въ задумчивости, Алексѣй—печальный, Карлинскій—безпокойный; онъ внутренно страдалъ. Онъ нѣсколько разъ измѣрилъ глазами своего противника, пожалъ плечами и воскликнулъ:

— О чемъ ты думаешь, Юстинъ, о новой поэмѣ или о новой жизни?

— О той и о другой,—отвѣчалъ Поддубинецъ.

— Признайся, ты влюбленъ?.

— Не думаю, чтобы любовь моя могла принесть стыдъ мнѣ или кому другому, и признаюсь, что я люблю.

— Полю?—спросилъ Юліанъ, стоя противъ поэта и дергая платокъ въ рукахъ своихъ.

— Ты угадалъ,—отвѣчалъ поэтъ,—я страстно люблю!

— Но какъ возникло въ тебѣ это чувство?

— Да такъ, какъ оно всегда возникаетъ! Любовь посылаетъ или Господь Богъ, или дьяволъ—не знаю.

— Но ты любишь?

— Безумно и первый разъ въ жизни!

— А она?

Юстинъ поднялъ на него глаза и произнесъ:

— Объ этомъ скажи ты, потому что самъ я ничего не знаю; посторонніе глаза видятъ лучше, нежели свои.

Юліанъ горько разсмѣялся.

— Она, какъ всѣ женщины, будетъ любить тебя до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ тобою совершенно, а потомъ броситъ тебя и предпочтетъ другого! Юстинъ! ты начинаешь опасную игру. Берегись! Отдать сердце легко, но нельзя взять его назадъ невредимымъ: всегда въ немъ будетъ недоставать чего-нибудь. Женщина терзаетъ сердце своего любовника, какъ ребенокъ ломаетъ игрушку.

— Сколько разъ ты любилъ, былъ любимъ и обманутъ?— спросилъ Поддубинецъ.

— Довольно одного разу, чтобы помнить во всю жизнь.

— Но не для того, чтобы судить о всѣхъ.

— Такъ ты не боишься?

— Я? нисколько!—воскликнулъ поэтъ.—Для меня поэзія и любовь такія сокровища, которыя не потребуютъ отъ меня слишкомъ дорогой платы: они сами собою оплачиваются. Какъ поэтъ, я не нуждаюсь въ славѣ: я чувствую красоту и радуюсь, глядя на Божій міръ; этого мнѣ вполнѣ довольно. Какъ любовникъ, я самъ люблю, и моя любовь возвышаетъ, облагороживаетъ и упояетъ меня. Если меня преслѣдуютъ насмѣшками, я питаюсь моимъ вдохновеніемъ. Если мнѣ измѣнятъ, то изъ земнаго существа, которое покинетъ меня, я создамъ себѣ идеалъ, поставлю его въ душѣ моей и всю жизнь буду молиться ему. Воспоминаніе сообщитъ этой Галатеѣ жизнь и душу.

— Ты упрямъ, какъ поэтъ! — произнесъ Карлинскій.—Съ тобою нечего дѣлать. Но что тебѣ вздумалось влюбиться въ птичку, которая своимъ щебетаньемъ прежде такъ надоѣдала тебѣ?

— Не случалось ли тебѣ когда нибудь,—отвѣчалъ Юстинъ,— гуляя по вашему парку, нечаянно находить новыя картины, которыя прежде не поражали твое вниманіе, а теперь представляются тебѣ невыразимо прекрасными? Такъ точно бываетъ и съ людьми. Поднимается завѣса, скрывавшая блескъ лица, одно слово указываетъ намъ брата, сестру, и изъ чужихъ мы дѣлаемся навѣки неразлучными.

Юліанъ запѣлъ какую-то арію и побѣжалъ въ садъ. Увидя вдали прогуливавшуюся Полю, онъ бросилъ поэта съ Алексѣемъ и поспѣшилъ къ ней. Поля шла тихими шагами и не замѣтила бѣжавшаго Юліана съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами. Она вскрикнула, увидя предъ собою молодого человѣка.

— Ради Бога, — воскликнулъ Юліанъ, — избавь меня отъ сумасшествія! Скажи, что съ нами дѣлается? Поля! не обманывай меня и убей сразу. Неужели мнѣ приснилось, что я болше всѣхъ былъ любимъ тобою?. Или теперь снится, что ты избрала и полюбила другого?

— Панъ Юліанъ!—отвѣчала сирота,—прежде ты часто не

понималъ меня, теперь я не понимаю тебя. Имѣешь ли ты право запрещать мнѣ идти туда, куда я хочу?

— Вѣдь ты была моею?

— Была, но не обѣщала всегда принадлежать тебѣ. Я знала, что мы должны разстаться.

Слезы блеснули на ея глазахъ.

— Да, и начиная любить, ты уже знала, что перестанешь,—горько отозвался Юліанъ.—О, вы всѣ обманщицы; вы всѣ...

Карлинскій замолчалъ, видя, что Поля закрыла глаза и заплакала, не говоря уже ни слова и равнодушная ко всему, даже къ упрекамъ. Эти слезы воодушевили его надеждою. Онъ схватилъ руку дѣвушки и почувствовалъ, что она задрожала, вырываясь отъ него.

— Поля! неоцѣненная моя! ангелъ! Прошу, умоляю тебя, скажи мнѣ, что съ тобою? Испытываешь ты меня или уже не любишь?

— Не люблю!—произнесла несчастная, напрягая всѣ свои силы,—не люблю! Мы оба ошиблись. Я не умѣю быть постоянною... ты тоже скоро забудешь меня. Намъ осталось одно прошедшее. Забудемъ, чѣмъ мы были другъ для друга. О, только одного я прошу у тебя: не призирай и не проклинай меня! Будь сколько нибудь милостивъ и сострадателенъ ко мнѣ, добрый Юліанъ! Зато и Богъ будетъ къ тебѣ милостивъ.

Съ этими словами, совершенно непонятными для Карлинскаго, Поля вырвала у него свою руку и убѣжала. Юліанъ остался на мѣстѣ, какъ окаменѣлый.

Стоявшій вдали президентъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ всей этой сцены. Когда Поля ушла, онъ, увидя, что племянникъ его въ безсиліи упалъ на скамейку, тихо подошелъ къ нему, сѣлъ рядомъ и опросилъ:

— Что съ тобой? Ты нездоровъ.

— Нѣтъ!

— Такъ ты скучаешь? Это неизбѣжная болѣзнь горячей молодости — больше ничего. Тебѣ необходимо освѣжиться, разсѣяться.

Юліанъ отрицательно покачалъ головою.

— Я собственно пришелъ сообщить тебѣ превосходный планъ

прогулки, — продолжалъ президентъ, — и самъ хотѣлъ быть твоимъ товарищемъ; поѣдемъ вмѣстѣ.

— Куда?

— Увидишь. По двумъ причинамъ тебѣ необходимо думать о женитьбѣ: во-первыхъ, твой характеръ требуетъ этого, во-вторыхъ, состояніе...

— Но я не могу жениться, не любя! —воскликнулъ раздраженный Юліанъ.

— Женись, полюбя кого нибудь: это конечно, важное условіе, — подхватилъ дядя. Но, чтобы найти жену, нужно поискать. А такъ какъ тебѣ необходимо жениться на богатой, то и поѣдемъ искать приличной партіи.

— На богатой-ли, на бѣдной-ли, но я не хочу! —вскричалъ Юліанъ, выходя изъ терпѣнія. — Я не хочу смотрѣть на бракъ, какъ на торговлю.

— И я также, —хладнокровно подтвердилъ президентъ. — Наконецъ, если тебѣ хочется быть бѣднымъ и жениться на нищей, можешь поступать, какъ тебѣ угодно. Только въ подобномъ случаѣ ты долженъ серьезнѣе представить себѣ, — что ожидаетъ тебя?

— А что? труды?

— Кромѣ того, строгая бережливость и совершенная перемѣна жизни. Тебѣ необходимо будетъ отречься отъ довольства, къ которому ты привыкъ, отъ того образа жизни, какой ведешь съ дѣтства, и приноровиться къ новому положенію. Я высчиталъ, милый мой, что, выдѣливъ свою часть Карлина, ты получишь около четырехсотъ душъ; имѣніе заложено, кромѣ того, на немъ есть частные долги. При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и дѣятельномъ хозяйствѣ такое имѣніе принесетъ тебѣ дохода не больше тридцати тысячъ золотыхъ. Изъ нихъ слишкомъ половину съѣдятъ проценты, и тебѣ останется на житье около тринадцати тысячъ. Конечно, можно прожить съ такими деньгами; но, кажется, до сихъ поръ ты на однѣ сигары тратилъ до тысячи рублей въ годъ. Далѣе, ты любишь лошадей; портной ежегодно стоитъ тебѣ до пяти тысячъ. Теперь видишь, что тебѣ придется слишкомъ ограничивать свои привычки.

Юліанъ слушалъ разсѣянно; впрочемъ, понялъ слова дяди,

безпокойно взглянулъ на него и не могъ сказать ни слова. Президентъ продолжалъ:

— Бѣдность слишкомъ привлекательна только въ книгахъ— такъ точно, какъ самыя простыя и разоренныя хижины прекрасны только на картинахъ фламандской школы; въ нихъ никогда не согласится жить даже и тотъ, кто рисовалъ ихъ. Надо слишкомъ закалить себя, чтобы устоять подъ желѣзною рукою бѣдности, не испортиться и не сдѣлаться существомъ обыкновеннымъ, раздражительнымъ, прозаическимъ. Правда, есть люди, умѣющіе съ необыкновенною силою устоять въ подобной перемѣнѣ судьбы, но они рѣдки, и ни ты, ни я не принадлежимъ къ числу ихъ.

— Потому что мы испорчены, милый дядюшка.

— Да, испорчены—непремѣнно!—подтвердилъ президентъ, —но чертовски трудно исправиться; по крайней мѣрѣ, я ужъ вовсе не думаю перемѣнять себя, а ты—какъ хочешь. Прежде всего хотѣлось бы мнѣ видѣть тебя спокойнымъ и счастливымъ. Я, какъ ты видишь, не нападаю на тебя, не приказываю, а только прошу серьезнѣе подумать о будущемъ и позволить мнѣ вмѣстѣ съ тобою попытать счастья. Я не думаю, чтобы ты былъ уже влюбленъ, и потому, какъ молодой человѣкъ, сознающій потребность любви,—кто знаетъ?—можетъ быть, ты и заинтересуешь одну изъ тѣхъ паннъ, которыхъ я хочу тебѣ посватать. Сдѣлаемъ маленькую прогулку къ сосѣдямъ, а?

— Очень радъ,—отвѣчалъ Юліанъ,—но...

— Къ чему это *но?* Вѣдь я не отнимаю отъ тебя свободы; поступай, какъ хочешь. Визитъ ни къ чему не обязываетъ.

На другой день президентъ и Юліанъ сидѣли въ каретѣ. Карлинскій еще до сихъ поръ не зналъ, куда они ѣдутъ—для него это было все равно: равнодушный—онъ позволялъ везти себя куда угодно и даже не спрашивалъ объ этомъ. Но когда они проѣхали полмили, президентъ приказалъ поворотить въ мѣстечко Ситково.

— А, къ Гиреевичамъ!—воскликнулъ Юліанъ, пробуждаясь отъ задумчивости.

— Да,—съ улыбкою отвѣчалъ дядя,—къ графу Юрію Караханъ-Гиреевичу... Правда, личность смѣшная, домъ смѣшной, претензій множество; но какъ бы то ни было, онъ носитъ ти-

тулъ австрійскій, воспитанъ не хуже другихъ, тщеславенъ больше другихъ и, что важнѣе всего, имѣетъ единственную дочь и нѣсколько милліоновъ наличными деньгами.

— Скучные люди!

— Только смѣшные, это немножко лучше!—перебилъ президентъ.—Мы досыта наслушаемся музыки, наглядимся рѣдкостей, прекрасно пообѣдаемъ, ты увидишь панну—и мы возвратимся съ запасомъ смѣха на цѣлый мѣсяцъ. Но что касается богатства,—прибавилъ президентъ,—то имѣніе огромное, капиталы въ банкахъ, хозяйство великолѣпное, долговъ ни гроша. Притомъ, Ситково только въ двухъ миляхъ отъ Карлина, и фольварки даже граничатъ между собою. Откровенно скажу тебѣ, что Господь Богъ какъ будто нарочно создалъ панну Зенобію Гиреевичъ для одного изъ Карлинскихъ!

Юліанъ вздрогнулъ.

— Помни, что я никогда не буду ни уговаривать, ни принуждать тебя; поступай, какъ хочешь. Я вздохну, но предоставлю тебѣ полную свободу. Только не очень скучай тамъ. Мнѣ не хочется поселить въ Ситковѣ мысли, что я противъ воли затащилъ тебя. Тебѣ ничего не стоитъ быть немного повеселѣе!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Гиреевичи не принадлежали къ древней шляхетской аристократіи. Но въ аристократіи всѣхъ народовъ есть одно общее свойство: она легко пересаживается съ одного мѣста на другое, и ее вездѣ принимаютъ съ охотою. Такъ, напримѣръ, въ Италіи есть Понятовскіе, которые считаются тамъ природными жителями, а у насъ встрѣчается много нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и шведовъ, уже вполнѣ освоившихся съ нашимъ отечествомъ и принадлежащихъ къ нашей аристократіи. Наши паны привыкли производить свой родъ не изъ отечества, а изъ за моря: многіе изъ нихъ скорѣе рѣшатся признать своимъ родоначальникомъ неаполитанскаго носильщика или нѣмецкаго бургмейстера, чѣмъ бѣднаго шляхтича или казака; почти каждый отступается отъ родной земли и идетъ искать прапрадѣда въ Римѣ, Скандинавіи, Греціи, Константинополѣ, въ Истріи, Далмаціи и другихъ странахъ. Отецъ пана Юрія Гиреевича неизвѣстно какъ составилъ себѣ огромное состояніе, а сынъ его изобрѣлъ родословную, испросилъ прибавку къ своей фамиліи титула Кара-Ханъ и надъ гербомъ, изображающимъ мертвую голову и луну, прибавилъ княжескую мантію съ короною, какъ доказательство своего происхожденія отъ Гиреевъ. Онъ утверждалъ, что одинъ изъ Гиреевичей, Бурнасъ-Гирей, при набѣгѣ на Литву въ царствованіе короля Александра, имѣлъ при себѣ малолѣтняго сына. Одинъ литовскій шляхтичъ, по *фамиліи Ятовтъ*, отнявъ мальчика отъ отца, взялъ и увелъ

его въ плѣнъ. Впослѣдствіи татары просили его назадъ, давая на обмѣнъ сто литовскихъ плѣнниковъ, но соглашенія почему-то не состоялось. Молодой Кара-Ханъ Гирей, заключенный въ Ковно, долго томился въ неволѣ. Наконецъ, литовскіе татары, узнавъ объ этомъ, сжалились надъ участью молодого плѣнника и выпросили ему у короля свободу. Можетъ быть, Кара-Ханъ непремѣнно возвратился бы въ Крымъ, если бы не влюбился въ дочь какого-то Азулевича, татарина изъ Ваки, *) и, женившись на ней, не поселился навсегда въ Литвѣ. Въ скоромъ времени король Сигизмундъ подарилъ Кра-Хану значительныя пространства земель въ Бѣлоруссіи, обязавъ его за это исполнять службу противъ всѣхъ враговъ отечества, исключая своихъ единовѣрцевъ. Сынъ его принялъ христіанскую вѣру, и, посредствомъ женитьбы, снискавшей ему милости при дворѣ, соединился со шляхтой. Такимъ образомъ Гиреевичи сдѣлались литовцами; но что сталось съ ними впослѣдствіи, какъ они переселись въ Волынь, объ этомъ ничего неизвѣстно. Мы видимъ ихъ уже богатыми, съ короною на гербѣ, владѣльцами нѣсколькихъ тысячъ душъ и болѣе или менѣе допущенными въ высшее общество.

Графъ Юрій Кара-Ханъ Гиреевичъ былъ женатъ ни больше, ни меньше, какъ на графинѣ Виллерсъ, происходившей изъ тѣхъ именно графовъ, которыхъ такъ много уродилось у насъ въ послѣдніе годы царствованія Станислава-Августа Французы, итальянцы и нѣмцы прекрасно пользовались въ то время нашею легковѣрностью. Сперва, занимаясь торговыми оборотами и мелкою промышленностью, они составили себѣ огромное состояніе; потомъ получили разныя привиллегіи, наконецъ добыли себѣ индигенаты, подтверждавшіе ихъ древніе, будто бы иностранные титулы, и такимъ образомъ не одинъ уличный продавецъ ваксы, въ царствованіе королей изъ Саксонскаго дома, являлся на гродненскій сеймъ уже паномъ графомъ и секретно собиралъ остатки невыплаченныхъ долговъ отъ своихъ кредиторовъ. Это были странныя сѣмена молодой аристократіи, происходившія или изъ фруктовыхъ лавокъ, или отъ экономовъ и управителей, умѣвшихъ пользоваться безпорядочною жизнью обѣд-

*) Татарская *колонія* подъ г. Вильно.

нѣвшихъ вельможъ и разграбившихъ наслѣдіе нѣкогда знаменитыхъ гетмановъ. Толпы выскочекъ подобнаго рода, въ самое короткое время наживъ состояніе и въ этомъ занятіи довольно освоившись съ панами, не перешли въ шляхту, такъ какъ она косилась бы на нихъ, но, съ помощью титуловъ, прямо стали въ ряды аристократіи. Сперва ихъ осмѣивали и презирали; но чего не сдѣлаютъ деньги? Во второмъ поколѣніи на нихъ стали смотрѣть уже довольно равнодушно, а въ третьемъ не было даже и помина о прежнемъ.

Домъ Гиреевичей, какъ и происхожденіе ихъ, былъ очень оригиналенъ, или, говоря по старинному, походилъ на святилище музъ и Аполлона. Самъ графъ Юрій, человѣкъ ограниченнаго ума, но въ высшей степени тщеславный, былъ страстный любитель музыки, съ восторгомъ игралъ на скрипкѣ и содержалъ квартетъ; кромѣ того, гордился своей библіотекой, физическимъ кабинетомъ и множествомъ рѣдкостей, и каждый гость непремѣнно долженъ былъ осматривать и хвалить ихъ. Никто не могъ избѣжать ревизіи всѣхъ ситковскихъ драгоцѣнностей; а хозяинъ, всегда показывая ихъ самъ, обыкновенно говорилъ о цѣнѣ, за какую пріобрѣлъ ихъ. Не умѣю объяснить, какимъ образомъ однако эта благородная любовь къ искусствамъ и наукамъ мирилась съ величайшею разсчетливостью, господствовавшею въ домѣ Гиреевичей. Графиня, игравшая только на стекляной гармоникѣ, привезенной изъ Вѣны и купленной, по словамъ графа, за сто дукатовъ, во всемъ сочувствовала мужу и отъ всего сердца помогала ему. Всегда вмѣстѣ показывали они гостямъ чудеса природы и искусства, находившіяся въ Ситковѣ; самымъ первымъ изъ чудесъ была единственная дочь хозяина, избалованная и изнѣженная дѣвушка; родители въ ней души не чаяли, каждое дыханіе ея наполняло ихъ благоговѣніемъ и восторгомъ. Панна Зенобія была дѣвочка лѣтъ пятнадцати, нѣжная, слабаго сложенія, съ свѣтлыми волосами, голубыми глазками, недурная собой, но и не красавица, впрочемъ, довольно стройная и ловкая. Она знала, что будетъ имѣть огромное приданное и что многіе будутъ добиваться ея руки. Ей въ глаза превозносили ея красоту, а способность ея къ игрѣ на фортепіано считали столь *необыкновенною,* что даже не знали, какъ и хвалить. Весь

домъ жилъ прекрасною Зени, своею повелительницей и царицей; отецъ предъ ней благоговѣлъ, мать падала на колѣни, всѣ угождали ея фантазіямъ; а прихотей и капризовъ было у Зени очень не мало.

Жизнь въ Ситковѣ шла не слишкомъ весело, гости рѣдко туда пріѣзжали. Каждый боялся музыкальной пытки, — гармоники графини, скрипокъ графа, скромно сравнивавшаго себя только съ Липинскимъ, фортепіано Зени, квартета, осмотра и описанія всѣхъ рѣдкостей, — и не рѣшался расточать безчисленныхъ похвалъ, какъ необходимую дань за визитъ свой. Къ тому же здѣсь принимали гостей съ величайшимъ радушіемъ, задерживали и не отпускали ихъ до тѣхъ поръ, пока не были осмотрѣны всѣ рѣдкости.

Вотъ въ какой домъ президентъ везъ Юліана. Всегда живя въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гиреевичемъ, особенно съ его женою, потому что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ вздыхалъ по ней, президентъ питалъ надежду избавиться отъ обзора, по крайней мѣрѣ, половины тамошнихъ рѣдкостей. Ситковскія палаты стояли на холмѣ и видны были очень далеко; ихъ окружали англійскій садъ и красивыя пристройки. На лицевой сторонѣ помѣщался гербъ хозяина съ безчисленными украшеніями. Начиная отъ большой дороги до самаго дома, по обѣимъ сторонамъ, стояли старинныя статуи, а на дворѣ и внутри дворца находилось безчисленное множество разныхъ рѣдкостей. Самая обыкновенная вещь почему-то становилась здѣсь рѣдкостью и должна была непремѣнно обращать на себя вниманіе зрителя.

Гости вошли въ гостиную и никого не нашли тамъ. Принявшій ихъ слуга проворно стеръ кое-гдѣ пыль и полетѣлъ доложить пану, занятому счетами, и пани, читавшей дочери какую-то книгу. Зени была немного слаба зрѣніемъ, и мать сама читала дочери, чтобы развлекать ее, потому что Зени не могла заниматься никакою работою. Пока собирались хозяева, президентъ и Юліанъ имѣли время осмотрѣть гостиную. На первомъ мѣстѣ стояло фортепіано Плейеля въ зеленомъ чахлѣ, далѣе гармоника графини и, наконецъ, палисандровый футляръ съ Страдиваріусомъ самого хозяина. Вся мебель покрыта была чахлами. На стѣнахъ висѣло множество картинъ, но онѣ ни-

чѣмъ не отличались, и развѣ одинъ хозяинъ могъ понять и объяснить ихъ достоинство. На этажеркахъ и полкахъ стояло множество древнихъ бездѣлушекъ, раковинъ, полуразбитыхъ сосудовъ, мнимыхъ этрусскихъ вазъ, венеціанскихъ кувшиновъ, окаменѣлостей и т. п.

Въ скоромъ времени вбѣжалъ самъ Гиреевичъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно красивый, съ обыкновенными чертами лица, начинавшій немного толстѣть, съ улыбающимся лицомъ, всегда нарядный и во фракѣ, съ огромною булавкою на шарфѣ и такими же перстнями на каждомъ пальцѣ. Увы! Каждый изъ этихъ перстней имѣлъ свою необыкновенно занимательную исторію. Взглянувъ на Гиреевича, тотчасъ можно было угадать въ немъ человѣка, у котораго все только на показъ; въ душу его могъ проникнуть развѣ одинъ богъ, потому что только Онъ одинъ можетъ бросить взоръ въ Бездны ничтожества. Издали графъ походилъ на фокусника итальянца или владѣльца кабинета восковыхъ фигуръ, даже рукава его фрака были засучены, какъ будто онъ сейчасъ примется за фокусы.

Вбѣжавъ въ гостиную, хозяинъ встрѣтилъ гостей самою искреннею улыбкою,—такъ давно онъ никому ничего не показывалъ!—крѣпко пожалъ и потрясъ руку президента, едва не съѣлъ Юліана, такъ какъ молодой человѣкъ въ первый разъ былъ у него въ домѣ.

— Какъ я радъ дорогимъ гостямъ! — воскликнулъ онъ. Эй, человѣкъ! скажи барынѣ и Зени! Какъ я радъ, какъ я радъ!

И Гиреевичъ уже слѣдилъ за блуждающими по гостиной взорами гостей, чтобы найти поводъ начать обозрѣніе своихъ рѣдкостей.

Осторожный президентъ глядѣлъ только на полъ, опасаясь, впрочемъ, чтобы и на немъ не нашлось чего-нибудь стоющаго похвалы. Но Юліанъ взглянулъ на одну полку, и этого было довольно, чтобы хозяинъ, потеревъ руки, тотчасъ объяснилъ себѣ взглядъ его возбужденнымъ любопытствомъ.

— Позвольте, — началъ Гиреевичъ, — вы смотрите на тѣ сосуды, они составляютъ, можетъ быть, единственный въ нашихъ краяхъ опытъ искусства, перенятаго венеціанцами отъ грековъ. Это такъ называемыя Vasi a ritorti, необыкновенно

дорогія. Я имѣю слабость влюбляться во всѣ рѣдкости и уже огромныя суммы истратилъ на ихъ покупку.

— Благородное стремленіе! — насмѣшливо замѣтилъ президентъ.

— Но у насъ,—подтвердилъ Гиреевичъ,—почти никто не цѣнитъ подобной страсти, и всѣ обращаютъ ее въ смѣхъ! Принужденный жить въ деревнѣ, я окружилъ себя маленькимъ музеумомъ. Vasi a ritorti di latticinio!—воскликнулъ хозяинъ, не давая времени прервать себя, — очень рѣдки и дороги, не многіе кабинеты имѣютъ подобные сосуды, особенно такіе, какъ этотъ, съ фигуркою на крышкѣ... Что за работа! Или этотъ сосудъ изъ разряда vasi fioriti mille fiori. А вотъ эта фляжка, неправда-ли, великолѣпная? Даже заграницею она большая рѣдкость. У меня хотѣли купить ее для музеума Дюссомерара, но я не поддался и поддержалъ честь родины!

Юліанъ похвалилъ и обернулся въ другую сторону, но, къ несчастью, взглядъ его упалъ на стоявшіе въ углу часы. Хозяинъ усмѣхнулся.

— Настоящіе de Boule, высота два метра и тридцать сантиметровъ, показываютъ часы, минуты, дни, мѣсяцы и секунды, но, къ несчастью, теперь не ходятъ. Это—въ полномъ смыслѣ произведеніе искусства!

— У васъ много чудесныхъ вещей, милый хозяинъ!—съ улыбкою сказалъ президентъ.

Гиреевичъ скромно потупилъ глаза, потеръ руки и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Прежде, чѣмъ придетъ жена, мы успѣли-бы сходить наверхъ и бросить бѣглый взглядъ на кабинетъ и библіотеку. Не правда-ли? вѣдь мы не потеряли-бы напрасно времени?

Для выходившаго изъ терпѣнія Юліана было все равно: здѣсь или въ другомъ мѣстѣ хвалить и зѣвать. Президентъ принялъ предложеніе, и Гиреевичъ провелъ гостей черезъ двѣ комнаты, гдѣ, pro memoria, указалъ только на картины и бюсты съ отбитыми носами, и привелъ наверхъ.

Библіотека помѣщалась въ полукругломъ салонѣ. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ, заваленный рукописями и картами; тутъ былъ даже кусокъ папируса. Но вообще было замѣтно, что собиратель составилъ свой кабинетъ ради одной

фантазіи, что онъ зналъ очень мало и не умѣлъ извлечь изъ этого собранія ни малѣйшей пользы. Рядомъ съ предметами дѣйствительно прекрасными и любопытными стояли поддѣльныя и фальшивыя и неизвѣстно для какой цѣли помѣщенныя здѣсь ничтожныя вещи.

— Тутъ, съ восторгомъ воскликнулъ хозяинъ, указывая на полки,—подъ этимъ бюстомъ Бетховена, заключаются первые мои сокровища — музыка! Смѣло могу похвалиться, что въ нашемъ отечествѣ нигдѣ нѣтъ подобной музыкальной библіотеки, объ этомъ пусть скажетъ вамъ Обергилль.

Обергилль былъ первый скрипачъ въ квартетѣ, директоръ музыки въ Ситковѣ и вмѣстѣ лѣсничій и бухгалтеръ.

— Начиная отъ композиторовъ духовной музыки XV вѣка до настоящаго времени, здѣсь вы найдете все. Можетъ быть, вы еще не знаете,—прибавилъ хозяинъ, обращаясь къ Юліану,—что мы здѣсь всѣ до одного fanatici per la musica. Славный Карлъ Липинскій часто говаривалъ, что въ его композиціяхъ я открываю то, чего даже онъ самъ не предполагаетъ. Понимаете, что значутъ подобныя слова? Моя жена играетъ на рѣдкомъ инструментѣ — стекляной гармоникѣ; нервные люди млѣютъ, это въ полномъ смыслѣ музыка ангеловъ! Зени, дочь моя, всѣхъ, даже самого Листа превосходитъ въ игрѣ на фортепіано. Если-бы она не родилась милліонеркою, то сама собрала бы милліоны, какъ Женни Линдъ... какъ...

Гиреевичъ долго проговорилъ-бы о себѣ, если-бы взоры Юліана не упали случайно на оружейникъ, помѣщенный на одной полкѣ.

— Это восточныя оружія! Подлинно ужъ есть на что посмотрѣть! У насъ,—прибавилъ хозяинъ, всегда повторяя любимую пѣсню, — у насъ никто не видалъ ничего подобнаго, даже за границею это большая рѣдкость! Почти за все я платилъ на вѣсъ золота. Это сабля Тонгъ-Конга. Посмотрите, какая богатая отдѣлка, какъ искусны въ ней рѣзныя украшенія! Далѣе бирманскій ножъ, криссъ малайскій, клеванъ яванскій, индійская сабля, канджаръ персидскій, ятаганъ алжирскій. А вотъ этотъ щитъ сдѣланъ изъ кожи единорога и окованъ золотомъ, *индійское* произведеніе! Подобнаго оружейника вы нигдѣ *не найдете!*

Невозможно было избѣжать описаній. Куда ни обращались глаза гостей, Гиреевичъ вездѣ находилъ сказать что-нибудь любопытное. Каждый шкафъ имѣлъ свою исторію, каждая книга—свое преданіе.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла электрическая и пневматическая машины. Вольтовъ столбъ, превосходной работы гидрометры. Хозяинъ хотѣлъ было сейчасъ-же наэлектризовать голодныхъ гостей и уже протянулъ руку, чтобы позвонить Янку, служившему при машинахъ, но президентъ какъ-то отговорился отъ подобнаго угощенія.

— Электризація очень полезна для здоровья! — наивно сказалъ хозяинъ.—Это испыталъ я на самомъ себѣ. Когда я измученъ или печаленъ, или страдаю головною болью, то сажусь къ машинѣ и приказываю наэлектризовать себя: въ одно мгновенье снимаетъ болѣзнь.

Китайскій сургучъ и японскій фарфоръ, стоявшіе въ углу, заняли немного времени; зато гости принуждены были хоть сквозь зубы выразить удивленіе при взглядѣ на бронзовую индійскую статуэтку, называемую *Вира-Бгадра-Магедевц*. Хозяинъ считалъ ее самою важною и драгоцѣнною въ Ситковѣ древностью, приписывая ей три тысячи триста съ чѣмъ-то лѣтъ. Эта статуэтка имѣла четыре руки, корону, необыкновенное вооруженіе, а у пояса—нѣчто въ родѣ четокъ изъ человѣческихъ череповъ. Хозяинъ воспользовался случаемъ, чтобы разказать гостямъ почти всю индійскую миѳологію,—и тутъ кончился обзоръ, потому что слуга доложилъ, что графиня уже въ гостиной и ждетъ гостей къ чаю.

Но это было только начало!

Гости нашли хозяйку сидѣвшею на диванѣ. Президентъ подошелъ къ ней съ сладкою улыбкою прежняго обожателя, а она, покраснѣвъ, издали подала ему свою ручку и встрѣтила его очень радушно. Графиня была не слишкомъ молода; худое лицо ея хранило, впрочемъ, слѣды прежней красоты, глаза ея были прищурены и окружены густою сѣтью морщинъ; впрочемъ, вообще она не поражала ничѣмъ особеннымъ и была похожа на всѣхъ женщинъ. Рядомъ съ нею сидѣла дочь, блондинка, похожая на куклу, съ миною избалованныхъ дѣтей, которыхъ необходимо кормить безпрестанными похвалами и угожденіемъ. Мать и дочь одѣты были черезчуръ нарядно.

Дядя представилъ Юліана дамамъ; но, несмотря на всѣ его наставленія, печальный и разстроенный Карлинскій не могъ выразить на лицѣ своемъ ни веселости, ни даже оживленія. Зени оглянула молодого человѣка съ головы до ногъ; можетъ быть, несмѣлость Юліана ей даже понравилась. Разговоръ пошелъ было обыкновеннымъ порядкомъ; но здѣсь трудно было вести его безъ помощи окружающаго старья. Хозяинъ, хозяйка и уже привыкшая къ этому Зени вскорѣ обратили разговоръ на музыку, библіотеку, музеумъ и древности. Мать и дочь прекрасно знали всѣ эти вещи наизустъ, какъ и самъ хозяинъ. Чай на короткое время остановилъ обзоры и описанія; но, пока пили его, уже составлена была программа, какъ провести остатокъ дня: прежде всего предположенъ былъ квартетъ, потомъ слѣдовалъ дуэтъ самаго хозяина съ дочерью, далѣе—игра хозяйки на гармоникѣ, въ заключеніе прекрасная Зени обѣщала сыграть Concertstück Вебера и нѣсколько пѣсенъ Шуберта. Если бы послѣ всего этого осталось еще нѣсколько свободнаго времени, то предполагалось посвятить его на обозрѣніе рѣдкостей, хранившихся въ ящикахъ.

— Повѣрьте, у насъ нашлось бы чѣмъ развлечь и занять васъ хоть на цѣлую недѣлю,—произнесъ Гиреевичъ, потирая руки.

Юліанъ почувствовалъ нетерпѣніе и досаду, а президентъ вѣжливо улыбнулся.

Слуги проворно убрали чай, потому что во время музыки должна была царствовать глубокая тишина: даже на тѣхъ, кто кашлялъ во время игры, смотрѣли здѣсь съ неудовольствіемъ. Лишь только вынесли послѣдній подносъ, вдругъ явился панъ Обергилль,—нѣмецъ, съ лицомъ длиною въ три четверти локтя и волосами, зачесанными на затылокъ, въ галстухѣ à la Colin и со скрипкой подъ мышкою. Гиреевичъ представилъ его обществу, какъ воспитанника пражской консерваторіи и творца знаменитой кантаты въ честь Моцарта, публично игранной въ Вѣнѣ въ... которомъ именно году, не помню.

Панъ Обергилль раскланялся скромно и съ сознаніемъ своего достоинства. За нимъ вошли: принадлежащій къ квартету *violino* secundo, нѣкто Брандысевичъ, съ носомъ чрезв-

чайно краснымъ, въ обыкновенное время домашній бухгалтеръ, а при гостяхъ музыкантъ, въ темносинемъ фракѣ; альтъ-скрипачъ, старикъ Мейеръ, бывшій членъ костельной музыки у отцовъ доминиканцевъ въ Луцкѣ, немножко хромой и чрезвычайно глухой, но съ строгою точностью игравшій свою партію, не обращая вниманія на другихъ; наконецъ, віолончелистъ Янъ Сумакъ, длинный, неуклюжій и полусогнутый мужчина: онъ прислуживалъ во время стола, никогда не игралъ соло, но, по мнѣнію Гиреевича, имѣлъ хорошее ухо и сильныя руки; послѣднее достоинство артиста было очевидно для всѣхъ, потому что въ немъ больше всего бросались въ глаза огромныя, съ растопыренными пальцами, руки. Немедленно поставили столики, раздали ноты, панъ Обергилль три раза ударилъ смычкомъ, и началась музыка. Хозяинъ счелъ долгомъ своею выразительною мимикою объяснить смыслъ этой музыки гостямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прижималъ обѣ руки къ сердцу, то вдругъ одну изъ нихъ поднималъ къ небу, мигалъ глазами, улыбался, стоялъ на одной ногѣ, моталъ головою, и, хотя самъ не игралъ въ квартетѣ, однако своею симпатіею принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Музыка шла живо, такъ какъ на бездѣлицы здѣсь никто не обращалъ вниманія. Глухой Мейеръ пропустилъ два такта и нѣсколько опередилъ товарищей, но віолончель братски постаралась скрыть его ошибку. Смѣлѣе и размашистѣе всѣхъ игралъ Обергилль; самъ хозяинъ переворачивалъ ему ноты и подавалъ знаки сочувствія. Наконецъ, шумнымъ tutti музыка кончилась, глухой Мейеръ выѣхалъ двумя тактами дальше окончательнаго аккорда — громкія рукоплесканія были наградою скромныхъ виртуозовъ. Tutti bravi!!

Гиреевичъ истощался на похвалы артистамъ; но говорилъ тихо, чтобы не внушить имъ излишней гордости. Когда же артисты вышли, онъ особенно распространился въ похвалахъ віолончелисту.

— Я долженъ прятать этого человѣка, это въ полномъ смыслѣ кладъ! У меня давнымъ давно отняли бы его, заплатили бы какія угодно деньги. Къ счастью, онъ самъ не понимаетъ своего таланта и чрезвычайно скроменъ.

При этихъ словахъ Гиреевичъ уже вынималъ Страдиваріуса изъ футляра и сперва показалъ его гостямъ своимъ.

— На видъ самая обыкновенная скрипка, — прибавилъ онъ,—но какой звукъ! что за пріятность, что за сила! Я купилъ ее въ Италіи. Представьте, самъ Паганини хотѣлъ пріобрѣсти ее, но я перекупилъ у него и завладѣлъ этимъ сокровищемъ. Смѣло могу сказать, что подобнаго инструмента нѣтъ въ Европѣ, слѣдовательно и въ мірѣ.

Онъ повелъ смычкомъ и бросилъ торжествующій взглядъ на всѣхъ присутствующихъ.

— А, что? Пусть кто нибудь покажетъ мнѣ подобную скрипку.

Зени сѣла за фортепіано, а Гиреевичъ, съ неподражаемою граціею ставъ передъ пюпитромъ, съ чувствомъ и вдохновеніемъ началъ играть.

Не стану описывать, какъ онъ игралъ, потому что музыку подобнаго рода оцѣнить невозможно. Скажу только, что онъ сильно старался и ломался, а гдѣ не могъ исполнить вѣрно, то умѣлъ прекрасно покрыть варіаціями собственнаго изобрѣтенія. Послѣ каждаго соло онъ взглядывалъ на слушателей, какъ бы вызывая рукоплесканія.

Дочь умѣла пожертвовать собою, вторила отцу и нисколько не думала о себѣ. Потомъ слѣдовали восторги и пожатія рукъ, принятыя артистомъ скромно, но съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

— Эту композицію Липинскаго,—сказалъ Гиреевичъ,— я игралъ въ его присутствіи въ Дрезденѣ. Повѣрите-ли, онъ остолбенѣлъ. Я замѣтилъ тѣнь зависти на лицѣ знаменитаго артиста: видно—и геніи бываютъ больны ею! Наконецъ, у него вырвались достопамятныя слова: — Въ моей композиціи вы открыли прелесть, которой я и самъ не подозрѣвалъ. Въ самомъ дѣлѣ, я слыхалъ, какъ Липинскій играетъ этотъ дуэтъ. Признаюсь—разница огромная! Можетъ быть, и скрипка много значила въ этомъ случаѣ. Липинскій не могъ наглядѣться на нее.

Тщательно вытеревъ своего Страдиваріуса, хозяинъ уложилъ его въ футляръ и заперъ на ключъ, который всегда носилъ на шеѣ. По программѣ слѣдовала гармоника, но такъ какъ еще надобно было приготовить ее, то гости имѣли время проглотить испытанныя впечатлѣнія. Графиня играла съ большою претензіей, но довольно плохо; впрочемъ, прекрасные меланхолическіе

звуки и необыкновенная звучность инструмента должны были непремѣнно понравиться всѣмъ. При этой музыкѣ Юліанъ сдѣлался еще печальнѣе, потому что она пробудила въ немъ грустное чувство.

Въ заключеніе, Зени сѣла за фортепіано; прежде чѣмъ она начала играть, родители распространились о ея талантѣ, тріумфахъ и о впечатлѣніи, какое производила она на Мендельсона Бартольда и Мейербера. Панна играла вѣрно, смѣло, отчетливо, но ни тѣни выраженія не было въ ея игрѣ; звуки дрожали, шипѣли и гудѣли, но ничего не говорили душѣ.

Юліанъ вспомнилъ игру Поли, полную искренности и чувства, не столь блестящую, но столь для него понятную и ясную.

Послѣ Erlkönig'а Шуберта, заключившаго концертъ, когда президентъ и Юліанъ благодарили артистку и выражали восторгъ, родители подошли обнять свою дочь — и мать посадила ее около себя, чтобы она отдохнула. Между тѣмъ, Гиреевичъ потихоньку разсказывалъ о дочери чрезвычайно любопытныя исторійки: какъ она училась, какъ удивляла наставниковъ, какъ собирала лавры еще въ эпоху гаммъ и экзерцицій, какія сочиняетъ теперь варіаціи и фантазіи.

Президентъ слушалъ все это съ большимъ вниманіемъ. Юліанъ видимо скучалъ: его мысль блуждала далеко; даже смѣшныя причуды здѣшняго дома не развлекали его и онъ не имѣлъ охоты наблюдать за ними. Юліанъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты отъѣзда въ Карлинъ; вечеръ приближался, но хозяинъ почти ничего не показалъ имъ: столько предметовъ оставалось еще для обзора! Садъ и въ немъ необыкновенный прудъ, съ тяжелыми испареніями, принимаемыми за минеральныя, два дерева, сросшіяся между собою вѣтвями, цвѣты въ оранжереѣ, теплица съ ананасами, часовня, конюшни и т. п. Президентъ, однако, не остался и далъ слово подробнѣе обозрѣть всѣ рѣдкости въ слѣдующій визитъ. Когда они выѣхали изъ Ситкова, президентъ разразился спазматическимъ хохотомъ. Юліанъ сидѣлъ точно убитый,

— Какъ? даже и они не развеселили тебя?

— Ужасно надоѣли.

— А панна?

— Можетъ стать рядомъ съ индѣйской куклой.

— Но вѣдь она хороша собою?

— Не совсѣмъ дурна.

— А милліоны?

Юліанъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ—и путешественники, въ мрачномъ молчаніи, поздно возвратились въ Карлинъ.

— Не думаю, чтобы устроилось дѣло, бормоталъ про себя президентъ.—Эти люди слишкомъ смѣшны и причудливы для Юліана; ему нужно бы родню въ другомъ родѣ; но гдѣ мы найдемъ милліоны Гиреевичей? Можно бы и поскучать немного ради денегъ.

II.

Алексѣй все болѣе и болѣе любилъ Анну и съ каждымъ днемъ становился печальнѣе. Онъ жестоко страдалъ, хоть никогда не жаловался на судьбу свою.

Это страданье начало постепенно отражаться на лицѣ, во всей фигурѣ, въ жестахъ и даже въ образѣ мыслей молодого человѣка. Алексѣй потерялъ выраженія независимости, гордости, спокойствія. веселости. Глаза у него потускнѣли, всѣ черты лица стали мрачнѣе. Онъ трудился по прежнему, но труды уже не утѣшали его и онъ не видѣлъ передъ собою цѣли. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Жербы, мать все печальнѣе и печальнѣе глядѣла на него, качала головою, замѣчала въ сынѣ развитіе какой-то загадочной болѣзни, чувствовала, что ему худо и тяжело жить въ Карлинѣ, иногда уговаривала его возвратиться домой, но Алексѣй печально улыбался и молчалъ. Не видя средствъ поправить дѣло, мать обратилась, наконецъ къ графу Юношѣ.

— Панъ графъ!—сказала она ему,—я имѣю къ вамъ большую просьбу: помогите мнѣ спасти моего Алексѣя. Напрасно я старалась удалить отъ Карлинскихъ; онъ не послушался меня и попалъ въ западню. Не могу понять, что съ нимъ дѣлается, но вижу, что онъ сохнетъ. Спасите меня и его, присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? какъ вырвать его оттуда?

Юноша покачалъ головою и отвѣчалъ:

— *Теперь* ужъ я не очень люблю посѣщать салоны,—тамъ *будутъ смотрѣть* на меня какъ на диво. А слѣдовало бы схо-

дить туда и собственными глазами посмотрѣть, какъ живетъ тамъ сынъ нашъ. Онъ постоянно твердитъ, что ему хорошо; но я знаю, какъ хорошо бываетъ бѣдняку у пановъ. Теперь вы не ждите отъ него утѣшенія: если онъ и разстанется съ Карлиномъ, то всегда будетъ тосковать о немъ. Ужъ не влюбился ли онъ тамъ?

— Да въ кого?—подхватила мать.—Конечно не въ панну Анну; вѣдь онъ не сумасшедшій, чтобы осмѣлиться поднять на нее глаза свои. А если въ другую, такъ отчаяваться нечего, потому что она бѣдная дѣвушка.

— Почемъ знать, что тамъ происходитъ?—сказалъ Юноша.—Вы не знаете, что скрывается иногда подъ маской равнодушія и приличія, а я живалъ въ салонахъ и хорошо знаю подобныя вещи.

Старушка перекрестилась отъ страху.

— Но что могло случиться съ нимъ?—воскликнула она.—Похудѣлъ, сталъ блѣденъ и задумчивъ, вздыхаетъ, а если иногда скажешь ему, чтобы онъ оставилъ этотъ Карлинъ, такъ точно обваришь его кипяткомъ. Но съ чего же онъ сохнетъ и пропадаетъ въ этомъ раю?

— Я попробую самъ разузнать все; только не знаю, успѣю-ли:

— Благодѣтель мой! сто разъ поклонюсь вамъ въ ноги,—только успокойте меня.

Долго раздумывалъ старикъ Юноша, какъ бы отправиться въ Карлинъ. Ему тяжело было явиться въ сермягѣ въ давно покинутый салонъ, а, между тѣмъ, не хотѣлось отказать Дробицкой. Графъ нѣкогда хорошо зналъ президента, пана Аѳанасія и все семейство Карлинскихъ. Правда, онъ не боялся насмѣшливаго взгляда, какой могъ встрѣтить его тамъ, но для него крайне непріятна была мысль—переступить порогъ, за которымъ ждали его непріятныя воспоминанія. Несмотря на это, считая долгомъ помочь новымъ друзьямъ, онъ прямо изъ Жербовъ отправился въ Карлинъ. Съ пасмурнымъ, но спокойнымъ лицомъ вошелъ графъ на замковый дворъ и, спросивъ квартиру Алексѣя, прямо пошелъ къ нему. Президентъ и Юліанъ стояли въ это время на балконѣ, и оба узнали графа.

— Это сумасбродный старикъ Юноша! — воскликнулъ президентъ.—Ужъ не къ намъ ли онъ съ визитомъ!

— Вѣроятно, къ Дробицкому,—отвѣчалъ Юліанъ.— Но если онъ будетъ у Алексѣя, то слѣдуетъ просить его и къ намъ.

— Въ такомъ костюмѣ?—возразилъ президентъ, пожимая плечами.—Впрочемъ, онъ дальній нашъ родственникъ; его мать была изъ фамиліи Карлинскихъ, и мы обязаны принять его. Смѣшной старикъ! Пойдемъ къ нему навстрѣчу!

Они нашли графа у Алексѣя. Послѣдній былъ очень разстроенъ этимъ визитомъ и болѣе безпокоился, нежели радовался прибытію дорогого гостя. Встрѣча съ президентомъ и Юліаномъ нисколько не смутила графа; онъ только разсмѣялся и указавъ на свой армякъ и лапти, подалъ имъ жесткую руку свою.

— Что это сталось съ тобою, милый графъ? — спросилъ президентъ. — Тебя, право, не узнаешь въ этомъ маскарадномъ костюмѣ. Я слышалъ и не вѣрилъ, а теперь смотрю и думаю, что глаза обманываютъ меня.

— Нѣтъ, не обманываютъ, президентъ! Это я, en chair et os, тотъ же самый, что былъ прежде, съ тою только разницею, что теперь я молюсь за старые грѣхи и возродился.

— И ты называешь это возрожденіемъ?

— Да, какъ называю каждую вещь настоящимъ ея именемъ. Наша прежняя жизнь была непрерывнымъ обманомъ, и мнѣ, наконецъ, опротивѣли поклоненіе деньгамъ, уваженіе къ вылощенному лицемѣрію, потребность въ безпрестанныхъ выдумкахъ, наружняя дружба и вообще вся неправда вашей жизни; вотъ почему я рѣшился насильно перемѣнить себя и сбросить съ плечъ старую оболочку.

— И въ этой тебѣ лучше?

— Гораздо лучше. Теперь я сознаю, что живу, и не скучаю.

Анна чрезвычайно удивилась, когда увидѣла въ своемъ салонѣ гостя въ армякѣ; но нѣсколько словъ, сказанныхъ графомъ, совершенно успокоили ее; подъ грубымъ костюмомъ она тотчасъ замѣтила человѣка высшаго образованія и происхожденія. Разговоръ сдѣлался общимъ. Юстинъ, бѣдная Поля, снѣдаемая внутреннею горячкою, президентъ и Юліанъ — всѣ принимали въ немъ участіе. Старикъ Юноша незамѣтно бросалъ взгляды на Алексѣя, стараясь понять его положеніе въ здѣшнемъ домѣ и отношеніе къ окружающимъ лицамъ. Его поразила необыкновенная красота Анны, и тайное предчувствіе сказало ему, что Алексѣй не могъ

равнодушно смотрѣть на это чудное существо. Но, несмотря на свою проницательность, старикъ не могъ замѣтить никакихъ признаковъ любви и сочувствія ни въ Алексѣѣ, ни въ Аннѣ. Въ любви къ Полѣ графъ тоже не могъ подозрѣвать Алексѣя: во-первыхъ, она очевидно была занята Юліаномъ, а во-вторыхъ, графъ хорошо зналъ понятія Алексѣя о красотѣ и прямо заключилъ, что веселая блондинка не могла понравиться Дробицкому и увлечь его. Графъ глядѣлъ, догадывался, сидѣлъ довольно долго и слѣдилъ, и наконецъ, по нѣкоторымъ взглядамъ Дробицкаго, казалось, попалъ на слѣдъ загадки.

— Ужели онъ обезумѣлъ до такой степени,—думалъ графъ,— что рѣшился пламенно влюбиться въ Анну и добровольно обречь себя на вѣчныя страданія? Ужели онъ такъ смѣшонъ, что вздумалъ тутъ мечтать о какой-нибудь надеждѣ? Значитъ—онъ совершенно не понимаетъ ни людей, ни кастовыхъ предразсудковъ. Жаль бѣднаго молодого человѣка! Надо открыть ему глаза.

Съ этою мыслью графъ переночевалъ у Алексѣя, и когда они очутились вдвоемъ, началъ заранѣе придуманный разговоръ.

— Радуюсь, что тебѣ такъ хорошо здѣсь, милый Алексѣй.— Ты живешь точно дома, тебя умѣютъ цѣнить, любятъ, уважаютъ, но довольно ли этого для твоего сердца?

— Развѣ я могу желать чего-нибудь больше?

— Ты не понимаешь, къ чему я говорю это,—возразилъ Юноша, закуривая трубку.—Я хорошо знаю свѣтъ. Когда наша шляхта сближается съ такъ называемыми панами, на томъ основаніи, что считаетъ себя равною имъ по своему образованію, уму и сердцу, то почти всегда дѣлаетъ тяжелую, страшную ошибку. Это заблужденіе обыкновенно продолжается до тѣхъ поръ, пока допущенный къ сообществу съ панами не выскажетъ имъ чувствъ своей братской любви, или же не попытается потребовать со стороны ихъ какой-нибудь жертвы. Бывали случаи, что аристократки влюблялись въ прекрасныхъ юношей, а панычамъ нравились хорошенькія дѣвушки незнатнаго происхожденія. Любовь на короткое время сближала обѣ стороны; но необходимо помнить, что подобная привязанность у пановъ—одна фантазія и не ведетъ къ тому, къ чему она привела бы въ другомъ сословіи. Это для нихъ маленькія за-

бавы безъ послѣдствій. Они воображаютъ, что все можно купить или за все заплатить.

— Не понимаю, къ чему клонится ваше предостереженіе,— отвѣчалъ Алексѣй.—Я знаю себя, Карлинскихъ и не принадлежу къ разряду людей, стремящихся стать выше своей сферы.

— Въ такомъ случаѣ я безъ церемоніи скажу тебѣ: ты каждый день видишь Анну и, пожалуй, готовъ подумать, что имѣешь право влюбиться въ нее.

Алексѣй печально улыбнулся.

— Я не ребенокъ,—сказалъ онъ.—Для меня Анна не по имени и происхожденію, а по сердцу и уму представляется существомъ столь высокимъ, великимъ и лучезарнымъ, что я не смѣю даже поднять на нее глазъ. Любовь къ ней была бы съ моей стороны непростительной дерзостью!

Эти слова сказаны были съ такимъ энтузіазмомъ, что пристально глядѣвшій на Алексѣя графъ многое понялъ изъ его голоса и глазъ. Пораженный глубокою печалью, онъ потупилъ сѣдую голову, сморщилъ брови и больше не говорилъ ни слова.

На другой день, съ разсвѣтомъ, старикъ отправился въ Жербы и, дорожа спокойствіемъ Дробицкой, скрылъ передъ нею замѣченную тайну и сказалъ только:

— Алексѣю хорошо въ Карлинѣ; тамъ всѣ любятъ его; больше ничего я не замѣтилъ. Маленькая Поля занята уже другимъ. Какъ молодой человѣкъ, Алексѣй, мечтаетъ, тоскуетъ и потому худѣетъ и чахнетъ. По моему мнѣнію, его слѣдовало бы стащить за ноги на землю и женить; поэзія — кушанье не питательное. Поищите-ка ему честную жену, будемъ вмѣстѣ сватать,—и я еще напьюсь на его свадьбѣ.

— О, гдѣ ужъ мнѣ искать для него жену! — отвѣчала Дробицкая.—Тутъ не будетъ никакого толка; потомъ всю жизнь мучила-бы меня совѣсть. Пускай лучше ищетъ самъ и поступаетъ какъ хочетъ; я рѣшительно отказываюсь отъ этого дѣла.

III.

Между тѣмъ, Поля продолжала играть свою тяжелую роль. *Иногда* она совсѣмъ теряла силы, хотѣла идти къ Юліану, на

колѣняхъ просить у него прощенія и потомъ утопиться. Но вскорѣ ей приходили на мысль послѣдствія такой вспышки, скандалъ — и бѣдняжка останавливалась и возвращалась къ Юстину.

Привязанность Юстина къ Полѣ съ каждою минутою дѣлалась очевиднѣе и возлагала на дѣвушку обязанности. Она сознавала, что должна пожертвовать собою и дать бѣдному поэту счастье, которымъ манила его.

Поля съ геройствомъ приносила свою жертву, удерживала бившееся въ груди сердце, скрывала кровавыя слезы и улыбалась молодому человѣку; а послѣдній, у ногъ ея, забылъ все на свѣтѣ, даже питавшую его до сихъ поръ поэзію. Карлинскій глядѣлъ на все это съ раздраженіемъ и бѣшенствомъ. Сначала онъ насмѣхался надъ Полею, потомъ впалъ въ отчаяніе и, наконецъ, не имѣя возможности разрѣшить недоумѣніе, совершенно упалъ духомъ. Въ сердцѣ молодаго человѣка не было достаточной силы для продолжительной борьбы, ни для постоянной привязанности: поэтому первая борьба истощила Юліана, и онъ не могъ идти далѣе. Когда же молодой человѣкъ увидалъ, что Поля явно и рѣшительно покинула его, то почувствовалъ, будто огромная тяжесть спала съ его сердца. Теперь онъ могъ отдохнуть; тихая печаль вскорѣ замѣнила отчаяніе. Раздумывая самъ съ собою, Юліанъ сказалъ себѣ, что ничѣмъ не обязанъ Полѣ, что онъ болѣе страдалъ отъ своей любви и что выходитъ изъ этихъ отношеній чистымъ и свободнымъ. Но часто въ немъ опять возбуждалось горячее сожалѣніе о любви; воспоминаніе о Полѣ и проведенныхъ съ нею и безвозвратно улетѣвшихъ вечерахъ почти сводило его съ ума: онъ плакалъ и роптал. Вся эта драма, слишкомъ тяжелая для Юліана, сильно томила его.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, такъ живо припоминавшихъ Юліану блаженныя минуты, проведенныя въ бесѣдкѣ сада, онъ, весь въ слезахъ, вбѣжалъ къ Дробицкому, схватилъ его за руку и, дрожа какъ листъ, вывелъ его въ садъ.

— Милый Алексѣй! — воскликнулъ онъ, — я несчастливъ, не понимаю ни себя, ни своего положенія, надѣюсь только на твою дружбу. Объясни мнѣ откровенно Полю, меня самого, наше положеніе — и скажи, что происходитъ съ нами? Я рѣшительно ничего не понимаю.

Алексѣй молчалъ.

— Заклинаю тебя Богомъ, честью, нашею дружбою,—спаси меня! Забудь—кто я, не думай—кто она, и прямо скажи, что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

— Теперь все зависитъ отъ того,—любитъ тебя Поля или нѣтъ; необходимо разрѣшить, что такое любовь ея къ Юстину: загадочная комедія или горькая правда, которой необходимо покориться?

— А какъ ты думаешь?—спросилъ Юліанъ.

— Не смѣю сказать тебѣ своего мнѣнія.

— Если ты дѣйствительно другъ мнѣ, то говори откровенно!

— Хорошо, я ничего не буду скрывать передъ тобою,—отвѣчалъ Дробицкій.—Всѣ дѣйствія Поли представляются мнѣ загадкою. Кто знаетъ? Президентъ и полковница могли имѣть на нее вліяніе; вы худо скрывали свою тайну, всѣ знали о ней. По моему мнѣнію, Поля играетъ комедію, чтобы освободить тебя.

— И мнѣ приходила подобная мысль,—нѣсколько холоднѣе отвѣчалъ Карлинскій,—но можетъ ли это быть?.. она?..

Алексѣй пожалъ плечами.

— Очень можетъ быть.

— Что же остается мнѣ дѣлать?—спросилъ Юліанъ.

— Не спрашивай меня! ради Бога—не спрашивай! Разборъ этого вопроса сильно оскорбитъ тебя. Было время, когда тебѣ слѣдовало бѣжать отъ ней, теперь осталась одна дорога: пренебречь всѣмъ, идти съ нею въ костелъ и обвѣнчаться.

Юліанъ стоялъ точно вкопаный. Очевидно было, что онъ колебался; хотѣлъ любить, но боялся жениться.

— Въ самомъ дѣлѣ, я люблю ее,—наконецъ проговорилъ Карлинскій.—Но можемъ ли мы быть счастливы?

— Не о томъ теперь рѣчь, но ты обязанъ это сдѣлать. Съ самаго начала ты могъ оттолкнуть ее, а теперь не имѣешь на это права: она была твоя, и жизнь твоя принадлежитъ ей.

Карлинскій смѣшался.

— Знаешь ли,—боязливо произнесъ онъ,—знаешь ли, какую картину моей будущности, вѣроятно не безъ цѣли, представилъ мнѣ президентъ, если бы я женился на бѣдной?

Алексѣй пожалъ плечами и сказалъ:

— Не знаю.

Юліанъ слово въ слово повторилъ весь разговоръ свой съ президентомъ передъ поѣздкою въ Ситково.

— Слѣдовательно, у тебя нѣтъ отважности обречь себя на бѣдность? Говори откровенно, Юліанъ! Въ такомъ случаѣ сердечно жаль тебя, потому что ты погибнешь. Подумай, на чемъ основывается теперь твое счастіе: на имѣніи, на деньгахъ—на одномъ изъ самыхъ непрочныхъ земныхъ благъ. И для удовольствій тѣла, для свѣтскихъ пустяковъ, ты готовъ пожертвовать своими правилами, привязанностью, любовью, благородствомъ?

— Это довольно рѣзко сказано,—проговорилъ нѣсколько обиженный Юліанъ.

— Ты требовалъ моей откровенности, а я въ подобныхъ случаяхъ не могу и не умѣю говорить противъ собственнаго убѣжденія. Теперь говори ты; я слушаю, я душевно желаю, чтобы ты оправдался.

Юліанъ значительно охладѣлъ и сказалъ себѣ, что, несмотря на искреннюю дружбу, Алексѣй и онъ не равны другъ другу. Голосъ его обнаруживалъ обиженнаго пана, когда онъ произнесъ:

— Все это не болѣе, какъ ораторскіе пріемы! Правда, я люблю Полю, но не предвижу счастья ни для нея, ни для самого себя, если мы соединимся—оба бѣдняки, отверженные родными и съ такою необузданною любовью, какъ наша...

Алексѣй печально задумался и заглядѣлся на мѣсяцъ.

— О, далеко, очень далеко улетѣло время университетскихъ прогулокъ нашихъ въ глубокій часъ ночи! Совершенно изгладились мысли, которыми дѣлились мы тогда: исчезло даже и то, о чемъ съ такимъ восторгомъ разсуждали мы при встрѣчѣ на постояломъ дворѣ! Я, кажется, все тотъ же, что былъ, но тебя измѣнило холодное прикосновенье вашего общества, тебя отравили вредныя испаренія его.

— Дорогой мой Алексѣй! не думай такъ обо мнѣ.

— О, я не обвиняю тебя! Ты бѣденъ, ты слабъ, Юліанъ! Но помни, что счастье не живетъ тамъ, гдѣ оно грезится тебѣ; даже спокойствія ты не найдешь въ богатствѣ, если ставишь его на первомъ планѣ въ ряду условій жизни.

— Но ты не понялъ меня. Я не боюсь бѣдности одинъ, но съ Полей...

— Съ нею? съ нею, которая обожаетъ тебя и готова отдать за тебя жизнь свою?

— Такъ ея отношенія къ Юстину комедія? притворство?— вдругъ спросилъ Юліанъ.

— Не знаю; но опять скажу, что столь внезапную перемѣну не могу иначе объяснить себѣ.

Юліанъ началъ ходить по комнатѣ и говорилъ въ задумчивости:

— Все это превышаетъ мои силы. Я не созданъ для борьбы и страданій. Я хорошо знаю, что съ Полей я не могу быть счастливъ.

— Но, ради Бога, вспомни, чѣмъ ты обязанъ ей!

— Обязанъ... я?—воскликнулъ Карлинскій.—Скажи лучше— она. Я доведенъ былъ до сумашествія. Никто не устоялъ бы на моемъ мѣстѣ—она увлекла меня.

Алексѣй сжалъ руки.

— Молчи! ради Бога молчи!—вскричалъ онъ.—Ты никогда не долженъ говорить этого! Она ребенокъ, она существо, не понимавшее опасности; но виноватъ ты, какъ мужчина; наконецъ, сто разъ виноватъ потому, что смѣешь еще обвинять ее!

Юліанъ вспыхнулъ и сказалъ Дробицкому:

— Теперь я вижу ясно, что чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ меньше понимаемъ другъ друга. Ни возрастъ, ни опытъ нисколько не научили тебя: ты все еще смотришь на вещи по студенчески, горячо и свысока. Я созрѣлъ гораздо больше.

— Не хвались этимъ,—возразилъ Алексѣй.—Вѣдь ты самъ просилъ меня быть откровеннымъ и имѣлъ бы полное право презирать меня, если бы я далъ тебѣ другой совѣтъ и не открылъ всего сердца... Прекратимъ, однако, этотъ разговоръ.

IV.

Бываютъ минуты, когда самый обыкновенный гость намъ пріятенъ, потому что онъ служитъ какъ-бы громоотводомъ; всѣ надѣваютъ для него маски, избавляются отъ угрожающей откровенности или домашнихъ сценъ, принимаютъ на себя оффиціальныя мины, праздничныя улыбки, говорятъ и разсуждаютъ сообразно взглядамъ гостя и весело проводятъ время.

Въ Карлинѣ, казалось, всѣ до одного были рады нечаянно пріѣхавшему гостю. Это былъ однофамилецъ и родственникъ графа Замшанскаго, панъ Альбертъ Замшанскій, родомъ изъ Познани. Только что возвратившись изъ путешествія по Европѣ, онъ, вмѣстѣ съ дядею, объѣзжалъ теперь самые лучшіе дома въ здѣшнемъ околоткѣ.

Мы уже хорошо знаемъ графа, славнаго знатока въ сигарахъ и обожателя Лолы Монтесъ. Племянникъ не превышалъ его достоинствами, хотя въ другомъ родѣ. Что касается наружности, то нельзя было найти въ немъ ни малѣйшаго недостатка: Альбертъ одѣвался превосходно и съ большимъ вкусомъ. Средняго роста, живой и ловкій, съ темнорусыми волосами, съ усиками и бородкой, содержимыми, подобно головѣ, по всѣмъ правиламъ моды, стройный и хорошенькій собою — Альбертъ, при первомъ взглядѣ, долженъ былъ всѣмъ нравиться.

Съ перваго разу, Альбертъ озадачивалъ всѣхъ необыкновеннымъ знаніемъ свѣта и людей, ученостью, остроуміемъ, смѣлостью взглядовъ и умственнымъ превосходствомъ. Первое, производимое имъ впечатлѣніе, всегда говорило въ его пользу. Но даже для самаго равнодушнаго наблюдателя довольно было двухъ дней знакомства съ этимъ человѣкомъ, чтобы замѣтить фальшивый блескъ его. Альбертъ Замшанскій, въ самомъ дѣлѣ одаренный талантами и быстротою пониманія, весь былъ, такъ сказать, напоказъ, и самая лучшая сторона его блистала только свѣту; но подъ этою вывѣскою, внутри, заключалась одна пустота. Считаю лишнимъ говорить, что, учившись дома катихизису, въ университетѣ — философіи, а въ свѣтѣ — атеизму, Альбертъ не имѣлъ ни постоянныхъ правилъ, ни точки, съ которой бы онъ неизмѣнно глядѣлъ на свѣтъ. Онъ ничего не зналъ основательно, ничего не любилъ, ничѣмъ не занимался, заглушилъ въ себѣ голосъ сердца и сдѣлался истиннымъ сыномъ XIX столѣтія, прежде всего думающимъ о комфортѣ, потомъ уже о доброй славѣ и, наконецъ, и то очень рѣдко, о чистотѣ совѣсти и внутреннемъ спокойствіи.

Единственнымъ нравственнымъ правиломъ Альберта было для собственной пользы избѣгать всего, что могло подвергнуть его отвѣтственности передъ законами или передъ общественнымъ мнѣніемъ. Альбертъ не былъ развратенъ, но только вслѣдствіе пред-

варительнаго соображенія, что излишество во всякомъ отношеніи вредно; онъ даже не былъ страстенъ, но, какъ хорошій актеръ, умѣлъ представиться и поэтомъ, и страстнымъ человѣкомъ, и даже въ высшей степени религіознымъ. Холодный, какъ ледъ, веселый, какъ птичка, вѣжливый, привѣтливый, умѣя во всѣхъ случаяхъ выказать себя съ самой блистательной стороны, Альбертъ всѣхъ очаровывалъ и привлекалъ къ себѣ, и стоустая молва вездѣ прокричала о немъ, какъ о рѣдкости, феноменѣ, воплощенномъ совершенствѣ.

Надобно прибавить, что Альбертъ былъ членъ семейства, состоящаго изъ шести человѣкъ, проживавшаго въ прекрасной деревнѣ, но бѣднаго. Но онъ такъ искусно игралъ роль богача, такъ хорошо умѣлъ вести знакомство съ Сулковскими, Дзялынскими и другими аристократами, что никто не смѣлъ даже подумать, что состояніе молодаго человѣка довольно ограниченное. Между тѣмъ, существенною причиною его пріѣзда къ роднымъ была потребность узнать о состояніи дяди графа — и освѣдомиться: нельзя ли надѣяться получить что нибудь отъ него и, кто знаетъ? — можетъ быть, онъ имѣлъ еще въ виду жениться на богатой.

Гость произвелъ въ Карлинѣ огромное, могущественное, неотразимое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ по французски, какъ природный французъ, по-нѣмецки, какъ швабъ, по англійски — точно Джонъ Буль; притомъ еще онъ возвращался со скачекъ прямо изъ Эпсома и Шантильи, слышалъ Рашель, мадамъ Віардо, Женни Линдъ, Крувелли, лично зналъ Дюма и Ламартина, былъ du dernier mieux съ Понятовскими во Флоренціи, съ аристократіею всей Европы, съ журналистами и т. п., всѣхъ называлъ по имени, танцовалъ на вечерахъ у принцессы Матильды, былъ одинъ изъ любимцевъ Бонапарта и, какъ нельзя лучше, принятъ при Саксонскомъ дворѣ, нѣсколько разъ представлялся королю, и такъ далѣе.

Юліанъ и президентъ живо почувствовали, какого знаменитаго человѣка они принимаютъ въ своемъ домѣ. А такъ какъ Альбертъ сразу поставилъ себя на степень короткой дружбы и довѣрчивости съ ними, то они не могли нарадоваться чести знакомства съ такимъ рѣдкимъ и достойнымъ гостемъ, положительно знавшимъ, какого цвѣта ложи въ Парижской оперѣ, съ которой стороны входъ въ «Jardin d'Hiver», и какъ называются ло-

шади, выигравшія послѣдніе призы. Даже президентъ съ этихъ поръ началъ предполагать, что графскій титулъ Замшанскихъ принадлежитъ имъ по праву. Однимъ словомъ, Альбертъ очаровалъ всѣхъ. Но удивительнѣе всего то, что Анна, святая Анна также поддалась обаянію прекраснаго юноши, бросавшаго на нее самые чувствительные, меланхолическіе взгляды.

Алексѣй, привыкшій видѣть Анну всегда холодною, важною, былъ глубоко пораженъ, когда на другой день замѣтилъ, что и она находится подъ вліяніемъ Альберта, занимается имъ, наряжается для него и смотритъ на молодаго человѣка такъ, какъ еще ни на кого не смотрѣла.

Что же было причиною такого переворота? Это неразъяснимая загадка. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ непонятныя симпатіи; величайшіе умы снисходятъ къ самымъ обыкновеннымъ, чистѣйшія сердца чувствуютъ влеченіе къ самымъ развращеннымъ. Разумъ напрасно усиливается противодѣйствовать этому влеченію и, въ подобныхъ случаяхъ, служитъ лишь печальнымъ свидѣтелемъ нашего паденія.

Въ свою очередь и Альберту все понравилось въ Карлинѣ: онъ съ восторгомъ говорилъ объ аристократическомъ замкѣ, напоминавшемъ счастливыя времена феодализма, о здѣшнихъ садахъ, о семействѣ, о всѣхъ вмѣстѣ и каждомъ порознь, и охотно остался здѣсь на нѣсколько дней.

Хорошій тонъ и тонкій вкусъ гостя, очаровавшіе всѣхъ, не произвели только ни малѣйшаго впечатлѣнія на Алексѣя. Онъ въ каждомъ человѣкѣ искалъ, такъ сказать, фундамента; но здѣсь онъ не имѣлъ возможности докопаться до него. Сколько разъ онъ ни покушался завязать серьезный разговоръ, Замшанскій всегда отдѣлывался отъ него то шутками, то общими мѣстами, то внезапнымъ оборотомъ разговора, хоть очень ловкимъ, но явно уклонявшимся отъ главнаго предмета.

Чрезъ два дня Замшанскіе уѣхали, давъ слово опять навѣстить Карлинъ. По отъѣздѣ гостей, еще долго раздавались въ стѣнахъ замка похвалы молодому человѣку; только Поля, Алексѣй и Юстинъ ни слова не говорили о немъ. Анна обратила вниманіе на безпокойное молчаніе Дробицкаго и сама спросила его объ Альбертѣ.

— Ну, скажите откровенно, какъ онъ понравился вамъ? Что

касается меня, то не скрываю, что я еще не видала подобнаго ему человѣка.

— Не смѣю противорѣчить вамъ,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Мнѣ кажется, что даже зависть ничего не найдетъ сказать противъ него: какія манеры, какой милый характеръ, какой образованный умъ, какъ онъ ученъ и вмѣстѣ скроменъ! Какъ хорошо знаетъ жизнь! Однимъ словомъ: въ этомъ человѣкѣ сосредоточены почти всѣ прекрасныя свойства.

Алексѣй только вздохнулъ и прошепталъ:

— Счастливецъ!

— Мнѣ особенно для Юліана хотѣлось бы, чтобы онъ короче познакомился съ нашимъ домомъ,—прибавила Анна, понизивъ голосъ.—Я увѣрена, что онъ произвелъ бы самое благотворное вліяніе на моего брата.

— Не знаю... можетъ быть,—проговорилъ Алексѣй.

— Кажется, вы предубѣждены противъ него?

— Я? нисколько; но я не раздѣляю вашего общаго восторга; онъ ловокъ, милъ, вѣжливъ—и больше ничего.

— Такъ ученъ—и такъ свободно смотритъ на вещи, такъ наблюдателенъ и опытенъ!

Алексѣй замолчалъ, но въ эту минуту, какъ бы для выручки его изъ непріятнаго положенія, подошелъ къ нимъ Юліанъ и, угадавъ предметъ разговора, воскликнулъ:

— Вѣрно вы спорите насчетъ Альберта? Алексѣю онъ не понравился.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Дробицкій.—Можетъ быть, я только не понялъ его.

— Рѣдкій человѣкъ! Съ какою силой воли и характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой нѣжный и снисходительный; умъ поэтическій и вмѣстѣ практическій, все есть въ немъ.

— Признаюсь,—отозвался подошедшій президентъ,—я смотрю на него, какъ на торжество современнаго воспитанія. Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ свѣжій, съ благороднымъ сердцемъ и свѣтлою головою! Ему предстоитъ блестящая будущность.

При такихъ единогласныхъ похвалахъ, Алексѣю ничего не оставалось дѣлать, какъ потупить голову и замолчать. Онъ улыбнулся и не говорилъ уже ни слова. При видѣ этого, Анна почувствовала явное неудовольствіе; но, не сумѣвъ понять взгля-

довъ Алексѣя на жизнь, назвала ихъ только несправедливымъ предубѣжденіемъ.

Отъѣхавъ немного отъ Карлина, старикъ Петръ Замшанскій—любовникъ Лолы и молодой Альбертъ взглянули другъ на друга.

— Ты покорилъ тамъ всѣхъ,—сказалъ знатокъ въ сигарахъ.—Поздравляю тебя.

— Это домъ очень милый, хотя на немъ лежитъ ржавчина деревни,—отвѣчалъ Альбертъ.—Но панна Анна—рѣдкая красавица!

— И, вдобавокъ, добра и свята, какъ ангелъ!—подтвердилъ дядя.

— А каково ихъ финансовое положеніе?—спросилъ молодой человѣкъ.

— О! я могу тебѣ это объяснить,—отвѣчалъ дядя, закуривая новую сигару,—самымъ подробнѣйшимъ образомъ: по имени и родственнымъ связямъ Карлинскіе стоятъ очень высоко... Имѣнье ихъ немного разстроено, но все еще отличное. Во всякомъ случаѣ, они получатъ изъ отцовскаго имѣнья по нѣскольку сотъ тысячъ; къ тому-же панъ президентъ и панъ Аѳанасій бездѣтны. Слѣдовательно, панна можетъ принесть за собой приданаго слишкомъ полмилліона.

— Прекрасная партія.

— Для тебя, въ самомъ дѣлѣ, она очень приличная. Почему бы тебѣ не постараться?—отозвался старикъ, очень желавшій породниться съ Карлинскими.

— Да я бы готовъ, если бы только была надежда.

— Судя по первому пріему, я почти не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Анна холодна, какъ ледъ, но ты и ей умѣлъ понравиться. Теперь остается только половчѣе обойтись съ президентомъ, потому что онъ прозаически смотритъ на вещи и не позволитъ отуманить себя, да еще понравиться пану Аѳанасію—аристократу во Христѣ.

— О, мы найдемъ для нихъ средство!

— Прочія лица ничего тутъ не значатъ.

Альбертъ задумался и, спустя минуту, сказалъ:

— Вѣдь черезъ два дня мы опять поѣдемъ къ нимъ—неправда ли?

— Да, мы дали слово. Но сегодня побываемъ еще у Гирее-

вичей,—тутъ чистаганомъ два милліона и панна недурна собою. Правда, старики — смѣшные люди, но они имѣютъ чѣмъ заплатить за это.

Альбертъ весело разсмѣялся и произнесъ:

— Надо посмотрѣть и этихъ *ичей*! Поѣдемъ въ Ситково.

V.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль безъ ума влюбленный Юстинъ два раза ходилъ пѣшкомъ въ Шуру и возвращался въ Карлинъ. Онъ прямо признался своему опекуну, что страстно полюбилъ Полю; старикъ, повидимому, нисколько не удивился этому, даже не противорѣчилъ молодому человѣку.

— Рано или поздно, а я ожидалъ этого, — сказалъ онъ поэту. — Радуюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, влюбился не въ простую крестьянскую дѣвочку; признаюсь, я боялся этого. Теперь слушай меня! Испытай, какъ можно строже, свое сердце; вѣдь ты поэтъ и чувствуешь горячо; слѣдовательно, легко можешь ошибиться.

— Нѣтъ, — отозвался Поддубинецъ, - я люблю ее выше всего на свѣтѣ и умоляю не отказывать намъ въ своемъ благословеніи. Безъ вашего согласія я не осмѣлюсь подойти къ ней съ предложеніемъ раздѣлить мою участь.

Старикъ молча прижалъ голову Юстина къ сердцу и произнесъ:

— Благословляю тебя и вмѣстѣ заклинаю: не ищи счастья тамъ, гдѣ нѣтъ его, не надѣйся и не желай его. Благословляю тебя на страданія, потому что иначе не умѣю благословлять. Дай Богъ тебѣ вкусить каплю сладости изъ чаши, которую берешь въ руки, а все прочее да усладятъ тебѣ поэзія, восторги — священная страсть людей, любящихъ дѣло рукъ Создателя и умѣющихъ смотрѣть на него серцемъ и очами. Но, безразсудное дитя! — прибавилъ старецъ, — прежде, чѣмъ навѣки соединишь ты свою судьбу съ женщиною, подумалъ ли ты, куда приведешь ее, чѣмъ будешь кормить и чѣмъ обезпечишь ея будущность?

Казалось, Поддубинецъ былъ наивно изумленъ такимъ вопросомъ и отвѣчалъ:

— *Я никогда* не заботился о подобныхъ вещахъ, да намъ *немного нужно. Вы* дадите намъ клочокъ земли подъ хату, мы

будемъ сѣять, собирать, и Богъ благословитъ труды наши. Я самъ изберу себѣ жилище на берегу рѣки, среди старыхъ дубовъ, самъ буду смотрѣть за постройкою, вы также поможете мнѣ.

— Дальше, дальше, говори, какъ ты предполагаешь жить?— съ возрастающимъ любопытствомъ восклицалъ панъ Аѳанасій.

— Не знаю, нужно ли намъ что-нибудь больше сказаннаго? Нѣсколько коровъ, овецъ и пастушокъ; нѣсколько земледѣльческихъ орудій и простыхъ домашнихъ принадлежностей, а, главное дѣло, лѣсная тишина и запахъ цвѣтовъ, журчащая вода и зелень.

— И ты жилъ бы такъ по крестьянски... а она?

— Надѣюсь, она даже не замѣтитъ того, что будетъ окружать ее, если любитъ такъ-же пламенно, какъ я.

— Какъ безпокоишь ты меня, милое дитя! Вѣдь ты совершенно не понимаешь жизни.

— Великую, общую жизнь я прекрасно понимаю, но мелочей ея, можетъ быть, еще не знаю, да и никогда не буду знать ихъ!

— Благодари Бога, что Онъ далъ тебѣ во мнѣ покровителя; ты пропалъ бы, совершенно пропалъ! Да, въ твой рай нужна еще другая Ева, чтобы она за двоихъ васъ думала о насущномъ хлѣбѣ. Но не бойся. Уже давно я предназначилъ тебѣ Горы: тамъ есть домикъ, садъ, рѣчка—и у васъ не будетъ недостатка въ хлѣбѣ.

Юстинъ не понялъ словъ своего благодѣтеля.

— Эта деревня – твоя!—прибавилъ панъ Аѳанасій.

— А на что мнѣ деревня?—спросилъ Юстинъ,—и какъ вы можете дать ее мнѣ?

— Не спрашивай, не благодари и не отговаривайся. Въ Горахъ я приготовилъ для тебя жилище; тамъ будетъ лучше, нежели въ хижинѣ среди лѣса, гдѣ ты умеръ бы съ голода. Остальное устроитъ Богъ; я сдѣлалъ то, что было въ моихъ силахъ. Теперь дѣйствуй по внушенію сердца, и благословеніе Всевышняго да будетъ надъ тобою.

Панъ Аѳанасій отвернулся, взялъ соломенную шляпу, палку, книгу и пошелъ въ садъ, избѣгая благодарности изумленнаго питомца.

Юстинъ полетѣлъ въ Карлинъ, и хотя не понималъ вполнѣ важности подарка, но радъ былъ ему для Поли. Теперь свѣтъ представлялся поэту прекраснѣе прежняго, жизнь привлекатель-

нѣе, будущность свѣтлѣе. Мысль благодарственнымъ гимномъ выливалась изъ груди его: онъ свивалъ гнѣздо своему счастью, лелѣялъ мечту, плакалъ и вмѣстѣ смѣялся.

Но почему, при видѣ восторженнаго поэта, на лицѣ Поли отразились не радость, а ужасъ и блѣдность? Волненіе ли такъ глубоко проникло ее, или ангелъ-хранитель повѣялъ на нее предчувствіемъ?

Юстинъ подбѣжалъ къ дѣвушкѣ, пожалъ ея руку и одну минуту молча стоялъ передъ нею.

— Знаете, панна,—сказалъ онъ,—съ чѣмъ я пришелъ сюда?

— Не знаю,—отвѣчала бѣдная дѣвушка.

— Съ просьбою!.. Намъ здѣсь худо, тѣсно, грустно, слишкомъ много глазъ смотрятъ на насъ, слишкомъ много свидѣтелей нашего счастья. Дайте вашу руку—и уйдемъ отсюда.

— Куда?

— О, не бойтесь: намъ есть куда уйти!—отвѣчалъ Юстинъ торжествующимъ тономъ.—Во-первыхъ, въ Шуру, чтобы старикъ—святой отецъ благословилъ насъ, потомъ въ Горы; эта деревня моя. Тамъ есть домикъ, тѣнь, рѣка, тишина... все!

Поля печально улыбнулась и воскликнула;

— Такъ ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь раздѣлить отравленную и облитую слезами жизнь мою?

Съ какою-то лихорадочною отвагою она поднялась съ мѣста, подала поэту руку и повела его въ садъ, нарочно или случайно, въ то самое мѣсто, гдѣ она испытала столько счастья съ Юліаномъ.

Юстинъ съ безпокойствомъ глядѣлъ на сироту и видѣлъ, что на лицѣ ея отразилась жестокая внутренняя борьба.

— Теперь откровенно поговоримъ о будущемъ,—начала Поля.

— Нѣтъ, я не умѣю говорить въ то время, когда глубоко чувствую, — отвѣчалъ поэтъ, протянувъ къ ней руку. — Вотъ моя рука и вмѣстѣ клятва, что до гроба не оставлю тебя.

— Сперва послушай, – перебила Поля дрожащимъ голосомъ. — Та, кому ты отдаешь руку и сердце, недостойна тебя. Знаешь-ли ты ея прошедшее? Извѣдалъ-ли ты ея сердце?

— Прошедшее не принадлежитъ мнѣ, но сердце мое; не правда-ли?

— О, наконецъ, надо открыть тебѣ всю правду, бѣдное ди-

тя!—воскликнула сирота, заливаясь слезами.—Хотя это признаніе стоитъ мнѣ слишкомъ дорого, но я ничего не буду скрывать передъ тобою! Не хочу, чтобы ты былъ невинною жертвою чужихъ заблужденій. Я любила и люблю другого, принадлежу другому—и ничего но могу дать тебѣ, кромѣ холодной руки, остывшаго сердца, мысли, прикованной къ здѣшнимъ мѣстамъ, слезъ и угрызеній.

Юстинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Я обманывала тебя, — продолжала дѣвушка, — ты былъ жертвою, какъ и я сама. Надо было оттолкнуть того, кого я любила, возбудить въ немъ презрѣніе ко мнѣ и, успокоивъ его этимъ презрѣніемъ, навсегда удалить отъ себя. Я притворялась влюбленною въ тебя...

Молодой человѣкъ грозно взглянулъ на Полю и воскликнулъ:

— Есть-ли въ тебѣ сердце?

Но гнѣвъ его тотчасъ смягчился при видѣ покорнаго и умоляющаго взгляда дѣвушки.

— Что-же я сдѣлалъ тебѣ? О, ты жестоко наказала меня за-то, что я смѣлъ поднять на тебя глаза мои!

— Въ свою очередь и ты оттолкни меня съ презрѣніемъ!—воскликнула Поля.—Я не стою твоего чистаго сердца и святой любви, которую пробудила въ тебѣ. Я не приму жертвы—и ты простишь меня.

— Простить? Но могу ли я обвинять, если жалѣю тебя? Нѣтъ, я глубоко люблю тебя и все принимаю. Пойдемъ со мной и будемъ плакать вмѣстѣ. Я не хочу знать и разбирать прошедшаго, не требуя любви твоей, а только прошу позволенія любить тебя и смотрѣть на тоску твою. Надѣюсь, что милосердный Богъ, тишина и мои старанія, со временемъ, облегчатъ ее.

И поэтъ опять подалъ дѣвушкѣ руку. Поля, молча, пожала ее.

— Такъ ты не презираешь меня?—спросила она шепотомъ.

— Нѣтъ, я только скорблю. Пойдемъ и не будемъ больше говорить объ этомъ. Завтра я открою мое намѣреніе паннѣ Аннѣ и Юліану, поведу тебя къ алтарю—и потомъ убѣжимъ въ Горы.

— Да, убѣжимъ!—съ трепетомъ повторила Поля, почти теряя разсудокъ.—Здѣсь воздухъ отравленъ, тутъ невозможно жить, здѣсь все обманываетъ, это не нашъ свѣтъ и люди.

Поля замолчала, и молодые люди возвратились въ замокъ. Встрѣтивъ взоръ Юліана, Поля въ безсиліи упала на стулъ. Этотъ взглядъ былъ не тотъ, что прежде: въ немъ отражалась холодная подозрительность, и мѣсто прежней страсти заступила какая-то боязнь. Карлинскій уже боялся подойти къ Полѣ, не искалъ и даже избѣгалъ ее. Поля достигла цѣли, но ея сердце обливалось кровью: Юліану, повидимому, такъ немного стоила теперешняя перемѣна, для него такъ легко было забыть прошедшее, отречься отъ любимой дѣвушки. Любовь его была такъ слаба и скоропроходяща, тогда какъ бѣдная сорота сознавала, что для ея любви мало было всей жизни!

Анна съ радостью услыхала о предложеніи Юстина и тотчасъ же побѣжала къ Полѣ.

— Ты идешь замужъ, — воскликнула она, — и скрывалась передо мной, неблагодарная? Юстинъ любитъ тебя, ты любишь его. Дядя Аѳанасій благословляетъ васъ. Позволь же и мнѣ— сестрѣ по сердцу— подѣлиться твоимъ счастьемъ.

Она взглянула на лицо бѣдной сироты и въ изумленіи отступила назадъ. Поля поблѣднѣла, какъ смерть, и вся дрожала, глаза ея были полны слезъ.

— Что съ тобою?

— Ничего, видно счастье производитъ на меня такое дѣйствіе!—произнесла сирота съ горечью и бросилась на шею своей подругѣ.

Несмотря на видимое равнодушіе, Юліанъ задрожалъ, какъ листъ, когда сестра сказала ему о предложеніи Юстина: смертельная блѣдность покрыла лицо его, зубы сжались, и страданіе такъ рѣзко выразилось во всей его наружности, что Анна только теперь замѣтила истину, догадалась и поняла то, чего прежде и не подозрѣвала.

— Что съ тобой, милый Юліанъ?—спросила она въ изумленіи.—Неужели ты не радуешься счастью Поли?

— Я? напротивъ, радуюсь, но меня всегда ужасно волнуетъ, если человѣка постигаетъ какое либо счастье.

— Но тутъ есть всѣ условія для счастья,— весело перебила Анна:—равенство положеній, сходство мыслей, взаимная склонность сердецъ; притомъ же, дядя Аѳанасій обезпечиваетъ ихъ *будущность.* Чего же больше желать имъ?

— Правда твоя, милая сестра! Они будутъ счастливы, и я отъ всего сердца желаю имъ этого,—отвѣчалъ Юліанъ, быстро уходя изъ комнаты.—Поговори объ этомъ съ президентомъ.

Удивленная Анна возвратилась на свою половину, а Юліанъ побѣжалъ скрыться отъ человѣческихъ взоровъ и заперся въ своей комнатѣ. Человѣкъ никогда живѣе не цѣнитъ сокровища, какъ въ минуту потери его: теперь въ Юліанѣ вдругъ воскресли и подавленная любовь, и чувство долга, и мученіе, и невыразимая тоска. Онъ ходилъ, какъ помѣшанный, ломалъ руки и упрекалъ себя за то, что не имѣлъ силы воли сомнительному будущему предпочесть настоящее, несомнѣнное счастье. Онъ размышлялъ, колебался и, въ порывѣ нетерпѣнія, то хотѣлъ бѣжать къ Полѣ, схватить ее и убѣжать изъ Карлина, то покушался убить неблагодарную, или, по крайнейней мѣрѣ, насмѣяться надъ нею, чтобы излить всю горечь сердца.

Видя, въ какомъ состояніи Юліанъ вышелъ изъ залы, Алексѣй сейчасъ же отправился за нимъ и, войдя въ его комнату, сказалъ:—я знаю все! У тебя не достало силъ и смѣлости бороться за собственное счастье и поссориться со свѣтомъ. Теперь старайся хладнокровно и мужественно перенесть необходимыя страданія. Не избѣгай ихъ, стой твердо.

— Ты прекрасный совѣтникъ! — сердито воскликнулъ Юліанъ.—Ты холоденъ какъ гранитъ и настроилъ свою жизнь такъ, что она всегда идетъ регулярно, точно англійскіе часы. Пожалуйста, оставь свои наставленія и забудь обо мнѣ!

Въ эту минуту вошелъ президентъ, издали наблюдавшій за молодыми людьми. Онъ считалъ неудобнымъ оставлять Юліана наединѣ съ Алексѣемъ и давать тому возможность имѣть вліяніе на образъ мыслей племянника. Съ веселою улыбкою онъ, еще на порогѣ, сказалъ Юліану:

— Вотъ у насъ готовится свадьба, — Юстинъ женится на Полѣ. Я чрезвычайно радъ этому, потому что невозможно подобрать лучшей пары: живая и горячая Поля прекрасно поступаетъ, что идетъ за слѣпого Гомера... по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ видѣть ея прихотей, въ которыхъ у нея, конечно, не будетъ недостатка. Надобно, однако, намъ что-нибудь сдѣлать для Поли, если дядя Аѳанасій даетъ имъ Горы.

— Безъ сомнѣнія, — проговорилъ Юліанъ въ замѣшательствѣ,—Анна распорядится этимъ.

— Она уже говорила мнѣ о приданомъ—это само собою; но, можетъ быть, еще не мѣшало бы дать ей какихъ нибудь пятьсотъ дукатовъ на булавки.

— Если только она приметъ.

— Объ этомъ не безпокойся! Но все это устроилось такъ быстро, что мы не успѣли даже замѣтить, какъ они влюбились, дали другъ другу слово, условились и черезъ двѣ недѣли назначили свадьбу. Если бы тебѣ удалось такъ же скоро сладить съ панною Гиреевичъ!

— Мнѣ никогда и ничто не удастся, милый дядюшка! — воскликнулъ Юліанъ, взглянувъ на выходившаго Алексѣя.

— Откуда же явилось въ тебѣ такое сомнѣніе?

— Предчувствіе!

— Предчувствіе—вздоръ. Перестань набивать голову подобными пустяками. Любовь Поли и Юстина, право, не стоитъ того, чтобы завидовать ей, и я отнюдь не желаю тебѣ подобнаго счастья. А если, въ самомъ дѣлѣ, они возбуждаютъ въ тебѣ зависть, такъ вѣдь ты тоже всегда можешь завязать гдѣ нибудь интрижку и покончить ее, когда надоѣстъ. Да отчего бы не попытать счастья хоть бы даже съ Полею: вѣдь чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поэтъ, конечно, надоѣстъ ей, и она съ радостью улыбнется тебѣ. Ты, милый, Юліанъ долженъ быть откровененъ со старикомъ дядею, потому что онъ второй отецъ твой. Мнѣ кажется, что ты питалъ маленькую симпатію къ Полѣ. Да тутъ и нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣвушка хорошенькая, головка умная, талантовъ много, сердце пламенное, вы жили вмѣстѣ. Но для тебя все-таки большое счастье, что Юстинъ беретъ ее.

Юліанъ покраснѣлъ.

— Стыдиться тутъ нечего. Я радъ, что первый огонь погасъ въ тебѣ: il faut que jeunesse se passe. Можетъ быть, тебѣ непріятно будетъ видѣть ее въ объятіяхъ другого; но, по всей вѣроятности, ты никогда не думалъ жениться на Полѣ и держать любовницу передъ глазами Анны, да еще сироту, воспитанную въ вашемъ домѣ, какъ будто для того, чтобы она служила для тебя предметомъ страсти. Все устроилось какъ нельзя лучше: ты пожалѣешь, повздыхаешь и забудешь ее, а если бы, со временемъ, вы вспомнили прежнее... ну!—президентъ расхохотался и началъ приглаживать голову съ самыми комическими жестами.

— Но поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Я увѣренъ, что ты такъ горячо принялъ къ сердцу теперешнее дѣло только вслѣдствіе совѣтовъ этого глупаго Алексѣя. Сказать правду, я терпѣть не могу его и хотя самъ старался заманить его въ Карлинъ, но вижу теперь, что сдѣлалъ глупость. Онъ внушаетъ вамъ фальшивыя понятія, овладѣлъ образомъ мыслей твоимъ и Анны, привязалъ къ себѣ Эмилія такъ, что бѣдный не можетъ жить безъ него. Гдѣ ни ступишь—вездѣ видно его вліяніе. А добросовѣстный человѣкъ никогда не домогается подобнаго вліянія въ чужомъ домѣ: все это подозрительно для меня. Вѣроятно, у него есть какіе нибудь планы и цѣли.

— Онъ очень преданъ намъ, – замѣтилъ Юліанъ, и если вы обратите, дядюшка, вниманіе на его дѣйствія—вы не замѣтите въ нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ личнаго интереса.

— Это показываетъ только, что онъ уменъ—и больше ничего. Но для меня подобное качество представляется еще болѣе опаснымъ, и я хотѣлъ бы избавиться отъ Дробицкаго; онъ – интриганъ! Да кромѣ того, онъ не нравится мнѣ еще и потому, что всегда ставитъ себя какъ бы наравнѣ съ нами: съ тобою хочетъ быть запанибрата, осмѣливается приближаться къ Аннѣ, а ко мнѣ—хотя и выражаетъ уваженіе, но не такое, какимъ обязанъ наемникъ своему господину.

— Милый дядюшка! не забывайте, что онъ товарищъ и другъ мой, что насъ связываютъ старыя и короткія отношенія.

— Все это прекрасно, но я могу переносить короткость отъ людей равныхъ мнѣ и скажу тебѣ прямо, что хочу удалить Дробицкаго.

— Это не такъ легко, — произнесъ Юліанъ. — Какую вы найдете причину?.. даже Анна... надо бы спросить ее.

— Я и не сдѣлаю ничего безъ нея,—перебилъ Карлинскій.— Посовѣтуемся, придумаемъ и вѣжливо разстанемся съ нимъ: для меня Дробицкій существо антипатичное; я даже полагаю, что и тебѣ онъ уже начинаетъ быть въ тягость, только ты не признаешься въ этомъ...

— Мнѣ? я люблю Алексѣя!—воскликнулъ Юліанъ.—Мы такъ много обязаны ему!

— Всегда помни,—строго перебилъ дядя,—что если подобные люди дѣлаютъ какое либо одолженіе, то имъ обыкновенно платятъ, *и мы заплатимъ* Дробицкому.

— А если это долги сердца?

— Самое лучшее—за все платить звонкою монетою.

На этомъ кончился разговоръ, послѣ котораго президентъ пошелъ къ Аннѣ. Здѣсь ему гораздо труднѣе было приступить къ дѣлу. Уважая невинность чистой души и такъ называемыя женскія права, президентъ не могъ высказать Аннѣ, какъ высказалъ Юліану, что именно онъ имѣетъ противъ Алексѣя и въ какомъ отношеніи опасается его. Ему необходимо было найти другія благовидныя причины и основаться на другихъ заключеніяхъ. Но старикъ не долго думалъ. Онъ желалъ возможнаго счастья своимъ дѣтямъ, искренно заботился о нихъ, и если понималъ ихъ благополучіе по-своему и фальшиво, то нельзя обвинять его за это.

Онъ началъ похвалами Алексѣю и сказалъ Аннѣ:

— Какой онъ благородный и безкорыстный человѣкъ! Чѣмъ больше я узнаю, тѣмъ выше цѣню его.

— О, правда, милый дядюшка! Иногда онъ бываетъ грубъ и упрямъ, но всегда справедливъ и честенъ.

— Душевно жаль, что этихъ свойствъ недостаточно для составленія полнаго идеала управляющаго и довѣреннаго.

— Значитъ, милый дядюшка, вы находите въ немъ какой нибудь недостатокъ?

— Рѣшительно никакого! Напротивъ, я удивляюсь его усердію и дѣятельности, но хотѣлъ бы видѣть болѣе счастливые результаты, какихъ, вѣрно, достигъ бы на его мѣстѣ другой человѣкъ, не столь мягкій и честный и глубже вникающій въ сущность дѣла. Поэзія и хозяйство несовмѣстимы между собою.

— Но онъ практическій человѣкъ.

— Не совсѣмъ, милая Анна, не совсѣмъ! Объ этомъ мы только что разсуждали съ Юліаномъ.

— И братъ замѣчаетъ этотъ недостатокъ?

— Да!.. жаль потерять такого честнаго человѣка, а между тѣмъ...

Анна испугалась и, съ выраженіемъ безпокойства, вставъ съ мѣста, воскликнула:

— Милый дядюшка! не ошибаетесь ли вы? Чрезмѣрно заботясь *о нашемъ счастьѣ*, вы, вѣроятно, хотите сдѣлать для насъ больше, *нежели возможно;* только подумайте, что, желая лучшаго, мы *можемъ потерять* и то, что имѣемъ.

— Какъ вижу, ты очень расположена къ Дробицкому, — сказалъ, смѣясь, Карлинскій.

— Отъ всего сердца, и не думаю, чтобы избытокъ благородства составлялъ грѣхъ, а Дробицкій, если виноватъ, такъ развѣ однимъ этимъ свойствомъ.

Президентъ съ улыбкою поцѣловалъ племянницу въ голову и прекратилъ разговоръ, предоставляя исполненіе своего намѣренія дальнѣйшему ходу времени и обстоятельствамъ.

VI.

Наступилъ день свадьбы Поли. Казалось, сирота свыклась съ своимъ положеніемъ: по крайней мѣрѣ, она сдѣлалась попрежнему весела; но принужденныя вспышки ея отравлялись горькою ироніей, невольно выражавшеюся въ каждомъ словѣ. Бѣдная дѣвушка не могла вообразить себѣ жизни за границами Карлина, а, между тѣмъ, хотѣла и должна была оставить его какъ можно скорѣе.

Наканунѣ свадьбы отправлены были въ Горы фортепіано и другія вещи, которыми Анна хотѣла наградить свою подругу. Поля расплакалась при видѣ улетающаго прошедшаго и заперлась въ своей комнатѣ. На свадьбу пригласили только полковницу съ мужемъ, президента и пана Аѳанасія; но послѣдній отказался отъ поѣздки въ Карлинъ. Ксендзъ Мирейко долженъ былъ благословить новобрачныхъ. Юліанъ, по мѣрѣ приближенія этого дня, мучился все болѣе и болѣе, запирался въ своей комнатѣ и томился воспоминаніями. Нѣсколько разъ онъ покушался подойти къ Полѣ, но дѣвушка ловко избѣгала его. Случайно прибылъ туда также къ свадьбѣ Альбертъ Замшанскій — гость незваный, но которому Юліанъ крѣпко обрадовался, потому что онъ пріятно занималъ его и тѣмъ отвлекалъ его вниманіе отъ Поли. Анна также рада была Альберту и встрѣтила его дружескою улыбкою, какъ стараго и хорошаго знакомаго.

Приготовленіе къ свадьбѣ, равно какъ и день ея, были печальны: на дворѣ было пасмурно и холодно, въ комнатахъ пусто. Каждый, сидя въ своемъ углу, либо думалъ, либо плакалъ. Одинъ Юстинъ не обнаруживалъ печали и молился, приготовляясь къ великому таинству. Въ главной залѣ устроили

алтарь, сама Анна украсила его коврами и цвѣтами. Занятая этими распоряженіями, изрѣдка подходила она къ Полѣ, цѣловала ее въ голову и въ душѣ молила Бога о счастьѣ сироты. Но что происходило въ это время въ душѣ Поли, этого никто не выразитъ!

Наконецъ наступило время одѣвать невѣсту. На столахъ и стульяхъ разложенъ былъ бѣлый нарядъ съ вуалью, вѣнкомъ и букетомъ. Поля сквозь слезы глядѣла на этотъ уборъ и не хотѣла надѣвать его.

— Дорогая Поля!—произнесла Анна; — перестань грустить и начинай одѣваться.

— О, ты не знаешь, какія оковы наложите вы на меня съ этимъ нарядомъ!—возразила Поля. — Съ нимъ я должна буду навсегда отречься отъ Карлина, тогда какъ я ничего не знаю на свѣтѣ, кромѣ здѣшняго дома: въ немъ я провела мою молодость и не воображаю себя способною прожить въ другомъ мѣстѣ.

— Но вѣдь ты не одна и не навсегда оставишь насъ, дорогая Поля. Горы только въ двухъ миляхъ отсюда. Юстинъ поѣдетъ съ тобою. Перестань же грустить, начнемъ одѣваться! Перекрестись и начнемъ.

Поля взглянула на платье, вѣнокъ, букетъ и сказала:

— Нѣтъ! я не хочу обманывать и не надѣну ни этого бѣлаго платья — эмблемы невинности, ни этихъ цвѣтовъ, ни вуаля! Бѣдная сирота — я пойду къ алтарю въ будничномъ костюмѣ, съ одними лишь чувствами смиренія и безъ символовъ, на которые не имѣю права. Скорѣе мнѣ слѣдуетъ надѣть траурное платье, опоясаться краснымъ поясомъ мученицы, взять въ руки крестъ, вмѣсто вѣнка, надѣть терновый вѣнецъ—и въ такомъ видѣ приступить къ алтарю.

Анна сжала руки и воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! какія фантазіи приходятъ тебѣ въ голову! Что подумаютъ объ этомъ люди? Здѣсь посторонній гость, панъ Альбертъ Замшанскій. Пройдутъ Богъ знаетъ какія сплетни. Выбрось изъ головы свои причуды!

— Но я не имѣю силъ надѣть этого наряда.

— Поля! если ты любишь меня...

— Это будетъ обманъ!.. комедія!

— Дорогая Поля, ты помѣшалась!

Поля проворно встала съ мѣста, бросила лихорадочный взглядъ на Анну и проговорила съ дикимъ хохотомъ:

— Да! правда, все было обманомъ! Кончимъ такъ, какъ начали. Я выйду бѣлою и чистою... ха, ха, ха! Такъ должно быть!

Анна видѣла во всемъ этомъ только глубокую скорбь и раздраженіе. При послѣднихъ словахъ сироты она принялась одѣвать ее — и Поля, какъ мертвая кукла, стояла передъ зеркаломъ послушно и въ глубокомъ молчаніи, прерываемомъ одними лишь конвульсивными рыданіями. Когда наконецъ оставалось положить на голову вѣнокъ, въ комнату важно вошла пани Дельріо, чтобы приколоть его. Поля передъ нею стала на колѣни, поцѣловала ея ноги и сказала:

— Простите меня, простите несчастную! Можетъ быть, я не была такъ благодарна вамъ, покорна и послушна, какъ слѣдовало.

Полковница проворно обняла дѣвушку и, не сказавъ ни слова, вышла вонъ. Видъ свадебныхъ нарядовъ глубоко поразилъ ее воспоминаніями собственной жизни.

Вскорѣ затѣмъ заплаканную невѣсту почти насильно подняли съ полу и повели къ алтарю, какъ жертву.

Въ залѣ уже собрались всѣ, съ приколотыми букетами. Юліанъ глядѣлъ на всѣхъ потупленными глазами. Воцарилась тяжелая тишина, президентъ безпокойно слѣдилъ за племянникомъ. Въ числѣ прочихъ гостей находился и Эмилій, первый разъ допущенный къ публичному обряду; взволнованный Алексѣй наблюдалъ за нимъ.

Тихій шумъ возвѣстилъ о прибытіи невѣсты, группы раздвинулись, и показалась Поля. При входѣ въ залу, она пришла въ себя, воодушевилась отвагою и казалась почти веселою. Началось благословеніе. Поля подошла сперва къ полковницѣ и президенту, потомъ поочереди обошла всѣхъ прочихъ: Аннѣ поклонилась въ ноги, и, наконецъ, сверхъ всякаго чаянія, обратилась къ Юліану, стала передъ нимъ на колѣни и произнесла глухимъ голосомъ:

— И вы благословите сироту!

Юліанъ подалъ свою руку, поднялъ Полю и, обнятый ру-

мянцемъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, скорѣе отошелъ прочь, избѣгая взгляда невѣсты. Но взглядъ Поли благословилъ Юліана, потому что въ немъ выразились не упреки, не гнѣвъ, а только состраданіе и молитва о его счастье.

Капуцинъ уже стоялъ предъ алтаремъ, молодая чета подошла къ нему. Голосъ ксендза, новобрачныхъ и шумъ присутствующихъ смѣшались, перевязали руки, размѣняли кольца и, когда все кончилось неизмѣнною присягою, вдругъ раздался глухой стукъ: Поля безъ чувствъ упала на коверъ. Юстинъ первый бросился къ ней. Анна прибѣжала съ уксусомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Поля пришла въ себя, открыла глаза и глухо вздохнула. Ее тотчасъ же повели въ ея комнату, и Юстинъ, по праву мужа, пошелъ за нею. Въ первый разъ послѣ свадьбы молодые взглянули здѣсь другъ на друга — и Поддубинецъ прочиталъ въ глазахъ жены такое страданіе, что готовъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы только уменьшить его.

— Отдохни, сказалъ онъ Полѣ. — Впечатлѣнія, мысли и чувства разстроили тебя, тебѣ нужны тишина и спокойствіе.

— Но не здѣсь! — воскликнула Поля раздирающимъ и вмѣстѣ умоляющимъ голосомъ. — Пойдемъ, пойдемъ... убѣжимъ отсюда... Я твоя... бери меня и увези какъ можно скорѣе; я не могу, не должна долѣе оставаться здѣсь. Пойдемъ! ради Бога, пойдемъ!

— Какъ? сейчасъ? — спросилъ Юстинъ.

— Сію минуту! — отвѣчала Поль, срывая съ себя вѣнокъ, цвѣты и вуаль. — Поѣдемъ, я готова...

Въ эту минуту вбѣжала Анна.

— Милая, безцѣнная моя! — проговорила плачущая Поля, — позволь мнѣ ѣхать съ Юстиномъ. Чѣмъ больше продлится разставаніе и прощаніе съ вами, тѣмъ сильнѣе буду я страдать; теперь я боюсь постороннихъ взглядовъ, они сожигаютъ меня. Позволь мнѣ ѣхать!

Анна не знала, что дѣлать.

— Но что скажутъ дядя, маменька, Юліанъ?

— Извини меня болѣзнью, волненіемъ, какимъ-нибудь случаемъ... чѣмъ хочешь... Иначе этотъ день убьетъ меня.

Лошади были готовы. Исполняя волю жены, Юстинъ проводилъ ее, или, вѣрнѣе, снесъ по лѣстницѣ къ экипажу, подъ-

ѣхавшему къ боковой калиткѣ. И еще никто не зналъ о внезапномъ отъѣздѣ новобрачныхъ, какъ лошади уже везли ихъ по дорогѣ къ Горамъ.

Анна вошла въ залу одна.

— Ну, что—молодая?—спросилъ президентъ.

— Больна и уѣхала съ Юстиномъ домой.

— Какъ? не простившись и безъ обѣда? — перебила полковница.

— Я не могла и не смѣла удержать ихъ, — отвѣчала Анна.—Поля хотѣла непремѣнно ѣхать, чтобы не плакать при гостяхъ: такъ тяжело было ей разстаться съ Карлиномъ.

Юліанъ слышалъ этотъ разговоръ и страдалъ... но, непостижимое дѣло, въ тоже время эгоизмъ утѣшалъ его, говоря о чувствѣ свободы. Можетъ быть, онъ даже радовался, что больше не увидитъ Полю.

Свадебный пиръ кончился безъ молодыхъ, и только для одной церемоніи выпили за ихъ здоровье. Юліанъ, поднося бокалъ въ губамъ, взглянулъ на Алексѣя и встрѣтилъ серьезный, укоряющій и страдальческій взоръ друга. Алексѣй понялъ, что происходило въ душѣ Юліана, и, при видѣ столь непостижимаго легкомыслія и эгоизма, прежняя дружба къ Юліану совершенно погасла въ его сердцѣ.

Благородный Алексѣй живо представилъ себѣ мученіе хладнокровно покинутой сироты, бѣжавшей изъ здѣшняго дома въ то самое время, какъ Юліанъ почти съ радостью пилъ вино за счастье и благополучіе вчерашней любовницы!

VII.

Молодые, въ совершенномъ молчаніи, проѣхали двѣ мили, отдѣляющія Горы отъ Карлина. Поля, откинувшись въ уголъ повозки, плакала, Юстинъ держалъ ея руку и сидѣлъ, задумавшись. Для обоихъ прибытіе въ неизвѣстный домъ, гдѣ должна была заключиться вся ихъ будущность, представлялось страшнымъ. Поэтъ живо чувствовалъ, что свободная жизнь, проводимая до сихъ поръ въ путешествіяхъ, созерцаніяхъ и мечтахъ, навсегда улетѣла отъ него. Онъ не могъ уже быть свободенъ: обманчивая надежда навѣки приковала

его къ другому существу; но онъ видѣлъ, что не получитъ отъ Поля счастья и самъ не сдѣлаетъ ее счастливою. Рай на самомъ порогѣ обратился въ Голгоѳу, пѣснь замирала на устахъ, сердце страдало и обливалось кровью, дѣйствительная жизнь схватывала въ свои когти свободнаго до сихъ поръ Юстина. Онъ и Поля вздрогнули, когда повозка остановилась и надо было выдти. Они увидѣли передъ собою старый деревянный домъ, окруженный огромными липами, пустой, уединенный и безъ слѣдовъ жизни.

Деревья плотно окружали дворъ, такъ что сквозь нихъ не видно было свѣта; только въ одномъ мѣстѣ, изъ-за пней, виднѣлась луговая площадка съ рѣчкою, какъ можно было предполагать по растущимъ на ней тростнику и лозѣ, а на другомъ берегу рѣчки лѣсъ окружалъ небольшое поле. Воздухъ проникнутъ былъ сыростью, какая чувствуется въ лѣсахъ и подъ тѣнью. Старый деревянный домъ покрытъ былъ мохомъ и плѣсенью. Съ давнихъ поръ никто не жилъ въ этомъ домѣ; теперь, по приказанію пана Аѳанасія, его поправили и немного очистили для Юстина и вырубили окружавшіе его дикіе кустарники.

Вѣтви деревъ, свѣсившіяся къ окнамъ, обнимавшія весь домъ и закрывавшія кровлю, составляли чудное, но печальное украшеніе. Войдя въ самый домъ, молодые почувствовали могильный, подземный запахъ, и глаза ихъ не скоро освоились съ сумракомъ, продолжающимся здѣсь съ утра до вечера.

Не встрѣтивъ ни души на крыльцѣ и на дворѣ съ отворенными воротами, они стали осматривать домъ. Поля съ грустнымъ чувствомъ глядѣла на сѣрыя стѣны. Все здѣсь вѣяло печалью, нигдѣ не было слѣдовъ жизни. Въ это время въ глаза Поли бросились вещи, привезенныя изъ Карлина, и она со слезами кинулась къ нимъ: это были—фортепіано, за которымъ провела она много времени, кресло, рабочій столикъ, корзинка съ приборами для работы, стаканъ для букетовъ, нѣсколько книгъ и образа, висѣвшіе надъ ея кроватью. Анна прислала сюда все, что только могла, чтобы только оживить Горы воспоминаніемъ о Карлинѣ и перенести сюда прошедшее сироты. Поля встрѣтила въ своей комнаткѣ все, что служило для нея отраднымъ воспоминаніемъ, но эти предметы, приве-

зенные равнодушными слугами, подобно самому прошедшему, были въ безпорядкѣ разбросаны по полу и частью перебиты, либо переломаны.

Юстинъ тихо велъ жену свою и также съ любопытствомъ смотрѣлъ на все. Но какъ домъ, такъ и заключавшіеся въ немъ предметы не производили на поэта ни малѣйшаго впечатлѣнія: чувство печали проникло въ него еще на порогѣ и не разсѣявалось въ немъ во все время осмотра новаго жилища. Отворивъ двери въ четвертую комнату и поднявъ глаза, Юстинъ вздрогнулъ, потому что неожиданно увидѣлъ пана Аѳанасія, сидѣвшаго на стулѣ и въ задумчивости читавшаго огромную книгу. Поля невольно прижалась къ мужу. Она мало знала дядю Анны, рѣдко видала его—и эта важная, суровая, погруженная въ религіозныя размышленія фигура, при первомъ взглядѣ, сильно поразила ее.

Углубленный въ чтеніе, панъ Аѳанасій не замѣтилъ молодой четы до тѣхъ поръ, пока она не подошла къ его стулу. Тогда Карлинскій оглянулся и, молча, поднялъ руку надъ молодыми, ставшими передъ нимъ на колѣни. Книга упала съ колѣнъ старца, испытующій взоръ его остановился на Полѣ.

— Вотъ ваше земное достояніе!—произнесъ онъ тихимъ голосомъ.—Я благословилъ его молитвою, потому что люблю здѣшнее мѣсто. Впрочемъ, не все ли равно человѣку: тамъ или здѣсь страдать и жаловаться? Послѣ Карлина здѣсь скучно будетъ тебѣ, дитя мое!—прибавилъ онъ, обратясь къ Полѣ,—но на землѣ всѣ мы странники и пришельцы. Мы тоскуемъ, сами не зная—о чемъ, о небесахъ и древнемъ отечествѣ души нашей, тоскуемъ о Богѣ, ища Его въ людяхъ, и не успокоиваемся до тѣхъ поръ, пока не познаемъ заблужденія и не возвратимся къ Тому, Кто влечетъ насъ къ Себѣ, у Кого въ рукахъ истинное спокойствіе и счастіе. Вотъ вашъ домъ, построенный въ пустынѣ, гдѣ время часто будетъ казаться вамъ продолжительнымъ, а между тѣмъ пролетитъ, какъ молнія.

Поля не поняла словъ старца, потому что мысль ея блуждала въ другомъ мѣстѣ, и со слезами уносилась въ Карлинъ. Панъ Аѳанасій поднялъ книгу и закрылъ ее.

— Какъ старикъ, я не буду надоѣдать вамъ. Я зашелъ сюда только посмотрѣть и возвращаюсь въ Щуру. Если вамъ

будетъ нужно что нибудь, то пришлите къ мнѣ.—Съ этими словами онъ всталъ со стула, взялъ палку, шляпу и, бросивъ еще взглядъ на сироту и Юстина, скорыми шагами вышелъ вонъ, оставивъ молодыхъ наединѣ.

VIII.

А въ Карлинѣ въ этотъ день было веселѣе. Правда, Аннѣ каждую минуту приходила на мысль подруга дѣтства, но окружающіе люди, гости, шумъ, родные не давали ей возможности поплакать въ уединеніи. Можетъ быть, и Альбертъ Замшанскій также содѣйствовалъ веселости Анны, потому что въ теперешній визитъ, очевидно стараясь понравиться дѣвушкѣ, онъ ни на одну минуту не отходилъ отъ нея. Краснорѣчіе, остроуміе и гибкая способность приноровляться къ людямъ дѣлали его болѣе и болѣе привлекательнымъ для Анны.

Есть люди, одаренные такимъ счастливымъ характеромъ, что обманъ непонятенъ и даже вовсе не существуетъ для нихъ, потому что сами они не умѣютъ обманывать; только посторонніе открываютъ имъ глаза, но сами они всегда остаются слѣпы. Анна, по добротѣ и чистотѣ своей, была именно такимъ существомъ: для нея все представлялось правдою; сама она не хотѣла и не могла нигдѣ замѣтить обмана. Потому и Альбертъ, хотя былъ только искусственнымъ произведеніемъ, хотя блисталъ только заимствованнымъ свѣтомъ и ничего не заключалъ въ себѣ, показался ей чуднымъ, очаровательнымъ человѣкомъ. А можетъ быть, сердце ея увлекалось и привязалось къ этому призраку только потому, что давно жаждало любви.

Алексѣй съ сердечною скорбью видѣлъ, какъ Анна конфузилась отъ взоровъ молодого гостя, краснѣла, была весела и любезна съ нимъ. Всѣ эти очевидные признаки рождавшагося чувства не ускользнули отъ его наблюдательности. Невыразимая горесть сжала сердце бѣднаго Алексѣя: онъ видѣлъ свой идеалъ брошеннымъ въ жертву самому обыкновенному человѣку и трепеталъ, представляя его будущность. Онъ, не смѣвшій поднять на нее глазъ своихъ, готовый всю жизнь стоять предъ нею на колѣняхъ, желавшій только издали смотрѣть на

это небесное явленіе, теперь увидѣлъ ее упавшею на землю къ существу ничтожному и возбуждавшему въ немъ одно лишь презрѣніе!

Можетъ быть, Дробицкій былъ бы равнодушнѣе, если-бы ему предпочли, по крайней мѣрѣ, равнаго. Но онъ глубоко страдалъ, когда замѣтилъ посредственность, смѣло поднимавшуюся туда, куда онъ не смѣлъ даже поднять свои взоры.

Президентъ и Юліанъ въ скоромъ времени замѣтили въ Аннѣ перемѣну. Полковница также поняла ее и рѣшилась непремѣнно содѣйствовать Аннѣ. Юліанъ нисколько не удивлялся этому обстоятельству; онъ былъ равнодушенъ ко всему и притомъ, судя объ Альбертѣ по наружности, оцѣнилъ его такъ же, какъ и сестра. Но президентъ смотрѣлъ на эту новость пасмурно и даже съ нѣкоторою тревогою.

Онъ любилъ Анну, какъ родную дочь, и опасался за ея участь. Всегда считая первымъ условіемъ счастья достатокъ, онъ безпокоился объ участи племянницы, потому что зналъ Замшанскаго только по дядѣ.

Президентъ нѣсколько дней съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за молодыми людьми и, наконецъ, видя, что Анна съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сближалась съ Альбертомъ, а послѣдній, въ свою очередь, не скрывалъ своихъ чувствъ къ ней, счелъ необходимымъ разспросить объ немъ старика Кузена.

Послѣ обѣда, когда закурили сигары и Петръ Замшанскій уже начиналъ говорить о Полѣ, президентъ вдругъ обратился къ нему съ словами:

— Какой милый человѣкъ этотъ Альбертъ; но скажите пожалуйста, какъ онъ вамъ приходится?

— Двоюродный племянникъ!—отвѣчалъ старикъ, нѣсколько смѣшавшись и стараясь перемѣнить разговоръ.

— Онъ живетъ въ Познани? — опять спросилъ президентъ.

— Въ Познани, близъ Костяна.

— Вѣроятно, они богатые люди?

— Да, состоятельные, только имѣютъ большое семейство и, кромѣ того, имѣнія приносятъ тамъ доходовъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ.

— Гмъ! — пробормоталъ Карлинскій: — очень милый молодой человѣкъ... какъ прекрасно воспитанъ! Вы обязаны задер-

жать его здѣсь какъ можно дольше; вѣдь жаль потерять такого человѣка.

— Конечно! Вотъ развѣ удастся женить его на здѣшней,— сказалъ панъ Петръ, мигая однимъ глазомъ: — у меня есть проектикъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ президентъ, опасаясь попасть въ западню.

— Зени Гиреевичъ! — прошепталъ Замшанскій.

Президентъ вскочилъ, какъ ошпаренный, и даже не понялъ, что это былъ только маневръ со стороны пана Петра, хорошо знавшаго, что президентъ караулитъ Гиреевичей для Юліана и что опасенія потерять эту партію скорѣе увѣнчаетъ ихъ виды на панну Анну. По всей вѣроятности, панъ Петръ охотнѣе женилъ-бы племянника на Зени и ея милліонахъ, нежели на имени Карлинскихъ и скромномъ приданомъ Ануси; но онъ зналъ, что Гиреевичи не вдругъ отдадутъ свою любимую дочь за незнакомаго человѣка. Поэтому Замшанскій пустилъ теперешнюю ракету собственно для президента, на всякій случай. При всей ловкости и прозорливости, Карлинскій испугался и не замѣтилъ уловки.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ онъ: — да, это прекрасная партія и стоитъ похлопотать о ней. Кстати, скажу вамъ откровенно, что и я думалъ объ ней для Юліана.

— Ахъ, извините, право, я не зналъ объ этомъ,— отвѣчалъ панъ Петръ. — Но вы и я не интриганы и, конечно, не станемъ брать панну силою или хитростью, а кому Богъ дастъ счастье.

Президентъ сѣлъ на мѣсто и, повидимому, успокоился; но, на самомъ дѣлѣ, это обстоятельство чрезвычайно встревожило его. Подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Правду сказать, Гиреевичъ до гадости разсчетливъ. Мнѣ кажется, что онъ будетъ смотрѣть въ оба за своею дочерью и не позволитъ ей влюбиться до тѣхъ поръ, пока не сосчитаетъ капиталовъ ея нареченнаго.

— Мы были у Гиреевичей, — перебилъ панъ Петръ, — и, натурально, осматривали всѣ рѣдкости его дома, слушали музыку, а этотъ разбойникъ Альбертъ увѣрялъ, что даже за границею онъ не видалъ и не слыхалъ ничего подобнаго. Ги-

реевичу чрезвычайно понравилось то, что его bric à brac онъ сравнивалъ съ кабинетомъ принца де-Линь въ Бельгіи, а его игру съ игрою Вьетана. Плутъ малый! о, плутъ!

„Плутъ? хорошо и это принять къ свѣдѣнію“, — подумалъ президентъ.

Въ эту минуту ихъ позвали къ чаю.

Выручая мать, Анна занималась около столика хозяйствомъ. Альбертъ помогалъ ей, и между ними уже легко было замѣтить короткость, служащую первою ступенью къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ. Пани Дельріо, глядя на нихъ, вспоминала свою молодость. Юліанъ большими шагами ходилъ по залѣ, теперь пустой для него и пробуждавшей неизгладимыя воспоминанія. Алексѣй глядѣлъ въ окно, не имѣя силъ смотрѣть на короткость Анны съ этимъ ловкимъ комедіантомъ безъ души и сердца.

— Какой это прекрасный старопольскій обычай, — произнесъ Альбертъ, — что у насъ сами хозяйки наливаютъ чай! Это придаетъ ему особый вкусъ. Въ Парижѣ...

— Почему вы такъ часто вспоминаете о Парижѣ? — спросила Анна.

— Потому что, хотя у насъ въ большой модѣ кричать и выдумывать про него разныя небылицы, однако это, можетъ быть, единственный въ мірѣ городъ, гдѣ высшее общество умѣетъ жить и гдѣ жизнь чрезвычайно пріятна.

— Пріятнѣе, чѣмъ у насъ? Но вы хвалили нашъ старинный обычай?

— Да, хвалю и даже высоко цѣню его. Но это не мѣшаетъ мнѣ утверждать, что нигдѣ такъ хорошо не понимаютъ жизни, какъ въ Парижѣ. Никто не видитъ пружинъ, двигающихъ эту машину, все идетъ прекрасно, легко, плавно, въ свою пору приходитъ, измѣняется, проходитъ, все такъ прекрасно разсчитано, что жителю Парижа никогда не можетъ придти на мысль, чтобы въ другомъ мѣстѣ жизнь была въ тягость. О, жизнь— великое искусство, почти наука!

— Но вы говорите о жизни, которой мы не понимаемъ; сейчасъ изображенная вами — невозможна. Какъ! жить только для того, чтобы веселиться и наслаждаться?

— Конечно, если же судить о ней съ нравственной точки, то это другое дѣло.

— Но человѣкъ живетъ еще сердцемъ, душою!

— Извините, панна, въ той жизни, какою живутъ въ Парижѣ, все входитъ въ разсчетъ: тамъ есть пища для сердца, для души, для чувства красоты, для идеала, для всѣхъ потребностей человѣка — душевныхъ и тѣлесныхъ.

— Я думаю, что больше всего для эгоизма.

— Но эгоизмъ, принимаемый въ хорошемъ значеніи, не такъ страшенъ,— подхватилъ Альбертъ, любившій парадоксы, — и не такъ отвратителенъ, какъ кажется. Въ хорошемъ значеніи онъ заключаетъ въ себѣ филантропическія начала и никому не мѣшаетъ.

— Это для меня совершенная новость! — замѣтила Анна.

— Отвращенье къ эгоизму есть предразсудокъ, — съ улыбкою продолжалъ молодой человѣкъ; — эгоизмъ — это соединительная сила, и міръ не устоялъ бы безъ нея; только этою силою, какъ и всѣми другими, долженъ управлять разумъ. Въ состояніи варварскомъ эгоизмъ все ниспровергаетъ или разрушаетъ, потому что тамъ нѣтъ будущаго, но въ цивилизованномъ мірѣ онъ спасаетъ.

Въ такомъ родѣ продолжался разговоръ между Анною и Замшанскимъ, и никто не прерывалъ ихъ. Алексѣй съ глубокою грустью смотрѣлъ на нихъ, слушалъ и жалѣлъ о паденіи Анны.

— Бѣдныя женщины! — думалъ онъ: — онѣ всегда предназначаются недостойнымъ людямъ. По какой то странной прихоти судьбы, самая поэтическая дѣвушка должна пасть жертвою насмѣшливаго скептика, чуть только онъ блеснетъ предъ нею остроуміемъ или своими вздохами возбудитъ въ ней состраданіе; самая святая позволяетъ очаровать себя извергу; самою кроткою овладѣваетъ тотъ, кто даетъ ей почувствовать свою силу!

Внутреннее страданье и предчувствіе печальной будущности Анны до такой степени заняли Алексѣя, что онъ не замѣтилъ президента, который вѣжливо подошелъ къ нему и шепнулъ на ухо, что хочетъ завтра разсмотрѣть общее состояніе дѣлъ по имѣнію и повѣрить счеты.

— Я всегда готовъ, и каждую минуту могу представить вамъ все, что угодно, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Очень хорошо, увидимъ, — равнодушно сказалъ президентъ.—По принятому обыкновенію, я обязанъ вникнуть въ положеніе дѣлъ и придумать средства, какъ дѣйствовать дальше; мы составимъ совѣтъ вмѣстѣ съ Юліаномъ.

Алексѣй не сказалъ ни слова, но его озадачило внезапное намѣреніе президента обревизовать дѣла, слишкомъ хорошо извѣстныя ему. Существеннымъ намѣреніемъ стараго опекуна было дать такой оборотъ ревизіи, чтобы не сойтись съ Алексѣемъ во взглядахъ насчетъ управленія дѣлъ, и принудить его отказаться отъ должности. Онъ не хотѣлъ прямо высказать своего желанія—и рѣшился, для Юліана и Анны, незамѣтно довести Дробицкаго до того, чтобы онъ самъ добровольно удалился изъ ихъ дома.

XIX.

На другой день приступили къ ревизіи дѣлъ и совѣщанію. Совершенно равнодушный ко всему, Юліанъ приглашенъ былъ только для формы; президентъ игралъ здѣсь главную роль. Алексѣй представилъ ему счеты, планы, балансы и объяснилъ, какія онъ придумалъ средства для удовлетворенія главныхъ кредиторовъ. Президентъ искалъ только предлога—и вскорѣ обратилъ вниманіе на разсчетъ по уплатѣ долга жидамъ, съ давнихъ поръ лежавшаго на Карлинѣ. Это дѣло было самое запутанное, кончилось оно полюбовною сдѣлкою, и теперь оставалось только уплатить извѣстную сумму наслѣдникамъ жида Шаи. Но Алексѣй, составлявшій условіе, поступилъ благородно и всѣ векселя за подписью покойнаго Хорунжича призналъ несомнѣннымъ долгомъ.

Разсматривая бумаги, президентъ улыбнулся и сказалъ:

— У этихъ жидовъ, кажется, можно было выторговать гораздо больше.

— Можетъ быть,—возразилъ Алексѣй,—но тутъ дѣло шло главнымъ образомъ о подписи пана Хорунжича, а жиды и безъ того теряютъ проценты за десятки лѣтъ.

— Жиды никогда нечего не теряютъ! — воскликнулъ Карлинскій.

— Здѣсь, панъ президентъ, потери ихъ очевидны.

— Вы слишкомъ честны и добросовѣстны! — опять воскликнулъ Карлинскій.

— Особенно въ чужихъ дѣлахъ! — отвѣчалъ Дробицкій.

— И изъ чужого кармана! — прошепталъ президентъ.

Алексѣй покраснѣлъ и задрожалъ. Приготовленный ко всему, президентъ сохранялъ хладнокровіе: онъ ожидалъ взрыва.

— Я готовъ заплатить изъ своихъ денегъ, такъ какъ того требуетъ мое собственное убѣжденіе! — горячо воскликнулъ Дробицкій.

— Прошу не горячиться! — сказалъ президентъ. — При разсужденіи о дѣлахъ слѣдуетъ говорить хладнокровно и обдуманно.

— Я старался объ этомъ! — воскликнулъ Дробицкій. Впрочемъ, если мои распоряженія вы находите неправильными, то мы не связаны другъ съ другомъ навѣки.

Юліанъ молчалъ. Онъ уже значительно охладѣлъ къ Алексѣю, имѣвшему въ глазахъ его и тотъ недостатокъ, что онъ никогда не поблажалъ его прихотямъ и склонности къ разсѣянію. Дробицкій взглянулъ на него и, видя своего друга совершенно равнодушнымъ, поклонился, сложилъ бумаги передъ его дядею и вышелъ вонъ.

Тутъ Юліанъ пробудился отъ задумчивости.

— Что случилось у васъ, милый дядюшка?

— Ничего. Кажется, панъ Дробицкій, черезчуръ щекотливый ко всѣмъ совѣтамъ и наставленіямъ, обидѣлся на мое замѣчаніе, выраженное самымъ вѣжливымъ образомъ. Вѣрно онъ думаетъ, что мы будемъ извиняться и просить его назадъ; но онъ очень ошибся.

— Какъ? онъ долженъ разстаться съ нами? — спросилъ встревоженный Юліанъ.

— Вѣроятно, — онъ вышелъ отсюда въ ужасномъ раздраженіи. Пожалуйства, не выказывай ему своей слабости, не ходи и не посылай къ нему. Такимъ образомъ, мы вѣжливо избавимся отъ него, вся вина упадетъ на одного меня — и конецъ дѣлу!

— Но я хорошенько не слыхалъ, изъ-за чего началось у васъ дѣло?

— Изъ за глупостей... Я въ шутку сказалъ, что онъ слишкомъ щедръ изъ чужого кармана; онъ вспыхнулъ, сказалъ

какую-то глупость, положилъ передо мной бумаги и вышелъ изъ конторы.

Возвратясь въ свою комнату, Алексѣй, ни о чемъ не думая, въ крайнемъ раздраженіи, сейчасъ же приказалъ слугѣ укладывать свои вещи и запрягать лошадей, поблагодарилъ за приглашеніе къ обѣду, выбралъ необходимыя бумаги, и особенно пораженный тѣмъ, что Юліанъ ни одного слова не сказалъ въ его защиту, даже не пришелъ дружески поговорить съ нимъ, рѣшился навсегда покинуть Карлинъ. Можетъ быть, этой рѣшимости содѣйствовала еще и любовь его, дошедшая до такой степени, что видъ Анны и Альберта былъ для него невыносимымъ мученьемъ. Въ первыя минуты выѣхать изъ Карлина— ему представлялось самымъ легкимъ дѣломъ. Но когда онъ уложилъ всѣ вещи и все было готово къ отъѣзду, тогда только онъ понялъ, что это будетъ стоить ему слишкомъ дорого. Человѣкъ нигдѣ не можетъ безнаказанно прожить долгое время. Онъ привыкаетъ къ мѣстности и окружающимъ лицамъ. Здѣсь одинъ видъ равнодушной, холодной, но каждый день и дружески улыбавшейся ему Анны услаждалъ все; одинъ вечерній разговоръ съ нею служилъ предметомъ неисчерпаемыхъ мечтаній на цѣлую недѣлю. И все это надо было потерять вдругъ! У бѣднаго Алексѣя кружилась голова; онъ окаменѣлъ на мѣстѣ и просидѣлъ весь день, не зная, что происходило съ нимъ. Всѣ вещи были уложены, но онъ не уѣзжалъ, не могъ оторваться отъ Карлина.

Никто не навѣстилъ его, никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе во время обѣда, потому что это случалось и прежде. Президентъ держалъ Юліана при себѣ, а прочія лица ничего не знали и не могли предвидѣть случившагося обстоятельства. Алексѣй сидѣлъ одинъ, забытый всѣми, и это ужасно печалило его. Онъ сознавалъ необходимость прекратить всѣ связи съ Карлиномъ, такъ какъ онѣ ничего болѣе не могли принести ему, кромѣ однихъ горькихъ воспоминаній, но у него не доставало силъ на подобный подвигъ. Странныя, безпорядочныя, печальныя мысли бродили въ головѣ его; цѣлый день прошелъ въ лихорадочномъ оцѣпенѣніи. Каждый разъ, какъ Алексѣй порывался съ мѣста, ему приходила на память Анна —и бѣднякъ воображалъ, что онъ долженъ хранить и спасать ее отъ угрожающей опас-

ности, но чрезъ минуту онъ упадалъ духомъ и спрашивалъ себя: что я значу здѣсь? имѣю-ли право сказать хоть одно слово?

Въ такой борьбѣ съ самимъ собою Алексѣй просидѣлъ до вечера. Наконецъ, онъ хотѣлъ подняться съ мѣста и ѣхать, но вдругъ почувствовалъ въ головѣ шумъ, во рту—горечь, во всемъ тѣлѣ горячку съ сильною дрожью и жаромъ, въ глазахъ его потемнѣло - и, сойдя кое-какъ со стула, онъ упалъ на кровать, на которой ничего не было, кромѣ соломы. Скоро онъ впалъ въ забытье.

Онъ чувствовалъ, что живъ, но не могъ ни шевельнуться, ни позвать кого-нибудь, ни подняться. Предъ глазами его носились видѣнія то насмѣшливо улыбавшіяся, то могильно-печальныя.

Всѣ, кого Алексѣй зналъ, кого любилъ или ненавидѣлъ, предстали ему въ теперешнемъ болѣзненномъ состояніи: Анна, Юліанъ, Эмилій, мать, старикъ Юноша, Жербенскіе сосѣди, панъ Аѳанасій, Юстинъ, Поля, а рядомъ съ ними множество незнакомыхъ лицъ. Всѣ эти люди, казалось, негодовали на Алексѣя, всѣ, проходя мимо него, горько упрекали его; каждый, какъ лично обиженный имъ, высказывалъ свое обвиненіе и бросалъ въ него камень. А между тѣмъ Алексѣй — связанный, нѣмой, безсильный — напрасно усиливался сказать что-нибудь въ свое оправданіе, недугъ сковывалъ его языкъ, цѣпи сжимали руки и ноги, тяжелый камень лежалъ на головѣ и груди.

Въ этомъ хаосѣ, на мрачномъ и безпрестанно колебавшемся фонѣ, при необыкновенномъ шумѣ, Алексѣй постоянно видѣлъ новыя явленія, но маленькое облако постепенно заслоняло ихъ; люди вдругъ обратились въ огромные клубы дыма и исчезали; черная, могильная тишина наступила послѣ бѣшеной бури. Алексѣй уже не чувствовалъ и не зналъ, что происходило съ нимъ.

Слуги ушли, никого не было при немъ; въ страшномъ бреду и горячкѣ, больной пролежалъ на кровати до поздней ночи. Но когда всѣ разошлись изъ гостиной, президентъ и Юліанъ вздумали посѣтить Алексѣя.

Они нашли его безъ огня, на непостланной кровати, въ страшной горячкѣ, съ неподвижными глазами, запекшимися губами, со всѣми признаками опасной болѣзни. На сдѣланный вопросъ Алексѣй ничего не отвѣтилъ, даже не узналъ ихъ. Президентъ

сильно испугался. Юліанъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Немедленно послали за Греберомъ, и Карлинскій хотѣлъ самъ ухаживать за больнымъ; но президентъ, полагая, что болѣзнь подобнаго рода можетъ быть заразительною, не позволилъ ему этого, почти насильно вывелъ его изъ комнаты и приказалъ позвать Борновскаго, считая его способнымъ на все, даже въ случаѣ надобности умѣвшимъ замѣнить при больныхъ лѣкаря. Объ этомъ случаѣ не сказали Аннѣ и не дали знать въ Жербы, чтобы не испугать старушку мать. Юліанъ, въ сопровожденіи дяди, съ поникшею головою возвратился въ свою комнату.

— Я не приписываю этой болѣзни утреннему волненію,— началъ президентъ, послѣ минутнаго размышленія: — вѣдь я не сказалъ ему ничего слишкомъ рѣзкаго!

— Однако, дѣло очень скверное... Хотя бы, по крайней мѣрѣ, я раньше пришелъ къ нему,—отвѣчалъ Юліанъ.—Все это будетъ лежать у меня на совѣсти. Мы вырвали его изъ спокойнаго быта, онъ привыкъ къ своему положенію и былъ счастливъ, именемъ дружбы вызвали сюда для поправки дѣлъ, онъ всею душою посвятилъ намъ себя, спасъ брата, забылъ о себѣ—и за все это чѣмъ мы платимъ ему теперь? Хуже, чѣмъ равнодушіемъ, почти неблагодарностью!

Это былъ послѣдній проблескъ благороднѣйшаго чувства въ Юліанѣ, сразу уничтоженнаго слѣдующими холодными словами президента:

— Послушай, все зависитъ отъ взгляда на вещи. Мы дали ему хорошее мѣсто, гдѣ онъ пріобрѣталъ выгодъ несравненно больше, чѣмъ отъ домашняго хозяйства, ввели его въ наше общество; онъ дѣлалъ, что могъ, но не сдѣлалъ ничего особеннаго. Эмилій, скоро-ли, долго-ли, поправился бы и безъ него. Наконецъ, мы не выбросили его на улицу. Не забывай—кто мы и кто онъ. За все прочее мы заплатимъ ему.

— Ахъ, дядюшка!

— Отстань, пожалуйста, со своею филантропіей и идеалами! Чего ты испугался? Оскорбленная глупая гордость произвела въ немъ болѣзнь и горячку; вотъ сейчасъ пустятъ ему кровь, дадутъ каломели—и все пройдетъ. Отчаяваться не въ чемъ. Спокойной ночи!—Съ этими словами президентъ вышелъ вонъ, притворяясь болѣе холоднымъ, нежели какимъ былъ на самомъ дѣлѣ.

потому что онъ глубоко чувствовалъ болѣзнь Алексѣя и сознавалъ себя главнымъ ея виновникомъ. Но онъ не пошелъ спать, а тихо направился къ квартирѣ Алексѣя и вызвалъ Борновскаго.

— Ну, какъ онъ чувствуетъ сабя?

— Да что, ясновельможный панъ — обыкновенное дѣло — бредитъ... горячка! страшная горячка! Я приставилъ ему горчичникъ. Голова точно въ огнѣ, говоритъ разныя разности.

Волнуемый безпокойствомъ, президентъ вошелъ въ домъ и сталъ въ дверяхъ другой комнаты. Вслѣдъ за нимъ вбѣжалъ встревоженный Юліанъ.

Алексѣй лежалъ съ открытыми глазами, изрѣдка прерывая окружающую тишину несвязными и быстро вылетавшими фразами. Сначала никто не могъ понять и угадать ихъ значенія; но, спустя минуту, президентъ поблѣднѣлъ и затрясся отъ бѣшенства. Больной нѣсколько разъ произнесъ имя Анны.

— Виноватъ ли я?—говорилъ онъ:—вѣдь я долженъ былъ любить тебя; но я ничѣмъ не обнаружилъ своего чувства—ни словомъ, ни взглядомъ, ии жестомъ. Никто не знаетъ этого, никто, кромѣ меня да Бога. О, Анна, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело нокинуть васъ, тебя... и никогда, никогда больше не видѣть тебя, не слышать твоего голоса и быть увѣреннымъ, что послѣ меня, какъ послѣ зимняго снѣга, не останется даже воспоминанія. Вѣдь ты была для мени Беатриче Данта, Лаурою Петрарки, вдохновеніемъ всѣхъ поэтовъ, мечтою. Виноватъ ли я, что упалъ передъ картиною, если и другіе всѣ стояли передъ нею на колѣняхъ! Богъ вложилъ въ меня частицу священнаго огня, озаряющаго сердца и души... и я хорошо вижу ихъ... вижу и тебя... О, ты ангелъ—Анна!

Президентъ выслалъ Борновскаго и слугъ, увидѣлъ Юліана, схватилъ его за руку и отошелъ съ нимъ въ другую комнату въ чрезвычайномъ раздраженіи, почти забывая себя и трясясь отъ бѣшенства.

— Слышалъ? — спросилъ онъ, — слышалъ? Любитъ Анну! Смѣлъ взглянуть на нее, смѣлъ полюбить ее, смѣлъ мечтать объ ней?. Это нахалъ! это негодяй, сумасбродъ! Люди услышатъ ея имя... ея имя въ устахъ подобной твари! Нѣтъ, я запру его и не пущу сюда ни Гребера, ни ихъ... никого... пусть умираетъ *одинъ! Я скорѣе* рѣшусь принять грѣхъ на совѣсть, нежели *золить, чтобы* малѣйшая тѣнь упала на Анну!

— Дядюшка, милый дядюшка! вѣдь это горячка.

— Да, горячка, но она обнаружила тайну, подобно тому, какъ буря выбрасываетъ нечистоты и грязь, лежащія на днѣ моря! Не старайся оправдывать его. Это негодяй!... мерзавецъ! сумасшедшій, — повторялъ президентъ въ высшей степени раздраженія. — Иди отсюда и оставъ меня одного!

Юліанъ задрожалъ, потому что въ первый разъ видѣлъ президента въ такомъ состояніи.

— Если и въ самомъ дѣлѣ онъ полюбилъ Анну,—отозвался молодой человѣкъ,—то, съ его стороны, тутъ нѣтъ слишкомъ большого грѣха и намъ удивляться нечему. Но вѣдь онъ такъ хорошо скрывалъ свое чувство, что никто не замѣтилъ этого. Притомъ, эта вина не упадаетъ-ли частью на насъ, на васъ, дядюшка, и особенно на меня, которые почти насильно втащили его въ Карлинъ? Право, онъ не въ такой степени виноватъ, какъ вы думаете.

— Не говори мнѣ этого,—воскликнулъ Карлинскій.—Анна... смѣть поднять на Анну глаза такому ничтожному существу, твари—чуть-чуть выше земного праха.

— Повѣрьте, дядюшка, что не слѣдуетъ намъ сочинять новую драму. Никто не пойметъ и не догадается, о чемъ говоритъ онъ. Скорѣе по нашимъ лицамъ прочитаютъ, что у насъ произошла необыкновенная, страшная исторія. Пойдемте отсюда, оставимъ все, какъ было, и покажемъ видъ, будто ничего не знаемъ. Вѣдь невозможно совсѣмъ бросить или запереть Алексѣя: это будетъ все равно, что убить его. Пойдемте!

Президентъ задумался и понялъ, что иначе быть не могло. Глубоко взволнованный - онъ принялъ на себя хладнокровный видъ, тихими шагами пошелъ изъ комнаты, поручая больного Борновскому и, проходя мимо слугъ, сказалъ Юліану такъ, чтобы всѣ слышали его:

— Всему этому причиной глупая любовь его къ Аннѣ Польковскій изъ Замѣчка. Видно онъ узналъ, что она выходитъ замужъ за Маршинскаго.—И, такимъ образомъ, отклонивъ, какъ онъ думалъ, подозрѣніе, президентъ возвратился въ свою комнату; но безпокойство не дало ему сомкнуть глазъ.

Анна до поздней ночи нечего не знала. Но когда она уже ложилась спать, одна служанка пришла къ ней съ новостью и

со словъ Борновскаго описала ужасную горячку Дробицкаго, украсивъ свой разсказъ прибавленіями, ходившими между дворнею, то-есть, будто по утру Алексѣй поссорился съ президентомъ, что онъ хотѣлъ уѣхать изъ Карлина, что цѣлый день сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и что уже ночью нашли его безъ чувствъ на кровати. Анна испугалась и тотчасъ-же пошла къ Юліану, чтобы вѣрнѣе узнать о случившемся. Она считала сообщенныя вѣсти преувеличенными, но вмѣстѣ не сомнѣвалась, что въ нихъ заключается часть правды.

При входѣ Анны, печальный и задумчивый Юліанъ ходилъ по комнатѣ. Онъ догадался, зачѣмъ пришла сестра, и устремилъ на нее проницательный взоръ.

— Юліанъ! правда-ли это?—спросила она:—Алексѣй смертельно боленъ? Что такое случилось съ нимъ?

— Боленъ, сильно боленъ, но отчего - не знаю. Поутру президентъ довольно рѣзко поговорилъ съ нимъ, по всей вѣроятности, онъ слишкомъ принялъ это къ сердцу и хотѣлъ уѣхать изъ Карлина. Мы уже послали за Греберомъ.

Анна, повидимому. сильно опечалилась и воскликнула:

— Боже мой! какъ трудно людямъ ужиться на свѣтѣ! Я видѣла, что президентъ не любитъ его, но за что? Почему онъ хотѣлъ удалить его? Найдемъ-ли мы другого, подобнаго ему человѣка, который-бы могъ быть для насъ въ одно и то-же время помощникомъ, совѣтникомъ и другомъ? Кто замѣнитъ его при бѣдномъ Эмиліѣ?

— Однако, мы должны разстаться съ нимъ,—сказалъ Юліанъ, подходя къ сестрѣ.—Президентъ видѣлъ лучше всѣхъ насъ.

И онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ. Анна живо отступила назадъ, покраснѣла и обратила изумленные глаза на брата. На лицѣ ея отразились оскорбленная гордость, какая-то тревога и почти гнѣвъ. Несмотря на свою святость, она сильно почувствовала слова брата и покачала головою.

— Этого не можетъ быть! Вамъ грезится...

— Мы оба слышали... въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Президентъ взбѣсился до такой степени, что я никогда не видывалъ его въ подобномъ положеніи.

— Бѣдный!—воскликнула Анна.—Какъ онъ могъ забыться до такой степени?

— Не понимаю,—отвѣчалъ Юліанъ.—Все это огорчаетъ, мучитъ, бѣситъ меня, и я боюсь, чтобы не захворать также. Ступай въ свою комнату, милая сестра; видишь, что тебѣ даже нельзя выказывать заботливости о немъ; люди и онъ самъ поймутъ это въ дурную сторону. Пусть будетъ, что будетъ!

Анна ушла въ замѣшательствѣ. Слова, сказанныя Юліаномъ на ухо такъ, чтобы даже стѣны не подслушали ихъ, произвели на нее странное впечатлѣніе. Она почувствовала въ сердцѣ не благодарность или состраданіе, а гнѣвъ и въ первый разъ обиженную гордость. Она чувствовала себя оскорбленною, униженною и почти готова была заплакать. Эта любовь представлялась ей въ высшей степени смѣшною, и она боялась, что сама можетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, а это было-бы для нея величайшимъ несчастіемъ. Гнѣвъ подавилъ въ ея сердцѣ врожденную сострадательность.

Ночью пріѣхалъ Греберъ и тотчасъ пошелъ къ Алексѣю, гдѣ засталъ только дремавшаго и довольно пьянаго Борновскаго, который, вскочивъ на ноги, завѣрялъ честью, что онъ не больше пяти минутъ, какъ вздремнулъ. Первый взглядъ на больного показалъ доктору опасное его положеніе: тифозная горячка, съ сильнымъ воспаленіемъ мозга, развилась съ необыкновенною силою. Медицинскія средства уже немного могли сдѣлать въ настоящемъ случаѣ: оставалось только надѣяться на силы природы и предоставить имъ разрѣшеніе вопроса о жизни или смерти. Притомъ, въ глазахъ Гребера, этотъ бѣдный человѣкъ, покинутый друзьями и лежавшій одинъ, подъ надзоромъ пьянаго дворецкаго, былъ слишкомъ незанимательнымъ паціентомъ. Докторъ равнодушно отдалъ приказаніе, зѣвнулъ, приказалъ изготовить для себя комнату съ кроватью и отправился спать.

По выходѣ Гребера, оставшись исполнителемъ его приказаній, Борновскій прежде всего, для оживленія силъ, приложился къ бутылкѣ и потомъ уже обратилъ вниманіе на больного. Ему представилось, что не стоитъ мучить его до утра; а потому, возложивъ всѣ свои попеченія на молодость и натуру Алексѣя, онъ только вздохнулъ о своей тяжелой обязанности, выкурилъ трубку и преспокойно заснулъ.

Алексѣй лежалъ безъ памяти...

На другой день немного дѣятельнѣе занялись Дробицкимъ.

Послѣ чаю Греберъ самъ пошелъ осмотрѣть его; Борновскаго, боявшагося заразы, замѣнили цирюльникомъ, взятымъ изъ мѣстечка, и ожидали рѣшительной минуты кризиса.

Между тѣмъ Юліанъ, не смѣя извѣстить объ этомъ мать Дробицкаго, потому что немного боялся ея, послалъ за графомъ Юношей, и старикъ тотчасъ пришелъ къ больному. Насупивъ брови, графъ подошелъ къ кровати Алексѣя, — и слезы оросили глаза его при видѣ страшно измѣнившагося лица и грозныхъ признаковъ, какіе старикъ прочиталъ на немъ. Алексѣй, казалось, узналъ его. Графъ сѣлъ около больного и уже не отходилъ отъ него. Ни президентъ, ни Юліанъ не показывались сюда, опасаясь заразы; даже часть замка, гдѣ лежалъ Алексѣй, отдѣлили отъ другихъ частей карантиномъ и избѣгали слугъ, ходившихъ туда. Президентъ нѣсколько разъ спрашивалъ Гребера: нельзя ли Алексѣя свезти въ каретѣ домой? Но всегда послушный докторъ находилъ это совершенно невозможнымъ.

Эмилій, нѣсколько дней не видя своего друга, началъ сильно безпокоиться и спрашивать о немъ, и когда Анна знаками объяснила, что Алексѣй боленъ, сталъ проситься къ нему. Сначала не позволяли этого; но такъ какъ бѣдный глухонѣмой, приходя постоянно въ сильнѣйшее раздраженіе, настоятельно требовалъ, чтобы его свели къ больному, то президентъ, подумавъ немного и пожавъ плечами, наконецъ согласился на просьбу Эмилія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Анна извѣстное время не видалась съ братомъ.

Старикъ Антоній свелъ своего паныча въ комнату, гдѣ у кровати Алексѣя сидѣлъ одинъ пасмурный старикъ Юноша. Первый разъ въ жизни подобная картина представилась глазамъ Эмилія. Завѣшанныя окна, непріятная темнота, тяжелый воздухъ, странная фигура графа въ армякѣ произвели на нѣжнаго Эмилія болѣзненное впечатлѣніе. Въ страшномъ испугѣ онъ сѣлъ въ ногахъ больного, сжалъ руки и задумался. Глаза Алексѣя, казалось, угадали предчувствіемъ, нашли и даже узнали Эмилія, потому что онъ безпокойно шевельнулся на кровати.

Напрасно хотѣли увести глухонѣмого назадъ. Съ свойственною такимъ людямъ силою характера онъ воспротивился всѣмъ усиліямъ и остался, попросивъ Антонія знаками сказать сестрѣ *и брату,* что не разстанется съ тѣмъ, кто провелъ около него *такъ много тяжелыхъ* дней.

Такимъ образомъ у кровати Дробицкаго сидѣли только старикъ Юноша и Эмилій. Греберъ, цѣлый день играя въ карты съ президентомъ и Альбертомъ Замшанскимъ, иногда показывался сюда въ такомъ расположеніи, какое почерпалъ во время игры, и проворно уходилъ, каждый разъ обливаясь о-де-колономъ и окуриваясь селитрою.

Вскорѣ наступилъ рѣшительный день, и кризисъ показалъ, что больной останется живъ. Послѣ перелома болѣзни, Алексѣй сталъ поправляться, постепенно приходилъ въ чувство; но, вмѣстѣ съ этимъ въ немъ пробудилось сильное желаніе возвратиться въ Жербы, и онъ каждую минуту твердилъ объ этомъ. Дробицкая до сихъ поръ не знала о болѣзни сына. Юноша два раза былъ у нея и солгалъ, что Алексѣй уѣхалъ по дѣламъ въ городъ. Эмилій плакалъ и неотлучно сидѣлъ при больномъ — и это до крайности не нравилось президенту.

Наконецъ, по его настоянію, послушный Греберъ позволилъ, въ одинъ теплый день, шагомъ перевезти Алексѣя въ каретѣ домой. Юноша пошелъ впереди этой печальной и неожиданной процессіи, чтобы приготовить Дробицкую.

Увидя его, старушка вышла на крыльцо и воскликнула:

— Ну, что тамъ, Алексѣй воротился?

— Еще вчера, — отвѣчалъ Юноша. — Но немного боленъ.

— Боленъ? А почему вы не говорили объ этомъ? — сердито воскликнула мать. — Развѣ я ребенокъ, что боитесь сказать, что съ нимъ дѣлается? Я знаю, какъ у пановъ заботятся о больномъ: тамъ, вѣрно, не будетъ недостатка ни въ докторахъ, ни въ лѣкарствахъ, ни въ питьѣ, ни въ пищѣ; но кто тамъ будетъ ходить за нимъ, кто поддержитъ и утѣшитъ его?

— Алексѣй ужъ ѣдетъ сюда, — отвѣчалъ Юноша. — Черезъ часъ вы увидите его, только нужно приготовить для него комнату; пусть Янъ переберется пока въ другое мѣсто.

— Такъ онъ сильно боленъ? — спросила мать, дрожа отъ страха и бросая на графа проницательные взоры.

— Былъ опасно боленъ, не буду скрывать, но теперь ему гораздо лучше.

— Охъ, Боже мой! И мнѣ, и мнѣ — матери ничего не говорили. Я чувствовала что-то недоброе, каждую ночь онъ снился мнѣ блѣдный, страшный и какъ будто просилъ у меня помощи.

Дробицкая нѣсколько минутъ казалась пораженною и без-

сильною; но чувствительность никогда не побѣждала въ этой женщинѣ сознанія долга и не убивала дѣятельности. Она проворно стала очищать комнату, приготовляла кровать, плакала и вмѣстѣ распоряжалась.

— Только вы не безпокойтесь, — сказалъ графъ, спустя минуту. — Я былъ около него во все время болѣзни, ни за шагъ не отходилъ отъ него; вмѣстѣ со мною сидѣлъ Эмилій Карлинскій, былъ и докторъ...

— А всѣ прочіе, вѣрно, и не знали объ этомъ? — воскликнула Дробицкая. — Понимаю, они съ радостью сбываютъ Алексѣя съ рукъ теперь, когда замучили его трудами и, можетъ быть, убили неблагодарностью!

Юноша, хотя зналъ всѣ обстоятельства, не сказалъ ни слова. Впрочемъ, инстинктъ матери угадалъ исторію болѣзни сына.

Лишь только показался на улицѣ экипажъ, Дробицкая выбѣжала навстрѣчу — ничто не могло удержать ее. Почти всѣ сосѣди также одинъ за другимъ вышли изъ домовъ своихъ и съ любопытствомъ глядѣли на ѣхавшую карету.

— Смотри-ка! смотри! — воскликнулъ панъ Пристіанъ Прусъ-Пержховскій, пуская дымъ сигары; — везутъ къ намъ пана Дробицкаго, да еще въ каретѣ! Это, говорятъ, цѣлая исторія! Замучился бѣдняга, изнылъ отъ скуки. Подѣломъ ему! не водись съ панами.

— Вздоръ мелешь, любезный! — подхватилъ изъ-за изгороди панъ Яцекъ Ултайскій. — А зачѣмъ тебѣ самому хотѣлось попасть въ Карлинъ! Вѣдь ты самъ говорилъ, что представишься туда.

— Я? — возразилъ, смѣясь, панъ Пристіанъ. — Да если бы я захотѣлъ, такъ вѣрно бы сдѣлалъ это, чѣмъ же я хуже Дробицкаго? Но я знаю пановъ!

— Четыре лошади, форейторъ, желтая карета, два человѣка... какъ бы не забыть и вѣрно пересказать женѣ, она будетъ обо всемъ спрашивать, — шепталъ самому себѣ Юзефатъ Буткевичъ.

— Подѣломъ ему! — ворчалъ панъ Мамертъ, стоя съ трубкою на крыльцѣ и поглядывая на тихо подвигавшуюся карету. — Гмъ! не хотѣлъ уступить и продать мнѣ лѣсу. Вотъ тебѣ и дружба съ панами!

— Что это значитъ? — спрашивалъ панъ Ѳедоръ, протирая глаза и выбѣгая изъ погреба, гдѣ онъ чуть не заснулъ послѣ завтрака. — Что это значитъ? Почему они такъ тихо ѣдутъ? Кто сидитъ тамъ? — И онъ въ одномъ жилетѣ полетѣлъ къ Пристіану.

— Не знаешь ли, что это значитъ?

— Это съ такимъ тріумфомъ везутъ къ намъ назадъ пана Дробицкаго, — отвѣчалъ Пристіанъ. — Онъ захваралъ, а въ больныхъ тамъ не нуждаются.

— То есть, Алексѣя? въ каретѣ? Что же случилось съ нимъ? Перепилъ, что ли? — спрашивалъ панъ Ѳедоръ, не понимая другой причины болѣзни, кромѣ пьянства. — Да, непремѣнно опился! — продолжалъ онъ, разсуждая съ самимъ собою: — у него хранились ключи отъ подвала со старою водкою; это опасное дѣло, однако пріятное! Вотъ онъ пилъ-пилъ, да и спился съ кругу! Но онъ большой дуракъ, если хотя одинъ боченокъ не захватилъ съ собою. Какъ только выздоровѣетъ, спрошу его. А щегольская водка!

Вдова Буткевичъ также вылетѣла на улицу вмѣстѣ съ Магдусею.

— Панъ Пристіанъ, что это значитъ? Кто это пріѣхалъ? спросила она.

— Привезли Дробицкаго!

— Какъ привезли? Онъ умеръ?

— Чуть-чуть живъ... опасно боленъ!

— Ахъ, какъ жаль! Что же сталось съ нимъ?

— Изволите видѣть, — отвѣчалъ Ултайскій, подходя ко ко вдовѣ, — обыкновенно — какъ водится съ этими панами: президентъ обругалъ его, а онъ слишкомъ горячо принялъ это къ сердцу. Зачѣмъ подобныя вещи принимать къ сердцу? Прямой молокососъ! Послѣ этого, онъ слегъ въ постель, получилъ *птифуса*... Вотъ оно что! Я тысячу разъ предостерегалъ его насчетъ Карлинскихъ! Они говорятъ сладко, а на пальцахъ у нихъ когти!

Между тѣмъ какъ сосѣди разсуждали такимъ образомъ, Дробицкая, съ сухими глазами и волновавшеюся грудью, шла около экипажа и не говорила ни слова. Слезы запеклись на глазахъ ея. Она хотѣла какъ можно скорѣе увидѣть сына, но

не смѣла взлянуть въ карету. Рѣшившись наконецъ на это, бѣдная старушка въ испугѣ отскочила назадъ,—только одна мать могла узнать Алексѣя. Болѣзнь уничтожила всю молодость и силы его: волосы на головѣ вылѣзли, щеки впали, глаза погасли, кожа пожелтѣла, выраженіе лица совершенно измѣнилось.

— О Боже мой! — воскликнула Дробицкая, ломая руки: — что они сдѣлали изъ него? Алексѣй мой, милый Алексѣй! И я ничего не знала, когда ты боролся со смертью? — Старушка разразилась жестокимъ гнѣвомъ.

— О, эта панская сострадательность, — говорила она: не извѣстить мать, когда дитя умираетъ! Чтожъ? они воображали, что я такая же слабая, какъ они сами? Это подлость! это злодѣйство! Вѣдь я имѣю силы исполнить то, что велитъ Богъ. А тамъ не было при немъ ни одного дружескаго лица, ни одной руки, готовой помочь?

— Ошибаетесь, милая маменька! — отозвался Алексѣй. — Тамъ былъ графъ Юноша, благородный Эмилій — и оба не отходили отъ меня.

— Знаю, но замѣнили-ль они тебѣ мать?

— Ради Бога, будьте осторожнѣе! Ваша раздражительность убьетъ сына, — перебилъ Юноша. — Ему нужно спокойствіе, а не болѣзненныя воспоминанія.

— Награди тебя Богъ! Ты говоришь правду, — прошептала мать, успокоиваясь. — Но что вы поступили глупо, такъ ужъ глупо. Вѣдь я не ребенокъ и не понимаю барскихъ церемоній, ваша скрытность обижаетъ меня. Гдѣ мое мѣсто, тамъ я должна быть непремѣнно!

Больного осторожно положили на приготовленную кровать — и когда Алексѣй осмотрѣлся, когда опять очутился въ своей комнаткѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, хотя грустныхъ, но спокойныхъ, слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ его. Онъ пожалъ руку матери и брату, и взглядомъ поблагодарилъ Юношу.

— Здѣсь мнѣ лучше, - сказалъ онъ слабымъ голосомъ, — теперь я чувствую, что я подъ родною кровлею, что здѣсь можно мнѣ и простонать, и поплакать, и высказать каждую мысль мою. Спасибо вамъ! Я выздоровѣю.

Но, несмотря на всѣ старанія и заботливость окружающихъ

родныхъ, Алексѣй медленно и постепенно приходилъ въ прежнее положеніе. Несмотря на молодость, болѣзнь оставила въ немъ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Молодость, свѣжесть и силы изчезли: онъ сталъ почти дрожащимъ старцемъ, съ обнаженною головою, съ ввалившимися глазами и, что хуже всего, убитый душою. Только любовь къ Аннѣ, какъ лихорадочный сонъ, по временамъ томила его душу. Онъ любилъ еще, но это чувство обратилось въ какую-то идеальную мечтательность, отравляемую горькимъ воспоминаніемъ. Онъ постоянно видѣлъ Анну—этого ангела, улыбающаго Альберту и подающаго ему свою руку. Всѣ эти, прежде любимые имъ люди, предстали теперь въ истинномъ видѣ: съ человѣческими слабостями и неизмѣннымъ легкомысліемъ. Алексѣй теперь лучше зналъ ихъ—и болѣе сожалѣлъ, чѣмъ ненавидѣлъ. Юліанъ и Поля, президентъ, ихъ вліяніе на него самаго, обращеніе съ сиротою—вполнѣ уничтожили прекрасныя завѣсы, прикрывавшія ихъ съ самаго начала. Теперь Алексѣй видѣлъ, что нельзя разсчитывать на эти слабыя существа, что онѣ ищутъ только удовольствій, развлеченія и, считая себя главною цѣлью и центромъ всего—всѣхъ прочихъ братій, смотря по надобности, привлекаютъ къ себѣ или отталкиваютъ. Этотъ высшій, прекрасный, великолѣпный свѣтъ теперь представлялся ему въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ всегда видѣлъ Жербы со своими сосѣдями; только здѣсь эгоизмъ и слабости были очевиднѣе.

Алексѣй всталъ съ одра болѣзни освѣженный, болѣе зрѣлый, болѣе холодный, чѣмъ прежде, и заключилъ своею болѣзнью первую часть жизни, когда мы еще вѣримъ въ ангеловъ, въ исключенія и совершенства. Къ счастью, онъ не впалъ въ другую крайность, и разумъ удержалъ его на границѣ, откуда свѣтъ представлялся ему тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, то есть, страшною смѣсью стремленій къ добру и слабостямъ, мечты и горькой правды, добродѣтелей и пророковъ, поэзіи и прозы, грязи и золота, тѣла и души, драматическою борьбою двухъ началъ, поочередно унижающихъ и возвышающихъ несчастнаго человѣка.

X.

Юліанъ не скоро поѣхалъ въ Жербы. Сознавая свою вину, онъ *долго и неохотно* сбирался туда, наконецъ пріѣхалъ хо-

лохный, вѣжливый и совершенно не тотъ, какимъ Алексѣй недавно еще встрѣтилъ его на постояломъ дворѣ. Карлинскій надѣялся найти своего стараго друга сконфуженнымъ, боялся, чтобы онъ не выразилъ желанія возвратиться въ Карлинъ, ожидалъ упрековъ со стороны его матери, но всѣ эти предположенія и догадки не оправдались.

Алексѣй принялъ Юліана холодно и такъ же вѣжливо; съ благородною гордостью и не вспоминая о прошедшемъ, онъ поспѣшилъ сказать своему бывшему другу, что здоровье не позволяетъ ему исправлять должности управляющаго въ Карлинѣ, что другой, безъ сомнѣнія, гораздо лучше поведетъ дѣла и доставитъ имъ больше доходовъ. Дробицкая ни слова не сказала Юліану, приняла его съ достоинствомъ и равнодушно ушла въ свою комнату: она не обнаружила ни гнѣва, ни обиды, хоть сердце ея кипѣло этими чувствами. Начались разсчеты. По совѣту президента, Юліанъ привезъ деньги. Но лишь только онъ упомянулъ о нихъ, Алексѣй покраснѣлъ и прервалъ его:

— Мы не согласились съ паномъ президентомъ насчетъ направленія дѣла съ наслѣдниками Шаи; въ твоемъ присутствіи, онъ прямо сказалъ мнѣ, что я былъ слишкомъ щедръ изъ чужого кармана. Такъ я назначаю эти деньги на пополненіе причиненнаго вамъ по моей неосмотрительности убытка—и не приму ихъ. Пожалуйста, не возражай,—вѣдь ты хорошо знаешь меня, я денегъ не возьму! Поступите съ ними какъ вамъ угодно, а я не возьму ни одного гроша—даю тебѣ честное слово.

Юліанъ сталъ въ совершенный тупикъ. Не зная, что дѣлать, и увидя входившаго въ комнату юношу, онъ отправился къ матери Алексѣя, въ надеждѣ, что съ нею легче покончить дѣло. Старушка, пристально взглянувъ въ глаза Юліану, прямо догадалась, что это значитъ, и сказала панычу:

— Я не могу взять этихъ денегъ,—онѣ принадлежатъ Алексѣю.

— Но Алексѣй вслѣдствіе какой-то излишней щекотливости...

— Бѣдные люди должны быть щекотливы—и даже до излишества! — прервала Дробицкая.—Если Алексѣй не принимаетъ вашихъ денегъ, то, безъ сомнѣнія, видитъ, почему долженъ поступить такъ. Вѣдь и у насъ есть вещи дороже денегъ,— прибавила старушка,—это чувство собственнаго достоинства!

Юліанъ сконфузился и опять побѣжалъ къ Алексѣю. По на-

ставленію дяди, ему хотѣлось непремѣнно кончить счеты съ Дробицкимъ, такъ какъ президентъ боялся, чтобы эта исторія не повредила ему во мнѣніи шляхты и не помѣшала получить давно желаемое званіе губернскаго предводителя дворянства. Поэтому Юліанъ рѣшился еще прибѣгнуть къ посредничеству Юноши, но послѣднему надо было откровенно объяснить все дѣло.

— Изволишь видѣть, милый мой,—отвѣчалъ графъ,—вы сознаете, что очень несправедливо поступили съ Дробицкимъ, а за подобныя вещи не платятъ деньгами. У васъ не искореняется исконное заблужденіе, что все можно купить за деньги. Преданіе до сихъ поръ напоминаетъ вамъ прежнюю шляхту; содержа ее, въ качествѣ слугъ, на собственномъ жалованьѣ, вы и мы, цѣлыя двѣсти лѣтъ, по своимъ видамъ, употребляли ее въ дѣлахъ общественныхъ. Начиная *отъ войны Кокошей* *), въ которую, какъ вы знаете, шляхетская независимость послѣдній разъ обнаружила себя раздраженіемъ и угрозами, до пьяныхъ и безумныхъ сеймовъ станиславовскихъ временъ, мы постоянно трудились надъ порабощеніемъ братій шляхты точно такъ, какъ въ древнѣйшія времена сама шляхта порабощала крестьянина. Но сегодня шляхтичъ, а завтра крестьянинъ, должны будутъ почувствовать свое достоинство и увидѣть въ себѣ человѣка, равнаго намъ по душѣ своей. Вы обидѣли Дробицкаго и хотите заплатить ему деньгами. Онъ оставилъ безъ вниманія и простилъ вашу глупость; но ни онъ самъ, ни окружающіе его друзья и родные, повѣрь, никогда не прикоснутся къ постыднымъ деньгамъ.

— Панъ графъ! — воскрикнулъ Юліанъ,—прискорбно слышать, что вы такъ говорите о насъ. Президентъ...

— Я очень уважаю вашего президента,—перебилъ графъ,— но не вижу средства вознаградить обидное слово деньгами. Дробицкій не возметъ ихъ, и я хвалю его за это. Онъ не умретъ съ голоду, давно знакомъ съ бѣдностью, которая, право, не такъ тяжела, какъ воображаете вы, паничи!

---

*) Польскій Король Сигизмундъ, названный *Старымъ и Славнымъ*, желая смирить валаховъ, назначилъ общее ополченіе и собралъ около Львова до 150,000 войска. Но въ это время участвовавшая въ походѣ шляхта вдругъ и очень серьезно начала обнаруживать права своей вольности, такъ что король уже не имѣлъ возможности открыть военныхъ дѣйствій и, по случаю наступившей непогоды, долженъ былъ распустить войско. Этотъ случай современные писатели и назвали *Кокошею*, т. е. *куриною войною*.

Съ этимъ и уѣхалъ Юліанъ. Дядя нетерпѣливо ждалъ его на терассѣ, гдѣ поданъ былъ чай. Прекрасная Анна сама наливала его для гостей — двухъ Зашманскихъ и семейства Гиреевичей. Юліанъ и дядя отошли въ сторону.

— Ну, что? — съ улыбкою спросилъ президентъ, — разсчитался?...

— Нѣтъ.

— Какъ — нѣтъ? почему?

— Дробицкій прямо сказалъ мнѣ, что назначаетъ эти деньги на пополненіе убытковъ по дѣлу съ наслѣдниками Шаи.

Президентъ вспыхнулъ.

— Надо было...

— Я дѣлалъ все, что могъ, но трудно было сладить съ ихъ шляхетскою гордостью, а старикъ Юноша почти обругалъ меня.

— Понимаю, — съ улыбкою прибавилъ дядя, — мы должны будемъ заплатить вдвое противъ теперешняго.

— Нѣтъ! — возразилъ Юліанъ, — могу ручаться, что они не возьмутъ ни гроша. Дробицкій — человѣкъ съ сильнымъ характеромъ.

— Однако, мы не можемъ принять его услугъ даромъ! Пусть отдадутъ эти деньги бѣднымъ.

— Мы должны смолчать и проглотить эту пилюлю за одно ваше слово, милый дядюшка!

— Но что я сказалъ обиднаго? — перебилъ президентъ. Право, не понимаю, откуда берется въ нихъ такая щекотливость. Впрочемъ, довольно! Одинъ я виноватъ въ этомъ дѣлѣ... я... Поэтому, предоставьте одному мнѣ изыскивать средства загладить вину свою.

— Я хотѣлъ-бы просить васъ, дядюшка, объ одномъ: даже не думать объ этомъ.

— Ну, ступай-ка къ Гиреевичамъ! — воскликнулъ нетерпѣливый президентъ. — Ступай къ паннѣ — и предоставь все мнѣ. Альбертъ, хотя и влюбленъ въ Анну, но можетъ и понравиться Зени; а онъ — очень опасный соперникъ!

Послушный Юліанъ пошелъ къ гостямъ.

Молодой Карлинскій былъ уже не тотъ, что прежде. Любовь къ Полѣ давно исчезла въ сердцѣ его, — и, истощивъ въ этой страсти весь запасъ поэзіи, какая была въ душѣ его, молодой

человѣкъ сталъ совершеннымъ матеріалистомъ; теперь главная цѣль его была наслажденіе жизнью и полное довольство. Стремясь всѣми силами къ упроченію себѣ такого положенія, Юліанъ старательно домогался руки Зени, находя ее весьма сносною при милліонахъ, а милліоны—очень нужными для Карлинскихъ.

Въ свою очередь Альбертъ постоянно сближался съ Анною: въ ней забилось сердце, обманутое искусною игрою молодого актера, умѣвшаго принимать на себя всѣ необходимыя роли. Президентъ равнодушно смотрѣлъ на это и не смѣлъ противорѣчить Аннѣ, потому что, подобно ей, находилъ въ Альбертѣ Замшанскомъ необыкновенныя достоинства и особенно, какъ говорилъ онъ, рѣдкій тактъ и прекрасный тонъ высшаго общества. Молодые люди постоянно сближались другъ съ другомъ. Анна сдѣлалась печальна, измѣнилась; а мать, со страхомъ слѣдя за развитіемъ этой болѣзни сердца, бросала проницательные взоры на президента, такъ какъ собственно отъ него зависѣли будущность и счастье ея дочери.

— Что-бы ни случилось,—говорила она самой себѣ,—хотя бы даже пришлось поссориться съ президентомъ, но если Анна любитъ, я непремѣнно женю ихъ!

Между тѣмъ, въ Шурѣ дни проходили ровно, тихо, однообразно. Только панъ Аѳанасій тосковалъ теперь объ Юстинѣ и часто ходилъ къ нему въ Горы, чтобы послушать своего поэта, потому что онъ привыкъ къ звукамъ его голоса, какъ къ шуму деревьевъ въ саду своемъ. Изъ Карлина онъ рѣдко получалъ извѣстія; но возвратившійся оттуда ксендзъ Мирейко сразу принесъ множество новостей.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ, — панъ Дробицкій крѣпко занемогъ тамъ, и президентъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, отправилъ его домой. Борновскій сообщилъ мнѣ по секрету, что во время болѣзни панъ Дробицкій говорилъ въ бреду разныя диковинки и, между прочимъ, высказалъ, что влюбленъ въ панну Анну.

Старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на ксендза и воскликнулъ жалобнымъ голосомъ:

— Бѣдный юноша! Вздумалъ глядѣть на солнце, чтобы ослѣпнуть!

— Во-вторыхъ, — продолжалъ ксендзъ Мирейко, — панъ

Юліанъ, по наставленію президента, старается получить руку этой милліонной татарки, панны Гиреевичъ!

Аѳанасій подвинулся къ нему со стуломъ и воскликнулъ:

— А, призидентъ, президентъ? Ну, онъ все значеніе основываетъ на деньгахъ. Всегда то же самое заблужденіе, одна и та же ошибка, которая губила и губитъ насъ! Юліанъ также пропадаетъ! Онъ не думаетъ о будущемъ и обязанностяхъ, а хочетъ жениться, да еще на комъ? А Эмилій?

— Со дня выѣзда Дробицкаго опять занемогъ, сталъ чрезвычайно печаленъ, просится къ своему другу, но ему не позволяютъ даже прокатиться въ Жербы.

— Хотя бы это утѣшеніе дали бѣдняжкѣ. Но Анна? Скажи что нибудь объ Аннѣ!

— И тутъ новость. Тамъ пріѣхалъ изъ-за границы какой-то молодой человѣкъ и, какъ слышно, увивается около нея, президентъ протежируетъ ему.

Аѳанасій такъ вспыхнулъ, что даже соскочилъ со стула.

— Что вы говорите? Безъ меня? безъ моего совѣта? Кто жъ это такой? Кто смѣетъ ухаживать за Анной? А она что? Говорите скорѣе. Кто этотъ молодой человѣкъ и каковъ собою?

— Родственникъ пана Петра Замшанскаго, заграничный щеголь!

— Это быть не можетъ! Замшанскій!—воскликнулъ Аѳанасій. Президентъ не позволитъ этого. Но что Анна?

— Говорятъ, что панна смотритъ на него такъ, какъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣла, и очень...

Карлинскій сжалъ руки.

— Анна! Анна? святое ангельское существо. Ее отдадутъ какому нибудь животному, которое осквернитъ ее своею страстью. И она жертва! Никто не открылъ ей глазъ. Ея жизнь имѣла другую цѣль. Одна Анна могла подняться выше другихъ, могла возвыситься даже до самоотверженія, даже до святости—и умолить Бога за грѣхи прадѣдовъ. Да нѣтъ, неправда это, сплетни слугъ. Этого быть не можетъ!

Аѳанасій всталъ со стула, началъ ходить по комнатѣ и черезъ нѣсколько минутъ послалъ за президентомъ, приказавъ сказать ему, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ Шуру. Президента искали дома, потомъ въ Карлинѣ, и только на ку-

гой день онъ явился, частью уже догадываясь, зачѣмъ требуютъ его.

Трудно найти на свѣтѣ двухъ людей, такъ мало похожихъ другъ на друга, какъ эти родные братья. Ихъ понятія и взгляды на вещи были совершенно противоположны. Президентъ называлъ Аѳанасія аристократомъ во Христѣ, Аѳанасій президента— старою вѣтренною мельницею. Они видались рѣдко, обращались холодно и исподтишка острили другъ надъ другомъ.

Аѳанасій, привыкнувъ идти къ цѣли всегда кратчайшею дорогою, взялъ брата подъ руку, вывелъ его въ садъ и спросилъ:

— Что я слышу? что тамъ у васъ дѣлается? Ужели въ вашихъ глазахъ я ужъ не имѣю вовсе значенія? Слѣдовало-бы, хотя ради приличія, приглашать меня на домашнія совѣщанія.

— Милый братъ! — отвѣчалъ президентъ, — по нашему мнѣнію, ты до такой степени занятъ дѣломъ спасенія души своей, что наши земныя заботы вовсе не интересуютъ тебя.

— Да, я молюсь и тружусь за васъ,—сказалъ Аѳанасій;— но все-таки благоволите объяснить мнѣ, какіе составляются у васъ проекты? Ужъ посторонніе люди доносятъ о нихъ.

— Кажется, у васъ нѣтъ никакихъ проектовъ, исключая женитьбы Юліана.

— Женитьбы Юліана! Вы думаете женить его? Но что онъ сдѣлалъ? Къ чему вы предназначили его? Какую цѣль указали ему? Вѣдь Карлинскій не долженъ жить даромъ. А вы считали достаточнымъ только воспитать его, изнѣжить, испортить и научить наслаждаться жизнью, не думая ни о чемъ.

— Юліанъ и въ настоящемъ своемъ положеніи можетъ быть полезенъ обществу. Зачѣмъ ему порываться къ недоступнымъ вещамъ? Онъ слабый ребенокъ. Я люблю тебя, милый братъ, однако не могу согласиться съ тобою во всемъ. Я обязанъ смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть, и не примѣшиваю къ нимъ твоего духовнаго элемента.

— Это худо!

— Но зато я разсчитываю вѣрно.

— Разсчеты обманываютъ, если въ нихъ не заключается духовныхъ цѣлей.

— Иначе жить я не умѣю и дѣлаю, что могу. Юліанъ имѣетъ мало, поэтому я и женю его на милліонеркѣ Гиреевичъ.

— Имѣетъ мало? Такъ пусть сдѣлаетъ много! пусть трудится! Бѣдность не порокъ. Притомъ, не каждый человѣкъ умѣетъ владѣть богатствомъ и употребить его должнымъ образомъ. Прежде всего сдѣлай изъ Юліана человѣка—и не заботься о деньгахъ: деньги дастъ Богъ, который видитъ, кому онѣ необходимы.

Президентъ разсмѣялся.

— Милый братъ! намъ невозможно согласиться другъ съ другомъ: унижься до меня, сойди немножко на землю.

— Лучше самъ поднимись вверхъ, это будетъ для тебя полезнѣе, братъ! Но что Анна? Кто тамъ домогается руки Анны?

— Одинъ изъ знаменитѣйшихъ молодыхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ жизни — Альбертъ Замшанскій.

— Охъ, боюсь, что ты такъ хвалишь его...

— Сегодня онъ будетъ сюда; вотъ ты и узнаешь его самъ; они пріѣдутъ послѣ обѣда.

— Очень радъ буду ему, и впередъ говорю, что для Анны я потребую отъ него слишкомъ многаго.

— И я не удовольствуюсь малымъ. Этотъ молодой человѣкъ...

— Хорошо, хорошо; мы увидимъ его.

Послѣ обѣда, дѣйствительно, пріѣхали Петръ Замшанскій съ племянникомъ. Хозяинъ проворно вышелъ къ нему навстрѣчу и устремилъ въ искателя руки Анны такой испытующій, такой немилосердно-проницательный взоръ, что, несмотря на свою самоувѣренность, Альбертъ смѣшался отъ этого ясновидящаго взора.

— И это вы называете совершенствомъ! Это мужъ для Анны!—говорилъ президенту Аѳанасій. Это кукла, превосходно обученный попугай, но въ немъ нѣтъ ни души, ни сердца; въ немъ языкъ замѣняетъ всѣ достоинства.

Президентъ молчалъ. Альбертъ по-своему старался понравиться старцу, ловко принаровляясь къ извѣстнымъ ему понятіямъ. Но здѣсь ему не такъ легко было дѣйствовать. Аѳанасій всю жизнь свою провелъ въ работѣ надъ мыслями. Очаровать его порадоксами, отуманить гипотезами, ослѣпить остроуміемъ — *было невозможно*. Онъ схватывалъ каждую идею, высказанную

Альбертомъ, заставлялъ анализировать ее, объяснять, задавалъ свои вопросы и не позволялъ отдѣлываться легкими отвѣтами. Всегда смѣлый и богатый запасомъ Альбертъ почувствовалъ слабость, измѣнилъ планъ стратегіи и перешелъ къ ласкательству, поддакиванью и выраженію восторга отъ высокихъ мыслей старика. Доведя Альберта до такого положенія, Аѳанасій замолчалъ и больше не испытывалъ его, какъ будто добрался до грунта: онъ вполнѣ понялъ молодого человѣка, первый взглядъ не обманулъ его.

— Послушай, братъ!—сказалъ онъ президенту, уже сбиравшемуся ѣхать. Это попугай съ красивыми перьями! Болтаетъ онъ хорошо; но я предпочелъ бы ему простого человѣка—съ душою и сердцемъ, а у него въ груди пусто. Это кукла, братъ, кукла!

— Анна любитъ его!—отвѣчалъ президентъ съ торжествующимъ видомъ.

Аѳанасій поблѣднѣлъ, сжалъ руки и болѣе не говорилъ ни слова.

XI.

Между тѣмъ, Алексѣй, по мѣрѣ выздоровленія, все болѣе и болѣе грустилъ о Карлинѣ. Время, проведенное въ замкѣ, оставило въ его сердцѣ глубокое впечатлѣніе, и даже гнѣвъ за обиду не могъ изгладить въ немъ тайной привязанности. Алексѣй оправдывалъ всѣхъ, обвинялъ одного себя и, если бы не стыдился, вѣрно опять поѣхалъ бы къ Эмилію и къ Аннѣ, пошелъ бы къ нимъ въ слуги, въ презрѣнные рабы, только бы опять жить въ атмосферѣ, къ которой привыкла грудь его.

Напрасно Юноша насмѣшками. а мать ласковыми убѣжденіями старались обратить его къ дѣятельности, къ занятію хозяйствомъ, къ прежней жизни. Алексѣй равнодушно слушалъ эти наставленія и тосковалъ сильно и глубоко. Большею частью онъ цѣлые дни проводилъ въ своемъ садикѣ и тамъ, опершись головою на руки, неподвижно глядѣлъ на Карлинъ, уносился мыслями къ Аннѣ. Однажды ему пришли на память Юстинъ и Поля—и онъ вдругъ рѣшился побывать въ Горахъ, такъ какъ до сихъ поръ не зналъ, какъ живутъ эти люди, чрезвычайно интересовавшіе его.

Мать, опасаясь, что Алексѣй отправится къ Юліану, не прежде согласилась отпустить сына въ Горы, пока онъ не завѣрилъ ее честнымъ словомъ, что поѣдетъ только къ Юстину и Полѣ, и строго наказала Парфену отнюдь не возить паныча въ Карлинъ, хотя бы онъ приказывалъ ѣхать туда.

Парфенъ, по прежнему веселый и говорливый, желалъ въ дорогѣ развлечь Алексѣя и постоянно заговаривалъ о разныхъ предметахъ; но его усилія были напрасны: Дробицкій только полусловами и вздохами отвѣчалъ ему.

— Какъ его свалило съ ногъ!—наконецъ сказалъ Парфенъ самому себѣ.—Совсѣмъ другой сталъ человѣкъ. Бывало и посмѣется, и пошутитъ, а теперь, какъ изъ камня, ничего не выжмешь изъ него.

Парфенъ, при отъѣздѣ, завѣрялъ честью, что не собьется съ дороги, а между тѣмъ такъ ошибся, что только къ вечеру они увидѣли Горы.

Солнце уже сѣло, когда возокъ остановился передъ крыльцомъ, но ни одна душа не вышла изъ дома.

Оглядѣвшись вокругъ, Алексѣй вошелъ въ переднюю, но и въ ней никого не было. Наконецъ, уже въ третьей комнатѣ, онъ увидѣлъ Полю, сидѣвшую передъ фортепіано, съ опущенными руками. Поднявъ голову, Поля вскрикнула при видѣ Алексѣя, хотя она сразу узнала прежняго знакомца, но сочла его призракомъ, вставшимъ изъ могилы: до такой степени онъ измѣнился и постарѣлъ!

Чрезъ отворенныя двери въ садъ Алексѣй увидѣлъ Юстина. Услыша крикъ жены, Юстинъ обернулся, всталъ съ мѣста и проворно вошелъ въ комнату. Онъ съ чувствомъ обнялъ стараго друга и воскликнулъ:

— Ты ли это, Алексѣй? Что сдѣлалось съ тобою? Какъ ты измѣнился!

У Поли показались на глазахъ слезы. Она угадала, что именно измѣнило бѣднаго Алексѣя. Но и она тоже была только тѣнью прежней веселой дѣвушки. Исхудалая, съ ввалившимися и сверкавшими лихорадочнымъ блескомъ глазами, она похожа была на цвѣтокъ, который засохъ и умеръ отъ недостатка того, что должно было живить и поддерживать его.

— Бѣдный! — воскликнула Поля, — и ты, и ты также

убить, — это неизбѣжная участь всѣхъ, кто сближается съ ними.

— Я былъ боленъ,—возразилъ Алексѣй. Не знаю, какимъ чудомъ я остался живъ... и... покинулъ Карлинъ.

Слезы навернулись на глазахъ его.

— Мы ничего не слыхали,—произнесла Поля,—но, думая о тебѣ, я предчувствовала конецъ драмы. У нихъ все оканчивается такимъ образомъ.

Алексѣй взглянулъ на Юстина—и онъ также не былъ прежнимъ поэтомъ, вѣрующимъ въ свои пѣсни и будущее: страданье разбило его и склонило къ землѣ.

— Ты не забылъ насъ,—сказалъ Юстинъ,—да наградитъ тебя за это Богъ! Садись и прежде всего разсказывай, что случилось съ тобою.

— Ничего не знаю, и ничего не буду говорить о себѣ,—отвѣчалъ Алексѣй.—Я пріѣхалъ посмотрѣть на васъ, а не для того, чтобы наводить тоску.

— Что новаго въ Карлинѣ?—съ безпокойствомъ спросила Поля.

— Уже давно я не былъ тамъ, мы разошлись,—прибавилъ Алексѣй, потупя голову,—и больше не видимся.

Юстинъ незамѣтно удалился, не желая препятствовать разговору жены. Поэтъ видѣлъ, что при немъ бѣдная Поля будетъ стѣсняться, и хотѣлъ дать ей свободу.

— Говори прямо, говори откровенно! — сказала сирота. — Юстину все извѣстно. Говори объ Юліанѣ.

— Но что я могу сказать о немъ? Развѣ то, что онъ живетъ весело и женится.

Поля горько улыбнулась.

— На комъ? Разумѣется на богачкѣ?

— На Зени Гиреевичъ.

— Говорятъ, она хорошая музыкантша?

— Не знаю, не слыхалъ.

— А какъ поживаетъ Анна? — спросила Поля, пристально всматриваясь въ Алексѣя.

— Анна,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, усиливаясь скрыть свое волненіе,—Анна идетъ замужъ за...

— Альберта? неправда ли? Я предчувствовала это. Наконецъ и ея сердце забилось! Она любитъ! Счастливица!

Потомъ, схвативъ Дробицкаго за руку, Поля произнесла съ глубокимъ волненіемъ:

— Другъ! почему Богъ даетъ однимъ счастье, а другимъ посылаетъ испытанія? Панъ Аѳанасій говоритъ, что все это происходитъ по законамъ правосудія, что тайна судебъ нашихъ откроется въ другомъ мірѣ. Безъ будущей жизни, дополняющей бѣдную долю нашу, мы ничего бы не поняли здѣсь и были бы поставлены въ необходимость сойти съ ума, умереть съ отчаянія. Вижу, что и ты страдаешь. Какъ хотѣлось бы облегчить тебя!.. Когда угаснетъ молодость, когда уже ничего нѣтъ на этой бѣдной землѣ, рѣшительно ничего, тогда мы видимъ передъ собою огромное кладбище всего святого, прекраснаго, любимаго нами. Невидимая рука открываетъ хранящіяся въ могилахъ кости и прахъ, и мы видимъ въ гробахъ: нашу любовь въ бѣломъ саванѣ, вѣру въ людей, надежду на жизнь, друзей. На каждой могилѣ цвѣтутъ невидимыя лиліи, на каждой читаемъ ужасное: *Навѣки!* и, вмѣсто Dies irae, только насмѣшливая улыбка летаетъ надъ кладбищемъ.

Съ этими словами Поля вдругъ отвернулась, чтобы скрыть свои слезы, и бросилась къ открытому фортепіано. Ея руки съ лихорадочною торопливостью коснулись клавишей и съ дикимъ восторгомъ заиграли извѣстный вальсъ Штрауса, который кто-то шутя назвалъ: *Жизнь—танецъ, танецъ—жизнь*...

— Ради Бога, не играй этого! — воскликнулъ прибѣжавшій съ крыльца Юстинъ. — Вѣдь ты знаешь, какъ этотъ вальсъ разстроиваетъ тебя.

Музыка умолкла. Вскорѣ зажгли огонь, и Юстинъ старался навести разговоръ на менѣе печальные предметы. Поля молчала, равнодушно слушала разсказы Алексѣя и старалась казаться спокойной, такъ какъ глаза мужа ни на минуту не сходили съ нея. Но когда Дробицкій замолчалъ, она шепнула ему:

— Говори еще, говори о нихъ больше!

XII.

Въ Ситковѣ происходила страшная суета по случаю домогательства Карлинскаго — получить руку Зени. Его услужливость и вниманіе къ родителямъ и паннѣ съ каждымъ днемъ выража-

лись очевиднѣе, а между тѣмъ, судьба единственнаго дѣтища чрезвычайно занимала Гиреевичей, желавшихъ для нея самой блистательной партіи. Имя Карлинскихъ, ихъ связи, имѣніе,— все говорило въ пользу Юліана. Несмотря на это, графъ Гиреевичъ колебался: онъ слышалъ, что Карлинскіе обременены долгами, и зналъ, что президентъ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи; онъ боялся, что и Юліанъ пойдетъ по слѣдамъ своихъ предковъ. Графиня прямо держала сторону Карлинскихъ, хотя, по словамъ ея, онъ и Зени были очень молоды, и притомъ ей хотѣлось еще видѣть со стороны Юліана болѣе доказательствъ привязанности. Но всѣ эти соображенія родителей уничтожались волею избалованной, самовольной, увлеченной молодымъ человѣкомъ дочери. Юліанъ очень понравился ей—и она прямо объявила, что охотно приметъ его предложеніе.

Юліанъ казался счастливымъ и составлялъ палны супружеской жизни. Молодые предполагали немедленно ѣхать за границу. Зени хотѣла взять нѣсколько уроковъ у Тальберга, Листа и Прюдана, потому что серьезно воображала въ себѣ геніальныя способности къ музыкѣ. Юліанъ мечталъ о Парижѣ, Неаполѣ, Швейцаріи и минеральныхъ водахъ, гдѣ такъ хорошо проводятъ время. Но, по временамъ, заглядывая въ глубину своего сердца, вспоминая Полю, Юліанъ не могъ обманываться въ характерѣ настоящей привязанности. Она была холодная и искусственная Безъ милліоновъ, безъ надежды вояжировать, Зени была для него самою обыкновенною дѣвушкой.

Впрочемъ, Юліанъ былъ увѣренъ въ своемъ будущемъ счастьѣ.

Дядя чрезвычайно радовался такой счастливой перемѣнѣ въ племянникѣ.

Полковница, готовилась почти ссориться за дѣтей своихъ, если бы президентъ вздумалъ препятствовать ихъ счастью. Она вскорѣ замѣтила склонность Анны къ Замшанскому, но, изнѣженная, расхваленная панна Гиреевичъ со своимъ виртуозничествомъ и милліонами не слишкомъ нравилась ей. Президентъ сваталъ ее—и одно это уже охлаждало мать. Она имѣла основаніе думать, что Зени, привыкшая играть въ своемъ домѣ главную роль, и въ Карлинѣ никому не захочетъ подчиниться. Но для пани Дельріо чувство всегда стояло на первомъ мѣстѣ; она готова была пожертвовать всѣми опасеніями, если только Юлі-

анъ скажетъ, что питаетъ привязанность къ Зени. Допросивъ сына, она замолчала, такъ какъ ясно видѣла, что ея предостереженія ни къ чему не послужатъ. Юліанъ, секретно поговоривъ съ будущею своею женою и узнавъ ея мысли, наконецъ поѣхалъ съ президентомъ къ ея родителямъ и сдѣлалъ формальное предложеніе.

Излишне описывать страшный испугъ и ужасный вой, поднявшійся въ Ситковѣ, когда Гиреевичи, спросивъ дочь, узнали, что она, съ своей стороны, соглашается на предложеніе и хочетъ выдти замужъ. Зени была душою дома, родители жили только своею дочерью и не могли представить, что будутъ дѣлать, когда она покинетъ ихъ.

— Но что мы будемъ дѣлать одни? Кто утѣшитъ насъ?— восклицалъ графъ.—Нѣтъ, мы не можемъ и одного дня прожить безъ милой дочери!

— Вѣдь Карлинъ недалеко отъ Ситкова, — возразилъ президентъ.—Мы будемъ составлять одно семейство, попеременно жить вмѣстѣ и тамъ, и здѣсь.

— Ни я, ни жена моя не проживемъ безъ нея! Нѣтъ! — восклицалъ Гиреевичъ, ломая руки.

— Милый графъ! рано ли, поздно ли, но вы должны будете выдать дочь свою замужъ.

Родители потребовали, чтобы молодые жили въ Ситковѣ, потомъ предложили другія условія, спрашивая обо всемъ Зени, наконецъ постепенно дѣлали уступки—и въ тотъ же день совершено было обрученіе: со стороны Карлинскихъ — дорогимъ перстнемъ, оставшимся послѣ прадѣда, а со стороны Гиреевичей - стариннымъ обручальнымъ кольцомъ съ солитеромъ, которое, по преданію, принадлежало Маріи Стюартъ,—на что имѣлись свидѣтельства—*съ печатями*, прибавилъ Гиреевичъ, *съ печатями!!*

Свадьбу назначили черезъ полгода, такъ какъ надо было сдѣлать пышное, но, по возможности, дешевое приданое. На другой день послѣ обрученія Юліанъ вспомнилъ, что онъ совсѣмъ забылъ про дядю Аѳанасія и не попросилъ у него благословенія. Надо было немедленно ѣхать въ Шуру.

Молодой Карлинскій почти со страхомъ подъѣхалъ къ жилищу дяди. Хозяина онъ встрѣтилъ въ длинной аллеѣ, ведущей прямо къ дому. Старецъ съ палкою возвращался изъ Горъ и,

здороваясь съ племянникомъ, упомянулъ о поэтѣ и Полѣ, не зная, какъ сильно поразитъ его этимъ.

— Иду изъ Горъ отъ Юстина и Поли, — сказалъ онъ. — Что-то не везетъ имъ счастье; червь точитъ эту молодую и прекрасную чету. Рѣшительно не понимаю ихъ. Пріѣхали со слезами и теперь сидятъ дома, задумчивые, и страдаютъ, какъ будто уже разочаровались другъ въ другѣ. Вотъ каково человѣческое счастье! Почти не попробовали его, а уже во рту стало горько.

Юліанъ покраснѣлъ, смѣшался и поспѣшно отвѣчалъ дядѣ:

— Не станемъ говорить о нихъ. Сегодня больше, нежели въ другое время, я боюсь печальныхъ предвѣщаній для моей будущности.

— Такъ ты думаешь о будущемъ? Слава Богу!—перебилъ Аѳанасій. — А мнѣ президентъ наговорилъ тутъ о какихъ-то планахъ насчетъ твоей женитьбы... да еще на комъ? на дочери Гиреевичей! Ты очень молодъ для женитьбы. До сихъ поръ ты ничего не сдѣлалъ ни для общества, ни для себя, ни для насъ: слѣдовательно, имѣешь ли право думать о женитьбѣ?

— Милый дядюшка! что же можно сдѣлать въ теперешнія времена?

— Все! Во-первыхъ, быть полезнымъ гражданиномъ; во-вторыхъ, избрать себѣ дорогу, намѣтить цѣль. Но прежде всего, и главнымъ образомъ, образовать въ себѣ духовнаго человѣка. Ты колеблешься, до сихъ поръ не сдѣлался никѣмъ и ничѣмъ.

— Увы! У меня нѣтъ силъ быть кѣмъ нибудь больше, — вздохнулъ Юліанъ.—Я поневолѣ долженъ запереться дома.

— Можешь и дома трудиться, размышлять, только обрати взоры на будущую жизнь и сообразуй съ ней настоящую. Ты—Карлинскій! Безъ слезъ, даже съ душевною радостью я увидѣлъ бы тебя умирающимъ ради какой нибудь великой идеи, мученикомъ, апостоломъ, исповѣдникомъ; но безъ скорби не сумѣю смотрѣть на тебя въ то время, когда ты запрешься въ холодную скорлупу черепокожнаго животнаго или сдѣлаешься червякомъ, держащимся на засохшемъ листочкѣ.

Юліанъ рѣшился прекратить затруднительный разговоръ искреннимъ признаніемъ.

— Дядюшка! простите меня! Худо ли, хорошо ли, но я сдѣ-

лалъ рѣшительный шагъ: я люблю и уже обручился, черезъ полгода назначена свадьба.

— Охъ, это худо, очень худо!—воскликнулъ Аѳанасій, отступивъ отъ племянника.—Слѣдовательно, ты погибъ, а съ тобою и всѣ мы погибли. Теперь придется ждать новаго поколѣнія — не принесетъ ли оно намъ новой надежды. И всему причиною президентъ! Но на комъ ты женишься? На дочери Гиреевичей? Проклятая корысть! У нихъ деньги выше всего на свѣтѣ.

— Я знаю, что въ глазахъ вашихъ я представляюсь безумцемъ!—прибавилъ онъ, спустя минуту.—Мои совѣты вовсе не заслуживаютъ вашего вниманія; только изъ вѣжливости и, можетъ быть, изъ милости вы приходите извѣстить меня уже о рѣшеномъ дѣлѣ! Напрасно я истощался въ совѣтахъ, напрасно! Паденіе было неизбѣжно... и вы падете! Подобно всѣмъ нашимъ панычамъ, ты въ скоромъ времени сдѣлаешься безполезною и холодною куклою. Анну вы отдаете другому такому же человѣку безъ сердца; онъ умѣетъ прекрасно болтать и проговоритъ всю жизнь, потому что въ немъ нѣтъ ни вѣры, ни энергіи для дѣятельности. У Эмилія отняли друга. Такъ ужъ больше ни о чемъ не совѣтуйтесь со мною, не ѣздите къ старому безумцу... не за чѣмъ! Съ горестью въ сердцѣ, всегда полномъ любви, я пропою по васъ Requiem aeternam. Ни богатство, ни связи, ни свѣтское остроуміе не спасутъ васъ отъ паденія: вы падете! непремѣнно падете! И мои глаза закроются и некому будетъ даже оплакать васъ!

Юліанъ стоялъ, потупя голову, и не зналъ, что сказать. Но вдругъ онъ почувствовалъ себя въ дрожащихъ объятіяхъ старца, и горячая слеза канула ему на голову.

Свершилось!—проговорилъ Аѳанасій тихимъ голосомъ.—Свершилось! Болѣе я не стану упрекать: да благословитъ тебя Богъ и да отвратитъ отъ тебя гнѣвъ свой!

Аѳанасій отеръ глаза и началъ говорить какъ будто самому себѣ:

— Напрасныя усилія! Другія времена, другія потребности, другой характеръ современности! Надо отказаться отъ родовыхъ предназначеній. Теперь Провидѣніе призываетъ другихъ дѣятелей въ виноградникъ свой; всемогущая десница Божія, какъ въ первыя времена христіанства, нисходитъ теперь на бѣдныхъ рыбаковъ,

на мытарей, простой народъ, а мы сдѣлались недостойны выбора, насъ удалили отъ мученичества.

XIII.

Дробицкій нѣсколько дней прожилъ въ Горахъ. Поля припоминала ему Карлинъ. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на сироту, добровольно умиравшую отъ горести. и на убитаго тоской Юстина—и сталъ думать, чѣмъ бы помочь имъ. О самомъ себѣ онъ уже не заботился. Поэтъ, какъ бы предчувствіемъ угадавъ въ Алексѣѣ друга, часто оставлялъ его наединѣ съ Полей, и въ подобныя минуты бѣдная сирота изливала передъ нимъ горькія воспоминанія объ Юліанѣ и Аннѣ. Она также поняла сердце своего друга. Разъ они вышли вдвоемъ подъ старыя липы, окружающія домъ. Вдали сидѣлъ Юстинъ—точно статуя, и, устремивъ глаза на воду, мечталъ не о великой поэмѣ, но о своемъ несчастіи. Алексѣй указалъ Полѣ на задумчиваго поэта и произнесъ:

— Посмотри,—жизнь улетѣла изъ него. Ты пожертвовала имъ для Юліана и теперь не хочешь заплатить ему за эту жертву.

— Чѣмъ?—спросила Поля.—Что у меня есть, кромѣ слезъ?

— Надо скрыть слезы. Ты обязана жить для него и примирить съ жизнью.

— Но посмотри на меня: гдѣ силы? Я хочу смерти.

— И его хочешь положить вмѣстѣ съ собою въ могилу? Поля! это—эгоизмъ, это недостойно тебя и твоего великаго сердца! Трудись, молись, напрягай силы, и вы оба встанете. Не говорю, что ты будешь счастлива; знаю, что есть чувства, отравляющія всю жизнь; но ты по крайней мѣрѣ будешь спокойна, если спасешь его. Принеси еще одну жертву, Богъ дастъ тебѣ силы!

Поля расплакалась, схватила руку Алексѣя и съ глубокимъ чувствомъ пожала ее.

— Благодарю тебя. Значитъ,—ты считаешь меня лучше, сильнѣе и выше, нежели какова я на самомъ дѣлѣ. Но ты не знаешь меня; первая любовь все унесла съ собою!

— Не будемъ говорить о ней. Человѣкъ, вдохнувшій эту любовь, не стоилъ ея. Ты больше обязана Юстину, нежели ему.

Юстинъ имѣетъ право роптать на тебя и проклинать судьбу свою; онъ былъ обманутъ и принесенъ въ жертву для Юліана; ты разрушила его будущность. Но посмотри—жалуется ли онъ, проклинаетъ ли убійцу? Онъ молчитъ, плачетъ и думаетъ о тебѣ, потому что любитъ тебя: твой долгъ вознаградить его за это.

— Нѣтъ, не могу! Первый обманъ совершенно истощилъ меня—и я не найду въ себѣ силъ обмануть другой разъ, хотя бы даже для его счастья.

— Сжалься надъ нимъ!—прошепталъ Алексѣй.

При этихъ словахъ они подошли къ пруду, гдѣ на берегу сидѣлъ Юстинъ. Поля незамѣтно отошла въ сторону и оставила друзей однихъ. Однако Алексѣй успѣлъ замѣтить на лицѣ Поли какую-то серьезную задумчивость, происходившую отъ внутренней борьбы. Сѣмя было брошено—и Алексѣй не сомнѣвался, что оно взойдетъ.

Спустя нѣсколько часовъ, Алексѣй поѣхалъ домой съ чувствомъ душевнаго спокойствія отъ мысли, что его посѣщеніе принесетъ пользу страдальцамъ.

Между тѣмъ, въ Жербахъ мать очень безпокоилась о сынѣ и, при встрѣчѣ съ нимъ, искала на его лицѣ послѣдствій поѣздки и слѣдовъ душевной борьбы. Спокойствіе просвѣтлѣвшаго лица сына очень обрадовало старушку. Она только взглядомъ спросила Парфена: не заѣзжали-ли они куда нибудь въ другое мѣсто; но тотъ отвѣтилъ отрицательнымъ киваніемъ головы. Эта поѣздка была для Алексѣя въ полномъ смыслѣ спасительнымъ лѣкарствомъ. Теперь онъ думалъ о Юстинѣ и Полѣ и ожидалъ для нихъ счастья, котораго не вкусилъ самъ.

Такимъ образомъ, прошло довольно времени—и бѣдная мать, видя, что суровость ея не приноситъ никакой пользы и только лишь раздражаетъ сына, стала уже ласкать его—какъ будто еще больного; наконецъ, обратилась за совѣтами и помощью къ Юношѣ.

— Да что я могу сдѣлать?—возразилъ графъ.—Единственный врачъ его болѣзни—время. Развѣ я мало говорилъ съ нимъ?

— Испытайте другія средства! Дѣлайте, что угодно, только возвратите мнѣ сына!

Старикъ покачалъ головою. Онъ долго размышлялъ—какъ *бы помочь* Дробицкому, но ничего не могъ придумать.

Въ Карлинѣ совершенно забыли Дробицкаго. Одинъ Эмилій хорошо помнилъ, какъ объяснялъ онъ домашнимъ, своего друга, отца, благодѣтеля и съ безпокойствомъ порывался къ нему. Президентъ всѣми средствами удерживалъ его. Анна, а по любви къ ней и Альбертъ, старались замѣнить Эмилію Алексѣя; но Эмилій почувствовалъ къ Альберту сильную антипатію, и нерасположенность его къ Замшанскому была слишкомъ очевидна.

Эмилій каждый день просилъ у сестры и брата позволенія съѣздить въ Жербы и безпрестанно указывалъ на эту деревню, зная, что тамъ жилъ Алексѣй. Президентъ велѣлъ наконецъ сказать Эмилію, что Дробицкій разсердился на нихъ и не приметъ его; но это еще болѣе раздражило глухонѣмого: онъ непремѣнно хотѣлъ извиниться предъ Алексѣемъ и опять пригласить его въ Карлинъ. Анна, всегда краснѣвшая при воспоминаніи о Дробицкомъ, напрасно старалась внушить брату, что онъ требуетъ невозможнаго. Эмилій качалъ головою и не могъ понять этого.

Но когда братъ и сестра, дядя и мать наотрѣзъ отказали ему въ удовольствіи видѣть любимаго Алексѣя, тогда несчастный сталъ каждый день просить и умолять своего надзирателя — секретно съѣздить въ Жербы. Старикъ Антоній плакалъ и утѣшалъ его обѣщаніями, но не смѣлъ исполнить ихъ.

Президентъ, Анна и Юліанъ, выведенные изъ терпѣнія ежедневными настояніями глухонѣмого, служившими для нихъ упрекомъ совѣсти, наконецъ, въ одинъ день, позволили ему ѣхать въ Жербы. Эмилій обезумѣлъ отъ радости. Нарвавъ въ саду и въ оранжереѣ любимыхъ Алексѣемъ цвѣтовъ, онъ выбѣжалъ изъ комнатъ и стоялъ въ конюшнѣ, понуждая скорѣе запрягать лошадей. Старикъ Антоній едва могъ остановить его отъ рѣшимости отправиться пѣшкомъ, такъ какъ, указывая на Жербы, глухонѣмой хотѣлъ бѣжать туда, не ожидая лошадей. Онъ сѣлъ въ повозку съ задумчивою улыбкою и во всю дорогу выражалъ жестами, какъ ему хочется скорѣе пріѣхать въ деревню и обнять Алексѣя.

Дробицкій также грустилъ объ Эмиліѣ, но вовсе не ожидалъ его къ себѣ. Поэтому, когда, услыхавъ стукъ экипажа, онъ выбѣжалъ на крыльцо и Эмилій бросился ему на шею, плакалъ отъ радости и покрывалъ его поцѣлуями, то Алексѣй самъ раз-

чувствовался до слезъ и испыталъ въ эти минуты самое чистое, святое удовольствіе.

Поздоровавшись съ Алексѣемъ, Эмилій схватилъ цвѣты и самъ снесъ ихъ въ комнату. Между тѣмъ на лицѣ его выражалось и удивленіе: привыкнувъ къ замку и прекрасному карлинскому саду, онъ не могъ понять дома, крытаго соломою, и маленькой комнаты друга.

— Почему у тебя нѣтъ замка и прекрасныхъ комнатъ?

— Потому что я бѣденъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

Эмилій не могъ хорошенько понять бѣдности и Алексѣю пришлось долго объяснять ему значеніе этого слова.

— А я богатъ или бѣденъ?

— Вы богаты.

— Въ такомъ случаѣ, я могу подѣлиться съ тобою.

— Ты думаешь, что мнѣ нужно это? Богатство не даетъ счастья. Въ этомъ домикѣ, гдѣ я родился, мнѣ такъ же хорошо, какъ тебѣ въ Карлинѣ.

Далѣе глухонѣмому хотѣлось узнать, почему Алексѣй оставилъ ихъ и почему не пріѣзжаетъ въ Карлинъ. Трудно было сказать ему всю правду, и Дробицкій отдѣлался общими фразами.

Алексѣй забавлялъ Эмилія, какъ ребенка, и очень радъ былъ пріѣзду несчастнаго, потому что во всемъ Карлинѣ только онъ остался вѣренъ старому другу.

Уже смеркалось, но Эмилій не хотѣлъ ѣхать назадъ, указывалъ на софу, гдѣ онъ могъ спать, и посылалъ Антонія въ Карлинъ одного, цѣлуя и упрашивая старика, чтобы тотъ позволилъ ему остаться въ Жербахъ. Но такъ какъ президентъ строго наказалъ въ тотъ-же день возвратиться домой, то необходимо было ѣхать. Эмилій умолялъ Алексѣя побывать въ Карлинѣ и назначилъ мѣсто свиданія въ саду, если онъ хочетъ избѣжать встрѣчи съ другими лицами. Жалко было отнять эту надежду у несчастнаго, но возможно ли было осуществить ее.

— Пріѣзжай ко мнѣ; я не могу быть тамъ! — отвѣчалъ Дробицкій.

Эмилій расплакался, какъ ребенокъ, и его насильно посадили въ повозку; даже старуха Дробицкая была взволнована *этою картиною*. Эмилій почти помирилъ ее съ Карлиномъ.

XIV.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ визита въ Горы, Алексѣй опять поѣхалъ къ Юстину. Его влекли туда любопытство и предчувствіе, что усилія его не будутъ напрасны. Онъ нашелъ въ Горахъ большія перемѣны. Юстинъ выбѣжалъ къ нему съ лицомъ почти прежнимъ—веселымъ и воодушевленнымъ надеждою. Поля сидѣла у фортепіано и занималась музыкой, сдѣлавшейся ея единственнымъ удовольствіемъ. Юстинъ шепнулъ гостю, что надѣется на выздоровленіе жены, но Алексѣй не замѣтилъ никакой перемѣны на лицѣ несчастной жертвы: желаніе счастья обманывало Юстина. Правда, на щекахъ Поли былъ румянецъ, въ глазахъ блескъ, на устахъ улыбка, но она показалась Дробицкому гораздо хуже, чѣмъ въ первый визитъ: ея истощеніе было очень замѣтно, а убійственная болѣзнь еще замѣтнѣе.

— Видишь,—почти весело сказала она, подходя къ Алексѣю и подавая ему руку,—я послушалась тебя, тружусь, развлекаю Юстина, заботусь о немъ, хлопочу по хозяйству и, въ самомъ дѣлѣ, теперь мнѣ лучше, гораздо лучше! Я спокойна... а ты?

— Я, какъ видишь, еще держусь на ногахъ... живу, — отозвался Алексѣй.

— Ты нисколько не поправляешься.

— Со временемъ поправлюсь, — съ горечью проговорилъ Алексѣй.

Больше всего обрадовало Дробицкаго состояніе Юстина. Поэтъ возвратился къ любимымъ занятіямъ: опять собиралъ пѣсни и преданія, опять мечталъ о великой гомерической эпопеѣ изъ славянскихъ преданій. Ему казалось, что Поля любитъ его, что все старое навсегда забыто.

Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Поля еще разъ съ твердымъ самопожертвованіемъ отреклась отъ слезъ, улыбалась, казалась веселою и спокойною, чтобы усладить нѣсколько дней жизни своему бѣдному мужу. Алексѣй ясно видѣлъ положеніе дѣла, но обманывалъ себя тою мыслью, что сильное напряженіе воли часто производитъ чудеса, если оно соединяется съ твердою рѣшимостью. Между тѣмъ, безпрестанная борьба съ собою,

внутреннее страданіе и неутомимая дѣятельность, держа Полю въ постоянной лихорадкѣ, уже произвели зародышъ смерти. Дни ея были сочтены.

Алексѣй уѣхалъ печальный и опять провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ однихъ предчувствіяхъ и догадкахъ. Наконецъ, письмо Юстина пробудило его. Поэтъ просилъ Дробицкаго привезти доктора Гребера, потому что жена его немного ослабѣла и должна была слечь. Изъ письма поэта видно было, что онъ считалъ болѣзнь жены незначительною и не опасною. Алексѣй тотчасъ полетѣлъ въ мѣстечко и не скоро уговорилъ доктора ѣхать въ Горы.

Впрочемъ онъ согласился на усильныя просьбы Дробицкаго только потому, что Поддубинецъ былъ въ сношеніяхъ съ Карлинскими.

Поздно вечеромъ они пріѣхали въ Горы. Юстинъ встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ со спокойнымъ и даже веселымъ лицомъ.

— Какъ здоровье Поли? — спросилъ Алексѣй.

— Теперь хорошо, исключая маленькой слабости.

Когда Греберъ вышелъ изъ комнаты больной и попросилъ чаю, Алексѣй очень испугался мрачнаго выраженія доктора.

— Что скажете о болѣзни? — тихо спросилъ Дробицкій.

Докторъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Въ послѣдней степени чахотка! Черезъ два дня она умретъ.

Дробицкій поблѣднѣлъ. Къ счастью, возвращавшійся Юстинъ не замѣтилъ этой перемѣны. Поля приказала просить друга въ свою комнату.

Алексѣй, въ глубокомъ волненіи, вошелъ къ ней. Поля сидѣла на кровати, немного склонясь на подушку, и была такъ прекрасна, какъ, кажется, не была во всю жизнь. Страданіе не оставило на лицѣ ея никакихъ слѣдовъ истощенія, потому что ее воодушевляла великая жертва, принесенная ею; только черты ея стали идеальнѣе, взглядъ глубже, улыбка невиннѣе и прелестнѣе. Когда Алексѣй подошелъ ближе, она положила палецъ на губы и сказала тихимъ голосомъ:

— Тсъ! не говори ни слова Юстину; хорошо, если мы сократимъ для него хотя одинъ тяжелый день, а дни мои уже сочтены, смерть приближается съ быстротою молніи; онъ пере-

страдаетъ и переживетъ ее... Бѣдный, благородный Юстинъ! Я знаю, что умру. Не понимаю, что происходитъ со мною, но чувствую недостатокъ жизненныхъ силъ, что-то быстро порывающееся къ концу, какое-то нетерпѣніе, поспѣшность...

Она закашлялась и остановилась.

— Завтра позови ко мнѣ ксендза. О, если-бы и *онъ* вздумалъ пріѣхать сюда!.. Я могла-бы, по крайней мѣрѣ, сказать, что прощаю его!

— Зачѣмъ? – воскликнулъ Алексѣй.

— Правда, нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Я не могу и не хочу видѣть его! Это огорчило-бы Юстина; но вѣдь ты скажешь ему когда-нибудь... Ахъ, нѣтъ! и говорить не слѣдуетъ... Поля заплакала.

— Завтра – ксендза... пожалуйста, другъ!.. Конецъ можетъ придти скоро... А ты?.. какъ чувствуешь себя? О, худо! худо! такъ-же, какъ и я! Скажи мнѣ, вѣдь я все знаю!

— Надо все забыть...

— Да, счастливы тѣ люди, которые умѣютъ забывать, а я не могу! Каждый вздохъ напоминаетъ мнѣ о прошедшемъ, каждый звукъ. Ахъ, если-бы я могла еще разъ видѣть его и услышать, что и онъ простилъ меня. Если-бы ты извѣстилъ его!

Алексѣй молчалъ.

— Правда, это невозможно! — прибавила Поля, спустя минуту.—Какъ я смѣшна съ подобными желаніями!

Больная остановилась и, подвинувшись къ Алексѣю, сказала еще тише:

— Поручаю тебѣ Юстина. Въ первыя минуты не дай ему освоиться съ тоскою... Надо сейчасъ-же выжечь ее, какъ укусъ бѣшеной собаки, иначе она вопьется въ сердце и сведетъ его съ ума, какъ свела меня.

— Разговоръ изнурителенъ и вреденъ для тебя... Я пойду! — сказалъ Алексѣй, замѣтивъ усиливавшійся румянецъ на щекахъ ея.

— Минутой раньше или позже, но я непремѣнно умру, такъ стоитъ-ли думать объ этомъ? О, если бы я знала, что увижу его, то дорожила-бы жизнью! Но нѣтъ, вѣдь ты не привезешь его ко мнѣ?

— Не могу... не имѣю возможности,—отвѣчалъ Алексѣй.— И для чего тебѣ видѣть его?

— Да, это невозможно! Однако такъ хотѣлось-бы послѣдній разъ взглянуть на него, потомъ закрыть глаза, ничего больше не видѣть—и отойти къ вѣчному сну съ его образомъ...

— Поля!

— Нѣтъ, нѣтъ! Видишь — я молчу... и больше не скажу ни слова! Ты не позволяешь... О, ты жестокъ... и къ себѣ, и ко мнѣ. Но ты видѣлъ ее?

— Кого?

— Анну! Не видалъ? О, ты силенъ, ты крѣпокъ... Какъ я завидую тебѣ! А я отдала-бы половину краткихъ дней моихъ, даже больше, только-бы снесли меня туда, только-бы я могла умереть тамъ... подъ липами... Анна не имѣетъ сердца!

Больная договаривала эти слова со слезами. Но вдругъ во всемъ домѣ поднялась суматоха, раздался стукъ экипажа, Юстинъ выбѣжалъ на крыльцо, и черезъ минуту послышались шаги въ смежныхъ комнатахъ. Поля вскрикнула, со свойственнымъ больнымъ ясновидѣніемъ:

— Ахъ, это она! это она!

Алексѣй въ испугѣ соскочилъ съ мѣста, поблѣднѣлъ и оглядывался—куда-бы уйти. Юстинъ подошелъ къ кровати жены и сказалъ ей съ улыбкою:

— Поля, пріѣхала гостья. Панна Анна была въ Шурѣ, она узнала тамъ о твоей болѣзни и пріѣхала къ намъ. Позволишь ей войти?

Поля задрожала. Ей пришелъ на память Карлинъ; но у нея сперлось дыханіе, и, совершенно ослабѣвъ, бѣдняжка только указала рукою на двери.

Алексѣй исчезъ; боковыми дверями онъ выбѣжалъ въ садъ, приказалъ запрягать лошадей и, хотя была ночь, отправился въ Жербы.

Анна, не желавшая встрѣтиться съ нимъ, не нашла его въ комнатѣ Поли; безпокойно оглянувшись во всѣ стороны, она поспѣшно бросилась въ объятія больной; она давно хотѣла видѣть свою подругу, но мать и президентъ не пускали ее. Къ счастью, Аѳанасій, понимавшій вещи иначе, прямо сказалъ Аннѣ, что она обязана ѣхать къ больной, и потому, уполномоченная дядею, Анна въ тотъ же вечеръ пріѣхала въ Горы.

Долго не видавшись съ Полею, Анна испугалась страшной

перемѣны, какую нашла въ ней. Но хорошенькая сирота, уже отеревъ слезы, съ веселою улыбкою встрѣтила подругу дѣтства. Гостья и хозяйка долго молчали. Поля напрягала послѣднія силы, чтобы не опечалить Анну и не отравить послѣдней минуты свиданія съ нею. Живо посыпались вопросы и отвѣты. Анна, прежде всего, начала говорить объ Юліанѣ, не воображая, что привезла съ собою новую болѣзнь для умирающей.

— Конечно, ты ужъ знаешь, что Юліанъ страстно влюбленъ,—сказала она.

— Мы ничего не знаемъ здѣсь,—поспѣшно отвѣчала Поля.— Горы точно Шура—спятъ въ безмолвныхъ лѣсахъ. Никто не бываетъ у насъ.

— И уже обрученъ,—продолжала Анна.—Теперь онъ постоянно живетъ у Гиреевичей. Зени также влюблена въ него; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ свадьба.

Поля улыбнулась, хоть эта улыбка дорого стоила ей.

— Невозможно представить себѣ болѣе приличной, прекрасной и счастливой партіи: оба молоды, происхожденіе, состояніе, вкусы—все превосходно сошлось у нихъ. Президентъ устроилъ это дѣло. Я боялась, чтобы Юліанъ не причудничалъ, но онъ только съ самаго начала былъ равнодушенъ, а теперь любитъ, ни о комъ больше не говоритъ и не думаетъ, какъ о ней, чрезвычайно веселъ, теперь ты не узнала бы его.

— Да, я такъ давно не видала его.

— Правда, ты имѣешь полное право сердиться, что мы не навѣщали тебя; но мамаша, дядя президентъ, потомъ безпрестанные гости... Можетъ быть, ты знаешь, что и у меня есть надежды?—Анна покраснѣла.

— Да, слышала. Жаль, что я такъ мало знаю его.

— Но вотъ, узнаешь, онъ пріѣдетъ къ вамъ. Стыдно признаться тебѣ, но это человѣкъ, какого не случалось мнѣ встрѣчать въ жизни: въ полномъ смыслѣ превосходный!

— Такъ ты любишь, бѣдная Анна!—воскликнула Поля, не имѣя силъ больше владѣть собою.—О, дай Богъ тебѣ счастья!

— Еще не знаю,—прибавила Карлинская,—чѣмъ кончится это. Мамаша рѣшительно на его сторонѣ; она спрашивала меня, я призналась, что онъ мнѣ нравится. Президентъ еще не сказалъ окончательнаго мнѣнія. Юліанъ любитъ его, какъ брата.

Только дядя Аѳанасій, не знаю почему, не полюбилъ его, но онъ такой добрый: препятствовать не будетъ.

Разговоръ былъ неисчерпаемъ; для Поли каждая малѣйшая подробность, переносившая ее въ Карлинъ, была пріятна и драгоцѣнина. Она разспрашивала обо всемъ: о своей комнаткѣ, о цвѣтахъ, мебели, о жизни въ Карлинѣ, обо всемъ, что случилось послѣ ея отъѣзда; она не вспоминала объ Юліанѣ, но каждая мысль сироты относилась къ нему. Наконецъ, когда надо было разстаться, Поля, по выходѣ Анны, упала въ обморокъ, и ей сдѣлалось гораздо хуже.

На другой день пріѣхалъ ксендзъ Мирейко, которому Алексѣй послалъ изъ корчмы длинное письмо. Капуцинъ прибылъ какъ будто съ визитомъ и, оставивъ Св. Дары въ часовнѣ, вошелъ къ больной съ веселою наружностью человѣка, уже привыкшаго встрѣчаться со смертью. Играя своимъ поясомъ и весело разговаривая съ Полею, онъ, между прочимъ, спросилъ: не хочетъ ли она исповѣдаться?

— Да, я очень желаю этого, - живо сказала Поля,—но вы предупредите мужа, чтобы не испугать его—я готова.

Съ Юстиномъ не трудно было объясниться.

— Твоя жена больна,—сказалъ ему ксендзъ,—и панъ Аѳанасій прислалъ меня сюда исповѣдать и причастить ее.

— Кажется, она не въ такой степени больна, чтобы думать объ опасности.

— Развѣ исповѣдь нужда только въ опасности?—возразилъ ксендзъ Мирейко.

— Но это можетъ встревожить ее.

— Не бойся, милый мой; напротивъ, это еще успокоитъ... ужъ я говорилъ съ нею.

Юстинъ не противорѣчилъ болѣе, и больная въ тотъ же день, при Аннѣ, исповѣдалась, пріобщалась Св. Тайнъ и тотчасъ попросила читать отходную. Это испугало мужа, но его успокоили. Греберъ, между тѣмъ, шепнулъ Аннѣ, что Поля сегодня или завтра умретъ. Анна осталась при ней.

Въ награду тяжкихъ жертвъ, милосердный Богъ усладилъ послѣднія минуты жизни Поли. Анна привела ей на память любимый Карлинъ, лѣта дѣтства, Юліана.

Поэтъ вовсе не вѣрилъ въ смерть жены, и, какъ будто для

поддержанія его въ этомъ невѣдѣніи, больная стала чувствовать себя гораздо лучше, потому что кончинѣ всегда предшествуетъ послѣднее напряженіе жизненныхъ силъ. Цѣлый день она дышала свободнѣе, лихорадка уменьшилась, румянецъ исчезъ; но, передъ вечеромъ обнаружились грозные признаки смерти — у больной отнялся языкъ.

Внезапно пораженный, Юстинъ оцѣпенѣлъ, но все еще не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока Анна не стала читать надъ больною предсмертныя молитвы и толстая восковая свѣча не озарила почти безжизненное лицо его жены.

Въ самую полночь изъ груди больной вырвалось нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ, и бѣдная Поля скончалась.

Юстинъ долго стоялъ на колѣняхъ у холодной руки ея—въ самозабвеніи, безъ слезъ и рыданій... Наконецъ ксендзъ Мирейко и Греберъ отвели его прочь. Анну тотчасъ отправили домой и послали за Алексѣемъ; даже и Юстину совѣтовали ѣхать въ Шуру, но онъ не соглашался на это и сказалъ окружающимъ:

— Я останусь здѣсь отдать послѣдній долгъ покойницѣ. За меня не опасайтесь, — моя жизнь уже потеряла свою цѣну; притомъ я никому не нуженъ.

Придя въ себя, поэтъ созвалъ людей и началъ хлопотать о погребеніи, объ одеждѣ для умершей, о гробѣ, могилѣ, самъ выбралъ для жены бѣлое платье и поддерживалъ Полю, когда женщины убирали ее на вѣчный покой, самъ далъ ей въ руки крестъ и, запечатлѣвъ на бѣломъ, мраморномъ челѣ послѣдній поцѣлуй, собственными руками перенесъ драгоцѣнные останки въ комнату со стороны сада, обставилъ цвѣтами, украсилъ зеленью, потомъ самъ положилъ ее въ гробъ, устланный благовонными растеніями, и, не имѣя силъ ни плакать, ни успокоиться, какъ часовой—неотлучно ходилъ вокругъ гроба. Наканунѣ погребенія, Юстинъ пошелъ на деревенское кладбище и, найдя тамъ тихое убѣжище для вѣчнаго покоя между двумя березами, приказалъ построить большой склепъ, гдѣ бы помѣстились не одинъ, а два гроба, и на собственныхъ плечахъ внесъ жену въ новое жилище. Скорбь и отчаянье поэта были тѣмъ мучительнѣе, что не обнаруживались ни слезами, ни стонами. Пока зарывали гробъ, онъ стоялъ на колѣняхъ, и

когда уже всѣ разошлись, онъ еще долго молился надъ могилою. Наконецъ, вставъ съ мѣста и не возвращаясь въ опустѣвшій домъ, онъ прямо съ кладбища отправился въ Шуру.

Аѳанасій уже зналъ о смерти Поли и ждалъ къ себѣ Юстина. Увидя его, старикъ открылъ свои объятія и, не говоря ни слова, крѣпко прижалъ къ сердцу любимаго питомца.

Облитая слезами Анна возвратилась въ Карлинъ. Юліанъ вмѣстѣ съ Альбертомъ выбѣжалъ навстрѣчу съ самымъ веселымъ лицомъ и сигарою въ зубахъ; но увидя измѣнившееся лицо сестры, страшно испугался и спросилъ ее:

— Что это значитъ? Ужели какое нибудь несчастіе случилось въ Шурѣ?

— Нѣтъ, милый братъ, нѣтъ! — прошептала сестра, — но Поля, наша бѣдная Поля умерла...—Анна взглянула на брата. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Юліанъ искалъ, на что бы опереться.

— О, я убилъ ее! — воскликнулъ онъ, забывъ объ окружающихъ.

Эти странныя и съ перваго разу непоятныя для сестры слова глубоко огорчили президента. Онъ схватилъ племянника за руку и повелительно потащилъ его за собою, пригласивъ Альберта помочь ему. Такъ хорошо скрываемая до сихъ поръ тайна внезапно обнаружилась. Къ счастью, только сестра, дядя и одинъ посторонній человѣкъ были свидѣтелями восклицанія забывшагося Юліана.

Президентъ, чувствуя, что вина смерти сироты упала и на его совѣсть и, вмѣстѣ, жалѣя племянника, ни на шагъ не отходилъ отъ него. Но отчаяніе Юліана было, однако, непродолжительно. На другой день вмѣстѣ съ Альбертомъ его отправили къ сосѣдямъ на охоту, съ визитами — и онъ не отговаривался. Опасаясь, чтобы какія нибудь вѣсти не дошли до Зени, его черезъ недѣлю свезли съ Ситково. Впрочемъ, президентъ былъ тамъ еще раньше, и печаль бѣднаго племянника о сиротѣ объяснилъ братскою привязаностью. Въ первые дни Юліанъ плакалъ и вздыхалъ, ходилъ по саду и высказывалъ президенту свою скорбь и угрызеніе совѣсти, но холодный и прозаическій дядя умѣлъ представить прошедшее въ такомъ свѣтѣ, что постепенно успокоилъ племянника.

Совсѣмъ иначе страдалъ Юстинъ. Онъ уже не хотѣлъ воз-

вратиться въ Горы и опять поселился въ Шурѣ. Аѳанасій лѣчилъ его печаль вѣрою, молитвою и благочестивыми наставленіями, не принуждалъ молодого человѣка забыть прошедшее, а объяснялъ ему обязанности земной жизни и сладость союза, соединяющаго насъ съ другимъ лучшимъ миромъ. Старецъ не запрещалъ своему питомцу опять блуждать по лѣсамъ и ходить по деревнямъ. Во время такихъ путешествій Юстинъ часто заходилъ на Горское кладбище и проводилъ тамъ цѣлые дни.

Юстинъ не позволилъ ничего тронуть въ своемъ домѣ и все оставилъ въ томъ видѣ, какъ покинула его покойница. Иногда онъ заходилъ туда, по нѣскольку часовъ сидѣлъ въ задумчивости передъ нѣмымъ ея фортепіано и блуждалъ глазами по разбросаннымъ и покрытымъ пылью нотамъ, то приходилъ въ темную комнатку, гдѣ она скончалась, и съ грустью смотрѣлъ на кровать, покрытую ковромъ и обставленную засохшими цвѣтами...

И онъ пережилъ свое несчастіе! Милосердный Богъ не рѣдко въ самомъ зародышѣ болѣзни уже посылаетъ человѣку спасительное лѣкарство. Такъ было и съ Юстиномъ: собственно печаль о подругѣ привязывала его къ жизни. Поддубинецъ началъ вести прежній образъ жизни, ходилъ по деревнямъ, прислушивался къ голосу пѣсенъ и любовался природою. Только одного Юліана онъ не могъ видѣть и, каждый разъ, какъ тотъ пріѣзжалъ въ Шуру, Юстинъ бѣжалъ въ поле и лѣсъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ.

Нерѣдко Юстинъ отправлялся на кладбище вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ; тогда старецъ бросалъ свою палку и книгу и, вмѣстѣ съ питомцемъ, окапывалъ могилу, пересаживалъ цвѣты, поливалъ ихъ и забавлялся этимъ, какъ ребенокъ.

XV.

Карлину опять улыбались надежды. Альбертъ былъ уже нарѣченнымъ женихомъ Анны, а Юліанъ, занятый своею женитьбою, экипажемъ и лошадьми, совершенно забылъ о Полѣ. Такой перемѣнѣ молодого человѣка содѣйствовали еще приготовленія къ свадьбѣ, счастливо, обратившія его вниманіе

къ пустымъ предметамъ. Надо было со вкусомъ и аристократически принять въ Карлинѣ панну Гиреевичъ, такъ какъ, переходя сюда изъ ситскаго музеума, она могла быть слишкомъ взыскательна. Для нея приготовили особую половину со множествомъ рѣдкостей, пріобрѣли фортепіано Плейеля, ноты, органъ-гармонику. Юліанъ исключительно занимался выборомъ цвѣтовъ ливреи, экипажей, лошадей, мебели, закупленной въ Варшавѣ, устройствомъ и украшеніемъ гербовъ и былъ сильно озабоченъ до тѣхъ поръ, пока все это не было признано удовлетворительнымъ.

Нечего и говорить, что свадьбу праздновали великолѣпнѣйшимъ образомъ. Несмотря на свою скупость, графъ Гиреевичъ усиливался во всемъ соблюсти приличный блескъ и самъ хвалилъ себя за это, утверждая вслухъ, что въ околоткѣ никогда не видали ничего подобнаго. Зени, услышавъ что-то насчетъ Поли, нѣсколько времени дулась на будущаго супруга, но такъ какъ послѣдній ловко оправдался клеветою злобнаго свѣта, то панна великодушно простила ему эту вину и довольно весело прыгнула на персидскій коверъ передъ алтаремъ и сошла съ него уже пани Карлинскою.

Старикъ Гиреевичъ плакалъ—какъ боберъ, и утѣшалъ жену, заливавшуюся горькими слезами о томъ, что Зени еще такъ молода! Впрочемъ, несмотря на неописанную горесть, оба они, по неотступной просьбѣ гостей, въ тотъ же вечеръ играли на скрипкѣ и гармоніи и вызвали множество рукоплесканій. Гиреевичъ исполнилъ дуэтъ съ віолончелью, а графиня сыграла двѣ пѣсни изъ Оберона.

На другой день, во время великолѣпнаго бала въ Ситковѣ, къ которому приглашено было слишкомъ сто фамилій, Зени явилась въ старинныхъ драгоцѣнныхъ камняхъ Карлинскаго дома, подаренныхъ ей мужемъ предъ свадебнымъ ужиномъ. Старикъ Гиреевичъ, страстный охотникъ хвастаться, поочередно разсказывалъ гостямъ на ухо, что этотъ уборъ въ свое время стоилъ слишкомъ десять тысячъ дукатовъ, а огромный смарагдъ на ожерельѣ подаренъ былъ однимъ султаномъ Карлинскому, бывшему посломъ въ Стамбулѣ, и т. п.

Теперь почтенные читатели, вы имѣете право еще спросить меня: *какъ зажилъ* Юліанъ со своею супругою? Это не трудно

понять. Они зажили въ полномъ смыслѣ великолѣпно и прилично. Къ счастью, избалованная Зени не имѣла никакихъ страстныхъ желаній: она, при каждомъ удобномъ случаѣ, хвасталась своими мукыкальными способностями, искала похвалъ, потому что привыкла къ нимъ, любила общество, требовала вояжей— и больше ничего не нужно было ей. Юліанъ, въ свою очередь, былъ добрымъ и снисходительнымъ, никогда не противорѣчилъ женѣ, а недостатокъ глубокой привязанности замѣнялъ чрезвычайною вѣжливостью и услужливостью, а потому они жили довольно счастливо и согласно. Правда, не дальше, какъ чрезъ два года послѣ женитьбы, Карлинскій часто, подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, отлучался изъ замка и проживалъ въ одномъ домѣ въ мѣстечкѣ, гдѣ, какъ говорили, жила прежняя горничная жены его, веселая, улыбающаяся, черноглазая и чернобровая дѣвушка, но объ этомъ зналъ, можетъ быть, одинъ президентъ и не считалъ преступленіемъ того, что племянникъ пошелъ по его слѣдамъ. Черезъ нѣсколько времени, Фанну помѣстили въ домикѣ близъ замка, но она вскорѣ вышла замужъ за актера, а Юліанъ, погрустивъ короткое время, нашелъ вмѣсто нея другую.

Эмилій жилъ у брата. Но по отѣздѣ Анны, Юліанъ вовсе не занимался имъ: бѣдняжка сидѣлъ одинъ въ комнатахъ вмѣстѣ съ Антоніемъ, либо въ саду подъ липами, и рѣдко приходилъ въ гостиную, потому что Зени боялась его. Эмилій секретно ѣздилъ иногда въ Жербы. Даже хотѣли было отправить его въ Варшаву, но президентъ нашелъ это ненужнымъ. Пробужденный на короткое время разсудокъ опять заснулъ, потому что ему не давали никакой пищи. Эмилій опять сдѣлался ребенкомъ, сталъ печаленъ, одичалъ; наконецъ, въ одинъ день, сидя въ саду и заглядѣвшись на облака, онъ простудился и умеръ отъ горячки. Чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на Юліана и жену его, старикъ Антоній въ слѣдующую ночь перевезъ тѣло глухонѣмого въ кладбищенскую часовню и, при помощи одного Алексѣя, распорядился бѣднымъ его погребеніемъ. Президентъ не приказалъ дѣлать великолѣпныхъ похоронъ; поэтому Эмилія положили только въ сосновый гробъ, окрашенный черною краскою, и помѣстили въ фамильномъ склепѣ.

Юліанъ, слишкомъ занятый перемѣною обоевъ и мебели,

уже спустя недѣлю узналъ о смерти брата — и то случайно, когда потребовалъ къ себѣ старика Антонія, бывшаго прежде обойщикомъ. Его супруга, прекрасная Зени. всегда глядѣвшая на глухонѣмого со страхомъ, нисколько не огорчилась его смертью, а президентъ прямо сказалъ, что для Эмилія больше всего надо было желать смерти и что Богъ давно долженъ былъ умилосердиться надъ нимъ. Немедленно представилась крайняя надобность въ двухъ комнатахъ Эмилія; въ нихъ помѣстили старую горничную Зени, съ гитарою и двумя сабачками, а оставшіяся послѣ покойника вещи выбросили вонъ. Старикъ Антоній, со своимъ молитвенникомъ и очками, пошелъ доживать послѣдніе дни въ маленькой избушкѣ за флигелями.

Послѣ обрученія съ Альбертомъ, Анна немедленно поѣхала вмѣстѣ съ Зени въ Варшаву, чтобы сдѣлать тамъ великолѣпное приданое. Женихъ полетѣлъ въ Познань для покупки дома, потому что на первый разъ надо было куда нибудь привести жену, но это не удалось ему. Президентъ и Юліанъ, влюбленные въ него не меньше Анны, значительно охладѣли, когда узнали, что Альбертъ почти ничего не имѣетъ; но Анна уже чрезвычайно привязалась къ нему и дѣла зашли очень далеко: слѣдовательно, невозможно было думать о разрывѣ. Поэтому, уже не отправляя молодыхъ въ Познань, дядя и братъ должны были назначить Аннѣ два фольварка изъ Карлинскаго имѣнія.

Свадьбу праздновали въ Карлинѣ скромно и безъ пышности. Первые дни супружеской жизни были въ полномъ смыслѣ прекрасны: счастье молодыхъ представлялось самымъ вѣрнымъ и надежнымъ, Альбертъ былъ чрезвычайно чувствителенъ, а жена влюблена въ него до безумія.

Надо отдать справедливость Замшанскому за то, что впослѣдствіи онъ избавился отъ многихъ недостатковъ. Ему не трудно было любить Анну, потому что кто не любилъ бы ангела! Но предъ глазами обманутой женщины постепенно исчезало очарованіе, окружавшее до сихъ поръ предметъ любви ея.

Изъ высшаго, остроумнаго, искренняго и чувствительнаго существа, обладавшаго великимъ разумомъ и многосторонними познаніями, Альбертъ въ скоромъ времени сталъ для нея тѣмъ, чѣмъ былъ самъ на самомъ дѣлѣ, то есть человѣкомъ ловкимъ и, подобно всѣмъ современнымъ юношамъ, заботившимся

только о хорошей жизни и наслажденіяхъ. Изумленная Анна постепенно открывала въ немъ не только обыкновеннаго, даже ничтожнаго человѣка; въ ледяной груди его нашла мертвое сердце, въ улыбающихся устахъ—холодъ скептицизма, а вмѣсто мыслей—однѣ фразы. Печаль отуманила лицо несчастной, обманутыя надежды поразили сердце.

Анна сосредоточилась въ самой себѣ, утѣшалась молитвами и строгимъ исполненіемъ обязанностей, сдѣлалась еще серьезнѣе, никогда не жаловалась даже передъ Богомъ и, не имѣя силъ ни любить, ни уважать мужа, старалась, по крайней мѣрѣ отъ человѣческихъ глазъ скрыть великую, болѣзненную ошибку, отравившую жизнь ея. А когда родился у нея ребенокъ, то она увидѣла въ немъ лучъ Божьяго милосердія: теперь она была не одна и видѣла впереди для себя цѣль.

XVI.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ остальныхъ Карлинскихъ—и, во-первыхъ, о президентѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Анны неожиданно возвратилась изъ-за границы жена его, такъ какъ вояжи наконецъ надоѣдали ей, и сейчасъ-же объявила, что съ этихъ поръ она будетъ всегда жить дома и только для одного милаго супруга играть на арфѣ. Это обстоятельство очень разстроило положеніе президента, уже привыкшаго жить по холостому; но онъ, съ выраженіями чувствительности, даже съ радостью принялъ бѣглянку и всѣмъ разсказывалъ, что теперь только начнетъ жить и отдохнетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ нѣкоторыхъ домашнихъ порядкахъ президентша немного помѣшала своему супругу, такъ какъ на другой день ея пріѣзда кого-то секретно отправили изъ барскаго дома въ деревню.

Въ скоромъ времени наступилъ роковой срокъ выборовъ, и супруги съ большими запасами поѣхали въ столицу, открыли свой домъ и всѣми силами старались расположить къ себѣ сердца собратій. Президентъ низко кланялся мелкой шляхтѣ, съ героическою отважностью обнималъ людей, отъ которыхъ пахло чеснокомъ и лукомъ, поилъ, кормилъ, возилъ и принималъ ихъ такъ, что, наконецъ, не сомнѣвался въ плодахъ своихъ

стараній и единодушномъ выборѣ. Между тѣмъ, неожиданно явился опасный соперникъ. Цѣлые три года просидѣвъ дома, послѣдній, за нѣсколько дней передъ баллотировкою, такъ началъ поить мелкую шляхту, столько наговорилъ обѣщаній, такъ громко кричалъ противъ пановъ и аристократіи и такъ часто называлъ себя братомъ-шляхтичемъ, что всѣхъ привлекъ на свою сторону.

Слѣдствіемъ такого обхожденія было то, что самые искренніе друзья президента забыли свое обѣщаніе и выбаллотировали своего безцѣннаго N.N., хотя только три дня назадъ стали любить его. Вечеромъ его уже носили на рукахъ и заливали тріумфъ шампанскимъ.

Жестоко обманутый въ надеждахъ, президентъ впалъ въ сильнѣйшую мизантропію, ругалъ шляхту и увѣрялъ, что, если бы его стали просить на колѣняхъ, онъ не принялъ бы никакой должности. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ въ деревню. Впрочемъ, говорятъ, что онъ опять явился на слѣдующіе выборы, но какой былъ успѣхъ—неизвѣстно.

Въ жизни Аѳанасія служившей только преддверіемъ вѣчности, не могли произойти важныя перемѣны. Укрѣпляя и возвышая душу молитвою, отшельникъ въ безмолвномъ терпѣніи провелъ жизнь свою, спокойно встрѣтилъ смерть и переселился въ вѣчность, какъ на великій и вожделѣнный пиръ.

Послѣднимъ взглядомъ онъ благословилъ друзей своихъ: бѣднаго Юстина, старушку Гончаревскую и благороднаго ксендза Мирейко. Когда не стало этой оживляющей всѣхъ души, когда, на другой день послѣ погребенія Аѳанасія, домочадцы его увидѣли, какъ много потеряли они въ одномъ человѣкѣ, то ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уже оставаться въ Шурѣ. Ксендзъ поѣхалъ въ монастырь. Юстинъ переселился въ свой пустой домикъ, чтобъ ходить на кладбище; пани Гончаревская поплелась за своимъ воспитанникомъ. Шура, со всѣми землями и угодьями, досталась Юліану.

Алексѣй, по смерти Эмилія и Поли, по выходѣ замужъ Анны, постоянно жилъ въ Жербахъ; уединенно сидѣлъ онъ въ своей комнаткѣ и одичалъ до такой степени, что никто не могъ ни вытащить его изъ дома, ни развлечь, ни развеселить. *Юноша смѣялся* надъ нимъ, даже нерѣдко ругалъ его, но это *не принесло никакой* пользы.

Только одинъ разъ, и то на самое короткое время, Алексѣй вышелъ изъ своей апатіи. Это произошло по слѣдующему случаю.

Мы сказали выше, что изъ жербенскихъ помѣщицъ, вдова Целестина Буткевича, имѣла у себя воспитанницу Магдусю. Эта дѣвочка, несмотря на разныя догадки и сплетни, неизвѣстно какъ явилась на свѣтъ и какъ попала подъ опеку пани Буткевичъ. На вопросы о ней вдова отвѣчала только, что это бѣдная сирота.

Приходя въ возрастъ, избалованная съ самаго начала, Магдуся стала служить помѣхою своей опекуншѣ, не перестававшей думать о замужествѣ и ожидавшей предложенія отъ пана Пристіана Прусъ-Пержховскаго. Дѣвушка бѣгала по деревнѣ безъ всякаго присмотра, рѣзвилась съ крестьянскими дѣтьми, и жалко было смотрѣть, какъ не радѣли о ея воспитаніи. Магдуся часто заходила и въ домъ Дробицкихъ, а мать Алексѣя, по добротѣ своей, сжалилась надъ бѣдною сиротою. Она позволяла дѣвушкѣ сидѣть у себя, понемногу учила ее, и, наконецъ, такъ привыкла къ Магдусѣ, что дѣвушка болѣе жила въ старомъ домѣ, нежели у своей опекунши. Догадливая Магдуся въ скоромъ времени замѣтила слабость къ себѣ строгой сосѣдки и рѣшительно не боялась Дробицкой. А такъ какъ пани Буткевичъ весьма нуждалась избавиться отъ взоровъ своей воспитанницы, то она даже радовалась привязанности дѣвушки къ Дробицкимъ, потому что, съ одной стороны, могла быть спокойною насчетъ воспитанницы, а съ другой — не имѣла надобности брать ее съ собою въ гости и на прогулки или сидѣть съ нею.

Между тѣмъ Магдуся становилась хорошенькою дѣвочкою.

Дробицкая не позволяла Магдусѣ сидѣть безъ дѣла, употребляла ее на домашнія услуги, не прощала ей ни одной шалости и по своему образовывала забытую всѣми дѣвочку. Это продолжалось довольно долго: старушка и Магдуся привязались и привыкли другъ къ другу. Между тѣмъ пани Буткевичъ потеряла послѣднюю надежду выдти замужъ—и это обстоятельство до такой степени огорчило ее, что, питая злобу на всѣхъ сосѣдей, она вдругъ стала сердиться и на то, что Магдуся совершенно отстала отъ нея.

Пока нужно была заботиться и ходить за сиротою, никто не помогалъ мнѣ,—говорила она,—когда она выросла и стала способною помогать въ домашнемъ хозяйствѣ, то всѣ начали приваживать ее къ себѣ. О, эта пани Дробицкая не дура! Достала себѣ даровую прислугу. Но ужъ я поставлю на своемъ и не позволю взять отъ меня Магдусю.

Раздраженная опекунша строго запретила своей воспитанницѣ ходить къ Дробицкимъ и велѣла прекратить знакомство съ ними. Но такъ какъ пани Буткевичъ не старалась расположить къ себѣ Магдусю ласками, а обходилась съ нею жестоко, то сирота продолжала каждый день секретно ходить къ Дробицкимъ.

Магдуся была въ то время четырнадцати лѣтъ и такая хорошенькая, умная, понятливая, что мать Алексѣя искренно жалѣла ее. При встрѣчѣ на улицѣ Дробицкая и пани Буткевичъ не скупились на упреки и ругательства изъ-за Магдуси.

Можетъ быть, эти отношенія сосѣдокъ со временемъ и прекратились бы, если бы Янъ, братъ Алексѣя, каждый день видавшій хорошенькую Магдусю, не влюбился въ нее со всею страстью, а она, въ свою очередь, не привязалась также къ молодому человѣку. Старушка мать сначала не замѣчала сочувствія молодыхъ людей, а когда поняла ихъ, то была даже рада, что Магдусѣ запретили ходить къ ней.

Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не препятствовало молодой парѣ встрѣчаться и видѣться каждый день. Возвращаясь съ поля и проѣзжая мимо домика пани Буткевичъ, Янъ останавливался подъ окномъ и цѣлый часъ разговаривалъ съ любимою дѣвушкою. Въ свою очередь Магдуся каждый день гуляла въ своемъ саду, а Янъ всегда караулилъ ее за заборомъ. Такимъ образомъ дѣтская привязанность ихъ постепенно обратилась въ сильную страсть, и такъ какъ пани Буткевичъ въ подобныхъ отношеніяхъ была чрезвычайно догадлива, то въ скоромъ времени подкараулила ихъ. Впрочемъ она не дала имъ понять этого—и, неизвѣстно по какимъ видамъ, вовсе не мѣшала влюбленнымъ, какъ будто ничего не знала.

— Дробицкая долго не замѣчала въ сынѣ привязанности къ

Магдусѣ. Правда она видѣла какую-то перемѣну въ поведенія Яна: безпокоилась, слѣдила за нимъ, но не могла понять, что это значитъ. Наконецъ, одинъ разъ, она застала молодыхъ людей въ саду, среди самаго чувствительнаго разговора, выслушала ихъ клятвы и разразилась сильнѣйшимъ гнѣвомъ. Ей никогда не приходило на мысль, чтобы Янъ могъ обратить вниманіе на сироту безъ имени и—Богъ знаетъ какого происхожденія. А такъ какъ она всегда выражала свои чувства, то, безъ всякой церемоніи, обругала Магдусю, а сыну рѣшительно объявила, что никогда не позволитъ осуществиться его замысламъ.

— Смотрите,—кричала она въ раздраженіи,—смотрите — какая умница! Изволитъ дурачить моего сына! Сирота, пришлая, подкидышъ... конечно не больше! А глупый Янъ сейчасъ же далъ клятву, что женится на ней. Никогда не бывать этому, не позволю, пока жива, не позволю! Еще ни одинъ Дробицкій не искалъ себѣ жены подъ заборомъ.

Напрасно сынъ плакалъ и умолялъ мать, ничто не помогло. Она сказала, что не позволитъ, и больше ничего не хотѣла слышать. Это продолжалось годъ или больше: отношенія Яна съ Магдусей не перемѣнились, только они видѣлись уже въ другомъ мѣстѣ; а пани Буткевичъ, какъ наперекоръ, смотрѣла сквозь пальцы. Не видя возможности побѣдить упорство матери, Янъ сохнулъ, скучалъ и уже поговаривалъ о поступленіи въ военную службу; наконецъ признался Алексѣю, что не можетъ жить безъ Магдуси и просилъ у него помощи и совѣтовъ. Алексѣй, не сказавъ ничего положительнаго, велѣлъ брату повременить немного.

На другой день, когда во время сумерокъ мать молилась въ своей комнатѣ, къ ней вошелъ Алексѣй и, поцѣловавъ ея руку, сѣлъ на стулъ.

— Что тебѣ надобно, милый мой?—съ чувствомъ спросила Дробицкая. — Можетъ быть, у тебя недостаетъ чего нибудь? Говори, сердце мое.

— Собственно я ни въ чемъ не нуждаюсь, милая маменька: для моей убитой жизни ужъ ничего не нужно.

— Въ томъ-то и бѣда, что ты самъ убилъ свою будущность. О, сколько слезъ стоитъ это мнѣ!

— А знаете, милая маменька, что отравило мою будущность, что отняло у меня вѣру и всѣ надежды? Предразсудокъ, раздѣляющій людей и не позволяющій имъ думать, что одни могутъ сбизиться съ другими.

Въ первый разъ Алесѣй говорилъ съ такою откровенностью. Слезы потекли по морщинамъ матери и, она молча слушала сына.

— Я безразсудно сблизился съ извѣстными вамъ людьми,— продолжалъ Алексѣй,—тогда какъ эти люди всегда были для меня чужіе, хотя искали моей дружбы. Я полюбилъ дѣвушку гораздо выше себя, и не имѣя возможности, не смѣя высказать ей чувствъ своихъ и даже взглядомъ попросить у нея хотя каплю сочувствія, впалъ въ неизлѣчимое отчаяніе, сдѣлавшееся для меня безвыходнымъ.

— Безвыходнымъ! что ты говоришь?

— Да, маменька! Почемъ знать? Если бы всѣ мы имѣли одни и тѣ-же понятія о свѣтѣ, то Анна, можетъ быть, иначе смотрѣла бы на меня, можетъ быть, я расположилъ бы къ себѣ ея сердце.

— И будь увѣренъ,—перебила Дробицкая,—ты не былъ-бы счастливъ, милый мой; жена всегда унижала-бы тебя.

— Она—ангелъ.

— Ты богохульствуешь, Алексѣй.

— Но я не о себѣ пришелъ просить васъ, милая маменька! Хотите ли, чтобы и другой вашъ сынъ былъ несчастенъ вслѣдствіе того-же самаго предразсудка?

— Ого! ты, кажется, хочешь заступиться за Яна?

— Да, за него. Можетъ быть, вы не одинъ разъ проклинали въ душѣ гордость пановъ и ихъ понятія о какомъ-то превосходствѣ своемъ. Но не то-же ли самое дѣлаемъ теперь и мы, отталкивая бѣдную Магдусю, тогда какъ братъ былъ-бы счастливъ съ нею? Слѣдовательно, и въ насъ есть чувство, которое мы порицаемъ въ другихъ. Мы считаемъ дѣвушку недостойною насъ потому только, что она сирота безъ имени; мы обрекаемъ бѣдныхъ на вѣчное страданье. Вѣдь вы любили Магдусю, безцѣнная маменька, и не одинъ разъ говорили, что она добрая и благородная дѣвушка. Почему-же вы не хотите назвать ее дочерью? Ужели потому только, что не знаете, кто *были ея родители?*

Дробицкая внимательно слушала сына, два раза пожала плечами, сѣла на мѣсто и сказала:

— Толкуйте себѣ, какъ угодно, а люди будутъ смѣяться надъ нами. Знаешь, что говорятъ о ней?

— Люди надъ всѣмъ смѣются!—возразилъ Алексѣй.—Но, милая маменька, благоразумно-ли руководствоваться людскими сплетнями и бояться глупой насмѣшки?

— Эта любовь со временемъ выйдетъ изъ головы Яна.

— О, нѣтъ! Я давно смотрю на нихъ и ясно вижу, что братъ искренно любитъ ее, а Магдуся плачетъ дни и ночи. Милая маменька! не будемъ жестоки, оставимъ ложный стыдъ.

— Ужъ я стара,— съ чувствомъ отвѣчала Дробицкая,—и передѣлать меня невозможно. Мнѣ будетъ горько, если Янъ женится на сиротѣ безъ имени, безъ родителей и безъ состоянія, но да будетъ воля Божія! Если ты, милый Алексѣй, говоришь въ ихъ пользу, то дѣлайте, что угодно; только не заставляйте меня радоваться этому.

Алексѣй поцѣловалъ руку матери. Старушка крѣпко прижала его къ сердцу и прибавила:

— Да будетъ воля Божія, если Магдуся такъ необходима для его счастья.

Потомъ представились затрудненія насчетъ того, гдѣ помѣстить молодыхъ и на что праздновать свадьбу. Но Алексѣй устранилъ всѣ препятствія, уступилъ имъ свою половину, а самъ переселился на фольварокъ. Янъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости и бросился матери въ ноги. Старушка только покачала головою, погрозила сыну и уже не вмѣшивалась въ дальнѣйшія распоряженія. Въ тотъ же вечеръ Янъ отправилъ брата къ пани Буткевичъ. Вдова прямо поняла намѣренія сосѣда, но представилась удивленною и, какъ водится у людей ея класса, высказывала разныя препятствія. Впрочемъ, чрезъ два дня дѣло кончили и молодыхъ обручили. Расчувствовавшись пани Буткевичъ добровольно подписала Магдусѣ свой участокъ, предоставивъ себѣ только пожизненное владѣніе имъ.

Это былъ послѣдній случай, въ которомъ Алексѣй принялъ дѣятельное участіе. Остальная жизнь его протекла въ уединеніи, молчаніи и размышленіяхъ.

Онъ не могъ и не хотѣлъ приняться за какое нибудь

дѣло. А когда одиночество слишкомъ тяготило его, то онъ отправлялся къ Юстину, либо къ старику Юношѣ, проживалъ у нихъ по нѣскольку дней, разговаривая съ ними болѣе глазами, нежели языкомъ, и опять возвращался въ Жербы — къ своимъ деревьямъ и книгамъ.

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 432 134

PG
7158
K75

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

Stanford University Libraries
3 6105 124 432 134

PG
7158
K75D8

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.